

Джеффри Клугер
«Аполлон-8». Захватывающая история первого полета к
Луне

««Аполлон-8». Захватывающая история первого полета к Луне / Джеффри Клугер»:
Альпина нон-фикшн; Москва; 2019

Аннотация

В августе 1968 г. НАСА приняло смелое решение: запустить первый обитаемый космический корабль к Луне. Всего год назад три астронавта погибли в пожаре во время испытаний, и с тех пор программа «Аполлон» терпела одну неудачу за другой. Тем временем СССР выигрывал космическую гонку, холодная война становилась все жарче с каждым месяцем, и обещание президента Кеннеди отправить человека на Луну к концу десятилетия казалось несостоятельным. Но когда Фрэнка Бормана вызвали на секретную встречу и предложили его экипажу опасную миссию, он без колебаний согласился.

Эта книга – первая подробная история «Аполлона-8». Джеффри Клугер предлагает читателю захватывающую историю о миссии, которая была столь рискованной, что воспринималась почти как лотерея, но, увенчавшись успехом, ознаменовала начало новой эры в освоении космического пространства.

Джеффри Клугер «Аполлон-8». Захватывающая история первого полета к Луне

Переводчик *Ирина Майгурова*
Научный редактор *Игорь Лисов*
Редактор *Антон Никольский*
Руководитель проекта *И. Серёгина*
Корректор *М. Миловидова*
Компьютерная верстка *А. Фоминов*
Дизайн обложки *Ю. Буга*

Фото на обложке NASA

© Jeffrey Kluger, 2017

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2019

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

*С любовью
Александр, Элисе и Паломе –
за яркий солнечный свет и мягкое лунное свечение*

Пролог

Август 1968 г.

Фрэнку Борману, который пытался пилотировать космический корабль, телефонный вызов был совершенно не к месту. Звонок посреди полета вовсе не то, о чем мечтает астронавт, а уж когда в твоих руках «Аполлон» – любая помеха может стоить слишком дорого. «Аполлон» был прекрасной машиной: такая вместительность, обводы корпуса даже не снились гофрированным капсулам «Меркурия» и «Джемини», на которых летали в космос все предыдущие американцы. Однако «Меркурии» и «Джемини» могли похвастаться безупречной историей пилотируемых полетов – 16 стартов, 16 приводнений и ни одной потери. А вот за «Аполлоном» уже числились жертвы: всего полтора года назад три отличных парня погибли в самом первом корабле, даже не успев оторваться от стартовой площадки.

Так что Борману для полета на проклятом агрегате требовалась максимальная сосредоточенность. И в самую неподходящую минуту – внезапный звонок.

Говоря по правде, в момент телефонного вызова Борман никуда не летел. Никто еще не поднимался на «Аполлоне» в космос: было бы глупостью сделать это, не убедившись в полной его надежности, а этим-то он похвастать не мог. Пока корабль располагался в цехе компании North American Aviation в Дауни, штат Калифорния, где создавались новые «Аполлоны». И все же Борман сидел в кабине настоящего «Аполлона», пока известного как «Космический корабль № 104», которому вскоре предстояло принять имя «Аполлон-9». И это был его корабль – тот самый, которым Борман будет командовать, если все-таки удастся оторваться от Земли. Тогда его место будет в левом, командирском кресле, и это Бормана совершенно устраивало. Члены экипажа, Джим Ловелл и Билл Андерс, два превосходных парня, разместятся в среднем и правом креслах. Вот и сегодня Ловелл и Андерс были рядом с Борманом и занимались не менее сложной работой, чем он.

Запуск «Аполлона-9» планировался примерно через девять месяцев, так что для Бормана и его команды настала финальная стадия подготовки к старту. Правда, сроки зависели от «Аполлона-7» и «Аполлона-8» – первых двух пилотируемых полетов серии «Аполлон»: в обоих случаях корабли должны были взлететь и затем вернуть экипаж на Землю в целостности и сохранности. Все три полета предполагалось ограничить околоземной орбитой – к немалой досаде Бормана. Шло бурное лето 1968 г., мир истекал кровью от бесчисленных ран: войны, расстрелы, теракты и политические убийства, бунты и волнения от Вашингтона до Праги, Парижа и Юго-Восточной Азии. Советский Союз и Америка вновь, как всегда, мерились силой в горячих точках по всему миру, а американские парни гибли во Вьетнаме – больше тысячи человек каждый месяц.

Полет к Луне – который, по давнему обещанию президента Кеннеди, должен был состояться до 1970 г., – сейчас бы пришелся кстати и стал событием значительным и вдохновляющим. Однако Кеннеди убили пять лет назад, трое астронавтов погибли на «Аполлоне» полтора года назад, и лунная программа в лучшем случае повисла в неизвестности, в худшем – грозила остаться нереализованной. Царило мнение, что, если американские астронавты и доберутся до Луны, это произойдет через несколько лет.

И все же у Бормана было задание, а у его экипажа – корабль. Сегодня они сидели внутри него, отрабатывая полетные навыки и стараясь как можно ближе познакомиться с машиной. Все «Аполлоны» выглядели одинаково и не различались внутренним устройством, однако космические корабли – они как самолеты. Пилоты чувствуют разницу: по-особому пружинит сиденье, с другим звуком вращается шкала прибора, чуть труднее переключается тугой тумблер. Для астронавта каждый из кораблей был столь же уникален, как любимая

бейсбольная перчатка для принимающего мяч бейсболиста, и, прежде чем лететь на космическом корабле, стоило поближе его узнать.

И вот когда Борман с Ловеллом и Андерсом лежали на отведенных для каждого из них креслах в маленькой кабине и осваивались с кораблем, в люке показалась голова техника.

– Полковник, вас к телефону, – обратился он к Борману.

– Может, через вас передадут? – спросил Борман, раздраженный помехой.

– Нет, сэр. Это мистер Слейтон. Сказал, что хочет говорить с вами лично.

Борман тяжело вздохнул. Дик Слейтон был начальником Отдела астронавтов: именно он формировал экипажи и определял, кому когда лететь. Или не лететь: снять тебя с полета в любую минуту – тоже в его власти. Поэтому, когда звонит Слейтон, нужно идти и разговаривать.

Борман выбрался из корабля и поспешил к телефону.

– Что случилось, Дик? – спросил он.

– У меня к тебе серьезный разговор, Фрэнк.

– Тогда говори. У меня тут дел полно.

– Не по телефону. Возвращайся срочно в Хьюстон.

– Дик, – запротестовал Борман, – у меня тут дело в самом разга...

– Мне неинтересно, разгар там или что. Возвращайся в Хьюстон. Сегодня же.

Борман повесил трубку, спешно вернулся в корабль и рассказал Ловеллу и Андерсу о звонке, на все их вопросы лишь пожимая плечами – «ничего не знаю». Затем он вскочил в свой самолет Т-38 и в одиночку полетел в Техас, как было приказано.

Через считанные часы после того, как его выдернули из космического корабля, Борман уже сидел в кабинете Слейтона. Там же, к удивлению Бормана, находился и Крис Крафт – глава Директората летных операций, то есть начальник над Слейтоном и Борманом и вообще начальник над всеми остальными, кроме самых главных руководителей. Однако сегодня он помалкивал и предоставил слово главному астронавту.

– Фрэнк, мы хотим перепланировать твой полет, – без обиняков сказал Слейтон.

– Хорошо, Дик... – начал было Борман.

Не дав ему продолжить, Слейтон поднял руку.

– Это не все. Мы хотим перевести тебя и экипаж с «Аполлона-9» на «Аполлон-8».

Возьмешь тот корабль, он ближе к готовности. И полетишь на нем к Луне.

Затем, словно в подтверждение того, что услышанное Борманом ошеломляющее заявление было правдой, он повторил то же другими словами:

– Мы меняем тебе задачу: вместо орбитального полета вокруг Земли орбитальный полет вокруг Луны. – И добавил: – Самая удобная дата для старта – 21 декабря. У тебя будет 16 недель на подготовку. Хочешь лететь?

Борман, пытаясь осмыслить неприкрытую дерзость оглашенного Слейтоном плана, ответил не сразу. Пока он собирался с мыслями, подал голос Крафт:

– Тебе решать, Фрэнк.

Все трое знали, что это – чистая правда и одновременно совершенная неправда. Борман был офицером, выпускником военной академии в Вест-Пойнте и летчиком-истребителем ВВС США. Он никогда не участвовал в настоящей войне, но космическая программа была гонкой соперничества с СССР и важной частью холодной войны. Боевой приказ – независимо от того, на полях какой войны ведется бой, – не то, от чего можно запросто отказаться.

Насколько понимал Борман, обстоятельства могут позволить не согласиться на опасное задание и твой командир может простить такой отказ, но если ты уваливаешь от боя, то зачем тогда стал военным? А если ты шел в астронавты не для того, чтобы лететь на Луну, когда твой командир, твоя страна и – через много звеньев в цепи руководства – твой президент тебя об этом просят, то, может, стоило выбрать другую профессию? Возможно, «Аполлон» не готов к такой задаче и планирующие полет специалисты, у которых тоже осталось всего 16 недель, могут не очень представлять себе, на что замахнулись. Быть может, в итоге погибнут

еще трое астронавтов «Аполлона». Но пилоту всегда приходится учитывать возможность гибели, и нынешний полет не исключение.

– Да, Дик, – ответил Борман. – Я полечу.

– А Ловелл и Андерс? – спросил Слейтон.

– Они тоже, – немедленно ответил Борман.

– Ты уверен?

– Уверен, – ответил Борман и улыбнулся про себя. Подумать только, с какими лицами встретили бы его Ловелл и Андерс, если бы он вернулся с вестью, что их экипажу предложили слетать на Луну еще до Рождества, а он ответил: «Спасибо, не надо».

* * *

Есть ли обыденный способ сказать жене, что ты летишь на Луну? «Ухожу в море» или «иду на войну» – привычные для мужчины фразы, такое говорили женам в течение многих тысячелетий. Но если ты отправляешься к Луне, то слова для такой новости приходится находить самостоятельно.

Репортеры всегда обожали сюжеты о том, как астронавт приходит домой с захватывающей новостью: его отправляют в полет! Особенно ценилось, когда астронавт позировал перед фотокамерами вместе с семьей: смелый и мужественный, он сидит с раскрытым на коленях атласом мира и показывает, над какими континентами будет пролетать его корабль, огибающий Землю; по обе стороны от него дети, жена за плечом с улыбкой любит идилической сценой. А уж насколько эффектнее выглядела бы карта Луны!

В доме Фрэнка Бормана лунных карт не водилось. Когда его известили, что вместо «Аполлона-9» и земной орбиты его ждет «Аполлон-8» и орбита Луны, он пришел домой и сообщил об этом жене. Сьюзен, взглянув на него, ответила: «О'кей». Затем он поделился новостью с сыновьями – 17-летним и 15-летним. Те тоже, взглянув на него, ответили: «О'кей». То же происходило и три года назад, когда Борман отправлялся в свой первый космический полет, и в остальных случаях, когда он шел на опасное задание. Так было и раньше уже много раз и в других домах Хьюстона, когда американские астронавты – независимо от наличия глянцевых фотографий и атласов – готовились лететь в космос.

Однако сейчас случай был незаурядный, ведь никто из прежних астронавтов не летал к Луне – а муж Сьюзен только что получил именно такое задание. Впрочем, незаурядные случаи были здесь не в новинку: за 18 лет совместной жизни Фрэнк и Сьюзен научились находить решения для самых трудных ситуаций. У них даже была готовая формула для серьезного разговора, которая звучала так: «Кастард¹ в духовке, 175 градусов».

Фрэнк говорил про кастард, когда подавал рапорт о переводе в боевую часть или приступал к опасным испытаниям нового самолета, Сьюзен – когда приходило время подыскивать новый дом или переводить сыновей в новую школу. Привычная формула давала силы обоим. Кастард, символ домашнего уюта, означал для них, что дело Сьюзен – заботиться о доме, а дело Фрэнка – летать. И если каждый исполняет свое предназначение, стараясь не мешать другому, то кастард выйдет как надо.

Правда, Сьюзен понимала, что кастарда для нынешнего случая может оказаться недостаточно. Многие годы замужества, проведенные рядом с астронавтом, не прошли даром: она подсознательно чувствовала, что нынешний полет несет в себе особую угрозу – нечто выходящее за уровень обычного риска, к которому люди привыкли. Посадка на Луну для Фрэнка не планировалась: похожий на паука лунный модуль, необходимый для этого этапа лунной программы, даже не был еще полностью собран. Однако орбитальный полет тоже таил в себе немалую опасность.

Главным техническим узлом в «Аполлоне» был двигатель – огромный ревущий

¹ Заварной крем, который можно запечь, традиционный английский десерт. – *Прим. ред.*

мушкетон² в кормовой части; особо суеверные работники НАСА называли его «наш Двигатель» с тем же уважением, с каким говорили бы о президенте или самой Луне, что предполагало чуть ли не сверхъестественные способности. Борман, Ловелл и Андерс называли двигатель короткой, клинически точной аббревиатурой: SPS – Service Propulsion System, «служебная двигательная система». Это название прекрасно отражало суть его предназначения – двигать и служить.

Двигатель, играющий настолько важную роль в полете к Луне, не имел права на отказ. И все же – что будет, если он откажет? Это-то и тревожило всех. Когда ракета, отрывающая корабль от Земли и направляющая его к Луне, исполнит свою работу и отделится, главным источником движения останется SPS. Если вам нужно выйти на орбиту вокруг Луны, двигатель должен запускаться по крайней мере дважды: в первый раз – для замедления корабля, чтобы он сдался притяжению Луны и стал ее спутником, а второй раз – в конце запланированного визита, чтобы придать аппарату нужную скорость для ухода с окололунной орбиты и направить его к Земле. Если двигатель не сработает в первый раз, цель полета не будет достигнута, но экипаж сможет выжить: облетев Луну, он вернется на Землю. Если же двигатель не сработает во второй раз, экипаж застрянет на окололунной орбите. Астронавты будут кружить вокруг Луны точно так же, как при орбитальном полете вокруг Земли, бесконечно. Пилоты, запечатанные внутри металлического саркофага, никогда не вернуться домой – но и не разобьются о лунную поверхность. Такой отказ двигателя по сути испортит образ Луны в глазах человечества: никто больше не сможет взглянуть на нее, не вспомнив о трех погибших астронавтах.

Поэтому Сьюзен решила поговорить с директором летных операций. Крис Крафт – жесткий, как наждак, и беспощадно честный – пожалуй, единственный человек, помимо Фрэнка, с которым Сьюзен могла быть сама собой. А поскольку все семьи, живущие вокруг Космического центра в Хьюстоне, тесно между собой общались, то Сьюзен не пришлось долго ждать возможности с ним переговорить. Вскоре после того, как Борман получил задание лететь к Луне, Крафт заглянул к ним вечером, и Сьюзен не замедлила улучшить момент, когда они остались наедине.

– Крис, только давай без обиняков, – начала она. – Скажи честно: как, по-твоему, много ли у них шансов вернуться живыми из полета?

Вопрос был прямее некуда и требовал такого же прямого ответа. Крафт изучающе посмотрел в лицо Сьюзен, не сводившей с него пристального взгляда.

– Тебе действительно важно знать? – спросил он.

– Да, ты же сам понимаешь.

Крафт, конечно же, понимал.

– Ладно, – четко сказал он. – Как насчет 50 на 50?

Сьюзен кивнула. Примерно так она и предполагала.

Глава 1

Середина 1961 г.

Фрэнк Борман не был бесстрашным – хорошие летчики бесстрашными не бывают. Однако почти весь страх выветрился из него в тот день в 1961 г., когда он чуть не погиб в небе над авиабазой Эдвардс в Южной Калифорнии. Погибнуть в полете Борман не планировал – как и никто из тех пилотов, что разбивались здесь в те времена. И все же профессия летчика-испытателя реактивных машин неизбежно предполагала, что время от времени кто-то из пилотов попадает в аварийную ситуацию, рушится с неба вниз и – говоря нарочито небрежным языком летчиков – проделывает дырку в земле.

2 Короткоствольное кремневое ружье с воронкообразным стволом. – *Прим. ред.*

Борман не хуже прочих знал, чем рискует, но на базу Эдвардс он стремился давно, с самого выпуска из Вест-Пойнта в 1950 г. Как и большинство здешних пилотов, в эту знойную калифорнийскую пустыню он попал не сразу, перед этим судьба его бросала с места на место – Невада, Джорджия, Огайо, Филиппины, и везде с ним рядом была его юная жена Сьюзен. Она согласилась выйти за него замуж прямо после военной академии и заранее знала, что молодому пилоту ВВС предстоит скитаться с места на место, но все же не вполне представляла, насколько хлопотными окажутся эти скитания.

Мечта Бормана попасть на базу Эдвардс стала и мечтой Сьюзен. В 1960 г., подавая рапорт о переводе с Филиппин в Калифорнию, Фрэнк отлично знал: конкуренция будет огромная и нет никакой гарантии, что ему удастся пробиться в первые ряды желающих и уж тем более попасть в число отобранных пилотов. Вест о том, что его все-таки переводят в Калифорнию, он встретил с восторгом, однако понимал, что здесь проявлять эмоции не стоит. Полетные задания на базе Эдвардс раздавал Чак Йегер – 37-летний подполковник, сражавшийся во Второй мировой войне как летчик-истребитель. Имя его вызывало в военных летчиках чувство восторга и ужаса примерно в равных пропорциях.

Йегер был знаменит тем, что в 1947 г. на ракетном самолете X-1 фирмы Bell преодолел звуковой барьер, однако известность пришла к нему еще раньше. В 1944 г., во время восьмого боевого вылета, его сбили в небе над Францией, взяли в плен и отправили в лагерь для военнопленных. Через два месяца он бежал, присоединился к своей эскадрилье в Англии и через полгода, совершив подвиг, о котором мечтали многие летчики, стал «асом за один день», сбив пять вражеских самолетов за один-единственный боевой вылет. Его, ветерана, вряд ли могли удивить способностями молодые летчики-виртуозы, которых он собрал на базе Эдвардс.

– Прирожденных летчиков не бывает, – говорил он тем, кто именно таким себя и считал. – Если ты посадил самолет и ушел от него на своих ногах – это отличная посадка. Если самолет на следующий день вновь годен к полету – посадка великолепная. «Будь проще» («Keep it simple»), – повторял он, – и ты, возможно, выживешь».

Борман считал, что способен на большее. За годы, предшествовавшие его появлению на базе Эдвардс, он летал на F-89, T-33, T-6, F-84 и даже на F-104. Летал почти на всех самолетах, до каких мог дотянуться, и любой из них покорялся ему с легкостью.

Едва успев освоиться на базе Эдвардс, Борман как-то утром запрыгнул в F-104, намереваясь попробовать придуманный им маневр – из-за исключительной высоты и особой траектории он называл его «свечка». Самолет сам по себе был не прост, маневр – тоже, в сочетании они давали гремучую смесь.

F-104 был относительно новой реактивной машиной: первый испытательный полет на нем состоялся всего пятью годами раньше, а обычные полеты на нем разрешили три года назад. Необычайно легкий и высокоскоростной, он имел в длину чуть меньше 17 м и размах крыльев около 6,5 м; помимо корпуса из легчайшего алюминия весь самолет состоял практически лишь из двигателя и кресла для пилота. Крылья располагались так далеко от носа самолета, что сидящий в кабине летчик мог видеть их только в зеркале заднего вида, а кромки крыльев были настолько тонкими – всего 0,4 мм, фактически бритвенные лезвия, – что члены аэродромной команды надевали на них специальные защитные ленты, чтобы случайно не пораниться.

Все эти новшества позволяли самолету на определенной высоте и при подходящем ветре достигать стабильной скорости в 2,2 Маха – то есть скорости, более чем вдвое превышающей скорость звука. Однако его конструкция не давала хорошей маневренности. Сверхзвуковая скорость предполагает широкий радиус разворота, и стремительно мчащийся самолет подобен океанскому лайнеру, который при повороте усиленно кренится на борт, но выходит из крена лишь через несколько миль. Один из пилотов, летавший на F-104 и не слишком задумывающийся о тонкостях маневра, описал тактику управления им так: «Хочешь повернуть – закладывай вираж». В небе над авиабазой Эдвардс такое сходило за юмор, однако в бою с советским МиГом стало бы не до шуток: подобное сражение можно было бы

выиграть, сведись оно к погоне по прямой, а вздумай МиГ петлять – дело могло кончиться скверно.

Впрочем, над Калифорнией МиГов не было, а «свечка» Бормана никакого петляния не предполагала: сначала нужно просто подняться на высоту около 12 000 м над пустыней, а дальше включить форсажную камеру, тяга которой вдавит тебя в спинку кресла и забросит самолет на 27 000 м.

Такая высота небезопасна: на ней из-за разреженного воздуха ни форсажная камера, ни сам двигатель уже не работают. Даже если удастся запустить двигатель, это очень рискованно: у F-104 он с воздушным охлаждением, и, когда воздуха мало, запуск двигателя может закончиться взрывом.

Итак, ты на 27-километровой высоте без какого бы то ни было источника тяги. Если забраться выше, то и короткие крылья тоже окажутся бесполезны: здесь не будет даже тех ключевых годной атмосферы, которые еще остаются на 27 000 м. Вместо этого ты направляешь машину по дуге, ныряя вниз, запускаешь двигатель на уровне 21 000 м – и благополучно возвращаешься.

«Свечка» – отличный способ проверить характер и самолета, и летчика. И если у тебя хватит духу попробовать, то удовольствия получишь с лихвой.

Борман совершал такой полет уже несколько раз, и все заканчивалось благополучно. Однако в то утро дело пошло по-иному. Едва он поднял машину до высоты 12 000 м, как двигатель совершил именно то, чего от него никак не ждут: он взорвался. Звук был громкий, самолет ощутимо трянуло, на приборной доске загорелась красная лампочка, означающая пожар, – в подтверждение того, что машине и пилоту грозит смертельная опасность.

По всем инструкциям в такой момент полагалось выключить двигатель – или то, что от него осталось, – и тем снизить вероятность пожара. Кроме того, определенно не рекомендовалось катапультироваться. Да, оставаться в кабине было опасно, однако столкнуться с потоком воздуха при катапультировании на сверхзвуковой скорости – все равно что врезаться в стену здания. Теоретически в таких случаях оставался шанс спланировать на посадочную полосу с выключенным двигателем, однако пытаться планировать с высоты 12 000 м на сверхзвуковой скорости было бессмысленно.

При отсутствии даже отдаленно приемлемых способов спастись Борману оставалось выбрать наименьшую из опасностей и попробовать перезапустить двигатель. Насколько работоспособным окажется наполовину развороченный агрегат, можно только гадать, но было ясно, что его запросто хватит на второй взрыв, от которого самолет разнесет в клочья.

Решившись, Борман включил зажигание. Двигатель чихнул, но заработал. Вновь зажглась красная лампочка, и самолет затрясся с грохотом. Двигателя, однако, хватило на три минуты; за это время внизу успело показаться высохшее дно бывшего озера. В этот миг Борман мог бы катапультироваться – и понимал, что это было бы лучшим выходом, – однако он уже дотянул до этой точки, и теперь было делом принципа дотащить самолет до посадочной полосы в целостности, пусть и не в сохранности. Может быть, инженеры сумеют разобрать двигатель и посмотреть, что именно пошло не так.

Борман благополучно посадил дымящуюся машину и, едва колеса остановились, выскочил из кабины и в соответствии с еще одним железным правилом пилотов изо всех сил пустился бежать как можно дальше от самолета. Пожарные машины, уже подтягивающиеся к месту посадки, должны были справиться со всем остальным.

Оказавшись в безопасности и добравшись до командного пункта базы, Борман снял телефонную трубку и – во исполнение их супружеской клятвы – позвонил жене. Сьюзен всегда прекрасно понимала, насколько рискованным делом занят ее муж, и даже видела недавно, как в небе над Эдвардс столкнулись F-89 и T-33. Зная, что Фрэнк мог летать на самолетах любого из этих типов, она тогда побежала к месту катастрофы узнать, не Фрэнк ли был одним из пилотов, однако еще на дальних подступах ее остановил военный патруль и велел возвращаться домой. Домой она не пошла – вместо этого бросилась к соседке, тоже жене офицера, прошедшей через такое же потрясение. Соседка усадила ее у себя, успокоила

и объяснила правила, существующие на Эдвардс на такой случай. «Так не делается, – сказала она. – Нужно сидеть и ждать».

В тот раз выяснилось, что ни в одном из столкнувшихся самолетов Фрэнка не было, однако усвоенному в то утро правилу ей не так-то просто было подчиняться. Поэтому она взяла с мужа обещание, что впредь, если что-нибудь случится, Фрэнк ей позвонит сразу же, как только сможет. Сегодня он так и поступил.

– Ты могла услышать об аварии и видеть пожарные машины, – сказал он, как только она взяла трубку. – Это связано со мной, но все кончилось хорошо.

Ответ Сьюзен, уже знакомой с принятыми порядками, был прост: да, она рада слышать такую весть, она всегда верила в его способность благополучно сажать самолеты и счастлива, что все обошлось. Сьюзен не стала вслух добавлять слова, которые в таких случаях обычно приходят на ум женам летчиков-испытателей: «на этот раз».

* * *

Неудержимая любовь к небу настигла Бормана еще в детстве, зато летная карьера чуть не закончилась в молодости. И как раз родные Военно-воздушные силы США и пытались запретить ему летать.

Фрэнк, единственный ребенок Эдвина и Марджори Борман, родился в 1928 г. Ему предстояло расти в городе Гэри штата Индиана, где отец успешно держал автомобильную мастерскую – предмет его гордости в ранние годы Великой депрессии, когда многим семьям приходилось несладко. Однако счастливой жизни в Гэри мешали постоянный холод и высокая влажность, обычная в тех местах. Большинство жителей штата к такой погоде привычны, но Фрэнк ее не переносил. Гайморит, воспаления уха и постоянные простуды не давали ему ходить в школу, и наконец семейный врач предупредил родителей: если мальчика не вывезти в сухой и теплый климат, он может потерять слух навсегда.

Тогда-то семья уехала из Гэри в Аризону и поселилась в городе Тусон. Фрэнк быстро поправился, стал отлично учиться и увлекся изготовлением действующих моделей самолетов: на смену одним приходили другие, за ними третьи, до бесконечности. В год после окончания Второй мировой войны, в которой авиация играла одну из главных ролей, он, уже старшеклассник, решил, что хочет посвятить жизнь полетам на настоящих самолетах. Борман знал, что самый короткий путь попасть к лучшим машинам – поступить в Военную академию в Вест-Пойнте, а затем идти служить в ВВС.

Однако с поступлением в тот год возникли сложности: решение Борман принял слишком поздно и уже не успевал ни подать заявление в Вест-Пойнт, ни получить необходимую рекомендацию от конгрессмена своего округа. Пока он прикидывал, что делать дальше, к нему обратился местный судья, живший по соседству. Его сын, подросток младше Бормана, начал выказывать хулиганские замашки и постоянно норовил ввязаться во что-нибудь незаконное. Судья, ценивший честность и порядочность Бормана, попросил его научить сына какому-нибудь полезному хобби вроде создания моделей самолетов и заинтересовать парня так, чтобы того не тянуло на улицу к дружкам.

– Я попробую, сэр, – бесхитростно ответил Борман.

– Большого я и не прошу, – ответил судья. – Получится – хорошо, не получится – не твоя вина.

В итоге все вышло как нужно: заразиться любовью к полетам в 1946 г. было легче легкого, особенно от такого энтузиаста, как Борман. После школы и в выходные они с сыном судьи проводили бесчисленные часы за строительством моделей самолетов, и непокорный подросток мало-помалу становился дисциплинированнее.

Судья, знавший о желании Бормана поступить в Вест-Пойнт, в благодарность за помощь вызвался лично связаться с местным конгрессменом – опытным политиком Диком Харлессом – и попросить у него рекомендательное письмо. Харлесс согласился, однако никакому конгрессмену не под силу повернуть время вспять: подавать заявление в Вест-

Пойнт было поздно, и лучшая военная академия страны могла предложить Фрэнку лишь третье по очереди запасное место: его зачислят в том случае, если три кандидата, уже принятые в академию, откажутся от поступления. Как ни странно, эта фантастическая вероятность реализовалась: один за другим три потенциальных курсанта решили, что они не созданы для военной жизни. И Фрэнк Борман, к собственному изумлению, в том же году стал бритоголовым первокурсником Вест-Пойнта и в 1950 г. должен был окончить академию.

Как и ожидал Борман, каждая минута в академии доставляла ему радость. Во времена Великой депрессии семья выжила лишь благодаря неиссякаемой работоспособности отца и его преданности делу; Борман, прочно усвоив тот урок, следовал ему в старших классах и теперь в Вест-Пойнте. Ему нравились и напряженные теоретические занятия, и беспощадная дисциплина, и надежное чувство товарищества, скрепляющее тех, кто стоит на самой низшей ступени иерархии.

Даже традиционные издевательства старших курсантов над младшими Борман, в отличие от большинства новобранцев, со временем обратил себе на пользу: вынести их было нелегко, зато они учили самоконтролю и выдержке. За едой – сосредоточенно молчать, держать спину, не опускать глаза; если старшекурсник разворошил аккуратно убранную постель – подчиняться без разговоров и перестилать заново. А кроме того, он постиг один из неписаных законов Вест-Пойнта: бывают случаи – тщательно просчитанные, безошибочно выбранные, – когда выгоднее не подчиняться.

В самом начале первого курса, стоя в строю, Борман наблюдал за идущим вдоль шеренги старшекурсником – известным наглецом, грозой всех новобранцев. Сейчас он оглядывал каждого в строю и особо придирчиво следил, у всех ли ботинки начищены до блеска. Дойдя до Бормана, он остановился.

– Мистер Борман, у вас ботинки не в лучшем виде, – объявил он.

– Да, сэр, – отчеканил Борман, глядя прямо перед собой и, как учили, не встречаясь глазами со старшим.

– А теперь будут еще хуже.

С этими словами старшекурсник с размаху впечатал свой каблук в ботинок Бормана.

Несмотря на волну боли, пронзившей всю поверхность стопы, Борман не шевельнулся. И тихо прошипел:

– Сукин сын. Еще раз так сделаешь – убью.

Повисла тишина: не проронил ни слова ни старшекурсник, ни стоящие рядом новобранцы, которые из опасения не показывали виду, будто слышали слова Бормана. Неподчинение старшему могло положить конец военной карьере, даже еще не начавшейся, и это все знали. Старшекурсник, застыв на месте, молча пожирал глазами Бормана, затем повернулся и двинулся дальше вдоль строя. Рискованная выходка Бормана окупилась с лихвой; насколько он потом понял, у его мучителя уже сложилась репутация обидчика, злоупотребляющего придирками к новичкам, и очередной рапорт об инциденте принес бы больше вреда старшекурснику, чем Борману.

В военной академии Борман легко одолевал любые науки, не покорялся ему лишь спорт, а именно американский футбол, который в Вест-Пойнте считался чуть ли не единственным уважаемым видом спорта. Характера Борману хватало, но рост 170 см и вес 70 кг – этого для американского футбола слишком мало: легкость хороша для пилота, а для нападающего форварда она не годится. И все же Борман вступил в команду: в единственной роли, на которую его согласились принять, – администратора, что по сути означало кладовщика, пусть и с некоторыми организационно-распорядительными обязанностями.

Несмотря ни на что, в новой должности он чувствовал себя превосходно. До некоторой степени помогало то, что общаться приходилось с людьми вроде Эрла Блейка – живой легенды студенческого футбола в США – и молодого тренера нападающих по имени Винс Ломбарди. Оба были гении тактики, но при этом Блейк обычно сохранял строгость и холодность, а Ломбарди то и дело взрывался неконтролируемыми эмоциями. Борман, хоть и схожий нравом с Блейком, не мог не восхищаться и веселым безумием, исходившим от

Ломбарди. Впрочем, больше всего ему нравились простые, но важные дела, составлявшие его работу администратора. Даже не выходя на игровое поле, он способствовал процветанию команды, внося в ее жизнь необходимый порядок, без которого рухнуло бы все остальное.

В конце концов юный курсант настолько органично слился с военной жизнью, что через четыре года, к выпуску из Вест-Пойнта, он был восьмым по успеваемости среди 670 однокашников. Это впечатляющее достижение и стало причиной того, что его распределили в вожделенные ВВС США. После окончания академии он получил назначение на авиабазу Неллис на юге Невады, где ему предстояло осваивать истребитель F-80, а затем – где-то в течение 1951 г. – его ждала отправка на войну в Корею.

Все юношеские мечты в точности сбывались – с одним существенным исключением. В отличие от многих однокурсников, у Бормана за все годы академии практически не было серьезных романов, и ко времени выпуска он был еще не женат. И виноват в этом был только он сам.

Еще в старших классах школы Борман влюбился в светловолосую девушку по имени Сьюзен Багби. Поначалу он робел, но, когда осмелился подойти к ней, она тоже выказала интерес, и вскоре он уже не сомневался, что именно ее хочет видеть своей женой. Любовные дела ему были в новинку, зато не в новинку было здравомыслие: если любишь девушку, а она любит тебя, то зачем искать кого-то еще? Когда Борман уезжал в Вест-Пойнт, они с Сьюзен договорились – без всяких формальных обязательств, – что поженятся после академии. Однако на первом курсе Борман полностью ушел в себя – или по меньшей мере ушел в учебу и почти монашескую жизнь, которая считалась подходящей для курсанта, – и прекратил отношения с Сьюзен. С его точки зрения, времени в Вест-Пойнте хватало либо на занятия, либо на любовь, но никак не на то и другое вместе.

О таком решении он пожалел почти сразу же, и до конца академии очень тосковал по Сьюзен. На последнем курсе Борман написал ей в Пенсильванский университет, где она училась на стоматолога, и попробовал выяснить перспективы их отношений – ведь выпуск и лейтенантские погоны были уже не за горами. Сьюзен ответила, что он ей по-прежнему небезразличен, но обстоятельства изменились: она встречается с молодым человеком, своим земляком, которому не придется в голову променять ее на заманчивую карьеру.

Борман пал духом, но состязательность и упрямство в сочетании с изрядной долей юношеской заносчивости сделали свое дело: он не счел ответ окончательным. Следующие несколько месяцев Борман продолжал писать Сьюзен, и она – к его удивлению и радости – продолжала ему отвечать. Борман спрашивал ее о семье и учебе, Сьюзен спрашивала о его родителях и о жизни в Вест-Пойнте. Он упомянул – на тот случай, если ей интересно, хотя и понимал, что вряд ли, – что он ни с кем всерьез не встречался за все годы академии. Она ответила «хорошо», но напомнила, что не может сказать о себе того же.

А через некоторое время – «на всякий случай, вдруг тебе интересно» – она написала, что у нее опять изменились обстоятельства: похоже, что она была влюблена в того молодого человека гораздо меньше, чем ей раньше казалось, и теперь отношения с ним прекращены. Борман в ответ немедленно написал, что очень-очень счастлив это слышать. Заодно он сообщил, что перед отправкой на базу Неллис ненадолго заедет домой в Тусон, и предложил вместе поужинать. Сьюзен согласилась.

Борман выбрал укромный, но изысканный ресторан в 25 км от города: итальянская кухня, бассейн, танцевальная музыка – и все это посреди пустыни: сюда предпочитали ездить семейные (да и не только) пары, чтобы побыть наедине вдали от шума.

За ужином и во время танцев Борман говорил о планах на будущее, о желании иметь семью – и о том, что без Сьюзен ничто из этого не сбудется в полной мере. Тогда, на первом курсе, размолвка с ней была ошибкой, и никогда, никогда больше он такой ошибки не сделает, даже если ему дадут миллион шансов поступить иначе! Сьюзен, тронутая такими речами, призналась, что не переставала его любить и любит до сих пор. Борман вздохнул чуть свободнее. Он уже понимал, что остается сделать лишь один шаг: предложить Сьюзен пожениться, но когда и как завести об этом речь?

Они вышли из ресторана, сели в машину и направились обратно в Тусон. И вдруг в какой-то момент Борман решил, что нужная минута настала, а ничем не примечательный участок дороги между пустыней и городом – место не хуже прочих. Он становил машину на обочине и со всей решительностью, на какую был способен, сказал: «Давай поженимся».

С той же прямоотой Сьюзен ответила одним словом: «Чудесно». Фрэнк счастливо улыбнулся, полез в карман куртки и вынул кольцо, недавно купленное на случай, если представится возможность исправить мучительную ошибку, сделанную несколько лет назад. Кольцо Сьюзен приняла благосклонно.

Так 22-летний влюбленный и отчаянно упрямый лейтенант Борман обручился с девушкой своей мечты.

* * *

Авиабазы Неллис в Неваде не обманула ожиданий Бормана: вполне пригодное место для семейного гнездышка и отличный полигон для отработки боевых летных навыков. Никто из пилотов не сомневался, что боевые навыки им пригодятся очень скоро.

Как раз в июне того года, примерно когда Борман и его товарищи выпускались из академии, поддерживаемая Советским Союзом северокорейская армия начала массированное наступление через 38-ю параллель – так называемую буферную зону, разделяющую Корейский полуостров надвое. За три дня 75-тысячное войско стремительной атакой снесло оборону Южной Кореи, которую поддерживали США, и вошло в Сеул.

Весь Неллис рвался в бой, график тренировочных полетов уплотнился – нужно было достичь нужной боеготовности за максимально короткое время. Борман, один из лучших курсантов Вест-Пойнта, и здесь стремился зарекомендовать себя отличным пилотом. И в итоге сделал большую глупость.

Однажды, после нескольких месяцев пребывания на базе Неллис, Борман решил на F-80 отработать бомбометание с пикирования – чтобы отточить навык, который явно пригодится на войне. Отличное занятие на два-три часа, если у вас нет насморка. С тех пор как семья переехала из Гэри на юг много лет назад, гайморитов и ушных воспалений у него уже почти не бывало, и, если от детских простуд и остались последствия, они себя никак не проявляли. Так что Борман, даже не заметивший насморк, к которому привык с ранних лет, взмыл в небо.

На высшей точке подъема, когда Фрэнк только-только направил машину вниз для пикирования, голова взорвалась – по крайней мере так ему показалось. Где-то внутри черепа, между ушами, грозовым разрядом грянула боль, и он с трудом удержался от естественной человеческой реакции – зажать руками болезненное место: не хвататься же за голову во время пилотирования F-80 на скорости 960 км/ч.

Борман, стиснув зубы, осторожно вывел самолет к земле и после посадки немедленно отправился к гарнизонному врачу. Боль теперь сконцентрировалась в одном ухе, и врач, заглянув внутрь, сокрушенно цокнул языком – как обычно цокают языком врачи, подозревавшие нешуточную проблему и вдруг обнаружившие, что ситуация еще серьезнее, чем они предполагали.

– Барабанная перепонка состоит из трех слоев, – объяснил он молодому лейтенанту. – У вас лопнули все три.

Чем там думал Борман, отправлявшийся в полет с забитыми дыхательными путями, – это дело Бормана (так сказал врач), а вот здоровье он себе повредил изрядно. Удастся вылечить ухо или нет – неизвестно, в любом случае врач не брался предсказывать исход раньше чем через шесть недель, когда больной придет к нему еще раз. А до тех пор личное дело Бормана будет помечено грифом DNIF – «без допуска к полетам». Для летчика, чья карьера только началась, эти четыре буквы выглядели эпитафией.

Борман пытался протестовать, но врач был нестигаем. Молодой пилот объяснил, что за полтора месяца его часть уже успеют отправить в Корею. Может, и успеют, ответил врач,

тогда товарищи улетят без вас. В итоге Борман и вправду остался на базе, а когда через полтора месяца он пришел к врачу на повторный прием, выяснилось, что три разорванных слоя перепонки еще не срослись.

Вскоре лейтенант Борман – выпускник Вест-Пойнта, дипломированный пилот, специалист по реактивным самолетам – получил назначение, только не боевое в Корею, а вполне мирное, на Филиппины. Настолько мирное, что он привез с собой и Сьюзен, и новорожденного сына Фредерика, появившегося на свет всего за несколько недель до этого. На базе им выделили жилье, вполне подходящее для молодой семьи. Новая должность Бормана называлась «начальник по надзору за дорогами и земельной территорией» – по сути он был ответственным за эксплуатацию базы. Если и были на свете должности более унижительные для прикованного к земле летчика, чем должность со словом «земельный» в названии, то Борман не очень-то старался о них вспоминать.

* * *

Жизнь на Филиппинах оказалась не так плоха, как Борман себе представлял: она оказалась куда хуже. Вместо ангара с самолетами – гараж, вместо F-80 – дорожные грейдеры и асфальтовые катки. Выждав приличное время, Фрэнк подал рапорт с просьбой восстановить допуск к полетам, несмотря на проблемы с ухом. Рапорт отклонили. Он подал рапорт о переводе в Корею – там он по меньшей мере мог бы служить наземным авиадиспетчером. И тоже получил отказ. Он подал рапорт с просьбой уволить его из ВВС и перевести обратно в армию: тогда хотя бы не пропадет диплом Вест-Пойнта и лейтенантское звание. И вновь ему ответили отказом.

Совершенно отчаявшись, Борман обратился к врачу своей филиппинской базы: врач, осмотрев ухо, сочувственно цокнул языком – так же, как и прочие врачи за последний год. Правда, вдобавок к этому он рассказал Фрэнку о женщине-отоларингологе в Маниле, которую знал по отзывам: она изобрела способ лечить разрывы в ухе с помощью гранул радия, размещаемых в евстахиевой трубе, – радий (необъяснимым для изобретательницы образом) ускорял заживление. Борман отправился на автобусе в Манилу, прошел описанную процедуру, выждал положенное время и вновь пришел к своему врачу. Тот объявил, что один слой барабанной перепонки не только зажил, но и уплотнился за счет крепкой прослойки защитной ткани. Однако еще два слоя остались повреждены. А значит, гриф «без допуска к полетам» оставался в силе.

В конце концов Борман обратился напрямую к командиру эскадрильи майору Чарлзу МакГи – летчику из Алабамы, активно участвовавшему во Второй мировой войне. Быть летчиком – дело непростое; быть чернокожим в Америке 1950-х, по мнению Бормана, – никак не проще. МакГи, уверенно совместивший в себе то и другое, заслуживал уважения и, как полагал Борман, не стал бы прятаться за недомолвками. В разговоре с майором Борман не скрывал: он уверен, что барабанная перепонка с одним зажившим слоем вполне может выдержать полеты на любой высоте, в любых условиях, в герметичной или разгерметизированной кабине. Однако ВВС не дают ему шанса подняться в воздух и выяснить дело окончательно. Он понимает, что если в полете барабанная перепонка вновь порвется, то его окончательно спишут в наземный состав. Но если не порвется – он вновь сможет летать.

МакГи согласился, что дело стоит проверки, и начал совместные полеты с Борманом. Вначале они поднялись в воздух на Т-6, затем на более высотном самолете Т-33. Своего пассажира – вместе с его многострадальным ухом – МакГи беспощадно подвергал самым рискованным нагрузкам, какие только может выдержать летчик. Все перепады давления, все головокружительные пики Борман выдержал без труда и без малейшей боли. «Ступай-ка теперь к врачу, – с улыбкой сказал МакГи Борману после посадки и, прежде чем Борман ринулся исполнять приказ, предостерегающе добавил: – И скажи всю правду».

Врач, осмотрев ухо Бормана, повторил все тот же неприятный диагноз: один

восстановленный слой барабанной перепонки по-прежнему на месте, но в остальном никаких улучшений. Борман прервал его раньше, чем врач успел договорить:

– Док, вам нелишне будет знать, что я летал с МакГи. – И, глядя на недовольное и удивленное лицо врача, с горделивой улыбкой добавил: – Даже на Т-33.

– Мне нужно подтверждение МакГи, особенно про Т-33, – заявил врач.

Отпустив Бормана, он позвонил МакГи, и тот подтвердил: да, все сказанное деятельным юным лейтенантом – правда. Врач не скрывал скептицизма: он-то, в конце концов, дипломированный медик. Однако МакГи был летчиком, причем отличным, и, как командир эскадрильи, внес предложение: если человек так активно хочет служить своей стране и доказал свою способность к этому, нужно вернуть ему возможность летать.

Очевидно, врач согласился, и вскоре Борману на квартиру принесли официальную бумагу. «Касательно первого лейтенанта Фрэнка Бормана, – гласил документ, – принято решение вновь допустить его к полетам».

* * *

В ближайшие десять лет Борман воплощал в жизнь свою любовь к полетам с почти всепожирающим жаром. Их семья – теперь включавшая помимо его и Сьюзен уже двоих сыновей (Эдвин родился всего 19 месяцами позже Фредерика) – то и дело меняла место жительства в зависимости от военных приказов, перескакивая с одной авиабазы на другую словно в игре в классики. К 1961 г., когда Борман, на зависть любому летчику, отрабатывал «свечку» на авиабазе Эдвардс, он наконец уже был высококлассным пилотом, каким давно мечтал стать. Ему не хватало лишь одного.

Для Второй мировой войны он родился слишком поздно, а на войну в Корее его не пустили, отстранив от полетов. В 33 года, обремененный семьей, Борман понимал, что шансы попасть в бой – то есть реализовать мечту, ради которой он тренировался всю сознательную жизнь, – стремительно уменьшаются. Война с Советами, едва не разразившаяся в 1956 г., когда Москва двинула танки на Венгрию для подавления недолгого восстания демократических сил, все еще казалась возможной. Но если и последует призыв к оружию, то, скорее всего, выберут не Бормана. Уже есть более молодые пилоты, которых, разумеется, отправят в бой в первую очередь. Борман свою возможность упустил.

Однако помимо «горячих» войн, какими была полна кровавая история человечества, существовала и холодная война, предполагавшая совсем иные сражения. Ее воины выстраивали планы действий и обучали бойцов, которым предстояло бы участвовать в битвах, случись Советам вновь повернуть что-нибудь наподобие венгерских событий. Ее воины занимали боевые посты в пусковых шахтах «Атласов», «Титанов» и «Минитменов» по всей территории американского Запада, готовые немедленно ответить ударом на удар в случае запуска советских боевых ракет. Ее воины сидели за штурвалами стратегических бомбардировщиков В-52, подчинявшимся Стратегическому авиационному командованию ВВС США, и шли в море на ракетных подводных лодках – благодаря им ядерные средства США теперь находились в состоянии мобильности 24 часа в сутки.

Наконец, всем в стране были известны еще семь ее воинов, придирчиво отобранных в 1959 г. из состава Вооруженных сил и специально обученных: эти люди в серебристых скафандрах летали не на самолетах, а на ракетах. Они-то и были главными воинами, призванными победить Советы в битве на максимальных скоростях и высотах – в соперничестве за покорение космоса. Они были первыми бойцами совсем другой войны; и если вам кажется, будто летать на ракете легче, чем идти в бой, а взбираться на верхушку 30-метровой ракеты-носителя «Атлас», наполненной взрывоопасным топливом, вовсе не так рискованно, как лететь на боевое задание, – то вы не такой уж мастер сопоставлять шансы.

Первые американские астронавты стали знаменитыми и даже, по меркам летчиков, богатыми: теперь у них были контракты с журналами и подаренные «шевроле-корветы». Слава, обрушившаяся на каждого из них, не очень-то интересовала Бормана, зато не давала

покая мысль о славе ВВС, а в 1961 г. самый почитаемый Борманом вид Вооруженных сил не так уж хорошо справлялся с делом. Среди первых семи астронавтов лишь трое – Гас Гриссом, Дик Слейтон и Гордон Купер – были из ВВС. Военно-морским силам или морским пехотинцам этого хватило бы с лихвой, однако только у Военно-воздушных сил полет подразумевался самим названием. Трое из семи, считал Борман, – слишком мало. Теперь же, еще до того как все первые астронавты успели слетать, начался набор второй очереди новобранцев. На этот раз предстояло отобрать девятерых, и они будут летать не на маленьком одноместном «Меркурии», а на двухместном «Джемини» и позднее – на трехместном «Аполлоне», и именно «Аполлоны» полетят к Луне.

На авиабазе Эдвардс в Калифорнии, на авиабазе Райт-Паттерсон в Огайо, на авиастанции ВМС Патаксент-Ривер в Мэриленде летчики без лишнего шума подавали рапорты на перевод в НАСА – Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства. Так поступил и Борман. В других видах Вооруженных сил командование реагировало на инициативу подчиненных неоднозначно, временами давая понять, что отказ от текущей службы может расцениваться как поступок нежелательный или даже вероломный, потому-то изрядное количество рапортов подавались втихомолку. Однако в ВВС, напротив, высшие чины настойчиво поощряли личный состав проявлять инициативу. Чтобы никто не сомневался, сам генерал Кёртис ЛеМей, начальник штаба ВВС (не человек, а бетонная колонна: во Второй мировой он летал бомбить противника над Европой и Тихим океаном), созвал офицеров, подавших рапорты в НАСА, на совещание в Вашингтоне. Среди них был и Борман.

– Я слышал, кое-кто из вас считает, будто вы дезертируете из ВВС, – рявкнул генерал своим фирменным рокочущим голосом, который обычно считали грозным, и чаще всего не без причин. – Вы не дезертируете из ВВС и не прячетесь от боя. Холодная война не сказка, а была почище любой другой войны. Ступайте сражаться на ее фронтах и не посрамите ВВС.

Более ясного приглашения и позволения Борману и не требовалось. Вскоре после подачи рапорта его вызвали на изматывающие, тянувшиеся неделями медосмотры и прочие проверки, необходимые для космической программы. За летные испытания, проверку навыков и тесты на мышление он не опасался – в отличие от медицинских обследований. Однослойной барабанной перепонки вполне хватало для полетов на реактивных самолетах, но Борман понятия не имел, сочтут ли ее пригодной для космоса. Той минуты, когда первый врач из НАСА начнет обследовать его уши, Фрэнк ожидал с внутренней дрожью.

Наконец день обследования настал. Врач, едва вставив в поврежденное ухо Бормана отоскоп, тут же тихонько присвистнул, не поверив своим глазам.

– Взгляни, – позвал он коллегу. Тот подошел, взял отоскоп и издал такой же свист. Сцена повторялась снова и снова, и вот наконец дело дошло до главного врача, который тоже заглянул в отоскоп.

– Молодой человек, – спросил он Бормана, – вас ухо не беспокоит?

– Нет сэр не беспокоит ни капли не беспокоит, – выпалил Борман без единой паузы между словами.

– Ну что ж, – поразмыслив, сказал главврач. – Если вас не беспокоит, то и меня тоже.

К невероятному изумлению Бормана, тем дело и кончилось.

Он вернулся на Эдвардс, где оставалось лишь одно – дожидаться решения НАСА. Долго ждать не пришлось. В одно прекрасное утро весной 1962 г., когда он был на базе, до него дозвонился Слейтон, который теперь возглавлял Отдел астронавтов, и сообщил, что решение принято: Борман будет астронавтом. Положив трубку, Фрэнк вскинул кулак в триумфальном жесте и тут же прыгнул в машину – мчаться домой, к Сьюзен. Едва он переступил порог, Сьюзен поняла: случилось что-то очень радостное. Она чуть склонила голову с видом «ну давай же, выкладывай» – как делает любая женщина, отлично знающая своего мужа.

– Ну, в общем... – начал Борман, которого вдруг обуяла неожиданная для него самого застенчивость. – Меня приняли.

Никаких пояснений Сьюзен не понадобилось: она обняла мужа и прижала к себе

покрепче. К смене мест службы им было не привыкать, но на этот раз служба предполагалась совершенно уникальная.

Борман знал, что следующий шаг, куда более затруднительный, – поговорить с Чаком Йегером. Он дошел до его кабинета и дождался мига, когда этот великий человек позовет его войти.

– Полковник, мне только что сообщили радостную новость, – доложил Борман.

– Что за новость? – спросил Йегер, без особого интереса отрывая взгляд от стола.

– Я прошел отбор, мне нужно явиться в НАСА и вступить в отряд астронавтов.

Йегер кивнул; миг-другой он не раскрывал рта.

– Ну что ж, Борман, – сказал он, – с карьерой в ВВС вам придется распрощаться.

И он вновь опустил взгляд к бумагам, разложенным на столе. Борману не требовалось лишних пояснений, чтобы понять: его отпустили.

Глава 2

1962–1964 гг.

Люди НАСА отлично умели подать информацию и сделать ее привлекательной для прессы. Ракеты – прекрасны, астронавты – эффектно, их домочадцы – очаровательны. Если прочесть все газетные и журнальные статьи, то неминуемо останешься в уверенности, что космическое агентство показывает и рассказывает все, что публике нужно знать о его делах. Однако агентство отлично умело хранить одну важную тайну: работающие в нем инженеры в половине случаев придумывают решения на ходу. Ни один вменяемый человек, разумеется, не признался бы в этом публике или прессе, а уж тем более Конгрессу США, выделяющему деньги на работу агентства. Однако с самого начала некоторого количества импровизаций «на лету» было не избежать, поскольку большинство из первых сотрудников НАСА прибыли из Хэмптона (штат Вирджиния). А Хэмптон, как известно всем его жителям, кишит сумасбродами.

В течение многих поколений Хэмптон был вполне заурядным местом – спокойный городок к югу от Ньюпорт-Ньюс и к северу от Вирджиния-Бич, со свободным выходом к водам Чесапикского залива. Все это изменилось в начале XX в., когда правительство встревожилось из-за самолетов. После того как Орвилл и Уилбур Райт в 1903 г. впервые в мире совершили полет на самолете с двигателем, у США появилось начальное преимущество перед другими, и страна хотела бы это преимущество сохранить. Однако к 1915 г. Европа начала обходить США. Первая мировая война гремела уже год, и если из этой мясорубки и вышло что-то полезное, так это многочисленные способы использовать авиацию в боевых условиях, которые изобретали все сражающиеся стороны. Новые технологии, выработанные для войны, без труда перестроятся на мирные цели, и если Америка будет медлить, то – как осознали дальновидные американские политики – в авиационной области она может вполне остаться не у дел.

И тогда Вашингтон поступил привычным для себя образом, то есть организовал агентство – Национальный консультативный комитет по аэронавтике, НАКА. В соответствии с заявленной целью он был призван следить за инновациями в этой области и обеспечить возврат США на лидирующие позиции в сфере авиации. В начальный период агентство составляли чуть больше десятка человек, объединенных в одну-единственную комиссию и представлявших Военное министерство, Военно-морское министерство, Бюро погоды и другие инстанции. Постоянный сотрудник там был всего один – главный управляющий с ничем не примечательной биографией, но с идеально подходящим именем Джон Виктори, чья фамилия буквально означала «победа».

НАКА обосновался в Хэмптоне, поблизости от Вашингтона и Военного министерства. Город также отлично подходил для размещения в нем исследовательской лаборатории,

строительство которой уже запланировал Конгресс. Скромное начало не стало препятствием к дальнейшему росту, и к 1925 г. НАКА уже насчитывал сотню сотрудников, большинством которых по-прежнему управлял Джон Виктори. Обещанный исследовательский центр, названный Авиационной лабораторией имени Лэнгли, был благополучно достроен, со временем НАКА взял под контроль и другие лаборатории в разных частях страны. Агентство играло решающую роль в укреплении военно-воздушной мощи США в обеих мировых войнах, войне в Корее и в последующей гонке сверхзвуковых машин.

Со стремительным расширением НАКА рос и Хэмптон: к 1950-м гг. расселившиеся в нем специалисты по самолетам едва ли не превышали численность коренных жителей. Тогда-то и начались всякие странности. Среди тех, кого можно было встретить на улицах, практически половину составляли «мозголомы», как их прозвали местные: исключительно мужчины, исключительно молодые, всегда со странным видом, будто думают о чем-то, недоступном другим людям.

«Мозголомы» могли зайти в магазин, купить стиральную машину или газонокосилку и, прежде чем кто-то вмешается, перевернуть покупку вверх дном или снять заднюю крышку и начать исследовать внутренности. Они забрасывали продавца вопросами о том, как эта вещь сделана и почему использована такая-то деталь, а не другая, ведь каждому дураку ясно, насколько лучше будет вращение, если сконструировать все правильно. Продавец, совершенно не имеющий понятия о строении агрегата, естественно, соглашался, полагая, что это позволит либо завершить покупку, либо закончить обсуждение – и то и другое его устраивало.

Для горожан «мозголомы» были по большей части на одно лицо, однако в закрытой среде самих авиационных специалистов ярко выделялся один человек – молодой инженер по имени Крис Крафт. Он родился в 1924 г. в Фибусе, который отстоял от Хэмптона меньше чем на 3 км – расстояние, как раз подходящее, чтобы до ребенка донеслись новые веяния. Как и другие местные школьники, Крафт решил попробовать заняться самолетами и в старших классах как губка впитывал научные и технические знания, зарабатывая отличные оценки. В 1940 г. он поступил в Вирджинский политехнический институт, где однокашники и преподаватели не могли не обратить внимания на немногословного, скептического и пугающе умного молодого человека, настолько сосредоточенного, что постоянно казалось, будто он сейчас взвзвывается, как распрямленная пружина.

Окончив институт в декабре 1944 г., Крафт не очень-то жаждал работать на НАКА, хоть и подал туда заявление по институтской традиции. На деле он мечтал работать на частную авиационную фирму Chance Vought в Бриджпорте, штат Коннектикут, обладающую деньгами, престижем и всем известной склонностью принимать на работу лучших специалистов и платить им соответственно. Крафт подал заявку и его немедленно приняли на работу; охваченный ликованием, он почти не обратил внимания на тот факт, что НАКА тоже предложил ему должность.

Вскочив в поезд, он добрался из Вирджинии до Манхэттена и затем до Бриджпорта и вскоре уже стоял перед главным входом в Chance Vought. Однако дальше охрана его не пустила. Да-да, сказали ему, в списке новых сотрудников такое имя есть, но то ли документы не в порядке, то ли свидетельства о рождении не хватает, то ли еще что-то не так, поэтому внутрь его не пустят, пока он не исправит ошибку. Он спросил, нельзя ли побеседовать с человеком, который обещал ему место: уж конечно, его новый босс может устранить недоразумение. Правила есть правила, ответили ему, и, пока он не выправит документы как надо, никакого разговора с отделом кадров не будет. Максимум, что могли ему предложить, – переночевать в общежитии для рабочих-мигрантов, за пределами заводской территории, и заверили, что утром уж наверняка что-нибудь выяснится.

На следующее утро Крафт снова явился к главному входу и ему снова сказали, что с документами что-то не так. Нет, уверенно заявил охранник, поговорить с работодателем напрямую, чтобы устранить недоразумение, никак нельзя. После новой серии задержек и разбирательств Крафт развернулся, дошел до ближайшего телефона-автомата и позвонил в

НАКА – спросить, не занята ли предлагавшаяся ему вакансия. Вакансия оказалась не занята.

В тот же день он вернулся поездом в Вирджинию, принял должность и написал в Chance Vought письмо с советом насчет того, куда им засунуть свою частную компанию. Когда Крафт заполнил вступительные анкеты НАКА и оказался среди инженеров, которые вели свою профессиональную родословную от человека с «победным» именем Джон Виктори, то позволил себе роскошь подписаться полной версией имени, данного ему в честь Христофора Колумба: Кристофер Коламбус Крафт.

Крафт процветал в НАКА. Он зарабатывал \$2000 в год, что по тем временам было более чем достаточно с учетом характера выполняемой работы. Впрочем, достаток и радость от любимой работы не убавили в нем упрямства. Скопив достаточно денег, он вместе с женой Бетти Энн купил участок земли в Хэмптоне и вознамерился построить дом. Инженер такого уровня, как Крафт, не собирался доверять проектирование своего дома какому-то там архитектору и сделал проект самостоятельно; камин стал предметом его особой гордости.

Проведя многие годы за выяснением того, как воздух обтекает крылья и фюзеляж самолета – такого, который может летать со сверхзвуковой скоростью, Крафт нимало не сомневался, что ему удастся вычислить оптимальный способ устроить тягу в каминном дымоходе. Запланированная им нестандартная кирпичная кладка совершенно не походила на то, что обычно делают в каминах, однако Крафт не сомневался, что дым будет подниматься в дымоход и вылетать из трубы без малейшей попытки просочиться в их с Бетти Энн гостиную. Он нанял каменщиков, показал им чертеж и отправил работать. Через несколько дней камин было сложен, однако выглядел совсем не так, как планировал Крафт.

– Не пойдет, – объявил он каменщикам.

– А что такое? – спросил старший.

– Вы сделали не так, как я велел.

– Мы всегда камин кладем только так.

– А мой будете строить по-другому.

– Да этот работать-то станет исправно, – запротестовал старший.

– Исправно, да не очень, – отрезал Крафт. – Разбирайте все.

Каменщики выполнили, что велено: теперь дом остался с кучей кирпичей на полу гостиной и с дырой в крыше на месте трубы. Поиски каменщика, который согласился бы сделать требуемое, заняли некоторое время, но Крафт не жалел: лучше никакого дымохода, чем неправильный дымоход.

* * *

Через десяток лет после того, как Крафт начал работать в НАКА, агентство вдруг стало анахронизмом. 4 октября 1957 г. Советский Союз осуществил успешный запуск первого искусственного спутника Земли. Вновь началась гонка за передовые технологии, и вновь США грозило отставание. Вашингтон ответил на это созданием еще одного агентства – НАСА, Национального управления по аэронавтике и космосу. В отличие от НАКА, этой организации не нужно было начинать работу на пустом месте с одной лишь комиссией из 12 человек и одним управляющим. НАКА целиком вливался в НАСА, новая организация сразу же получила щедрое финансирование и установку на прием новых сотрудников.

Среди всех перемен один пункт оставался неизменным: лучшие умы прежнего агентства теперь становились лучшими умами нового агентства; среди них был и Крафт. Однако создание аппаратов, способных благополучно поднять человека за пределы атмосферы в космос, – задача куда более серьезная, чем создание машин, способных лишь пронести человека сквозь атмосферу. Сделать космический корабль – герметичный контейнер, который будет служить кабиной и домом для экипажа, – было не слишком сложно хотя бы из-за того, что ему нужно немного горючего для маневрирования в космосе, и меньше вероятность взрыва на земле. Ракеты-носители были совсем другим делом.

Миниатюрная ракета-носитель «Авангард» ВМС США, которая должна была вывести в

космос первый американский спутник всего через два месяца после того, как русские запустили свой, взорвалась прямо на стартовой площадке. В отличие от русского спутника, «Авангард» стартовал в присутствии журналистов и с прямой трансляцией в эфир, что стало для НАСА одновременно и унижением, и стимулом усиленно продолжать работу. Баллистические ракеты «Атлас» считались вернейшими кандидатами на то, чтобы доставить американцев на орбиту, однако веры в них было мало, поскольку почти половина из них взрывалась на старте. Небольшая ракета «Редстоун», использовавшаяся для первых американских суборбитальных полетов – маленьких «подскоков», когда корабль понимался в космос и тут же валился в океан, не достигая орбиты, – имела репутацию немногим лучше.

Ракеты «Редстоун» были прямыми потомками «Фау-2» — толстых черно-белых ракет, которыми немцы так активно обстреливали Лондон во время Второй мировой войны. И «Фау-2», и «Редстоун» были детищами Вернера фон Брауна[3]. Его и многих членов команды германских инженеров Армия США после войны привлекла на свою сторону и предложила новую работу по созданию ракет для США — очень хорошее предложение, не в последней степени потому, что в противном случае им грозил военный трибунал.

Крафт не любил «Редстоун»: любая ракета, конструкция которой проектировалась ради полета вниз — например, на Трафальгарскую площадь, — не заслуживала полного доверия, если лететь ей предстояло вверх, в космос. Скептицизм Крафта только усилился после того, как в начале работы на НАСА он отправился на мыс Канаверал наблюдать за испытательным запуском «Редстоуна» с одноместной капсулой «Меркурий». В тот день[4] одной из его задач было определить, как должны взаимодействовать операторы в Центре управления полетом (ЦУП) и стартовая команда на площадке, и он вместе с большинством присутствующих торчал внутри закрытого бункера без единого окна, который здесь служил центром управления, не имея возможности выйти на открытое место и наблюдать за стартом.

Телевизионными мониторами, показывающими стартовую площадку, здесь были оборудованы всего два пульта; Крафт завладел одним из них. Когда обратный отсчет стартового времени достиг нуля, ракета по обыкновению полыхнула огнем и взревела, телекамера резко пошла вверх по траектории. Оба монитора в бункере отображали... пустое небо. Камера метнулась вниз — и перед глазами предстал «Редстоун», который успел подняться на десяток сантиметров, передумал и осел обратно на стартовую площадку, весь в клубах пара и дыма.

При этом капсула «Меркурий», не получившая сигнала о сбое и отмене полета, по-прежнему считала, что «Редстоун» летит как положено: верх капсулы открылся, и наружу выбросило ворох мелко иссеченной, как конфетти, алюминиевой фольги, по которой операторы должны были отслеживать на радарх путь капсулы. Однако сейчас это облако бесцельно кружилось вокруг «Редстоуна», как остатки гигантского, абсурдного праздничного фейерверка.

Этим дело не кончилось. Определив, что давление воздуха соответствует уровню моря, «Меркурий» решил, что полет завершен и капсула возвращается на Землю, поэтому пора вводить парашют. Парашют раскрылся, огромное бело-оранжевое полотнище взмыло в воздух, его тут же подхватило ветром и раздуло во всю ширь. С каждым порывом ветра парашют дергал ракету, в которой по-прежнему находились десятки тысяч литров взрывоопасного жидкого кислорода и этилового спирта.

— Парашют может опрокинуть ракету? — прокричал Крафт в присоединенный к наушникам микрофон, обращаясь к инженерам за стенами бункера. Те ответили, но по-немецки.

— Может — он — опрокинуть — ракету? — отдельно повторил Крафт.

Снова ответ на немецком.

— Кто-нибудь, ответьте! — потребовал он. — На английском!

В конце концов в эфир вышли несколько операторов, чьи слова Крафт понимал; однако никто не знал, что делать. Послать ракете команду открыть клапаны и безопасно слить горючее — такой выход возможен при других обстоятельствах, но теперь был неосуществим:

когда ракета поднялась на те самые 10 см, отсоединилась «пуговина» — кабель, который до старта соединял ракету с командным центром.

— Можно ли присоединить кабель обратно? — спросил кто-то из операторов в бункере.

— Как? — ответил Крафт, уже зная ответ.

— Ну... кого-нибудь послать, пусть сделают.

Крафт и остальные в помещении переглянулись, затем вновь устремили взгляды к мониторам, где «Редстоун» — эта заряженная на полную мощь бомба — покачивался в клубах дыма и парашют дергал ее при каждом порыве ветра. Добровольцев не нашлось.

Был еще выход — найти гидравлический кран с платформой, вывезти его на стартовую площадку и послать кого-нибудь перерезать стропы парашюта. Однако добровольцев-самоубийц по-прежнему не нашлось, и план отвергли чуть ли не раньше, чем выслушали.

— Можно в нее выстрелить, — предложил кто-то в бункере.

— Выстрелить в ракету? — переспросил Крафт, у которого округлились глаза.

— Из винтовки помощнее. Ну, чтобы пробить дырки, тогда топливо вытечет.

Эту идею встретили гробовым молчанием, и предложивший ее оператор забился поглубже в кресло.

В конце концов людям в Центре управления оставалось только ждать. Они знали, что «Редстоун» запитан от аккумуляторных батарей, а их заряд рано или поздно иссякнет. Час за часом все наблюдали, как парашют, раздуваемый порывами ветра, дергает ракету и та сотрясается. Наконец мало-помалу электрический заряд израсходовался. Тогда все электрические цепи вернулись в безопасное состояние, клапаны открылись и топливо было благополучно слито.

К тому времени, как операторы сочли безопасным выйти на стартовую площадку и убрать выдохшуюся ракету, Крафт — такой же заметный в НАСА, как раньше в НАКА, — сформулировал один из главнейших пунктов в растущем списке полетных правил космического агентства: если не знаешь, что делать, не делай ничего.

* * *

Фрэнк Бормана и весь его второй набор астронавтов приняли в НАСА в сентябре 1962 г., и к тому времени агентство проделало изрядную работу по наведению порядка в организации. Американцы слетали в космос уже четырежды: Алан Шепард и Гас Гриссом выполнили суборбитальные полеты, Джон Гленн — трехвитковый полет вокруг Земли, Скотт Карпентер — второй трехвитковый полет вокруг Земли. Все эти полеты на «Меркурии» были триумфальными. Конечно, если не вглядываться внимательно.

Полет Шепарда действительно прошел без запинки. Полет Гриссома почти ему не уступал, но, когда корабль приводнился, люк открылся слишком рано и астронавт едва не утонул, прежде чем его удалось поймать петлей спасательного троса, спущенного с вертолета. Полет Гленна тоже шел гладко почти до самого конца, когда вдруг приборы показали, будто может оторваться теплозащитный экран — толстый щит из рассеивающего тепло материала, оберегающий корабль от адского жара в 1700° С при входе в атмосферу. Однако в конце концов корабль благополучно приводнился, доставив Гленна на Землю в целостности и сохранности. Карпентеру повезло меньше всех из четверки, хотя ошибки возникли не без его вины. Увлечшись экспериментами на орбите, он слишком поздно включил тормозные двигатели, из-за чего перелетел точку приводнения на 400 км, так что кораблям ВМС пришлось долго искать его.

Пресса не стала раздувать скандал: поиск человека на протяжении 400 км в открытом море не казался большой проблемой по сравнению с гигантскими расстояниями, которые пролетел Карпентер. НАСА ничего не имело против того, чтобы репортеры представляли дело именно в таком свете. Однако внутри НАСА некоторые высшие чины кипели от возмущения, и в первую очередь Крафт. Теперь он занимал должность главы летных операций, и заботиться о том, чтобы полеты проходили безупречно, было его обязанностью.

— Никогда, — заявил он ближайшим коллегам. — Никогда больше не пущу Скотта Карпентера в полет.

Впрочем, прежде чем огласить решение другим руководителям НАСА, Крафт устроил выволочку Карпентеру один на один. Это было честно; к тому же ради сохранения репутации астронавта он не стал ничего сообщать прессе. Однако космическая карьера Карпентера на этом была завершена, и сам Карпентер об этом знал лучше других.

Поскольку одноместные корабли «Меркурий» по большей части отработали все предназначенные для них задачи и им оставалось довершить дело двумя-тремя полетами, то теперь настало время более крупных и сложных кораблей «Джемини», вмещающих экипаж из двух человек, и приходил черед новых астронавтов для их пилотирования. Однако сами астронавты на этот раз меньше, чем корабли, будоражили воображение.

Когда в 1959 г. объявили первую семерку астронавтов, американцы впали в экстаз, да и как было реагировать иначе? Одни только имена — Гас, Дик, Гордо, Ал, приятно-хлесткие и резко слетающие с языка, — затмевали собой всех этих русских Юриев, Германов, Павлов и Константинов. Плюс остриженные почти под ноль головы, серебристые комбинезоны и красоти-жены — полный набор, достойный истинных покорителей пространства. На этот же образ работали и разнообразные истории о пьяных выходках и бурных интрижках вдали от миловидных жен (впрочем, журналистам отлично удавалось одновременно и знать и не знать о закулисной жизни астронавтов, а публике отлично удавалось не верить никаким сплетням).

Астронавтам второго набора не грозило превзойти славой тех, кто был первым, и даже опьяненная космическими успехами страна это знала. Девятерых астронавтов, последовавших за первой семеркой, внутри НАСА и за его пределами часто называли просто и изысканно: «Новая девятка». Четверо из нового набора — Фрэнк Борман, Джим МакДивитт, Том Стаффорд и Эд Уайт — вышли из рядов ВВС, а это значило, что любимый вид войск Фрэнка все еще не добился большинства. Еще четверо — Джон Янг, Эллиот Си, Джим Ловелл и Пит Конрад — были моряками. Наконец, Нил Армстронг являлся нестандартной фигурой: бывший моряк, он имел за плечами 78 боевых вылетов во время войны в Корее. В 1960 г. Нил вышел в отставку и стал гражданским летчиком-испытателем. Не все понимали, зачем НАСА понадобилось принимать в астронавты человека, которому даже не положено носить военную форму.

«Первая семерка» относилась к новым коллегам свысока, «Новая девятка» на презрение в свой адрес реагировала остро. Бесплатных «корветов», которыми автомобильные фирмы одаривали первых американских астронавтов, на всех не хватит, если вдруг за ними выстроится в очередь уже 16 астронавтов. А сделка на \$500 000, которую астронавты первого набора заключили с журналом *Life* на полный доступ журналистов к их тренировкам и семейной жизни, выглядела уже не так заманчиво, когда сумму пришлось бы делить на 16 мелких порций.

Впрочем, *Life* вновь проявил инициативу и теперь платил каждому из новых астронавтов по \$16 000 в год — королевская щедрость для летчиков, которые всю жизнь служили за военное жалованье. НАСА тоже не осталось в стороне — в некотором роде. Прибыв в сентябре 1962 г. в Хьюстон, девять новых астронавтов и их молодые семьи получили приказ явиться в «Шемрок Хилтон» — легендарное место, позиционирующее себя как «великолепнейший отель Америки». Судя по имперской роскоши холла, внушительным бальным залам и трапециевидному бассейну с трехъярусной вышкой для ныряния, отель вполне соответствовал такому броскому заявлению.

Фрэнка Бормана отель поразил не меньше, чем остальных астронавтов, однако это не значило, что ему там было уютно. На базе Эдвардс Фрэнк с семьей жили скромно, в Хьюстон они приехали на семейном «шевроле» 1960 г. выпуска. Борман не видел причин менять привычки лишь из-за того, что теперь у него другая работа, и даже контракт с журналом *Life* не пробудил в нем желания тратить деньги направо и налево.

— Нам это не по карману, — шепнул он Сьюзен при входе в отель.

Однако, как выяснилось, никакой угрозы для кармана не было. Когда Борман подошел к стойке и назвал свое имя, портье сверился со списком постояльцев и, увидев, что Борман —

астронавт, просиял лучезарной улыбкой. Он заверил Борманов, что «Шемрок» в полном их распоряжении, сколько бы они ни захотели в нем прожить: это самое меньшее, что отель может сделать для героя Америки.

Несмотря на всю роскошь нового жилища, Борман был согласен оставаться здесь лишь временно — особенно если учесть, что он пока не совершил ничего такого, что оправдывало бы такое почтение к нему со стороны гостиничных служащих. Не откладывая в долгий ящик, Фрэнк и Сьюзен пустились на поиски собственной крыши над головой. Для начала они переехали в арендованное жилье, однако вскоре уже искали пригодный участок для строительства дома. Поиски они сосредоточили на новых поселках, которые во множестве возникали вокруг Хьюстона для сотрудников НАСА и имели названия вроде Тимбер-Коув — «Древесный уголок» или Эль-Лаго — «Озеро», хотя такие трогательно-буколические названия никак не вязались с жарким болотистым Хьюстоном.

Борманы остановили выбор на Эль-Лаго, присмотрели участок и согласились отдать \$26 500 за строительный контракт. Тратить такие деньги на жилье было расточительностью для любого летчика, служащего на базе Эдвардс, подобный дом представлялся непозволительной причудой. Однако для астронавта такое вложение было относительно скромным, и Борман решил, что после десятка лет переездов и временных квартир на военных базах Сьюзен и их сыновья заслужили настоящий дом.

* * *

Если кто-то из «Новой девятки» считал, будто для астронавта главное — научиться управлять космическим кораблем, а остальное неважно, то эта иллюзия развеялась очень скоро. Сборку двухместного «Джемини» еще не закончили, а ракета-носитель «Титан», призванная вывести его на орбиту, пока не имела допуска к пилотируемому запуску, и, чтобы на них летать, требовалось изрядно потрудиться.

Конечно же, в первую очередь предстояли усиленные тренировки на центрифугах и имитаторах. Астронавты проводили бесконечные часы в аудиториях, изучая небесную механику, динамику объектов с подъемной силой и навигацию в условиях невесомости, не говоря уже о тренировках на выживание в океане, в пустынях и прочих местностях, куда тебя с товарищем может выбросить в результате незапланированной посадки, как у Карпендера. При этом оставалось еще несколько часов в неделю, так что все новоприбывшие получали отдельную специализацию, что давало им возможность непосредственно участвовать в разработке оборудования, программного обеспечения и полетных инструкций, от которых зависела их жизнь. Ответственность за выбор специализации, подходящей конкретному астронавту, легла на Дика Слейтона, что представлялось очень удачным решением во всех отношениях.

Из всей семерки Слейтон, пожалуй, был наибольшим любимцем прессы. Не обладая харизмой Джона Гленна или блестящим остроумием Уолли Ширры, Слейтон обращал на себя внимание грубоватыми чертами лица, серьезным видом и четким, как лезвие, односложным именем. Полностью его звали Дональд Кент Слейтон, однако «Дональд Кент» со временем преобразовалось в «Дональд К.», затем сократилось до «Д. К.» и в конце концов — до «Дик».

Такое имя, достойного железного человека, принадлежало, однако, человеку совсем не с железным здоровьем. Сразу же после включения Слейтона в число первых астронавтов врачи заметили подозрительные детали в его кардиограмме: время от времени она показывала сбой, подобие дрожи — или фибрилляции, как они ее называли.

Дополнительные исследования дали тот же результат, и Слейтон был отстранен от космических полетов[5]. Мало того — у него отняли и право на самостоятельный полет на самолете: а вдруг он «зафибриллирует» прямо в кабине и рухнет на землю? В итоге, положив конец и космической, и авиационной карьере Слейтона, НАСА предложило ему утешительную должность с благопристойным названием «координатор деятельности астронавтов»: титул выглядел ненамного серьезнее «вожатого детского лагеря», да и никаких четких обязанностей там не было. Должность означала всего лишь наличие зарплаты и кабинета, чтобы Слейтон мог досидеть до того момента, когда самостоятельно решит уйти из

космического агентства более-менее по собственному желанию.

Однако Слейтон не собирался безропотно соглашаться: вместо того чтобы тихо и незаметно уйти со сцены, он задумал переkreить должность и стать главным астронавтом. Если летать ему запрещено, то он будет решать, кого отправлять в полет. Действуя единственно силой личности, он мало-помалу отобрал почти все рычаги контроля над астронавтами, какие были у начальства в Вашингтоне, в Хьюстоне и на мысе Канаверал, и переключил все на себя. Пусть за головным офисом агентства остается последнее слово при отборе кандидатов в астронавты, но один лишь Слейтон будет решать, на какое задание отправить каждого из них и чем их занять в остальное время. И никакой администратор не пробьется к астронавтам НАСА, не наткнувшись прежде на Слейтона.

Слейтон считал, что справится с работой отлично, и он не ошибся. Если он и сожалел о том, что космос для него закрыт, то никому этого не показывал. Если он и завидовал астронавтам, отправляемым в полеты, в которых хотел бы участвовать сам, то этого никто не видел. Зато все видели, что у Слейтона великолепное чутье на талант и темперамент: глава отдела по работе с астронавтами имел потрясающую способность разглядеть в человеке достоинства, каких тот сам за собой не знал.

Фрэнк Борман произвел на Слейтона впечатление в первый же миг знакомства, и свойства личности, наиболее восхитившие Слейтона, не так уж отличались от его собственных. Он оценил и отсутствие показного блеска, и умение сосредоточиться, и способность действовать на чистом упорстве. Слейтону понравилось и то, что Борман не смирился с давней попыткой отстранить его от полетов: если Борман сумел побороться за положительный вердикт врачей, то и Слейтону такое под силу.

Среди заданий, которые Слейтон давал этому начинающему астронавту, самым важным было проверить предполагаемую ракету-носитель «Титан», которая предназначалась для вывода в космос корабля «Джемини», и убедиться, что ракета пригодна к полету и не станет причиной гибели экипажа. О ракетах-носителях Борман не знал ровно ничего — или, по крайней мере, знал не больше любого астронавта-новичка, — но обрадовался заданию, и в первую очередь именно потому, что с самого начала не очень-то доверял «Титану».

Проблема коренилась в самом проекте ракеты. Простейшие ракеты-носители были оборудованы одним маршевым двигателем, у «Титана» же их было два. Два двигателя — вдвое больше шансов отказа, и особенно это опасно на стартовой площадке. Если ракета начнет подъем и выключатся оба двигателя, то она попросту не взлетит. Однако если откажет лишь один из двигателей, смонтированных рядом, то «Титан» поднимется, но дальше его круто поведет: он отклонится в сторону и затем вниз, и в катастрофе никто не выживет.

Такой исход, решил Борман, и был тем риском, на который стоило обратить особое внимание. Фрэнк зарылся в технические характеристики «Титана» и конструкторские чертежи и даже обнаружил какие-то элементы защиты, призванные не допустить запуска одного двигателя без другого, однако остался не в восторге от того, как все это прописано в проекте. Важно было то, как двигатели поведут себя в реальной обстановке, и Бормана не оставляло чувство, что ракете доверять нельзя.

Поэтому Борман, как и Крафт за пару лет до этого, нацелился посмотреть запуск ракеты самолично и сделал все, чтобы к ближайшему испытательному запуску «Титана» оказаться на мысе Канаверал. Прибыв на место, он встретился с инженерами, которые спроектировали и построили ракету, и поделился с ними сомнениями.

Ведущий инженер только отмахнулся от них.

— Такого просто не может случиться, — заявил он.

— Случиться может что угодно, — ответил Борман.

Инженер помотал головой.

— Такая аварийная ситуация, когда запустится только один двигатель, попросту невозможна, — отрезал он. — Система не может сработать таким способом.

Борман не стал возражать, но остался на мысе еще на несколько дней, до следующего испытания «Титана». В назначенный день инженеры вместе с Борманом столпились в

бункере. Прошла проверка систем, обратный отсчет дошел до нуля, и директор пуска скомандовал: «Зажигание».

И на всех мониторах — которых теперь было гораздо больше тех двух, что были здесь при Крафте в день отказа бедного «Редстоуна», — все, кто был в бункере, увидели один двигатель, с ревом пылающий огнем, и второй — холодный, темный, беззвучный. Ракета пыталась подняться в воздух.

— Отключение! — скомандовал директор как раз в тот миг, когда неисправная ракета была готова сорваться со стартовой площадки. По крайней мере, с отключением на этот раз проблем не возникло, и «Титан» осел обратно на старт.

Борман недобро посмотрел на ближайшего к нему инженера, и тот, надо отдать ему должное, не отвел глаза. Молодой астронавт в конце концов оказался прав: случиться может что угодно.

* * *

Первый полет космического корабля «Джемини» 8 апреля 1964 г. оказался вовсе не таким знаменательным, каким мог бы стать. Его готовили как пробный полет ракеты-носителя «Титан» и самого аппарата «Джемини», никаких астронавтов запускать в космосе не предполагалось. Кораблю предстояло трижды облететь Землю, но не приземлиться на парашюте, который в будущем потребуется для благополучного возвращения экипажа: он должен был просто сгореть в атмосфере[6]. А чтобы обломки не причинили кому-нибудь вреда и заодно не выдали конструктивных особенностей корабля в случае, если упадут где-нибудь за «железным занавесом», инженеры НАСА просверлили отверстия в теплозащитном экране. Корабль массой более 3 т должен был попросту испариться.

К необитаемому кораблю, который поднимется, полетает и на обратном пути сгорит, пресса не выказывала особого интереса. Однако, когда «Джемини-1» выполнил свои нехитрые задачи, в НАСА настало ликование. Американцы не были в космосе почти год, с тех пор как Гордон Купер слетал в свой 34-часовой марафон с 22 витками, и США не терпелось вновь вступить в игру. После еще одного непилотируемого полета корабль «Джемини-3» наконец должен был совершить исторический прорыв и доставить в космос экипаж из двух человек, а затем «Джемини» станут взлетать каждые семь или восемь недель и совершат еще около десятка полетов. Это давало возможность полета для множества астронавтов, и, хотя на первый взгляд все полеты были хороши, среди пилотов шепотом передавалась одна и та же фраза: «Делай что хочешь, но не соглашайся на “Джемини-7”».

Проблема с «Джемини-7» (как знал каждый астронавт) состояла в том, что у этого корабля была одна-единственная цель: мучить экипаж из двух человек в течение 14 дней и ночей.

С самых первых дней существования программы «Джемини» НАСА только и твердило о великолепии нового космического корабля, который будет намного больше и намного сложнее, чем корабли «Меркурий». В немалой степени это соответствовало действительности: «Меркурий» представлял собой немногим более забитого инструментами контейнера с втиснутым в него единственным астронавтом. Пилот мог включать реактивные двигатели и поворачивать корабль так и эдак. Он мог замерить угол секстантом и построить ориентацию перед торможением и входом в атмосферу, хотя компьютер — если ему позволить, конечно, — тоже способен на это[7]. Можно и вручную запустить тормозные ракетные двигатели, хотя и в этом случае автоматическая система умела выполнять работу не хуже. Даже окно «Меркурия» мало отличалось от крошечного иллюминатора над головой, так что посмотреть в него можно, только запрокинув голову. Для пилота, обладающего хоть каким-то самоуважением, «Меркурий» представлялся не столько космическим кораблем, сколько развлечением вроде ярмарочной карусели.

С «Джемини» все обстояло иначе. Астронавты не могли отправиться на нем на Луну, но полет на «Джемини» как нельзя более походил на генеральную репетицию перед полетом к Луне.

У «Джемини» предполагалась новая кабина, в которой астронавтам можно сидеть

выпрямившись, бок о бок. У каждого — по окну прямо перед глазами, так что кораблем можно будет управлять по визуальным ориентирам, как и положено истинному пилоту. «Джемини» способен сближаться и стыковаться с другими кораблями, осуществляя сцепку в космосе так же, как в будущем сделают командный модуль «Аполлона» и паукообразный лунный посадочный модуль. Астронавты могли запустить двигатели и поднять орбиту до 1400, 1600 или даже 1800 км, многократно перекрыв рекорд высоты в 283 км, который установил Уолли Ширра во время шестивиткового полета на «Меркурии»[8]. И по крайней мере в нескольких полетах астронавты будут открывать люк, выбираться наружу и прогуливаться — именно прогуливаться — в космосе, фактически превращаясь в живой космический корабль, висящий в пространстве рядом с рукотворным кораблем.

В полетах «Джемини» предстояло сделать все это и многое другое, а также испытать еще один механизм — человеческий. По подсчетам НАСА, максимальная продолжительность полета на Луну могла достичь двух недель — и человек пока еще не осмеливался провести в космосе столько времени. Прежде чем отдаться на милость Луны, нужно было поэкспериментировать гораздо ближе к Земле. Если на околоземной орбите кровь, оказавшись в невесомости, разольется внутри мозга или сердце после такого длительного пребывания в условиях микрогравитации забудет, как работать, то можно запустить двигатели и через час-другой вернуться на Землю в руки врачей.

И где-то посреди всех этих соблазнительных полетов «Джемини» неминуемо предстоял один долгий, невыносимо мучительный полет, в котором двух астронавтов запрут внутри корабля в космосе и велют возвращаться не раньше, чем истекнут 14 суток — 224 витка, 336 часов. Никаких стыковок, рекордов высоты и прогулок в космосе. Никаких экспериментов, кроме необходимого минимума. Экспериментальным материалом будут они сами.

Именно этого полета все астронавты и надеялись избежать. И радостную весть о том, что унизительный полет на «Джемини-7» ему не грозит, Борман получил довольно рано.

Вскоре после новости о том, что назначения состоялись, Слейтон вызвал Бормана к себе в кабинет.

— Фрэнк, — сказал главный астронавт, — я долго думал. Отдаю тебе «Джемини-3», полетишь самым первым из всех.

Борман ликовал. На «Джемини-3» задумывался короткий полет: всего три витка, немногим больше четырех с половиной часов. Если старт назначат на раннее утро, экипаж поднимется на борт спасательного судна уже к обеду. Борману предстоит стать вторым в экипаже из двух человек, ему предназначается правое кресло второго пилота. Командиром, на левом кресле, назначался Гас Гриссом, уже слетавший на «Меркурии». Борман не возражал против скромной роли в скромном полете: историческая значимость такого назначения была неоспоримой.

Имена первых семи астронавтов впечатались в память американцев подобно именам отцов-основателей — навечно. Следующим именем в списке покорителей космоса должно стать имя Бормана. Такая весть кружила голову, но главное — она стала для Фрэнка очередным подтверждением того, насколько Слейтон — а значит, и НАСА в целом — ему доверяет.

Однако до принятия официального решения Слейтон дал Борману еще одно задание: сходить к Гриссому домой и поговорить с командиром экипажа один на один, как пилот с пилотом. Гриссом должен быть спокоен за второго астронавта и знать, что может на него положиться. Такое условие поставил сам Гриссом, и Слейтон с ним согласился: как командир тот имел право выбора.

Борман был совершенно не знаком с Гриссомом, но знал о его репутации. Тот прославился как первоклассный летчик, имевший на счету более сотни боевых вылетов во время Корейской войны, и обладал железным характером, необходимым для такой деятельности. Прямая грубоватая манера imponировала друзьям и многим сослуживцам, однако для людей, не знавших его близко, он был примерно так же обаятелен, как средних размеров клумба с кактусами.

Борман и в Вест-Пойнте, и в ВВС видывал людей куда хуже и надеялся, что разговор с Гриссомом пройдет нормально. В доме Гриссома он появился ровно в назначенное время, выслушал все, что должен выслушать, отвечая в нужных местах и даже отчеканивая по-военному «да, сэр» и «нет, сэр» там, где требовалось. Уходя от Гриссома, Борман довольно уверенно полагал, что все прошло как нужно.

На следующий день его вызвал Слейтон.

— Фрэнк, — сказал главный астронавт на этот раз, — я снимаю тебя с «Джеммини-3». Гас хочет, чтобы полетел Джон Янг.

Борман не ответил: он просто-напросто не решался заговорить. Слейтон ничем не объяснил такое решение Гриссома — вероятно потому, что у самого Гриссома объяснений никто не просил. Его корабль — его экипаж. Борман лишь кивнул, поблагодарил Слейтона за уделенное ему время и вышел из кабинета.

— Подумаешь, — отвечал он в последующие дни всем, кто спрашивал. — Если я ему не нужен, то и он мне тоже.

Через несколько дней Слейтон вновь вызвал Бормана к себе в кабинет — на этот раз сказать, что Фрэнку выпала короткая соломинка: его определили на «Джеммини-7». Впрочем, у главного астронавта было наготове и утешение: на этот раз Фрэнк будет командиром экипажа. На правом сиденье будет моряк Джим Ловелл — тому, видимо, досталась соломинка еще короче[9].

Борман и Ловелл по распоряжению Слейтона немедленно начали готовиться к полету на «Джеммини-7», худшему заданию из всех возможных, пока оно не превратилось в нечто совершенно другое.

Глава 3

Лето–осень 1965 г.

Пока экипаж «Джеммини-7» проходил тренировку перед своим первым космическим полетом, астронавты узнали много нового, в том числе выяснилось, что каждый врач в НАСА почему-то считал, что если за неделю он не смог прицепиться ни к одному из астронавтов, то неделя не удалась. Медицинские эксперты воспринимали астронавтов как объект одного из грандиознейших контролируемых экспериментов за всю историю науки: небольшая группа тщательно отобранных, превосходно обученных мужчин — представителей биологического вида, специально созданного для существования на Земле, в условиях стандартной земной гравитации 1 g, определенного температурного режима и защиты от радиации. И вот их вынут из этого инкубатора и поместят совсем в другую среду на часы, дни или более долгие периоды, а научное сообщество будет наблюдать за реакцией подопытных на такую резкую смену места обитания.

Более того — этих летающих «лабораторных крыс» не приходилось даже упрашивать отдаться в руки экспериментаторов. В отличие от студентов, которых на эксперименты заманивали обещаниями карманных денег или дополнительных баллов, астронавты сами просились на эту работу, даже истово соперничали ради ее получения и соглашались выполнять чуть ли не даром. Врачам оставалось лишь кое-как себя сдерживать.

Первая партия астронавтов выдержала почти бесконечные обследования, и никто не скрывал, что медицинские опыты, перенесенные пилотами ради вступления в ряды астронавтов, были изматывающими, инвазивными и откровенно унижительными. Во время публичной пресс-конференции 1959 г. в Вашингтоне, когда астронавтов впервые представили публике, им простили бы даже спотыкание по пути к трибуне. Посреди тщательно срежиссированного действия один из репортеров крикнул что-то пресс-секретарю НАСА, который передавал вопросы публики астронавтам. Пресс-секретарю явно не хотелось повторять вопрос, но деваться было некуда.

— Тут спрашивают... э-э-э... не согласятся ли джентльмены ответить... э-э-э... какое медицинское обследование им больше всего не понравилось?

Репортеры захохотали, руководство НАСА неловко заерзало, астронавты с улыбкой переглянулись. Вопрос был в самый раз для Уолли Ширры.

Уолли Ширра уже успел зарекомендовать себя хулиганом и любителем розыгрышей. Он никогда не мог удержаться от соблазна — обычно на официальных приемах в присутствии высоких чинов ВМС — громко спросить коллегу-офицера: «Эй, ты морская черепаха?» У спрошенного оставалось по обычаю два варианта на выбор: либо ответить «да, можешь поклясться своей задницей», либо промолчать — во втором случае он обязан поставить выпивку всем присутствующим. Ни тот ни другой вариант не вызывали у жертвы никакого восторга, но по жестким правилам летчицкого братства спрошенный обязан безоговорочно выбрать одно из двух.

На пресс-конференции 1959 г. Уолли был готов выпалить ответ на неловкий вопрос, однако Джон Гленн его опередил:

— Сложно сказать, так сразу и не выберешь: если вспомнить, сколько отверстий в человеческом теле и как глубоко можно в них залезть... — Гленн сделал паузу и подмигнул репортеру почти как Уолли. — А теперь ваша очередь: какое обследование было бы самым неприятным лично для вас?

Зал разразился хохотом, Гленн очень кстати (и очень привлекательно) зарделся и сел обратно в кресло.

Даже Ширра был вынужден сдаться:

— Я думаю, он ответил за всех нас, — сказал он.

А теперь, в начале 1965 г., на этапе планирования полета «Джемини-7», врачи имели в лице Фрэнка Бормана и Джима Ловелла многообещающие лабораторные образцы, на которых намеревались поэкспериментировать всласть. На две недели в космос еще никто не летал, а это значило, что задолго до начала полета врачам требовалось снять беспрецедентное количество показаний, чтобы иметь четкую картину изначального состояния организма. Борману и Ловеллу пришлось заново вытерпеть множество отвратительных процедур, которые они проходили перед зачислением в астронавты: заборы крови, впрыскивание контрастного вещества, электроиглы, центрифуга, электроэнцефалограммы, электрокардиограммы, электромиограммы...

Особый, почти навязчивый интерес врачи испытывали к проблеме сохранения кальция в организме. Если человека отправить в космос надолго, то скелет вдруг окажется не у дел (ведь без гравитации ему не нужно поддерживать тело) и он перестанет тратить силы на сохранение костей в функционирующем состоянии. Усваиваемый с пищей кальций, который обычно идет на укрепление костной ткани, напрямую выводится из организма.

Задуманный эксперимент поставили с тщательностью, доведенной почти до абсурда. Оба астронавта должны были собирать и сохранять каждую каплю мочи и каждый грамм кала, выделенные в течение девяти предстартовых дней, 14 суток полета и четырех дней после приземления, и затем вручить все это врачам. Этого, впрочем, все равно казалось недостаточным, так что перед полетом медики намеревались собирать еще слезы и пот. После этого Бормана и Ловелла, раздетых до белья, нужно поставить в низкий бассейн и поливать дистиллированной водой, после чего собрать и проанализировать каждую каплю на наличие кальция. Перед полетом и после него нужно в конце каждого дня сохранять и отдавать врачам нижнее белье — нестиранное, разумеется. Из него планировалось извлечь для анализа пот из самых интимных частей мужского тела, впитавшийся в ткань за 18 часов или около того.

Кровяное давление, устойчивость, пульс, дыхание, острота зрения — все это тоже предстояло исследовать до полета и затем периодически во время полета. Оценка зрения, впрочем, была связана с затруднениями. В небольшой кабине, рассчитанной на двоих, невозможно разместить проверочную таблицу на нужном расстоянии. Но даже в более просторной кабине у врачей все равно оставались бы сомнения, честно ли астронавты проводят проверку: а вдруг пилоты не скажут правды насчет ухудшившегося зрения, вдруг будут опасаться, что их вернут на Землю досрочно?

Поэтому никаких проверочных таблиц на борт решили не брать. Вместо этого в Техасе, недалеко от Ларедо, наземная служба НАСА должна была сгладить и разровнять восемь участков грунта — квадраты со стороной около 600 м каждый — и заполнять части квадратов белым пенополистиролом и темным дерном. Астронавтам, пролетающим над объектом, предстояло описать получившийся черно-белый узор, который могли бы менять между прохождениями корабля над Ларедо. С такой таблицей уж точно не сжульничаешь!

А под конец врачи захотели невозможного.

— Если вам придется жить в космосе две недели, то лучше заранее потренироваться на Земле, — заявил один из врачей.

— Мы и так половину времени проводим на тренажерах, — ответил Борман.

— Всего по несколько часов за один раз, — возразил врач.

— Мы можем и увеличить время, — сказал Ловелл, и Борман согласно кивнул.

— Это да, — ответил врач. — Но мы предлагаем имитировать полный срок, все две недели, с начала и до конца. Чтоб уж наверняка.

Борман не поверил своим ушам.

— Вы хотите, чтобы мы две недели пролежали в плоских креслах? В нормальной земной гравитации? Без перерывов на поход в душ?

— Ну... да, — подтвердил врач.

— Вы что, спятили? — рявкнул Борман.

На это врачам не нашлось что сказать: если бы ответ существовал, они бы непременно его огласили. Волей Бормана как командира экипажа эксперимент был благополучно вычеркнут из списков.

* * *

Если что-то и облегчало Борману мысль о том, что ему придется торчать две недели в гофрированной жестянке по имени «Джеммини-7», то это перспектива провести время с Джимом Ловеллом.

Борман познакомился с ним во время отбора в астронавты, когда вместе с группой других кандидатов они проходили проверку физической подготовки на авиабазе Брукс в Сан-Антонио, и Ловелл понравился ему с первого взгляда. Среди прочего Борману импонировал темперамент Ловелла. Армия по большей части состояла из резких типов вроде Гриссома, пересмешников вроде Ширры и, как вынужден был признать Борман, из целеустремленных и самоотверженных трудяг вроде него самого. Добродушные прямые парни, никогда не срывающиеся в злобу, оказались в дефиците. Их всегдашнее спокойствие шло не от легкомыслия или неспособности оценить опасность: они попросту не склонны сердиться и раздражаться.

Среди астронавтов даже сложилась поговорка: «Уж если ты не ладишь с Ловеллом — ты ни с кем не поладишь».

Борману нравилось также и то, что у них с Ловеллом был за плечами схожий опыт. То, что Ловелл выбрал не Вест-Пойнт, а Военно-морскую академию США в Аннаполисе, Бормана не смущало: каждому в Вест-Пойнте известно, что у любого человека в жизни есть одна суровая ошибка. Зато Ловеллу, как и Борману, пришлось изрядно потрудиться, чтобы попасть в выбранное учебное заведение. Он тоже оказался третьим на очереди в ожидании освобождающегося места, однако в его случае ожидание не завершилось успехом, и он провел два года в Висконсинском университете и затем вновь подал заявление в Аннаполис. На этот раз его приняли, но университетские годы не засчитывались, и Ловелла могли зачислить только новобранцем: он решил, что если в итоге его ждет диплом Военно-морской академии и морское звание, то дело того стоит.

Путь Ловелла в НАСА стал еще более запутанным, чем в Аннаполис, и точно так же, как и Фрэнку, ему нашлось что рассказать о Гасе Гриссоме. Ловелл подал рапорт в НАСА на первом же раунде набора астронавтов в 1958 г. и даже благополучно прошел изрядную часть отборочных испытаний; наконец, попав в финальную группу из 32 кандидатов, он споткнулся на медицинской мелочи: высокий уровень билирубина в крови. Даже сам врач, который

сообщил ему огорчительную весть, признал, что аномалия несерьезна, однако остальные кандидаты — 31 человек — такой аномалии не имели, а мест выделили всего семь. Хочешь не хочешь, кого-то пришлось отбраковывать.

Медицинские обследования проводились в частной клинике Лавлейса в Санта-Фе, штат Нью-Мексико, и теперь Ловеллу предстояло вернуться на обычное место службы — авиастанцию Патаксент-Ривер в Мэриленде. Остальные кандидаты, прошедшие очередной тур, должны были отправиться на авиабазу Райт-Паттерсон в Огайо, где их ждал очередной этап испытаний. Ловелл заскочил в свою комнату собрать вещи перед отбытием, но уехать не успел: ему передали, что Мэрилин, его жена, звонит ему по межгороду на телефон в штабе авиабазы. Ловелл, которому не очень-то хотелось рассказывать о неудаче, медленно вошел в кабинет, взял трубку, но не успел ничего сказать — жена его опередила.

— Не возвращайся домой, — выпалила она.

— Что?

— Не возвращайся домой. Из НАСА звонят целый день, тебе надо ехать напрямик в Райт-Паттерсон на очередные испытания.

— А здешние врачи говорят, что нет.

— Так сказал тот человек по телефону. Он велел тебе немедленно туда ехать и к вечеру заселиться в гостиницу для офицеров.

Ловелл, у которого на руках оказалось два взаимоисключающих приказа, поступил так, как в подобной ситуации положено поступать разумному офицеру: выбрал наиболее подходящий для себя вариант. Он прилетел в Райт-Паттерсон, заселился и немедленно начал разведывать ситуацию. Зная, что на испытания НАСА посылает команды по семь человек, он начал выискивать знакомые лица и считать по головам. Он узнал одного, затем другого и следом третьего кандидата из Лавлейса, счет остановился на шестом: значит, седьмым был он сам. Следовательно, никакой путаницы. Что бы ни говорили врачи о билирубине, их решение явно отменено кем-то из более высокого военного начальства.

На следующее утро за завтраком счастливый Ловелл обсуждал с остальными шестью, что такого могут сделать с ними врачи в Райт-Паттерсоне, чего еще не сделали врачи у Лавлейса, как вдруг совершенно здесь ненужный, с точки зрения Ловелла, летчик со смутно знакомой наружностью появился на пороге офицерской столовой и направился напрямик к их столику.

— Гриссом, — рявкнул он, представляясь группе и пожимая руки ближайших соседей. — Приношу извинения за опоздание. Проблемы с транспортом.

Теперь за столом сидели восемь человек, и каждый из восьмерки чувствовал себя неловко. Ловелл кое-как впихнул в себя завтрак и отправился в комиссию НАСА, расположившуюся в госпитале. Да, сказали ему там, переданный ему приказ явиться сюда был ошибкой; нет, отбор он не прошел, дисквалификация из-за билирубина. То ли Гриссом, то ли кто-то другой занял его место.

Ловелл, как было приказано, вернулся домой, но, как и в случае с Военно-морской академией, решил считать отрицательный ответ временным, который в будущем сменится правильным. В 1962 г., когда НАСА объявило второй набор кандидатов в астронавты, пришел положительный ответ.

Столь же романтической была история женитьбы Ловелла на Мэрилин. Как и Борман, Ловелл познакомился с будущей женой еще в старших классах школы. И точно так же, как Борман, перед отъездом в академию Ловелл договорился с Мэрилин, что после выпуска они поженятся. Только Ловелл, в отличие от Бормана, не пытался импульсивными порывами загубить отношения на первом же курсе.

Пока Ловелл учился в Военно-морской академии, Мэрилин Герлах — тогда еще под этой фамилией — изучала гуманитарные науки в Университете Джорджа Вашингтона. В Аннаполисе к Ловеллу она приезжала почти каждые выходные, как и многие другие невесты курсантов — или «спутницы», как на курсантском жаргоне называли девушек, в школьные годы становившихся неотъемлемой частью жизни старшеклассников. В Аннаполисе

Мэрилин останавливалась в одной из местных гостиниц — аккуратном доме в несколько этажей, к хозяйке которого Мэрилин и другие девушки обращались только «матушка Каштан»: если у нее и было другое имя, его никто не знал.

Однажды, на пятом году обучения в академии и на седьмом году знакомства, Ловелл и Мэрилин отправились погулять по центру Аннаполиса и по пути наткнулись на ювелирный магазин. Оба знали, что здесь курсанты покупали своим «спутницам» перстеньки — миниатюрную дамскую версию фирменного перстня морской академии, с бриллиантом в середине: такой перстенок служил обручальным кольцом в том случае, когда завтрашний офицер решал, что пора жениться.

У витрины ювелирного магазина Джим взглянул на Мэрилин и осторожно сказал:

— Вот, значит... выбирай, какое нравится.

— Какое нравится? — переспросила Мэрилин. То ли она не понимала сути предложения, то ли старательно разыгрывала непонимание. В любом случае Ловелл пришел в замешательство.

— Ну, обручальное кольцо.

— Обручальное кольцо? Вот так прямо сразу?

— Гм... Я просто считал... после семи лет как-то само подразумевается...

— Само? Подразумевается? — возмутилась Мэрилин. — Джеймс Ловелл, ничего тут само не подразумевается, пока ты не попросишь как положено.

И прямо там же, на тротуаре, молодой курсант опустил на колено и попросил ее руки как положено, и Мэрилин ответила «да». Недаром говорили: уж если ты не ладишь с Ловеллом...

* * *

Прежде чем «Джемини-7» получит шанс подняться в космос, должен состояться полет «Джемини-6». Миссии «Джемини-3», «Джемини-4» и «Джемини-5» в основном оказались успешны, главной вехой стал выход в открытый космос Эда Уайта на «Джемини-4» — первый для американца, ставший и знаком растущего престижа девятки астронавтов второго призыва. «Джемини-6» должен стартовать менее чем за два месяца до полета Бормана и Ловелла, запланированного на декабрь 1965 г. Оба астронавта планировали дела так, чтобы во время старта «Джемини-6» с Уолли Ширрой и новичком Томом Стаффордом на борту наблюдать за взлетом.

Утро 25 октября на побережье Флориды выдалось ясное. День выдался необычно жарким для осени, но это не помешало десяткам тысяч зрителей, разбивших палатки в окрестностях, заполнить до отказа все побережье вокруг стартовой площадки; здесь же заняли места представители трех главных телекомпаний и крупнейших газет.

Зрители и пресса стекались и к стартам «Меркурия», и к запускам первых трех «Джемини». Однако толпа, собравшаяся посмотреть на «Джемини-6», оказалась больше предыдущих — главным образом из-за того, что в то утро вместо одного запуска ожидалось два, с разницей всего в 90 минут. Для зевак это означало два обратных отсчета и вдвое больше эмоций. Для любителей крушений и для прессы это означало вдвое больше шансов стать свидетелями катастрофы.

Борман и Ловелл, наблюдая за происходящим из сектора для особо почетных гостей, об авариях не думали. Риски они вполне представляли себе и с обыденной точки зрения, и с профессиональной. Они понимали, что одна из ракет или обе сразу могут взорваться, но могут и уцелеть. Арифметика простая: либо одно, либо другое. Сегодня оба астронавта были рады хоть ненадолго отвлечься от 16-часового рабочего дня, занятого тренировками, и посмотреть на запуск со стороны, как все остальные.

Слева от них находилась стартовая площадка LC-14, где стояла полностью заправленная горючим ракета «Атлас» с космическим аппаратом «Аджена», вся в парах жидкого кислорода, готовая взмыть на четкую круговую орбиту в 298 км над Землей. Это был необитаемый аппарат, поэтому и взгляды, и телекамеры не баловали его вниманием, хотя всего через полчаса именно «Атласу» предстояло первому в тот день взлететь с космодрома.

Гораздо более важное происходило на стартовой площадке LC-19, предназначенной для запуска пилотируемых кораблей. От площадки LC-14 она отстояла почти на 2 км, а от сектора для особо почетных гостей — и того дальше. На ней готовилась к взлету куда более крупная и более важная ракета-носитель «Титан», увенчанная космическим кораблем «Джемини» с Ширрой и Стаффордом на борту. Этот-то запуск и был главным событием дня.

Если все пойдет так, как планировало НАСА, то «Атлас» стартует в 10:00 утра. Минут через десять ракета выведет «Аджену», 8-метровый летательный аппарат, оборудованный с одного конца ракетным двигателем, а с другого — стыковочным узлом, на заданную орбиту, и всего за 90 минут космический аппарат завершит первый облет Земли. Вскоре после 11:30, пока «Аджена» будет пролетать над космодромом, Ширра и Стаффорд последуют за ней в космос. За день они нагонят «Аджену» и пристыкуют «Джемини» носом к стыковочному узлу «Аджены», так что два корабля станут одним летательным аппаратом.

Такой маневр требовалось отработать ради лунных планов НАСА: в будущем лунный экскурсионный модуль, который конструкторы называли четким односложным сокращением LEM[10], взлетит с поверхности Луны, имея на борту двух астронавтов. Он состыкуется с обращающимся по орбите командным модулем, в котором будет еще один астронавт. Как только все трое воссоединятся на борту командного модуля, посадочный лунный модуль сбросят, и троица вернется на Землю. Опыта такой стыковки даже на околоземной орбите не было ни у США, ни у Советского Союза, и астронавтам предстояло отработать маневр, поставить еще одну галочку в графике подготовки к лунным экспедициям и заодно утереть нос русским. Полет «Джемини-б» планировался всего на двое суток, но после него космическая гонка уже не была бы прежней.

Пока что ситуация выглядела обнадеживающей. «Обратный отсчет для ракеты “Атлас-Аджена” идет без малейшей заминки, как часы», — рапортовал со стартовой площадки корреспондент CBS Чарлз фон Фремд телеведущему Уолтеру Кронкайту, который вел репортаж о запуске, сидя в 5 км от ракеты: там, на безопасном расстоянии, расположились передвижные студии телекомпаний. Стремясь развеять недоверие некоторых зрителей, сомневающихся в способности «Атласа» благополучно взлететь (у этой межконтинентальной баллистической ракеты было свойство взрываться при запуске), фон Фремд заявил, что ракета «в последних запусках выбивает 28 из 30».

Когда до запуска оставалось чуть меньше трех минут, телекамеры переключились с корреспондентов на стартовую площадку «Атлас-Аджены». Электронные цифры, выведенные на экран, отсчитывали секунды до старта, и ровно в тот миг, когда показался ноль, полыхнул пламенем двигатель непилотируемой ракеты.

— Старт вовремя, секунда в секунду! — воскликнул Кронкайт. — Вот он, знакомый огненный рев «Атласа»!

Кронкайт, ведший репортажи о запусках ракет с самых первых стартов, питал особую привязанность к этой темпераментной ракете, которая вывела на орбиту американских астронавтов после того, как русские вырвались вперед в космической гонке. Запуски «Атласа» он комментировал с особым энтузиазмом.

Однако на исходе пятой минуты полета, в момент предполагаемого отделения «Аджены» от носителя, станция слежения на Канарских островах доложила, что сигнал от аппарата потерян, мониторы на Канарах и в Центре управления полетом ничего не показывали. Затем вместо обычных сигналов от аппарата, поднимающегося на орбиту, появилось самое страшное: наземные радары уже видели не один быстро поднимающийся объект, а пять отдельных точек, разлетающихся по небу, что могло означать только взрыв.

— Это не обязательно катастрофа, — перебивая голос Кронкайта, сказал Пол Хейни, комментатор НАСА.

Однако ничем, кроме катастрофы, это быть не могло. Десятки тысяч зрителей, заполнивших побережье в надежде посмотреть двойной запуск ракет, могли об этом не подозревать, но люди в секторе для почетных гостей — по крайней мере те, что работали в НАСА, — все отлично понимали. Понимали это и Ширра со Стаффордом, пристегнутые к

креслам в корабле на стартовой площадке, и все прильнувшие к мониторам специалисты в центре запуска.

Пройдет целых 50 минут, пока станция слежения на Канарах подтвердит гибель «Аджены» и, соответственно, отмену запуска «Джемини-6» незатейливыми словами «плохо дело, плохо». Борман и Ловелл тем временем уже перебрались из зрительского сектора в Центр управления запуском; настроение у всех было предсказуемо мрачным, однако здесь летали и сумасшедшие искры гениальной импровизации.

Крис Крафт совещался с Уолтером Бёрком — главным конструктором корпорации McDonnell Aircraft, создателем ракеты «Титан», — и помощником Бёрка Джоном Ярдли. Троицу окружала толпа начальства из НАСА и McDonnell. Об инженерных проблемах и жестких сроках знали все. На оснащение новой «Аджены» и на отладку ее совместимости с «Атласом» может потребоваться до полугода, в этом случае полет «Джемини-6» придется сильно сдвигать и до него состоятся другие. Или, возможно, НАСА затормозит всю программу пилотируемых полетов до тех пор, пока «Джемини-6» не будет готов к старту, но при запланированном декабрьском запуске «Джемини-7» через 40 дней и запуске «Джемини-8» всего через 15 недель получится слишком плотный график. И к тому же неизвестно — вечно неизвестно! — что там придумают русские во время этой заминки. Стоя посреди тесной группы, в которую теперь входили Борман и Ловелл, Ярдли произнес вслух то, о чем думали пока немногие:

— А что, если вместо «Аджены» использовать «Джемини»? — И для тех, кто мог не сразу понять суть предложения, добавил: — Запустить первым «Джемини-7» и сделать его мишенью для «Джемини-6».

— Ты с ума сошел, — немедленно отозвался Крафт. — Это невозможно.

Однако уже произнося эти слова и ему, и всем присутствующим стало ясно, что на самом деле это вполне осуществимо. По правде говоря, эта идея просто напрашивалась.

Совместный полет означал, что на орбите одновременно окажутся четыре человека. И это при том, что космическая программа еще четыре года назад делала все возможное, чтобы отправить хотя бы одного-единственного астронавта в суборбитальный полет — выглянуть в космос на пять минут. Четверо астронавтов и четыре семьи на Земле — выглядело намного привлекательнее, чем сегодняшней план отправить в полет двух человек для стыковки с безликой машиной по имени «Аджена».

Между двумя «Джемини», выведенными на орбиту, полная стыковка невозможна: конструкция кораблей этого не позволяла. Однако наиболее сложной и важной частью процесса стыковки было сближение — когда два корабля размером с пикап, движущиеся на скорости 28 000 км/ч, должны отыскать друг друга среди миллионов кубических километров околоземного пространства и сойтись на минимальное расстояние. Астронавты окажутся так близко, что смогут узнать друг друга в иллюминаторах. В рамках космической программы такая точность сближения станет огромным шагом вперед.

Двойной запуск не означал сдвига «Джемини-7» на более раннее время: помимо прочего, у Бормана и Ловелла запланирован еще месяц тренировок. Однако кораблям предстояло стартовать в обратном порядке: после того как запустят «Джемини-7» и выведут его на орбиту, у наземной команды останется восемь-десять дней на то, чтобы вывезти на старт и отправить в космос «Джемини-6», когда останется еще несколько дней до окончания двухнедельного полета «Джемини-7». Такой порядок событий не казался невозможным, однако ради него пришлось бы кое-где «срезать углы», особенно если учесть, что стартовая площадка, оборудованная для пилотируемых полетов, существовала в единственном экземпляре.

Обычно на восстановление и ремонт пусковой установки после рукотворного пожара, называемого стартом ракеты, требовалось около месяца. Частью работ по восстановлению стала уборка и покраска — на функциональность площадки это совершенно не влияло, но было необходимо для того, чтобы визитеры из Конгресса, частенько посещавшие космодром,

видели, что Флорида не зря тратит вашингтонские деньги. На этот раз НАСА решило обойтись без косметических обновлений.

Для экономии времени также решили поменять местами ракеты-носители. «Титан» для «Джемини-6», прошедший предварительные испытания, уже стоял на стартовой площадке. Его можно было там и оставить, а позже подкатить к нему «Джемини-7» — оборудованный более мощными батареями[11] и системами жизнеобеспечения, необходимыми для долгого полета, — и водрузить на верхушку ракеты. Тем временем «Джемини-6» вернется в ангар и его установят на тот «Титан», который раньше предназначался для «Джемини-7».

Пока Крафт и прочие обсуждали осуществимость этого импровизированного проекта, двое из четверых астронавтов — кандидатов для нового полета — еще оставались на площадке 19. Сейчас они, вероятно, спускались на лифте с технологической вышки, по-прежнему в скафандрах, предназначенных для космической орбиты, а не для флоридского зноя. К обсуждению они присоединятся позже.

Однако те два астронавта, что присутствовали в Центре управления запуском, не замедлили выразить свое мнение о проекте.

— Мне нравится, — с чувством заявил Борман.

— Отличный план, — добавил Ловелл.

Помимо воли Крафт вынужден был признать, что склоняется к принятию этого безумного плана. Правда, для начала НАСА придется решить некоторые проблемы: найти возможность переделать глобальную систему слежения, рассчитанную на один космический корабль, для слежения за двумя; выяснить, удастся ли вовремя разработать навигационные алгоритмы для компьютеров, помогающих вести оба корабля. Однако за решение таких задач и получали жалованье «разработчики-мозголомы», и именно в таких внезапных импровизированных заданиях всегда мечтали участвовать астронавты. Крафт почти не сомневался, что Ширра и Стаффорд, услышав о новом плане, откликнутся на него с тем же энтузиазмом, что и Борман с Ловеллом.

* * *

Всего через трое суток после гибели «Аджены», 25 октября, на ранчо президента Линдона Джонсона в тexasском Остине состоялась пресс-конференция, в ходе которой на трибуну поднялся Билл Мойерс. Для Джонсона он был не первым официальным представителем и даже не вторым: пресс-секретари у Джонсона не задерживались, однако к Мойерсу, которому исполнился всего 31 год, он питал симпатию. Помимо молодости и искренности Мойерс обладал еще одним ценным качеством: он был тexasцем, как и сам Джонсон. Кроме того, он входил в число полутора десятков человек на фотографии, запечатлевшей трагическое и преждевременное рождение администрации Джонсона неполных два года назад: до боли пронзительный кадр изображал нового президента принимающим присягу в салоне «борта номер один», за его плечом виднелось потрясенное лицо Жаклин Кеннеди, мужа которой убили всего два часа назад. Мойерс в тот день показал себя незаменимым сотрудником, и с тех пор он так или иначе присутствовал рядом с Джонсоном.

Когда администрация Кеннеди сменилась администрацией Джонсона, внутри космической отрасли волнений было немало. Кеннеди смело пообещал добраться до Луны до 1970 г., и в НАСА многие сомневались, удастся ли новому президенту с его сонным взглядом сравняться пророческой энергией с предшественником. Однако внешность была обманчива.

В действительности именно Джонсон, тогда лидер партии большинства в сенате, в 1958 г. добился принятия Закона об авиации и исследовании космического пространства, в результате чего и было создано НАСА. И именно Джонсон в последние недели сенатской деятельности после выборов, приведших его и Кеннеди к власти, без лишней шумихи добился поправки к этому закону, так что к большинству пунктов, возлагавших ответственность на президента США, теперь было добавлено «или на вице-президента США». Всего через шесть дней после гибели Кеннеди Джонсон объявил в транслируемой по телевидению речи, что мыс Канаверал теперь будет переименован в мыс Кеннеди, так что

электорат и налогоплательщики получили мощную гарантию того, что новый президент лично проследит за исполнением мечты Кеннеди о полете к Луне.

Сегодня пресс-секретарю Джонсона предстояло удивить собравшихся журналистов: у него была наготове новость, и к тому же новость на космическую тему, излюбленную репортерами. Утреннюю встречу Мойерс начал с того же, с чего начинал любые публичные обращения в тех случаях, когда Белый дом организовывал временную ставку на ранчо: с описания относительно спокойного президентского утра.

— Президент встал в шесть утра, — доложил он. — Некоторое время провел за рабочим столом, разбирая бумаги. Продиктовал несколько меморандумов и писем. Затем они с миссис Джонсон немного прогулялись по дороге, 5–6 км, туда и обратно.

— Билл, о какой дороге речь? — спросил кто-то из прессы.

— Грунтовая дорога в передней части ранчо, — ответил Мойерс.

Репортеры записали эту мелочь — пока что единственную живую подробность.

— Сидя за рабочим столом, — продолжал Мойерс, — президент обсудил с министром обороны МакНамарой некоторые вопросы, в частности относящиеся к Южному Вьетнаму.

Тоже не такая уж важная новость. В те дни президент то и дело разговаривал с МакНамарой, и всегда о Вьетнаме. Корреспонденты ждали от Мойерса чего-нибудь еще, и пресс-секретарь смилостивился.

— Президент рассмотрел некоторые материалы по ситуации в космической отрасли, и я представляю вам меморандум, подготовленный для президента Джеймсом Уэббом, руководителем Национального управления по аэронавтике и космосу. Согласно меморандуму, во время полета «Джемини-7» НАСА попытается осуществить запуск «Джемини-6» и свести пилотируемые ракеты на орбите в совместном полете.

Вот это была новость так новость! Даже неважно, что Мойерс назвал корабли «ракетами», хотя к моменту выхода обоих «Джемини» на орбиту ракеты-носители «Титан» уже рухнут в океанские воды. Репортеры, знакомые с космической темой, напишут правильно, а остальных поправят редакторы, проверяющие их тексты.

— Такого раньше не было? — выкрикнул кто-то из репортеров.

— Нет, такое впервые.

— Раньше об этом не объявляли?

— Нет.

— А «шестерка» будет пилотируемая?

— На «шестерке» будут два астронавта — те же самые, что готовились к нынешнему запуску.

— И «семерка»? — настойчиво допытывался кто-то, то ли не расслышав сказанного, то ли не веря своим ушам.

— Верно, — терпеливо ответил Мойерс и для полной ясности добавил: — В космосе будут одновременно находиться четыре астронавта.

Затем он дал прессе подробности касательно каждого из четверки: имя, возраст, звание, родной город, состояние летной готовности — все, кроме Ширры, полетят в космос впервые. Тремя разными пояснениями Мойерс уточнил: да, два корабля будут сведены на орбите; нет, невозможно конкретно сказать, на каком расстоянии друг от друга («порядка нескольких футов»); нет, стыковки точно не будет («корабли не соприкоснутся»).

— Билл, можно нам перерыв минут на пять, оформить информацию? — попросил кто-то из собравшихся.

Молодой пресс-секретарь кивнул: времени было не жалко.

— У меня все, — объявил он и отошел от трибуны. Пусть теперь пресса делает свое дело.

Глава 4

4 декабря 1965 г.

Когда в ракете «Титан» под астронавтом впервые производится зажигание — это всегда неожиданно. Пилоты считают, что они к такому готовы: ведь те, кто их тренировал, клялись, что так оно и будет. Но когда этот миг приходит, астронавты понимают, что инструкторы и понятия не имели, как оно случается в действительности.

Первое, о чем астронавтам никогда не рассказывали, — это буль-буль-булькающий звук, который начинается за 30 секунд до включения двигателей. Более 120 000 л двух компонентов взрывоопасного топлива плещутся внутри 31-метрового корпуса ракеты, и, чтобы та хоть куда-нибудь полетела, эти летучие химические вещества должны быть поданы куда нужно и смешаны. А поскольку топливные насосы второй ступени расположены довольно высоко, в нескольких метрах под водруженным на верхушке ракеты кораблем «Джемини», то звук, похожий на бульканье гигантской ванны, из которой вытекает вода, невозможно не заметить и невозможно воспринимать с удовольствием.

Астронавты не были готовы и к тому, как будет раскачиваться под ветром ракета в ожидании запуска. Чем выше, тем больше раскачивание, а это значит, что больше всего мотает двух астронавтов, втиснутых в «Джемини» на самой верхушке. И, несмотря на многие часы, проведенные в центрифуге для привыкания к перегрузке в 7 g, которую им предстояло выдержать после долгожданного старта, они еще не понимали, насколько быстро почувствуют эту тяжесть — почти сразу после того, как ракета взлетит с площадки. Это было еще одной родовой чертой «Титана» как баллистической ракеты: если оружие взмывает в небо для защиты родины от нападения, ему не время медлить на старте.

А хуже всего был звук зажигания. Во время бесконечных тренировок на имитаторах специалисты никогда не пытались воспроизвести этот звук, потому что даже самый лучший тренажер не может повторить пушечного рева двигателей «Титана» — тут надо находиться внутри самой пушки, а это случится именно в день старта и больше никогда. Без помощи радиосвязи было невозможно докричаться до коллеги в соседнем кресле: закрытый шлем приглушал голос астронавта, а грохот ракеты поглощал все прочее. Даже при том, что микрофон в шлеме располагался всего в паре сантиметров от губ, астронавтам приходилось кричать, чтобы их услышали.

4 декабря 1965 г., в 14:30 по местному времени, ровно в день и час, запланированный баллистиками НАСА, невзирая на режим свободной импровизации в планировании, который царил здесь в последние полтора месяца, Фрэнк Борман и Джим Ловелл впервые испытали на себе невысказанно мощный толчок ракеты «Титан».

— Уже летим, Фрэнк! — прокричал Ловелл Борману.

Тот, болтаясь в левом кресле, что-то сказал, но ответ безнадежно потерялся в шуме, даже сам Борман его не расслышал. Второй ответ, на этот раз намеренно короткий, звучал утвердительно: «Точно!»

— Связь с кораблем немного осложнена шумами, — сказал комментатор НАСА Пол Хейни, обрисовав ситуацию для десятков миллионов телезрителей намного более бледными красками.

Дни перед запуском оказались предсказуемо нагружены делами не только для Бормана и Ловелла, но и для запасной команды — Эда Уайта и новичка из третьего набора, Майка Коллинза. В качестве дублеров оба должны находиться в постоянной готовности, чтобы в случае осложнений в любой момент заменить основной состав.

Коллинз, который при необходимости мог занять правое кресло вместо Ловелла, Борману нравился: сообразительный, обаятельный, со сдержанным, но точно бьющим в цель юмором и почти поэтическим языком. Трудно было не заметить также, насколько точно Коллинз чувствовал характер окружающих. Много позже Борман узнал, что в нем самом Коллинз видел упорного и целеустремленного лидера, активного и способного целиком отдаваться делу, напоминающего манерой поведения политика перед близящимися выборами. В этом случае, как и в большинстве остальных, Коллинз попал в самую точку.

Однако еще больше Бормана радовало то, что его собственным дублером стал Эд Уайт. Борман достаточно долго был военным служащим и астронавтом, чтобы научиться

устанавливать дружеские отношения с окружающими. Однако простое товарищество и близкая дружба — не одно и то же; товарищей у Бормана появилось немало, но дружба с Уайтом оказалась особенно прочной. Борманы и Уайты жили через дорогу друг от друга, семьи ладили на удивление хорошо. Так тесно, как Сьюзен и Пэт, не общался почти никто из жен остальных астронавтов. Сыновья Бормана Фред и Эд дружили с детьми Уайтов, Эдвином и Бонни Линн, и на долю единственной девочки среди трех мальчишек доставалось на удивление мало дразнилок. Обе пары вместе с детьми часто проводили вместе выходные, и астронавты не упускали случая порыбачить и поговорить о космических делах — или же порыбачить и поговорить о чем-то другом.

В день запуска «Джемини-7» Борман, Ловелл и оба дублера проснулись в семь утра. Оба экипажа занялись тщательными предстартовыми сборами; прежде чем Борман и Ловелл забрались в капсулу, Уайт и Коллинз провели в ней около часа, проверяя системы и готовя корабль к полету. Перед самым полуднем дублеры выбрались наружу, два основных астронавта загрузились в кабину и пристегнулись в креслах. Затем были задраены оба люка над их головами.

Часы перед зажиганием тянулись невероятно медленно. Борман порадовался, что утром они с Ловеллом плотно позавтракали: то была последняя нормальная трапеза, теперь долго таких не будет. На борту корабля имелось множество продуктов, заготовленных на 14 дней полета; названия звучали отлично — курица с овощами, креветки в томатном соусе, говядина с подливкой, пудинг с масляным кремом, упакованные фрукты, — но все это либо запаковано в пленку, либо выморожено почти до бесчувствия, и есть придется ложкой из пластиковой упаковки, которую полагается вскрывать хирургическими ножницами. Фруктовый пирог здесь тоже был — нескончаемое количество кусков, упакованных, как сосиски, длинной цепочкой и спрятанных за креслом Ловелла. Они были питательными и высококалорийными, но никто не обещал, что в космосе они будут хоть чуточку вкуснее, чем на земле.

Впрочем, сейчас — во время взлета и нарастания перегрузок — о еде никто из астронавтов не думал. Через 2 минуты и 36 секунд полета, точно по графику, отработала и ушла первая ступень, из-за чего Бормана и Ловелла бросило вперед так, что в креслах они удержались лишь благодаря ремням. Через миг заработала вторая ступень, и их вновь вжало в кресла. Перегрузка росла по графику от 4 g до 5, 6, 7 — за какие-то три минуты два человека, весившие на Земле около 70 кг, теперь на весах гравитационной физики весили около полутонны каждый.

А потом, через 5 минут и 40 секунд после взлета с побережья Флориды (дойти пешком от стартовой площадки до кафетерия на мысе Кеннеди — и то заняло бы больше времени), двигатель смолк, корабль вышел на орбиту, и вдруг наступила невесомость [12]. Тело ничего не весило, вокруг лениво плавали пылинки и случайные болты и гайки, неминуемо остающиеся в кабине даже после самой тщательной уборки. Как и все новички, испытывающие невесомость впервые, Борман и Ловелл с улыбкой потыкали пальцами в летающий мусор, а затем улыбнулись друг другу.

— «Джемини-7», разрешаем орбитальный полет, — передал из Хьюстона оператор связи, которого здесь звали «капком» (capsule communicator).

— Вас понял, — ответил Борман, — спасибо.

— Отличный у вас полет на тренажере, лучше всех, — пошутил капком.

Борман и Ловелл, которые теперь официально и навечно стали частью крошечного братства людей, летавших в космос, просто улыбнулись в ответ.

* * *

Очень скоро полет на «Джемини-7» превратился в ту самую 329-часовую пытку, какой его все заранее считали. Целых две недели два взрослых человека должны были провести взаперти в капсуле, где обитаемого пространства не больше, чем на переднем сиденье автомобиля «фольксваген-жук», а потолок даже ниже, чем в «жуке». Астронавты быстро усвоили, что разогнуть и вытянуть ноги можно, но только если согнуть тело. Или разогнуть тело, но тогда согнуть ноги. Сделать то и другое одновременно было невозможно. Кроме

того, их постоянно окружали механические звуки: жужжание, тиканье, свист двигателей ориентации и вентиляторов — сердцебиение корабля, его пульс. Эти шумы в некотором смысле казались ободряющими, только они лезли в уши постоянно, не прерываясь ни на миг.

Даже спать было не так-то просто, поскольку к постоянному шуму добавлялись переговоры с капкомом. Радиообмен с Землей также не прекращался: по действующим правилам НАСА в любой момент времени хотя бы один астронавт должен был бодрствовать, и, когда напарник находится от тебя в считанных сантиметрах, тебе слышен даже вежливый шепот, нарушающий покой.

Меню тоже не очень-то соответствовало ожиданиям. Еда, которую полагалось развести водой с помощью «водяного пистолета», отказывалась достигать нужной консистенции: сухие порошкообразные куски чередовались с липкими водянистыми, и ни одна порция не получалась правильной. Фрукты с сахарным сиропом были чуть лучше, пунш тоже. Фруктовый пирог оказался... фруктовым пирогом.

Борман с Ловеллом, не теряя времени, усиленно занимались медицинскими экспериментами и навигационными наблюдениями. Они работали с ВМС США, отслеживая ракеты «Поларис», запущенные с субмарин в океане, — такие задания требовали усилий и заодно служили развлечением, на что и надеялись психологи НАСА. Однако, как ни крути, свободного времени оставалось изрядно. Каждый из астронавтов взял с собой по книге: Борман — «Налегке» Марка Твена, Ловелл — «Барабаны в долине Мохок» Уолтера Эдмондса, бестселлер 1936 г. Выбор пришелся по вкусу НАСА: именно такие полезные книги, по мнению агентства, и должен увидеть мир в руках астронавтов на орбите. Однако в действительности книги по большей части оставались нераскрытыми, лишь Ловелл время от времени писал фразу-другую в дневник, который взял с собой в полет.

Даже скафандры стали невыносимыми. Обычные скафандры военных летчиков с твердыми шлемами для двухнедельного полета не годились, поэтому НАСА заказало более легкие и мягкие скафандры с матерчатым шлемом: он пристегивался «молнией», и его можно было откинуть назад, как капюшон обычной куртки. Астронавты и большинство сотрудников НАСА сразу отнесли такие скафандры к классу «срочно вниз», поскольку они не годились для выходов в космос и практически ни для чего другого, кроме защиты астронавтов от внезапной разгерметизации кабины при выведении на орбиту и при входе в атмосферу. Скафандры липли к телу, в них было невыносимо жарко. Снимать их, чтобы остаться в нижнем белье, куда более удобном, НАСА не позволяло: «спусковой» скафандр не может защитить при спуске, если ты спускаешься без него.

Поэтому Борман, сидя в скафандре, изнемогал от жары, и повернутый до отметки «холодно» регулятор вентиляции помогал лишь чуть-чуть. Ловелл же в первые дни из скафандра постепенно вылезал. Сначала он высвободил плечи — уж точно НАСА не будет возражать. Затем он спустил скафандр до пояса и, наконец, до колен. Оба астронавта докладывали о дискомфорте на Землю, и за следующие шесть дней вопрос «скафандр или белье» поднялся по инстанциям до самых верхов: капком передал его руководителю полета, тот — Крису Крафту, дальше дошло до первого заместителя администратора НАСА в Вашингтоне, который потребовал консультации главного летного врача. Да, доложил тот, получаемые с корабля биомедицинские данные показывают, что Ловелл (чей трюк с «исчезновением» скафандра уже ни для кого не был секретом) демонстрирует куда более здоровый уровень кровяного давления и пульса, чем бедолага Борман в своем скафандре. И обратно по инстанциям было спущено мнение руководства НАСА: преимущества полета без скафандра перевешивают достоинства его постоянного использования, так что экипажу «Джемини-7» было официально позволено летать в одном белье.

Подходила к концу первая неделя полета. Немытые и небритые астронавты малопомалу покрывались грязью и зарастали щетиной. Перед ними неотступно стояла проблема сохранить последний клочок личного пространства — не говоря уже о достоинстве — в космическом корабле без надлежащего санитарного устройства. Помочиться в космосе не проблема, и врачи, как оказалось, решили, что образцов мочи им много не понадобится, так

что можно их собирать лишь изредка. Это позволило астронавтам в большинстве случаев облегчаться в специальную трубку, а ее содержимое сбрасывать через небольшой клапан наружу, где жидкость в тот же миг взрывалась дождем сверкающих кристаллов — Ширра метко назвал это явление «созвездием Уриона».

Однако справиться малую нужду было не единственной проблемой; чтобы справиться другую нужду, требовалось использовать пластиковые пакеты и одноразовые салфетки и ловко маневрировать для достижения нужного эффекта. Партнер при этом либо делал вид, что ничего не замечает, либо всячески подчеркивал свое присутствие и забрасывал соседа вопросами, чем же тот наелся перед полетом. Ловелл попросту смирился с фактом, что ему придется пользоваться чудовищными пакетами НАСА для сбора испражнений: для него это была невеликая цена за возможность полететь в космос.

Борман же изобрел собственное решение проблемы: он решил с ней не встречаться. Если человек не властен над собственным кишечником, считал Фрэнк, то он не властен ни над чем другим: если надо держать в повиновении кишечник 14 дней подряд — то так тому и быть. Одной лишь силой воли и упрямством Борман продержался всю первую неделю и восьмой день. Ловелл, преследуя собственный интерес, даже болел за его победу. Однако никому не дано сдерживаться вечно.

— Джим, — сказал Борман на девятый день. — Кажется, я больше не могу.

— Фрэнк, осталось-то всего пять дней, — шутливо возразил Ловелл. Однако пять дней слишком долгий срок, и Борман, ранее полагавший, что любое препятствие можно преодолеть, неожиданно для себя на первобытном уровне убедился, что препятствия бывают и непреодолимыми.

* * *

Уолли Ширра и Том Стаффорд начали процедуру запуска утром 12 декабря. Это был девятый день полета «Джемини-7», и он же должен был стать первым днем полета «Джемини-6», если судьба, погода и «железо» не подведут. Астронавтам предстоял обычный завтрак из бифштекса с яичницей, сока и кофе, после него — облачение в скафандры (стандартные, с жестким шлемом), затем традиционная прогулка до микроавтобуса и улыбки для прессы и, наконец, спокойная дорога к стартовой площадке. Уолтер Кронкайт водворится в своей выездной студии, репортеры снаружи будут говорить в камеру на фоне ракеты и ее башни обслуживания вдали, а традиционные десятки тысяч зрителей заполнят побережье. Впрочем, на этот раз будет еще два особых зрителя — в 300 км над земной поверхностью.

— Как там старт «шестерки»? — спросил у Хьюстона Борман, когда до запуска оставалось меньше часа: он знал, что к тому времени Ширра и Стаффорд уже должны сидеть в кабине, пристегнутые к креслам.

— С «шестеркой» все отлично, — ответил астронавт-новичок Эллиот Си, севший за пульт капкома вскоре после того, как экипаж погрузился в космический корабль. — У них 25-минутная задержка.

— У них уже 25 минут задержки? — переспросил Борман, ошибочно решив, что какая-то незапланированная пауза длится 25 минут и техники на стартовой площадке выясняют причины какой-нибудь неисправности.

— Это встроенная задержка, — заверил его Си. На самом деле ЦУП заложил в график 25-минутную задержку на отметке Т-3 минуты на проверку всех систем[13]. — Хьюстон говорит, все идет нормально.

— Вас понял, — с облегчением ответил Борман.

Проведя в полете уже неделю с лишним, Борман и Ловелл, естественно, соскучились, а появление гостей обещало новизну — даже если забыть о сложных маневрах, которые понадобятся для сближения кораблей. Траектория их полета пролегла так, что Борман и Ловелл должны были оказаться над мысом Кеннеди в тот самый миг, когда включатся двигатели «Джемини-6». Если погода не испортится, они увидят огненный вихрь при старте «Титана»: с высоты в 300 км он будет выглядеть не крупнее вспышки от спичечной головки, но зато станет понятно, что друзья уже в пути.

Сидя в телевизионной студии, Уолтер Кронкайт жаждал старта не меньше, чем Борман и Ловелл.

— Это будет наш самый волнующий день в космосе, затмеваемый разве что самыми первыми полетами в космос, — говорил он зрителям.

Обратный отсчет шел гладко; Ширра и Стаффорд, пристегнутые к креслам на верхушке ракеты, слышали, как он подходит к нулю. Началось буль-буль-бульканье. В 09:54 утра раздался рев, который ни с чем нельзя было спутать, и корпус ракеты задрожал от мощи запускаемых двигателей.

— Мое время пошло! — перекрикивая грохот, доложил Стаффорд, имея в виду часы полетного времени на приборной панели, которые были запрограммированы считать каждую секунду полета с того мига, когда корабль отрывается от старта и расстыковывается хвостовой разъем ракеты.

Однако в эфире немедленно раздался голос Эллиота Си:

— «Джеммини-6», выключение.

И действительно, Ширра со Стаффордом услышали, как рокотающие двигатели стихли.

Протокол на случай отключения двигателей Ширра знал: полагалось немедленно дернуть рукоятку с D-образным кольцом в передней части кресла, между ногами. «Титан», поднявшийся хотя бы на несколько сантиметров и потерявший тягу, сядет обратно с резким толчком, от которого может легко загореться топливо в баках, и тогда облако смертоносного пламени поглотит весь корабль. Дернуть кольцо — значит задействовать катапультируемые кресла (самые мощные из тогда существовавших), и в этом случае астронавтов выбросит из капсулы со скоростью большей, чем скорость распространения пламени, но ценой этому будет ударная перегрузка в 20 g. Такой удар может убить человека, но лучше пойти на риск, чем неминуемо погибнуть от пламени.

Ширра отработывал эту ситуацию на тренажере бесчисленное количество раз, но, когда нужный миг настал, он решил не делать ничего. Двигатели запустились, бортовое время пошло, но Ширре чего-то не хватало — а конкретно того, что должно было ощущаться в буквальном смысле как пинок под зад: толчка и удара мощной машины, начавшей двигаться. Ощущение малозаметное, почти неразличимое в рокоте и тряске «Титана», но Ширра был уверен, что толчка не было. Часы в кабине солгали: время почему-то пошло, но ракета не двинулась. Пинка не было.

Ширра, не теряя спокойствия, взглянул на приборную панель: датчик давления показывал, что ракета стравливает баки и возвращается в безопасный режим — как и положено после безопасного отключения двигателей.

— Давление топлива снижается, — ровным голосом доложил он Центру управления.

— Вас понял, — отозвался Си.

Если Ширра и рисковал своей жизнью и жизнью Стаффорда, то это был хорошо просчитанный риск, и Ширра выиграл, а в процессе сберег себе последний шанс отработать сближение на орбите. Дерни он за кольцо — они со Стаффордом то ли выжили бы, то ли нет, но их корабль оказался бы ощутимо продырявлен на месте двух люков, которые отстрелились бы при катапультировании. Не было возможности ни отремонтировать, ни заменить корабль до того, как «Джеммини-7» придет время возвращаться на Землю.

Борман и Ловелл не могли с орбиты заметить пламя на площадке LC-19, которое едва вспыхнуло и тут же погасло. О происшедшем они узнали от Эллиота Си[14].

— Зажигание и сразу отключение, — четко и лаконично сказал он.

Борман с Ловеллом уныло переглянулись. Они по-прежнему болтались на околоземной орбите, ожидая обещанных гостей.

— Вас понял, — ответил Ловелл. — «Семерка», ваш преданный партнер по отработке сближения на орбите, ожидает дальнейших указаний.

* * *

Когда сообщили о неудавшемся — опять! — запуске «Джеммини-6», президент Линдон Джонсон и без того пребывал в дурном состоянии духа. Утренние газеты ничем не

радовали, *The New York Times* сообщала, что республиканцы в Конгрессе и пять губернаторов-республиканцев выпустили единодушную декларацию, предупреждающую, что обостряющийся конфликт, развязываемый Джонсоном во Вьетнаме, начинает походить на «бесконечную войну в джунглях, наподобие корейской». Таких сравнений Джонсон всеми силами старался избегать, однако они становились все более модными. Пораженческие разговоры он мог бы вытерпеть от пацифистского левого крыла собственной партии, однако при том, что Республиканская партия (или Великая старая партия, как ее называли неофициально) всегда была более склонна к стычке с коммунистами, этот удар оказался более болезненным.

С не меньшим раздражением Джонсон узнал, что влиятельная группа из 30 чернокожих законодателей и активистов Демократической партии выдвинули заявление, требующее большего участия в деятельности партии и отборе кандидатов. Джонсон знал, что их жалоба обоснованна, однако он уже потратил такой объем политического капитала, какого хватило бы на всю карьеру, на продвижение Закона о гражданских правах и Закона об избирательных правах через непокорный Конгресс. Такая поддержка стоила ему верности белого электората южан, которые начали перетекать на сторону республиканцев, не очень жалующих законодательные инициативы Джонсона, касающиеся равноправия. Если Джонсону не удастся заменить эту часть электората черными новобранцами, только что получившими права, то он станет изгоем в собственной партии.

А тут еще и космическая программа, обычно служившая утешением, рушилась на глазах. Джеймс Уэбб и остальные руководители космического агентства знали подход Джонсона: неудачи вроде повторяющейся отмены запуска «Джемини-6» должны разруливаться быстро. Однако на тот случай, если его не поняли в точности, президент дополнительно выпустил тщательно сформулированное публичное заявление. Дважды в двух предложениях подряд он упомянул о последнем фиаско. Тщательно подобранными словами Джонсон дал понять, что новые разочарования ему не нужны.

И они не появились. Запуск «Джемини-6» произошел всего двумя днями позже благодаря зоркому инженеру, которого направили изучить внутренности «Титана» и определить, почему после зажигания двигателя выключились. Много часов спустя он прибежал со стартовой площадки на мысе Кеннеди и доложил, что внутри 10-этажного «железа» нашел пластиковую крышку размером с десятицентовик, блокировавшую обратный клапан, который в нормальном состоянии должен быть открыт. Крышку поставили тремя месяцами раньше на сборочном заводе в Балтиморе, когда техник снял газогенератор для чистки и, как требовалось по документации, закрыл получившееся отверстие, чтобы избежать засорения. Однако крышка не бросалась в глаза, и вторую часть инструкции, предписывающую снять крышку перед вторичной установкой генератора и допуском «Титана» к полету, он не выполнил. При включении двигателей этот мелкий клочок бесполезного материала блокировал взлет гигантской ракеты.

Теперь крышку сняли, ракету вновь заправили топливом, и астронавты повторили все ту же утреннюю процедуру. 14 декабря в 10:28 утра «Джемини-6» наконец покинул Землю.

— Время пошло! — прокричал Ширра, когда двигатели «Титана» запустились и на этот раз не выключились. — По-настоящему!

— Траектория отличная, — прокомментировал Си, который опять сидел за пультом капкома в Хьюстоне.

— Вас понял, — ответил Ширра. — Прямо как мечта.

— У вас все нормально, «Джемини-6».

— И вам не хворать! — ответил Ширра.

Борман и Ловелл, которые вновь проходили прямо над побережьем Флориды, вначале ничего не увидели: мыс Кеннеди закрывала плотная облачность. Однако, когда Ширра и Стаффорд прорвались сквозь облачную завесу, Борман увидел белую полосу конденсационного следа, оставленного ракетой, и мелкую, как светлячок, яркую точку — «Титан».

— Вижу, вижу след! — объявил Борман.

Ловелл, вытянув шею, выглянул в иллюминатор Бормана и тоже увидел ракету.

— Тут скоро будет тесно, — заметил он.

Требовалось четыре витка, чтобы создать «толпу» из двух космических кораблей. И почти шесть часов наземные радиолокаторы, до этого следившие только за «Джемини-7», должны были думать еще и о «Джемини-6». Тем временем инженеры в ЦУП, взаимодействуя с астронавтами и компьютерами, рассчитывали положение двух крошечных кораблей в огромном околоземном пространстве и затем подводили их все ближе друг к другу.

Борман и Ловелл влезли в ненавистные скафандры, лишь оставив шлемы незастегнутыми и откинутыми. Правила НАСА ни за что бы не позволили двум кораблям сблизиться на расстояние, хоть сколько-то чреватое столкновением, без соблюдения мер безопасности: если произойдет авария и корпус «Джемини» получит повреждение, астронавты должны быть защищены.

«Джемини-7» в течение нескольких дней летал по орбите в режиме медленного кувыркания, чтобы сохранить горючее для запланированных и незапланированных маневров. Космический корабль на орбите — это не реактивный самолет в небе, который обычно летит туда, куда указывает его нос. Пока скорость и высота «Джемини-7» оставались сбалансированными нужным образом, физические законы гарантировали стабильную орбиту независимо от того, как направлен нос корабля по всем трем осям — тангажу (вверх и вниз), рысканью (вправо и влево) и вращению (вокруг продольной оси). Теперь же Борман пустил в ход двигатели и стабилизировал корабль в нужном положении носом вперед. Таков был единственно безопасный способ осуществить сближение, и, что не менее важно, по крайней мере для пилота, это был единственно приличный способ.

«Джемини-6», с его полным баком топлива для маневрирования и с заданием провести в космосе чуть больше суток, в запланированном орбитальном па-де-де должен был выполнять основную работу. Ширра, корабль которого находился на орбите пониже, чем корабль Бормана и Ловелла, включал время от времени кормовые двигатели, увеличивая скорость и высоту, пока не приблизился к назначенной точке встречи. Пока «шестерка» шла по следу, а «семерка» ждала гостей, радар сообщал обоим кораблям, что расстояние между ними сокращается, однако друг друга они пока не видели.

Когда корабли были еще более чем в 100 км друг от друга и «Джемини-6» при этом находился в тени орбитальной ночи, а «Джемини-7» уже в ярком дневном свете, Ширра выключил свет в кабине, чтобы лучше видеть цель. Первым ее увидел Стаффорд, заметивший отблеск солнечного света на задней половине «Джемини-7», которая, в отличие от темной передней части, была выкрашена в ярко-белый цвет.

— Эй! Кажется, я вижу, — произнес он в микрофон, чтобы Хьюстон тоже мог его слышать. — Уолли, это «семерка».

— Никак нет, — ответил Хьюстон, больше полагаясь на показания радара, мелькающие на экране, чем на человеческий глаз в космосе.

— Да! — ответил Ширра, тоже увидевший светящуюся точку.

— Это либо Сириус, либо «семерка», — произнес Стаффорд, допуская, что он видит всего-навсего яркую звезду, присутствующую на небе в тот момент.

Однако то была не звезда. Ширра отработал двигателями — «пыхнул» ими, как называл это Крафт и прочие сотрудники в ЦУП. Он испустил слабый «вздых» гидразиновых двигателей в кормовой части корабля, побуждая его ускориться, а затем, когда корабль набрал слишком большую скорость, включил обратную тягу от носовых двигателей. Корабли теперь разделяли лишь считанные километры, а потом и сотни метров.

Вскоре все четверо оказались столь близко, что астронавты могли видеть друг друга в полукруглые иллюминаторы: Ширра и Стаффорд — все еще свежие после утреннего душа и чисто выбритые, Борман и Ловелл — лохматые и заросшие щетиной.

— Привет! — крикнул улыбающийся Ширра и затем переключил внимание на Землю. — Мы в совместном полете с «семеркой». Тут все отлично!

Борман улыбнулся в ответ, но решил не отрываться от дела. Встреча на орбите, конечно, является критическим шагом на долгом пути к Луне, но она очень непроста и может кончиться трагедией в любой миг.

— По приборам — около 10° , 100° и 10° , — сообщил он в Хьюстон данные об ориентации корабля по двум из трех осей.

Ширра все не унимался.

— Мы тут сидим и всей компанией играем в бридж, — доложил он.

Впрочем, зная, что сближение будет длиться всего несколько витков, Ширра тоже перешел к работе. Дел было много, и в том числе — осмотр каждого из кораблей командой другого. Ни один американский астронавт раньше не видел свой корабль со стороны во время полета — кроме Эда Уайта во время короткого выхода в космос из «Джемини-4», да и то основную часть времени его больше заботило, как сохранить устойчивое положение. Теперь у НАСА появилась возможность посмотреть на корабли во время движения по орбите, и астронавтам было велено искать аномалии вроде нарушений сварки или швов, которые незаметны по данным телеметрии, но оттого не менее опасны. Осмотр корабля после возвращения давал не такие надежные данные, поскольку было невозможно узнать, какие из повреждений возникли уже при входе в атмосферу.

Ширра с удивлением обнаружил спутанные шнуры и кабели, тянущиеся за хвостом «Джемини-7», — остатки электропроводки, соединявшей корабль с «Титаном» до того, как пиросредства разъединили их.

— Ребята, у вас там сплошное непотребство с проводами и все висит, — передал Ширра по радио.

— У вас тоже один висит, — ответил Борман, тем самым отмечая в эфире, что он на орбите не единственный командир экипажа, у которого корабль в непарадном состоянии. — И он ощутимо мотался, когда ты включал двигатели.

Небольшой американский флаг и слова «Соединенные Штаты» были нарисованы на всех «Джемини», но, когда предыдущие корабли возвращались с орбиты, большая часть флага и букв оказывалась обгоревшей, и никто толком не знал, когда их так сильно пожгло — при выведении или при возвращении.

— Флаг и буквы видны, — отчитался теперь Ловелл, оглядывая маячащую рядом «шестерку». — Похоже, при взлете они повреждаются не меньше, чем при возвращении.

— У вас голубой фон практически сгорел, — ответил Стаффорд.

На протяжении более чем трех витков оба корабля сохраняли требуемое взаиморасположение — приближались, расходились, облетали один другого. Эти замечательные маневры служили обнадеживающим свидетельством того, что пируэты, необходимые при полете к Луне, вполне доступны для выполнения. В ЦУП закурили сигары и махали флагами. Обычно такое празднование оставляли на самый конец миссии, однако на этот раз Крафт позволил отпраздновать раньше.

Ширра, конечно, заготовил кое-что нетривиальное.

Многие обратили внимание на то, что в тот день из четырех человек в космосе трое были из Аннаполиса и лишь один Борман — из Вест-Пойнта, и военно-морская троица постоянно его этим подначивала. И вот когда «Джемини-6» в очередной раз обошел «Джемини-7» сзади и появился перед носом корабля, в его правом иллюминаторе красовалась табличка. Ширра умудрился протащить на борт кусок синего картона с яркими белыми буквами: «Армейцы — слабаки» (BEAT ARMY).

Борман уронил голову на руки и расхохотался, а затем деланно прищурился, якобы всматриваясь в надпись.

— Моряки — слабаки, — произнес он громко, прочитав надпись так, как ему больше нравилось.

В конце концов первый и единственный день полета «Джемини-6» и одиннадцатый день полета «Джемини-7» завершился тем, что взаимное «зависание», сохранявшееся несколько часов, закончилось. Ширра отошел назад, увеличивая расстояние между

кораблями, которое он до того с такими усилиями уменьшал, и начал спуск на более низкую орбиту, готовясь ко входу в атмосферу.

Когда корабли были уже вне видимости друг для друга, Ширра вдруг вышел на связь: судя по его тону, дело было важным и срочным.

— «Джемини-7», это «Джемини-6». Вижу объект, похожий на спутник, движется с севера на юг, вероятно, по полярной орбите, — доложил Ширра. — Идет очень низко, с сильно поднятым носом. Видимо, скоро войдет в атмосферу. Ждите, сейчас попробую связаться с этой штукой.

И через миг в эфир «Джемини-7» и ЦУП — всего за десять дней до Рождества 1965 г. — полетел припев рождественской песенки Jingle Bells, исполняемый вживую на губной гармошке и небольшом наборе колокольчиков, который Ширра тоже протащил на борт контрабандой, как и картонку.

По окончании песенки Ширра гордо объявил:

— Это, «семерка», было живое исполнение, а не запись.

Затем он, снова сосредоточенный на задании, приготовился направить корабль к Земле.

— Отлично поработали, Фрэнк и Джим, — сказал он. — Увидимся на пляже.

* * *

Не прошло и часа, как «Джемини-6» приводнился в северной части Атлантического океана и был поднят на борт авианосца «Уосп». Тремя днями позже за ним последовал и «Джемини-7». Топлива у него почти не оставалось, электропитание работало из последних сил, а узкая щель за спинками кресел (единственное место на борту, пригодное для складирования) заполнилась мусором. Борман и Ловелл, шатающиеся и измученные, мечтающие лишь отмыться под душем и рухнуть спать, попав на палубу авианосца, махали руками и весело улыбались.

Чувствовали они себя немногим лучше, чем их совершенно изношенный корабль, но две изматывающие недели закончилось, астронавты выжили, а встреча на орбите состоялась. Борман, заключивший молчаливое пари сам с собой, был счастлив обнаружить, когда все точки были нанесены на карту, что «Джемини-7» приводнился ближе к «Уоспу», чем Ширра на своем «Джемини-6». Вот вам и «армейцы — слабаки».

Глава 5

Январь 1967 г.

Гас Гриссом тайком проносил запрещенную еду на космический корабль дважды в жизни. Первый раз это была шутка, второй — предзнаменование.

В тот момент, когда все было шуткой, Гриссом выступал контрабандистом не самолично: это маленькое преступление задумал и осуществил его второй пилот, Джон Янг. Однако Гриссом был командиром экипажа, поэтому проступок подчиненного считался проступком и старшего офицера. Как бы то ни было, контрабандой в тот раз явился бутерброд с солониной, который Уолли Ширра за два дня до того купил в закусочной «Вулфиз» флоридского городка Коко-Бич и отдал Янгу, чтобы он взял его с собой в полет на «Джемини-3» в марте 1965 г. Прodelка была вполне в духе Ширры: наполовину дурацкая шутка, наполовину прицельный выпад в сторону ужасающего качества провианта, который НАСА выдавало астронавтам. Даже во время коротких полетов по программе «Меркурий» еда оставляла желать лучшего, а в долгих полетах «Джемини» переносить чудовищное качество продуктов стало куда тяжелее.

— Откуда это у тебя? — спросил Гриссом в начале второго витка, когда Янг полез в карман скафандра и вытащил неприглядный, наполовину раздавленный бутерброд.

— С собой пронес, — ответил Янг. — Давай посмотрим, как на вкус. Запах-то еще тот.

Запах и вправду был не ахти, однако вкус оказался приличным. Зато стоило лишь Гриссому надкусить бутерброд, как в воздух медленным фейерверком полетело облачко крошек, так что Гриссом поспешил завернуть бутерброд и убрать его с глаз. По окончании полета те сотрудники НАСА, которые не удивлялись мелким проделкам астронавтов и даже

их ожидали (а такие сотрудники составляли большую часть НАСА), от души посмеялись шутке. Те же, кто трепетал над каждым отклонением от инструкции, поморщились и напомнили всем астронавтам, что даже маленькая хлебная крошка может застрять в переключателе или засорить фильтр, вызвав целую серию проблем, способных привести к катастрофе.

Второй раз Гриссом пронес в кабину контрабандную еду 22 января 1967 г. Космический корабль был на самом деле тренажером — моделью нового трехместного командного модуля «Аполлона» в цехе North American Aviation в калифорнийском городе Дауни, где создавали эти корабли. И запретной едой был лимон.

Гриссом и его товарищи по экипажу — Эд Уайт и Роджер Чаффи — при подготовке к старту, назначенному на 21 февраля 1967 г., проводили немало времени как на тренажере, так и на настоящем «Аполлоне» (который в манифесте НАСА назывался AS-204; имя «Аполлон-1» ему предстояло получить чуть позже). Для «Аполлона» это должен был быть первый пилотируемый полет, и если судить по внешности, то астронавты получали отличный корабль: самый мощный, самый просторный космический аппарат из всех, какие НАСА и его подрядчики создали к тому времени. Однако внешность была обманчива.

Пилотам «Аполлон» казался торопливой поделкой, капризной и склонной к сбоям. Не успеешь поработать, как что-то уже сломалось: надо останавливать тренировку и запускать в корабль команду техников, которые будут восстанавливать неисправную систему связи, или отключившуюся приборную панель, или компонент системы жизнеобеспечения, отказ которого ничем не грозит на Земле, зато в космосе может привести к гибели экипажа. Проводились ремонты, но в режиме срочной починки: новые заплатки насаивались поверх прежних. Изъять из корабля проблемные блоки, переделать их и уже полностью исправными поставить на место никому не приходило в голову. У «Меркуриев» и «Джемини» тоже не обошлось без конструкторских дефектов, но то были мелкие неполадки в корабле, который с самого начала работал исправно. «Аполлоны» же — то ли из-за большей сложности, то ли из-за спешки ради отправки астронавтов к Луне не позже 1970 г. — такой уверенности не внушали.

Раздосадованный Гриссом жаловался техникам, затем их начальникам, затем руководству НАСА. Те совещались между собой и обещали Гасу устранить неисправность, и все же тренажер «Аполлона» — который был не лучше самого корабля — так и не работал нормально. Тогда Гриссом решил выразить свое отношение другим способом. В конце долгого дня, состоявшего из многочасовых попыток заставить тренировочный корабль функционировать как задумано, Гриссом выбрался из люка, водрузил на верхушку корабля лимон и молча ушел.

«Опять Гас в своем репертуаре, — снисходительно улыбаясь, говорили друг другу инженеры. — Вечно чем-то недоволен».

Однако Гриссом имел полное право на нечто большее, чем раздражение. После совместного полета «Джемини-6» и «Джемини-7» космическая программа стремительно развивалась именно так, как запланировало НАСА. Между декабрем, когда корабль Бормана и Ловелла приводнился в северной части Атлантического океана, и ноябрем следующего года состоялись еще пять полетов «Джемини» — раз в два месяца. В последнем из них Ловелл вернулся в космос в роли командира «Джемини-12»; вторым пилотом стал Базз Олдрин, многообещающий новичок из третьего набора астронавтов. Их полет стал достойным завершением программы «Джемини», все самые сложные задачи которой — выход в космос, сближение, стыковка — теперь были выполнены уверенно и со знанием дела.

Задолго до того, как последний из «Джемини» вернулся на Землю, началась работа на производственной линии «Аполлонов». «Меркурии» и «Джемини» производила корпорация McDonnell Aircraft из Сент-Луиса, и НАСА не имело к ней никаких претензий. Люди МакДоннелла знали, что нужно космическому агентству, всегда исполняли заказ в точности и отлично понимали, что если они — владельцы завода и наниматели рабочих, то НАСА здесь — заказчик и начальник.

Однако в программу «Аполлон» эта корпорация не вписалась. Одной из причин было то, что предприятие работало на пределе сил с самого 1960 г., и одновременно заканчивать выпуск «Джемини» и запускать в производство «Аполлоны» у нее попросту не хватало ресурсов. Согласно планам НАСА, всего три месяца отделяли полет Ловелла на «Джемини-12» в конце 1966 г. от старта команды Гриссома на «Аполлоне-1» в феврале 1967 г. Задача казалась почти неосуществимой, и успешно ее выполнить могла бы лишь компания, не настолько изнуренная предыдущей нагрузкой.

Даже если бы у «МакДоннелла» хватало мощностей взяться за новый проект, отдавать заказ прежнему производителю было не с руки. Космическая программа — точно так же, как дорожное строительство, сооружение плотин или электрификация сельских районов, — принадлежала к числу так называемых общественных проектов, финансируемых государством, и если частным застройщикам не запрещалось вновь и вновь отдавать заказ одному и тому же подрядчику, то НАСА отчитывалось перед Конгрессом, а Конгресс имел сотни избирательных округов, с которыми надо было считаться. Масса производителей в разных городах по всей стране рано или поздно возжелали бы знать, отчего вдруг Сент-Луис вновь и вновь удостаивается от НАСА такой благосклонности.

Поэтому теперь заказ отдали North American Aviation. После подписания контракта выбор казался идеально верным, но, когда началась работа, все пошло совсем не так, как ожидалось. Прежде всего выяснилось, что в компании существовало так называемое отделение эргономики.

Летчики-испытатели считали, что пилот и самолет — две разные сущности. Один — безмозглый аппарат, который должен делать то, что прикажут, другой — воздушный акробат-гений, который отдает приказы аппарату. Однако в North American думали иначе. Человек и машина — попросту две части одной системы, и конструкторы в калифорнийском городе Дауни считали своим долгом добиться того, чтобы совместная работа обеих частей проходила должным образом.

Из-за этого сразу же возникли проблемы, в особенности у самих астронавтов. Первым пилотом, столкнувшимся с новой — и крайне неприятной — манерой компании вести дела, стал Фрэнк Борман. После марафона на «Джемини-7» их пути с Ловеллом разошлись. Ловелл предпочел остаться в программе «Джемини» и дожидаться своей очереди слетать в космос командиром экипажа, и Борман прекрасно его понимал. Ни один нормальный пилот не удовольствуется ролью подчиненного, если чувствует в себе силы стать командиром. Сам Борман в левом кресле уже летал, и после 14 дней, проведенных в кабине «Джемини», торчать там дальше ему не очень хотелось. Вместо этого он переключился на программу «Аполлон» и теперь работал посредником на заводе в Дауни, помогая отлаживать корабль, на котором предстояло летать ему самому и другим астронавтам.

Однажды, в самом начале работы в Дауни, Борман запустил тренажер «Аполлона», чтобы опробовать его. Результат ему категорически не понравился.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что ручка управления, задействующая двигатели, спроектирована наоборот: когда тянешь ее назад, нос «Аполлона» идет вниз, наклоняешь вперед — и корабль задирает его вверх. На самолетах принцип был совершенно противоположным и интуитивно понятным и в кораблях «Джемини» — тоже.

Борман вызвал инженера и недовольно ткнул в неправильную ручку.

— У вас тут полярность перепутана, — сказал он как можно вежливее, поскольку указание на ошибку, конечно же, будет неприятно для ничего не подозревающего специалиста. — Он идет вниз, когда тянешь его вверх, и вверх, когда толкаешь вниз.

— Нет-нет, именно так мы и собираемся летать, — с сияющей улыбкой заверил его инженер. — Так встреча выходит куда проще. Тянешь ручку назад — нос уходит вниз, зато кажется, что цель идет вверх. Тогда получится, что управляешь целью, а не кораблем.

Борман не нашелся с ответом. Для начала его вывело из себя самонадеянное «мы» — будто есть сомнения, кто именно будет пилотировать корабль, и, кроме того, полное непонимание того, каким образом астронавты в корабле выполняют свою работу.

— У вас тут пилоты, всю жизнь летавшие на реактивных самолетах, — еле сдерживаясь, произнес он, — и они привыкли делать иначе.

— Мы сделали так, как велело отделение эргономики, — как ни в чем не бывало заявил инженер.

Теперь Борман окончательно взорвался.

— Вот вы и управляйте кораблем, как вам нравится, просиживая тут штаны в офисах! А мы летаем по-другому!

В этом и состояла работа Бормана: останавливать безумие, пока оно не прошло весь путь от дикой идеи в мозгу очередного инженера к металлическому сердцу корабля. В очередном звонке в Хьюстон он доложил о том, как компания предполагает управлять двигателями. Через полчаса рычаг переделали.

* * *

Впрочем, главной проблемой на заводе по выпуску «Аполлонов» оказался вовсе не тренажер. Казалось, что пренебрежение правилами царило на всех стадиях производственного цикла и скорость исполнения заказа получала приоритет в ущерб безопасности. Многие инженеры компании освоили ремесло в рамках так называемых «черных», засекреченных военных проектов, в основном посвященных созданию беспилотных летательных аппаратов, в особенности спутников и боевых ракет. Это была сложная работа, требующая большой точности с самыми минимальными погрешностями, однако в ней не оказалось места созданию систем, которые должны были сохранить живым человека. От ракет, например, не требовалось ни очень долгой работы, ни очень хорошей: они должны лишь долететь от шахты до цели и взорваться в нужный момент.

Донесения об ошибках в контроле качества достигали головного офиса НАСА с пугающей регулярностью, и в конце концов дело дошло до Криса Крафта, который вознамерился направить в Дауни своего человека. Он решил, что лучше всего подойдет кто-нибудь из «мозголобов», его давних знакомцев по Хэмптону — тех, кто может одним взглядом разобрать машину на составляющие, а потом снова собрать в уме так, что конечный вариант почти всегда будет лучше исходного. Крафт связался с Джоном Бейли — своим бывшим начальником в НАКА и одним из лучших инженеров, каких знал, — и предложил ему ознакомиться с деятельностью North American и изложить свое мнение в служебной записке.

Бейли согласился, и отчет вышел неутешительным. Бейли в подробностях описал все системы и подсистемы, где коренилась угроза, но Крафта больше всего озаботила та часть ответа, где Бейли приводил интуитивную оценку деятельности фирмы в целом.

— «Железо» у них не самое лучшее, — докладывал Бейли. — При сборке космического корабля персонал ходит по кабелям. Средств защиты от этого нет. Следить за таким не привыкли. Тот факт, что внутри машины будет человек, не учитывают даже отдаленно. Говорю тебе, это очень плохо.

Однако над НАСА неотвратимо нависал стремительно приближающийся срок, установленный Кеннеди, и норовистый Конгресс с его растущим нежеланием финансировать лунную программу одновременно с вкладыванием гигантских сумм в затянувшуюся войну во Вьетнаме. Космическое агентство, по сути, оказалось перед альтернативой: либо лететь сейчас, либо ждать идеального «железа» и тем самым отложить полет навсегда. Поэтому, несмотря на меморандум Бейли, работа продолжалась и создание корабля «Аполлон» было завершено. Крафту и его команде оставалось лишь одно — подобрать экипаж, который вызывал бы полное доверие и был способен справиться с любыми неприятностями, каким только может преподнести капризный корабль.

Гриссом оказался одним из тех немногих, кто уже дважды летал в космос. Он пилотировал «Меркурий» и «Джемини»: в обоих случаях это были ранние версии кораблей, и в обоих случаях он помогал выявлять их слабые места. Уайт летал один раз, в 1965 г. на «Джемини-4», когда он совершил свой исторический выход в космос и показал блистательную выдержку. Со стороны выход в космос казался отличным развлечением; на

фотографиях астронавт в белом скафандре красовался на фоне голубого земного шара и черной бездны космоса. Однако на деле 23 минуты, проведенные за пределами корабля, оказались несказанно тяжелы: астронавту приходилось постоянно бороться с невесомостью, которая серьезно осложняла маневрирование, на вид такое простое. Даже возвращение в корабль стало мучительным: люк не закрывался целых пять минут, и в итоге Уайту пришлось его захлопывать с помощью исключительно мускульных усилий на пределе возможностей, так что даже лицевая часть шлема полностью запотела.

Новичок Чаффи еще не успел слетать в космос, однако хорошо знал, как управлять летательными аппаратами и как остаться живым, даже когда всё вокруг пытается тебя угробить. В 1962 г., когда США и СССР оказались на волоске от ядерной войны из-за внезапного появления на Кубе баллистических ракет, Чаффи был одним из тех пилотов военно-морской авиации, кто совершал разведывательные полеты над местами размещения ракет. Сбить американский самолет или даже просто вытеснить его с территории — такое вполне могло стать поводом к началу войны, однако Чаффи не терял присутствия духа, благополучно летал на задания и помогал Америке выиграть противостояние с Советами.

Эти трое астронавтов, собранные в единый экипаж, пытались изобразить нужную долю жизнерадостности в отношении предстоящего полета, однако драндулет, полученный ими от НАСА, не рождал у них ни малейших иллюзий. В преддверии полета космическое агентство начало публиковать официальные фотографии трех астронавтов, которые должны были вывести лунный корабль Америки в первый пробный полет по околоземной орбите. В одной из фотосессий позирующие пилоты сидели в скафандрах за столом, на котором стояла модель «Аполлона», и демонстрировали на камеру фальшивые улыбки.

Однако на одной из непубличных фотографий Гриссом, Уайт и Чаффи не скрывали своих истинных чувств по отношению к кораблю и позировали со склоненными головами и с молитвенно сложенными ладонями. Чтобы их послание уж точно попало в правильные руки, они адресовали фотографию Харрисону Стормсу по прозвищу Сторми — инженеру из North American, который контролировал проект «Аполлон». Как и другие руководители компании, он прекрасно знал, что с завода астронавты регулярно звонят в НАСА, докладывая об очередной проблеме с «Аполлоном».

«Сторми, — гласила подпись к фотографии, — на этот раз мы обращаемся не в Хьюстон!»

* * *

27 января 1967 г. — через пять дней после манифестации Гриссома с лимоном и меньше чем за месяц до намеченного старта «Аполлона-1» — НАСА запланировало предполетные испытания корабля на бортовом питании[15]. На стартовой площадке экипажу в скафандрах предстояло забраться в корабль, который уже находился там и был смонтирован в головной части ракеты-носителя «Сатурн-1Б». Далее корабль переводился на питание от бортовых источников и экипаж вместе с операторами ЦУП выполнял генеральную репетицию стартовых процедур.

Еще две операции обеспечивали максимально возможное сходство с настоящим днем старта. Первая относилась к атмосфере «Аполлона»: она должна была состоять на 100% из кислорода, как на орбите, а не из смеси примерно 22% кислорода и 78% азота, как в естественной атмосфере Земли. Человеку для жизни нужен только кислород, поэтому конструкторы решили не обременять корабль баками инертного азота, который только добавил бы лишнего веса.

Они знали, что в космическом вакууме кислород в кабине будет иметь давление на уровне 250 мм рт. ст.: хотя это всего треть от атмосферного давления на уровня моря, астронавтам этого вполне достаточно. Однако здесь, на стартовой площадке, требовалось гораздо большее внутреннее давление — чтобы плотный внешний воздух не расплющил и не повредил кабину корабля, если давление внутри него будет слишком низким. Поэтому для испытания на бортовом питании давление в «Аполлоне» доводилось до 900 мм рт. ст. Если

кто-то и опасался того, что огонь любит кислород — особенно чистый кислород под высоким давлением, — эти тревоги не заставили НАСА отказаться от испытаний.

Второй пункт касался люка: после того как астронавты лягут в кресла, установленные вплотную друг к другу, люк окажется позади них и примерно над головой Уайта. В аварийной ситуации Гриссому, Уайту и Чаффи лучше всего было бы иметь люк, который они могли бы открыть быстро. Это позволит им выскочить из корабля в так называемую «белую комнату» — небольшое рабочее пространство на конце поворотной платформы в верхней части башни обслуживания. «Белая комната» окружала «Аполлон» на стартовой площадке, но перед запуском ее полагалось отвести. Однако легко открывающийся люк не годился для кабины с высоким внутренним давлением. Поэтому конструкторы спроектировали двойной люк — с внутренней и внешней крышками — и сделали его герметичным с помощью многочисленных замков. В случае аварии на площадке астронавт, располагавшийся в центральном кресле, должен был открыть замки специальным приспособлением, «трещоткой», снять внутреннюю крышку, втащить ее внутрь корабля и положить на пол и только потом открывать внешнюю крышку. При необходимости ему мог помочь командир экипажа, сидящий в левом кресле. Астронавты «Аполлона-1» отработывали эту процедуру многократно, но, независимо от усилий и сноровки, она все же отнимала изрядно времени.

В последний вечер перед этим испытанием дублер Гриссома Уолли Ширра пришел на стартовую площадку вместе с ним и провел некоторое время в корабле, прогоняя несколько последних тестов. Выбравшись наружу, Ширра покачал головой.

— Не знаю, — сказал он Гриссому. — Ни на что конкретное указать невозможно, но в корабле явно что-то не так.

В устах пилота такое звучало убийственно: выходило, что у корабля нет явно видимых недостатков, которые можно исправить, зато есть обширные системные проблемы.

И тогда Ширра добавил предостережение:

— Если у вас возникнут хоть какие-то проблемы — я бы посоветовал выбираться наружу.

Гриссом пообещал, что так и сделает.

Испытание на бортовом питании началось в 14:50 по местному времени, после того как экипаж занял свои места и двойной люк закрыли и задраили. Все шло медленно и с остановками. Самой раздражающей была проблема, уже знакомая по предыдущим испытаниям: неустойчивая связь. Уайт и Чаффи могли слышать голоса операторов в своих наушниках лишь сквозь сильный шум помех; линия Гриссома — инженеры так и не могли понять почему — была еще хуже.

Еще до начала испытания Дик Слейтон предложил себя в качестве четвертого участника: он хотел весь отведенный для работы период просидеть в нижнем отсеке оборудования — небольшом рабочем пространстве ниже подножия кресел, похожих на раскладушки, — и попытаться привести связь в порядок. Однако испытание должно было проходить в условиях, максимально приближенных к полетным, и если в трехместную кабину не планировалось втиснуть четверых человек в день старта, то не нужно было их туда втискивать и сейчас. Поэтому Слейтон находился в Центре управления запуском на мысе, где ему оставалось лишь вслушиваться в переговоры с экипажем, пытаться разобрать слова сквозь помехи.

В 18:20 измотанный экипаж и измотанные наземные команды, работавшие одновременно на мысе Кеннеди во Флориде и в хьюстонском ЦУП, получили небольшой перерыв: имитируемый обратный отсчет дошел до встроенной задержки. Она была рассчитана на 10 минут, и за это время можно было попытаться разобраться с неустойчивой связью и другими сбоями. Крафт, который весь день метался между залом управления и своим кабинетом по мере того, как отсчет то запускали, то останавливали, теперь вернулся к своему рабочему месту у задней стены зала и прислушивался и к разговорам операторов, и к трансляции с космического корабля.

— Как мы собираемся лететь на Луну, если не можем наладить связь между тремя зданиями? — проворчал Гриссом за считанные секунды до 18:30. Это был тот редкий случай, когда его голос был ясно слышен.

— Да не слышит тебя никто, — озадаченно буркнул Уайт.

Через минуту и 14 секунд до наземных служб вновь донеслись голоса экипажа. Сначала восклицание Чаффи:

— Эй!

Затем крик Уайта:

— Пожар! В кабине пожар!

Следом Чаффи:

— У нас сильный пожар!

И в конце вновь Чаффи, на этот раз вопль:

— Мы горим!

Техники, находившиеся в «белой комнате», сквозь иллюминаторы увидели мечущиеся фигуры, мелькали отблески — явно пламя.

— Вытащите их оттуда! — прокричал Дональд Баббитт, главный в наземной команде, отвечавший за «белую комнату». Его подчиненные бросились к кораблю и стали яростно бороться с люком. Мощный жар, исходящий от металлического корпуса, обжигал лица, приходилось отворачиваться.

Шум и суматоха в «белой комнате» усилились, а звуковая трансляция из корабля совсем стихла, что было зловещим знаком. Теперь в наушниках людей в залах управления звучали лишь голоса самих операторов: на мысе Кеннеди они выкрикивали вопросы, а в Хьюстоне молчали — они ничего не могли сделать.

— Экипаж, выход! — крикнул Чак Гей, главный оператор стартовой команды, следуя инструкции и требуя от астронавтов сделать то, что они при всем желании сделать не могли: выбраться из корабля, превратившегося в пылающую печь.

— Отстрелить люк! — проорал Гэри Пропст, техник-связист. — Почему не отстрелят люк?

В «белой комнате» раздался еще один голос — никто так и не узнал чей:

— Очистить этаж! — крикнул кто-то, кодовой фразой приказывая всем, кто находился снаружи корабля, отойти — а по возможности и отбежать — подальше, поскольку корабль мог взорваться.

Через считанные секунды «Аполлон» лопнул с треском, и по воздуху прошел удар, как от бомбы; «белую комнату» завалило горящими обломками, занялись огнем бумаги на столах и планшетах. Пламя рванулось из корабля на волю, полностью поглотив астронавтов. Выжить при этом было невозможно — экипаж погиб.

Крафт слышал каждое слово умирающих. Слейтон — сидя за пультом, а не скрючившись в отсеке оборудования горящего корабля — тоже все слышал, как и каждый в двух центрах управления. Однако впоследствии так и не удалось выяснить, какими были последние слова астронавтов. Даже при прослушивании записи последних секунд разные люди говорили, что помнят другие слова, не зафиксированные на пленке, — что было вполне возможно, учитывая ненадежность связи.

Многие при этом утверждали (хотя пленка этого не сохранила), что один из астронавтов — профессионал-пилот, знающий, что, пока ты способен говорить, оператору надо докладывать о ситуации в корабле, — произнес как можно более ровным голосом, какой только позволяли обстоятельства: «Докладываю: сильный пожар». Доклад должным образом примут к сведению.

НАСА объявило о гибели астронавтов в течение часа, и телеканалы в тот пятничный вечер прерывали обычные передачи регулярными сообщениями о происшествии на мысе Кеннеди. Космическое агентство заверило публику, что Гриссом, Уайт и Чаффи погибли почти мгновенно, — это мало утешало, но все же казалось милостью. Однако официальная версия была неправдой. Трое астронавтов прожили долго, если учесть обстоятельства, — как

минимум 21 секунду, судя по биометрическим показателям, по движениям внутри корабля, наблюдавшимся техниками из «белой комнаты», и по записям с датчиков системы управления.

21 секунду астронавты знали, что происходит, и пытались спастись. Для любого сотрудника НАСА, кто следил за происходящим в тот год, жертвоприношение Гриссома, Уайта и Чаффи было не случайностью, а неизбежностью — в равной степени трагедией и позором.

* * *

Джина Кранца, заместителя начальника Отделения управления полетом, вечером 27 января в ЦУП не было. В последние минуты перед тем, как разразился пожар, он был дома и собирался в ресторан — на ужин, как ему сказали, подадут нечто в виноградных листьях. Не то чтобы такая перспектива ему нравилась, но отказаться он не мог. У них с женой недавно родился шестой ребенок, но во время беременности Марты и за прошедшие после этого месяцы Кранц почти никогда не мог уклониться от необходимости работать семь дней в неделю, чтобы подготовить команду к февральскому запуску «Аполлона-1». Вот и утром 27 января он по обыкновению рано уехал в ЦУП и провел там изрядную часть дня, помогая подготовить предстоящее испытание. Но поскольку обязательное присутствие Кранца там не требовалось, а испытание, как он прекрасно знал, могло затянуться часов на 12, а то и дольше, он пообещал Марте, что вернется домой пораньше, чтобы переодеться к ужину и добраться до выбранного ею ресторана.

Греческий ресторан на Хьюстонском судоходном канале открылся совсем недавно. Канал, в прошлом сильно занесенный песком, по-прежнему служил частью огромного работающего порта, но теперь стал объектом внимания для новых предпринимателей, по большей части ориентированных на молодые семьи, устремившиеся в город с начала развития космической программы. Главной приманкой нового ресторана служили блюда, в которых начинка заворачивалась в виноградные листья, и, хотя Кранц плюсов этой кухни не понимал (почему нельзя съесть начинку отдельно с помощью ножа и вилки, а листья положить в салат, если они так уж нужны?), Марта смотрела на это по-иному. Как бы то ни было, Кранц давно обещал ей этот праздничный вечер.

Вспоминая тот режим, в котором он жил почти всю свою профессиональную жизнь, Кранц понимал, что задолжал ей гораздо больше, чем один праздничный вечер. В бытность пилотом ВВС он совершал патрульные полеты во время войны в Корее и служил летным инженером-испытателем на авиабазе Холломан в штате Нью-Мексико. В 1960 г. прямиком оттуда Кранц попал в НАСА и в течение семи лет, прошедших с тех пор, почти не прерывал лихорадочного режима работы. Когда в журнале *Aviation Week* вышло объявление о том, что правительству требуются люди в «Целевую космическую группу», именно Марта уговорила Кранца на него откликнуться. Попав в НАСА, Кранц быстро поднялся по служебной лестнице; к должности руководителя полета его готовил лично Крис Крафт.

Именно Крафт учил Кранца тому, как нужно и не нужно вести полет, причем учил наилучшим способом: непосредственно на практике. Кранц отлично показал себя как рядовой сотрудник ЦУП — один из многих людей, сидящих за пультами. Однако он быстро перерос эту должность, и вскоре его уже перевели за центральный пульт — в ранг руководителя полета, и теперь в каждую восьмичасовую смену успех полета зависел лично от него.

Одним из первых полетов, которыми руководил Кранц в этой редкой должности, был восьмидневный полет «Джемини-5» в августе 1965 г.; за ним числился рекорд продолжительности, который перекрыл «Джемини-7» в декабре того же года. В начале полета «Джемини-5» астронавты стали докладывать о неполадках на борту; наибольшее беспокойство причиняли криогенные баки, поставляющие жидкий кислород и водород к топливным элементам. Приборы постоянно показывали, что давление в баках ниже нормы, а если баки откажут — то с ними и вся главная система электропитания корабля.

В один из особенно тяжелых периодов Кранц явился в ЦУП к началу своей смены. Крафт, чья смена только что закончилась, сдал ему пост без лишних слов, буркнув лишь «привет» и «до свидания», и уже собрался было уйти и наконец отдохнуть [16]. Обычно при передаче рабочего места в руки сменщика Крафт примерно обрисовывал ему перспективы на следующие восемь часов, особенно во время полета ненадежного корабля, такого как «Джемини-5». Однако на этот раз он попросту снял наушники, встал и собрался уходить.

— Крис, — окликнул его Кранц. — Какие будут указания?

Крафт обернулся, лицо его — по крайней мере так показалось Кранцу — выражало крайнее раздражение.

— Ты руководитель полета, — бросил он. — Твоя смена. Решай сам.

Сложности, аналогичные этой, Кранц успешно преодолевал раз за разом и в итоге стал одним из тех, к кому Крафт особо благоволил. Кроме него особым уважением пользовались еще два человека за главным пультом управления — Глинн Ланни и Милт Уиндлер.

Вечером в день испытания «Аполлона-1» Кранц уехал из ЦУП рано. Приехав домой, начал переодеваться к ужину, который обещал Марте. Однако не успел он закончить, как раздался громкий стук в дверь. К этому часу должна была прийти няня, но не с таким же грохотом! Кранц нахмурился и, все еще полуодетый, поспешил вниз — за дверью стоял его сосед Джим Ханниган, заместитель директора в отделении Космического центра, занимающемся лунным модулем.

— Происшествие на космодроме, — выпалил он без предисловий. — По радио объявили. Говорят, что экипаж погиб.

Кранц кинулся в дом, переоделся в рабочую одежду и рассказал Марте то, что знал. Затем поспешил к машине и помчался к городку НАСА, где располагался Центр пилотируемых космических кораблей. Добравшись туда, он бросился к зданию ЦУП и обнаружил, что его уже перевели в закрытый режим, обычный для чрезвычайных ситуаций: все на местах, никого лишнего не впускать, чтобы не создавать помех. Все известные ему входы оказались заперты, специальный телефон для вызова охраны тоже не помог: линия работала, гудки шли, но никто не брал трубку.

В итоге Кранц, обежав здание, наконец наткнулся на охранника у грузового лифта. Взмахнув удостоверением, Кранц выпалил, кто он такой и где его место — а именно внутри здания, не снаружи на лужайке. Охранник внял доводам и впустил его внутрь. Влетев в зал управления, запыхавшийся Кранц остановился в оцепенении.

За главным пультом Крафт вполголоса переговаривался с летным врачом, находящимся на космодроме. Рядом стоял Джон Ходж, глава Отделения управления полетом. Оба были мрачны, однако их лица не шли ни в какое сравнение с бледными лицами совершенно ошеломленных молодых сотрудников, сидящих за другими пультами. Ходж, с его опытом работы в программах летных испытаний, уже давно узнал, как выглядит смерть. Кранц тоже — он ведь участвовал в боях. Крафт же работал в НАСА достаточно долго, чтобы быть готовым к беде.

Остальные из тех, кто находился в зале, не имели ни такого опыта, ни такого мужества. Они были почти мальчики — недавние выпускники технических вузов, их средний возраст равнялся 26 годам. На том уровне, на каком вчерашние студенты и аспиранты представляли себе мир, они понимали, что вступили в игру, где ставкой может быть человеческая жизнь. Однако теории в учебниках — совсем не то же, что живая кровь, а этим вечером космическая программа была обагрена кровью.

Кранц и другие руководители в зале усадили молодежь за работу и дали указание сохранить все пульта в неприкосновенности, чтобы тумблеры и переключатели остались в том же положении, в каком они были на момент начала пожара. Среди этих тысяч настроек могла быть важная информация для будущего расследования — а оно, несомненно, будет.

Вскоре после того, как эта малоприятная процедура была выполнена, операторы, все как один, снялись с мест. По негласной договоренности они собрались в «Поющем колесе» — облюбованном сотрудниками НАСА баре неподалеку от Космического центра. Те, кто

постарше, называли заведение «Красным сараем»: не могла же любимая забегаловка остаться без неформального прозвища, завсегдатаям из НАСА она казалась чем-то похожей на красный сарай.

Как всегда, за барной стойкой работал Лайл — мало кто из сотрудников ЦУП знал его фамилию. Ему уже было известно о происшедшем, и он постарался спровадить остальных клиентов, как только завидел операторов. Когда заведение оказалось в их полном распоряжении, они приступили к тому, ради чего пришли, — принялись тяжело и горестно напиваться. Лайл их не торопил и закрыл бар только после того, как последний посетитель на заплетаящихся ногах отбыл домой горевать в одиночку.

* * *

Выходные, последовавшие за днем пожара, были почти невыносимы — и не в последнюю очередь потому, что большей части команды ЦУП до понедельника было нечего делать, кроме как думать о том, что произошло в пятницу на мысе. Однако в понедельник утром операторы — с красными глазами или нет, сумевшие поспать или нет — должны были вернуться на работу. Там их уже ждал Кранц. В главной аудитории здания № 30 Центра пилотируемых космических кораблей они с Ходжем организовали собрание, явка была обязательной.

Когда операторы заняли свои места, слово взял Ходж. Он рассказал о том, что стало известно за последние два дня; до сих пор мало удалось узнать о причине пожара и об обширных внутренних проблемах корабля. Ходж объявил имена тех, кто назначен в комиссию по расследованию, и немного остановился на том, сколько времени потребуется для возобновления полетов. Он признал, что не имеет ни малейшего представления о том, остается ли теперь реалистичным заданный срок полета на Луну, но заверил слушателей, что руководство НАСА сделает все возможное, чтобы посадка на Луну состоялась до 1970 г. Затем он передал слово своему коллеге.

Кранц, который все выходные провел в тяжелых раздумьях и все больше раздражаясь, не собирался упускать случай вбить в головы слушателей урок, полученный такой трагической ценой. В предыдущие месяцы, сказал он притихшим операторам, мы слишком часто отмахивались от потенциальных проблем под девизом «такого не случится». В корабле может оказаться неисправный электрический переключатель, но чтобы из-за этого отказал в полете топливный элемент — такого не случится. Может, новые пиросредства излишне своенравны, но чтобы из-за них не вышел парашют — такого не случится. Да и кабину заполняли чистым кислородом не впервые и никаких проблем, ведь так?

А что, если все-таки случится? Что тогда делать? Этот принципиальный вопрос никто не пытался задавать. Недостаточно задавать вопросы лишь о том, что можно было бы предпринять. Нужно спрашивать, что ты сегодня сделаешь для того, чтобы не произошло отказа. И твое решение всегда должно быть ответом на главный итоговый вопрос: какое действие лучше всего предпринять в текущей ситуации?

В той хьюстонской аудитории Кранц прямо заявил собравшимся, что в последние месяцы перед катастрофой команда поработала не лучшим образом. Никто из собравшихся — включая его самого — не демонстрировал ни должного упорства, ни достаточной компетентности, ни предельной способности отвечать за свои поступки. Каждый из присутствующих видел в «Аполлоне» хотя бы одну неполадку, а часто и больше. Каждый слышал рассказы о том, какой уродец выходит из ворот завода North American Aviation. И ни один не сказал об этом открыто.

— У нас была возможность остановиться, — резко проговорил Кранц. — Возможность сказать: «Нет, так не годится, давайте остановимся». Но никто из нас этого не сказал.

— При соответствующих уме и умении, — продолжал Кранц, — ни у какого полета не будет причины для провала. Он может быть проблемным, или в результате могут быть достигнуты не все поставленные цели, но провал со всеми вытекающими не должен рассматриваться как возможный исход.

— С сегодняшнего дня наша цель — делать все правильно, — заявил он, — продемонстрировать в буквальном смысле совершенство и компетентность.

Кранц обернулся к доске за спиной и написал на ней слова «ответственность и компетентность». А затем опять повернулся к своим молодым подчиненным.

— Пусть каждый из вас вернется на рабочее место и напишет это на своей собственной доске, — велел он. — И не стирайте, пока мы не отправим астронавта на Луну.

С этими словами он положил мел и ушел со сцены. Урок был окончен.

* * *

Весть о гибели троих астронавтов Фрэнк Борман получил тем же способом, что и Джин Кранц: со стуком в дверь. Борман вместе со Сьюзен и сыновьями отдыхали у друзей в тexasском Хантсвилле, в хижине на озере, и уже успели настроиться перед выходными на долгий отдых, который наконец даст Борману отвлечься от вечных скачек вокруг «Аполлона». Безостановочная гонка ради запуска корабля через неполных три месяца после того, как в космос слетал последний «Джемини», была изматывающей, а близящийся предполетный аврал обещал быть еще хуже.

В тот пятничный вечер никакого стука в дверь хижины никто совершенно не ожидал. Борман кому-то говорил, где будет отдыхать с семьей, но даже толком не помнил кому: он упомянул это вскользь — не как официальную информацию для НАСА, сообщаемую на экстренный случай, а как брошенный походя факт в случайной беседе.

Борман открыл дверь. На пороге стоял то ли тexasский рейнджер, то ли патрульный дорожной службы — Борман не очень понял.

— Полковник Борман? — спросил пришедший.

— Это я.

— У меня сообщение из Космического центра. Вас просят немедленно позвонить мистеру Слейтону.

Борман поблагодарил за информацию и бросился к телефону. Еще до того, как Слейтон снял трубку, Борман знал, что хороших вестей ждать не стоит, однако то, что сказал ему главный из астронавтов, оказалось куда хуже, чем он мог вообразить. Борман закрыл глаза, желудок куда-то ухнул, слова не шли с языка. Гриссома и Чаффи ему было жаль, но Эд Уайт был его другом, и сердце Бормана теперь истекало кровью. Фрэнку не так-то просто удавалось налаживать дружбу, и теперь он толком не знал, что делать с такой потерей.

Он снова обрел голос.

— Как это случилось, Дик? Что пошло не так?

— Мы не знаем, — ответил Слейтон. — Тыходишь в комиссию по расследованию. Будь на мысе завтра утром.

Борман согласился, положил трубку и тихо пересказал Сьюзен и сыновьям то, что услышал от Слейтона. Семья торопливо собрала вещи и вернулась в Хьюстон. Даже не подъехав к собственному дому, они остановили машину на противоположной стороне улицы у дома Уайтов, едва найдя место для парковки среди спортивных машин астронавтов и правительственных седанов, уже заполонивших обочины. Борманы без стука вошли внутрь — стучать в дверь сегодня не требовалось, как и в любой день, когда астронавт был в космосе, а семейный дом постоянно полнился теми, кто пришел поддержать и ободрить, раздать гостям кексы и бутерброды с кофе, а вечером предложить им запеченное мясо, картофельный салат и виски. В те радостные и суматошные дни любой мог легко переходить от восхищения к ужасу и обратно, балансируя между этими чувствами до благополучного приводнения корабля.

Сегодня здесь царил один ужас. Случилось то, чего всегда боялись, и по людям в комнате это было видно: осунувшиеся лица с пустыми глазами, подавленность и глубокое горе. Сьюзен бросилась к Пэт, окруженной женами астронавтов, и они обнялись, как сестры. Борман присоединился к кружку пилотов, где обменивались мрачными кивками и шепотом произносили соболезнования. Правительственные чины стояли отдельной группкой и вели разговор на тихих многозначительных тонах, предназначенных для важных дел. Они

обсуждали похороны — и, насколько мог слышать Борман, именно об этом со Сьюзен говорила Пэт, когда ей удавалось совладать со срывающимся голосом.

Уже было решено, что всех трех астронавтов в течение ближайшей недели похоронят на Арлингтонском национальном кладбище — точно так же, как всего три года назад хоронили Джона Кеннеди. Для астронавтов это была заслуженная честь, разве что Эд Уайт и слышать не захотел бы об Арлингтоне, и никакие параллели с Кеннеди этому бы не помогли. Как и его отец, Эд Уайт окончил Вест-Пойнт и неоднократно заявлял Пэт, что раз уж он выучился военному делу в академии и там же получил звание, то и покоиться должен там же, коли ему придет черед погибнуть ради космических успехов. И все же Вашингтон решил устроить общие похороны для всего экипажа: так будет правильнее, особенно если учесть, что на похоронах собирается присутствовать президент Джонсон.

Сьюзен отозвала Бормана и рассказала о проблеме. Пэт умоляла его что-нибудь сделать. Фрэнк кивнул.

— Эд будет похоронен в Вест-Пойнте, — пообещал он Пэт.

— Но ведь говорят, что нужно организовать только одну похоронную церемонию, — возразила она.

— Будет две, — ответил Борман.

Он подошел к чиновникам из правительства, попросил телефон протокольного отдела, откуда они прибыли, и нетерпеливо набрал номер.

— Это Фрэнк Борман, — дождавшись ответа, доложил он. — Я сейчас в доме Эда Уайта. Его семья хочет, чтобы его похоронили в Вест-Пойнте.

Чиновник начал было возражать и объяснять, что распоряжения о похоронах в Арлингтоне уже отданы.

— Мне нет до этого дела, — заявил Борман. — Эд будет похоронен в Вест-Пойнте, так хочет семья. Идите и организуйте *это*, потому что будет так.

Он швырнул трубку с такой силой, что она задребезжала.

Борман прибыл на следующее утро на мыс, как было приказано, не забыв взять с собой парадную летную форму. Позже на неделе его ждала поездка в Вест-Пойнт, где ему предстояло нести гроб своего друга.

* * *

Вскоре после того, как Борман прибыл на мыс Кеннеди, он побывал на стартовой площадке и забрался внутрь искореженного «Аполлона». Корабль по-прежнему торчал на верхушке ракеты, которая теперь никуда не собиралась лететь, и издалека, при определенном освещении, ярко-белый призрачный корабль выглядел так, будто ему вот-вот предстоит важный полет.

К этому времени тела уже вынесли и отвезли на патологоанатомическое исследование. В исследованиях, впрочем, особого смысла не было: сразу стало ясно, что астронавты погибли не от ожогов, а от удушья. Пламя вспыхнуло слишком резко и не успело сильно повредить ткань скафандров, зато дым и испарения от тысячи плавящихся материалов невозможно было выдерживать долго.

Гриссома нашли на его собственном левом кресле, частично сползшим в сторону Уайта, сидевшего в центре: видимо, в момент гибели Гриссом выполнял свою часть процедуры эвакуации и, наклонившись, помогал Уайту открыть замки люка. Уайта смерть застала за этим занятием в его собственном кресле; одна рука прикрывала лицо, словно он пытался отгородиться от ядовитого дыма, наполнившего корабль. Чаффи тоже оставался в своем кресле; по заданию ему полагалось поддерживать радиопереговоры с Землей на протяжении всей процедуры выхода из корабля — видимо, поэтому его голос и услышали первым.

К тому времени, как Борман забрался внутрь, приборную панель и сиденья уже прикрыли пленкой, чтобы сохранить место гибели в неприкосновенности; позже пленку предстояло постепенно сматывать, когда придет время снимать и изучать аппаратуру — работа непростая и требующая особого внимания.

Положение всех тумблеров на приборной панели было тщательно сохранено и записано — точно так же, как на пультах в ЦУП. Поскольку состояние любого из проводков могло стать причиной возникновения искры, от которой разгорелся пожар, каждый провод (из тех, что не сгорели и не расплавились) нужно было проследить сквозь весь корабль до начальной точки. И поскольку любой болт, недостаточно затянутый, мог позволить прибору расшататься, а болт, затянутый слишком сильно, мог нарушить соединение, то вращательный момент, необходимый для откручивания каждого из них, следовало зафиксировать с высокой точностью.

Разбор кабины продолжался несколько месяцев. В итоге выяснилась точная последовательность мелких проблем, которых вполне можно было избежать и которые с неотвратимостью привели к трагедии на стартовой площадке.

Ровно в 18:31 ниже кресла Гаса Гриссома в дальней левой части кабины заискрился провод. Он проходил под небольшим багажным отделением с металлической дверцей: ее многократно закрывали и открывали, не замечая, что с каждым движением дверца все сильнее разрушает изоляцию провода, так что в итоге незащищенная медь дала искру. Вспыхнувшая искра спровоцировала возгорание, которое оставалось небольшим всего секунду-другую. Подпитываемое чистым кислородом пламя взметнулось по левой стене кабины, пожирая ткань и сетку для складирования. Этот участок стены был самым неудачным местом для начала пожара, поскольку пламя не давало Гриссому дотянуться до замка и открыть клапан, чтобы стравить высокое давление и замедлить распространение огня.

Пламя, ничем не останавливаемое, продолжало пожирать все, что только могло гореть: бумагу с планами полета, ткань сидений, застежки-липучки, пластик и резину, которые были повсюду. Оно пожирало и скафандры космонавтов, распространяясь от Гриссома до Уайта, который в это время безуспешно сражался с трещоткой и туго закрытым люком. С повышением температуры показания датчиков давления, которые записывались компьютером, выросли от 1,18 до 1,25 атм, затем до 1,4 и через считанные секунды подпрыгнули до взрывоопасной отметки в 2,1 атм. Предел прочности конструкции кабины был превышен, и слабое место пола в дальней правой части кабины стало причиной того, чего боялся человек, крикнувший «Очистить этаж!», — разрыва.

Взрывом разрушило не только обреченный на гибель корабль, но и все тщательно лелеемые планы НАСА по покорению Луны. Страна начала оплакивать астронавтов, пресса принялась выставлять на поругание НАСА, обе палаты Конгресса занялись расследованием происшествия и выпуском ядовитых отчетов. Тому, что НАСА откладывает все полеты «Аполлонов» на неопределенное время, никто не удивился.

* * *

К нормальной работе по расследованию причин катастрофы — то есть к работе на заводе в Дауни — Борман приступил лишь после выяснения обстоятельств случившегося. Назначенный администратором Джеймсом Уэббом и Диком Слейтоном, Борман был главным представителем астронавтов, их «адвокатом». К этому времени уже поздно было отказываться от услуг North American Aviation и начинать с нуля работу с другим подрядчиком. Нужно было реформировать то производство, которое есть.

Борман был здесь не единственным астронавтом: ему даже казалось, что их здесь топчется слишком много. Джон Янг, летавший с Гриссомом на «Джемини-3», и Майк Коллинз с «Джемини-10» разгуливали по заводу с видом генеральных директоров, заглядывали через плечо, изучали производственную линию, рассылали служебные записки всем, кто не отказывался их читать, с требованиями сменить одно и переделать другое, причем непременно в срочном порядке. Некоторые бумаги кто-то читал, другие не читал никто; Борман про себя называл их «янгограммами» и испытывал по отношению к этим документам сложные чувства: смесь уважения, признательности и иногда — раздражения.

Уолли Ширра тоже присутствовал на заводе, но в некотором смысле он не присутствовал там вовсе — по крайней мере, то был не прежний Уолли. В программе

«Аполлона-1» он был командиром дублирующего экипажа: случись Гриссому в день трагического испытания схватить насморк, Ширра сидел бы на его месте в левом кресле. А теперь, с гибелью основного экипажа, на «Аполлоне» первым полетит его, Ширры, экипаж — новички Донн Айзли и Уолтер Каннингем. Ширра понял, что ему больше всех есть дело до того, как корабль будут приводить в норму, а это значило, что весельчак Уолли, которого все знали, просто исчез.

— Вы уже зажарили троих в этой железке, — обрушивался он на любого в Дауни, кто противился вмешательству какого-то там астронавта. — Меня вам не зажарить.

В конце концов смесь горя, стресса и чувства вины стала слишком тяжелой. Начало ломаться не оборудование, а работающие над ним люди. Скотт Кроссфилд — легендарный летчик-испытатель, первым в истории превысивший двойную скорость звука, и единственный пилот, способный помериться силами с Чаком Йегером, еще до аварии пришел работать в North American в команду по обеспечению качества. Кроссфилд никогда не был особо тверд в отношении виски, и теперь виски стало брать над ним верх. За время расследования он стал злобным, склонным к спорам и непригодным к работе. Развязка наступила в тот день, когда команда North American собиралась выдать вторую ступень ракеты «Сатурн», которую Кроссфилд считал неготовой.

— Если они попробуют выкатить эту штуковину наружу, я лягу поперек дороги, — рывкнул он.

Работа вокруг Кроссфилда остановилась, на него начали оборачиваться. Однако он и не думал сдавать свою шаткую позицию.

— Что делать? — спросил Бормана один из руководителей North American. Кроссфилд работал на фирму, однако компания — особенно сейчас — была подотчетна НАСА. При этом Кроссфилд, пьяный или нет, был все-таки Кроссфилдом: не с руки простому инженеру делать замечания легенде.

— Добейся, чтоб его уволили, — ответил Борман.

— Не могу. Он... он Скотт Кроссфилд.

— Мне нет дела, кто он такой. Пусть увольняют.

Его собеседник осторожно кивнул и передал указание выше. В тот же день Скотт Кроссфилд — летчик, герой, почти Йегер — лишился работы.

Не выдержал нагрузки и один из гражданских: много работы, мало времени на сон, неизвестно, сколько горя и чувства вины, — и в результате на одном из совещаний в North American он, к ужасу присутствующих, начал рисовать организационную схему рая, особо выделив там должность, помеченную им как «главная шишка». Вызвали неотложку, несчастного забрали и увезли.

Однако, несмотря на все препятствия, «Аполлон» мало-помалу перепроектировали и перестроили. Всю проводку проложили заново, поставили новый люк, который мог открыть один человек за считанные секунды, убрали горючую липкую ленту. Каждый клочок обычной бумаги был заменен бумагой огнеупорной, каждый лоскут обычной ткани — огнеупорной бета-тканью. Легко воспламеняющийся теплоноситель заменили, паяные соединения переделали, провели более тщательные вибрационные испытания. Наконец, вместо 100%-ной кислородной атмосферы на стартовой площадке стали применять азотно-кислородную смесь в соотношении 60 на 40. Каждый шаг в проверке качества и процедурах испытаний был обдуман заново и переделан.

А самое главное — инженерам и сотрудникам отделения эргономики больше никогда не позволялось вырваться из-под контроля космического агентства.

— Никто ничего не втиснет в корабль, пока руководство НАСА не даст согласие, — заявил Борман, который применительно к North American и был руководством НАСА.

Но никто больше и не пытался.

Глава 6

1967–1968 гг.

Пока Луна вдруг не стала опять недосягаемой, никто в полной мере не осознавал, сколько очарования и надежды было в мечте ее достичь. Плотный график событий, все больше приближающих высадку на Луну, подстегивал и не давал расслабиться, один космический полет сменялся другим, календарь соответствовал ожиданиям — и довольно долго казалось почти очевидным, что НАСА успеет к сроку, поставленному президентом Кеннеди. Теперь все кончилось; до назначенного рубежа оставалось меньше трех лет, а полеты, по крайней мере на время, были прекращены. Хуже того: все происходило на фоне масштабных осложнений далеко за пределами НАСА.

1967 г., начало которого ознаменовал стремительный буйный пожар на мысе Кеннеди, мало-помалу становился свидетелем более крупных очагов огня, разгоравшегося по всей стране. Как бы ни гордился Линдон Джонсон своим Законом об избирательных правах и Законом о гражданских правах, эти законы слишком мало значили, если люди, для блага которых они принимались, по-прежнему страдали от бедности на сельскохозяйственном Юге и в унылых нищих гетто на Севере США. Тем рекордно жарким летом в более чем 150 американских городах вспыхнули расовые волнения и во многих местах начались пожары. В конце июля горел Нью-Йорк — в Гарлеме, известном жесткой сегрегацией, переворачивали и поджигали автомобили. В Ньюарке пламя бушевало в течение шести чудовищных дней; в результате волнений погибло 26 человек, около тысячи получили ранения. Следом был Детройт — 43 человека погибли, 1189 раненых, около 7200 арестованных. Пожарные не сумели справиться примерно с сотней кварталов, которые быстро сгорели дотла: пламя подхватил налетевший ветер, достигавший 40 км/ч.

В октябре начали появляться сполохи и другого огня: более 100 000 антивоенных активистов, недовольных бесконечными боевыми действиями в Юго-Восточной Азии, в антивоенном марше двинулись на Вашингтон, начав с мемориала Линкольна и потом перебравшись через реку Потомак к Пентагону. Они пылали ненавистью к Джонсону и его вьетнамской авантюре, лозунги на плакатах были беспощадны: «Президент, сколько детей ты сегодня убил?» Или еще хуже: «Где же Освальд, когда он так нужен?» Убийца Кеннеди, как и сам Кеннеди, давно покинул этот мир, но кровь, с которой началось президентство Джонсона, словно вновь хлынула волной, грозя накрыть Джонсона навсегда.

Внутри НАСА настроения были столь же мрачными. Все понимали, что 1967 г. будет провальным, по крайней мере по количеству американских астронавтов, ушедших в полет. В агентстве, знаменитом своей бравадой, появились сомнения. Да и как могло быть иначе? Успех лунной программы теперь зависел от космического корабля, который в буквальном смысле оказался смертельной западней, от ракеты «Сатурн-5», которая еще ни разу не доставила человека на орбиту, и от лунного модуля, который даже не был изготовлен.

Несмотря на эти отсрочки, многие в НАСА все же с нетерпением мечтали увидеть «Аполлон» в действии — и прежде всего сами астронавты, включая Фрэнка Бормана.

Борман сам принял решение выйти из программы «Джемини» задолго до ее окончания — и все ради того, чтобы с самого начала получить преимущество на «Аполлоне». Однако к 1968 г. Фрэнк уже третий год сидел на Земле без задания: единственным его полетом в космос оставался полет на «Джемини-7». Джим Ловелл, Джон Янг, Пит Конрад и Том Стаффорд успели сделать на своих винтовках по две зарубки: каждый из них слетал в космос сначала в правом кресле, а затем в левом. Программа «Джемини» завершилась полетом «Джемини-12» под командованием Джима Ловелла, прежде слетавшего в космос вместе с Фрэнком и под его командованием, и этот последний полет стал поистине безупречной концовкой для двухместных кораблей. Среди астронавтов — крайне честолюбивой братии — слетавшие дважды все больше воспринимались как звезды грядущей программы «Аполлон», на фоне которых Борман и прочие, кому выпало слетать в космос всего один раз, стали выглядеть второсортным материалом.

Что еще хуже, в НАСА пошли упорные слухи, что умница Боб Гилрут — один из основателей космического агентства и директор Центра пилотируемых кораблей в Хьюстоне — задумал снять Бормана с полетов насовсем. Вскоре после пожара стало ясно, что Джо Ши,

возглавлявший почти с самого начала отдел по «Аполлону», должен уйти. В том, что «Аполлон» на ранних стадиях разрабатывался так неуклюже, был виноват не только Ши. Однако большинство сходилось на том, что если повседневный надзор за программой был бы обязанностью кого-нибудь вроде Криса Крафта или Джина Кранца, то порядок удалось бы навести раньше, а плохую работу замечали бы на более ранних стадиях. Возможно, Гриссома, Уайта и Чаффи это не спасло бы, но шансы на выживание у них были бы выше.

В апреле Ши был переведен на кабинетную работу в головной офис НАСА в Вашингтоне. Перевод он справедливо воспринял как ссылку и в июле уволился из агентства. Его временно заменили Джорджем Лоу, заместителем Гилрута, однако с постоянным назначением тянуть было нельзя. Гилрут, с его общепризнанной способностью распознавать таланты и убеждать людей принять нужную должность, затруднился бы толком определить, какие качества он желает видеть в новом руководителе программы «Аполлон», однако при виде нужного человека он уж точно остановил бы на нем взгляд — и когда наводили порядок после пожара, он остановил взгляд на Бормане.

То, как Борман выполнял свою работу на заводе в Дауни, Гилрут высоко ценил, и вскоре в НАСА уже не было секретом: Гилрут надеется, что астронавт откажется от мечты полететь к Луне и вместо этого возглавит программу, по которой в космос будут летать другие. Однако у Бормана было на уме другое: от полетов его уже когда-то отстраняли из-за барабанной перепонки, и вновь сидеть на Земле — на этот раз из-за того, что умеет хорошо работать, — он не собирался. Как только в Дауни ему стало нечего делать, Борман вернулся в режим подготовки и с головой ушел в плотный график тренировок: не только наверстать упущенное, но и показать всем желающим, что в НАСА он пришел пилотировать космические корабли, а не конторский стол.

В конце концов Гилрут вызвал Бормана к себе и, недолго думая, заявил:

— Знаешь, Фрэнк, мне очень хочется, чтобы ты вел программу «Аполлон».

Борман устремил на Гилрута почтительный взгляд, но не произнес ни слова, надеясь, что молчание будет красноречивее.

Видимо, так и вышло. Гилрут мгновенно почувствовал, куда клонится дело, и по обыкновению решил направить разговор так, чтобы обе стороны расстались в уверенности, что решение принято верное. Выдержав паузу, он продолжил:

— Однако я также знаю, что ты хочешь летать, и при этом у тебя нет административного опыта, который нам сейчас нужен.

Борман медленно кивнул в ответ, изо всех сил стараясь выказать искреннее разочарование от такой неприятной новости.

Не теряя времени, Гилрут сказал ему, что много думал об этой должности и решил, что ее, пожалуй, можно поручить Лоу на постоянной основе.

— Однако, — добавил он, — если это тебя интересует, я изменю решение.

— Нет, — чуть поспешнее, чем нужно, ответил Борман. — Я совершенно с вами согласен.

Они пожали друг другу руки в знак согласия, и таким образом Борман официально вернулся в график подготовки.

* * *

В начале 1968 г., через год после пожара, наконец появились предварительные назначения для первых нескольких «Аполлонов». Астронавты НАСА ждали этой минуты с таким же нетерпением, с каким старшеклассники ждут распределения интересных поручений на первом классном часе, однако Борман, увидев доставшееся ему назначение, пал духом. Несмотря на блестящую репутацию, несмотря на добросовестную работу в Дауни, несмотря на то, что глава Центра пилотируемых кораблей собирался поставить его руководить всей программой «Аполлон»[17], ему вновь выдали самое дерьмовое задание.

В первый полет, как и прежде, должны были отправиться Уолли Ширра, Донн Айзли и Уолт Каннингем: им предстояло первыми опробовать «Аполлон» на околоземной орбите. Никто пока не знал, какой именно номер будет иметь тот или иной полет, — многое зависело

от того, сколько непилотируемых испытательных пусков потребуется ракете «Сатурн-5», однако все сходилось к тому, что экипаж Уолли Ширры станет известным как «Аполлон-7».

После этого ветераны «Джемини» Джим МакДивитт и Дейв Скотт вместе с новичком Расти Швейкартом из третьего набора астронавтов должны были полететь на «Аполлоне-8», испытывая одновременно и корабль «Аполлон», и лунный модуль LM, тоже на околоземной орбите. Даже для тех, кому не терпелось оторваться от родной планеты и взмыть к Луне, «Аполлон-8» был бы желанным заданием — в первую очередь из-за возможности первыми испробовать LM в деле.

Лунный модуль, даже по самому благожелательному определению, был сумасшедшим агрегатом, отличавшимся от любого прежде известного самолета или пилотируемого космического корабля. Даже аппараты, предназначенные для выхода за пределы Земли и полета в космосе, должны были для начала пройти сквозь атмосферу. Это значило, что у них должна быть определенная эстетичная элегантность, та самая форма — гладкая, остроносая, стреловидная, — которая необходима для того, чтобы создавать подъемную силу и сводить сопротивление воздуха к минимуму. Однако для LM ничего такого не требовалось. Запятанный в самую верхнюю часть ракеты-носителя «Сатурн-5», он долетит в ней до космоса и увидит звездный свет лишь за пределами околоземной орбиты, на пути к Луне, когда корабль «Аполлон» достанет его из ракеты. Это значило, что его можно проектировать строго для конечной цели — полета сквозь безвоздушное космическое пространство, посадки на Луну и последующего взлета.

В итоге никакой элегантности в нем не наблюдалось: четырехногий, семиметровой высоты, модуль походил на монструозное насекомое. Треугольные иллюминаторы напоминали пару злобных глаз, а трапециевидный «рот» служил люком, через который астронавтам предстояло выбираться на трап и по нему спускаться к лунной поверхности. Сверху корабль был покрыт морщинистым отражающим слоем теплоизоляционного материала, который также выполнял роль стен для кабины экипажа: стены были толщиной примерно в три слоя алюминиевой фольги[18].

Для лунного модуля вес был решающим параметром, поскольку даже «Сатурн-5» имел ограничения. С самого начала конструкторы фирмы Grumman Aircraft в Бетпейдже на острове Лонг-Айленд всеми силами старались сделать аппарат как можно более эффективным, при этом избавляясь от каждого лишнего грамма.

В некотором отношении дело облегчалось тем, что LM состоял из двух ступеней. Первой его задачей было сесть на Луну, для чего требовались четыре ноги и мощный двигатель посадочной ступени. А для последующего взлета нижняя часть корабля могла служить стартовой платформой. Пироболты и система резаков разрывали связи и кабели между нижней и верхней частью, после чего двигатель взлетной ступени поднимал часть корабля — то есть практически кабину с экипажем — обратно на окололунную орбиту.

Кабина предполагалась как можно более спартанская. Кресла весили бы слишком много, и от них попросту отказались — ведь LM предназначался для работы в невесомости или в условиях лунной гравитации, составляющей одну шестую от земной, так что экипажу можно было просто стоять. Это позволило отказаться и от панорамных иллюминаторов, изначально планировавшихся конструкторами: они, конечно, максимально расширили бы экипажу обзор, но весили бы слишком много. Если астронавты стоят, то могут и прижаться носом — или лицевой частью шлема — к небольшим треугольным иллюминаторам и получить тот же обзор.

Кабели для модуля использовались самые тонкие, что тоже давало небольшой вклад в экономию веса, однако при этом они были хрупкими и при небрежном обращении рвались, как паутина. Чтобы еще больше облегчить модуль, конструкторы обработали все металлические поверхности способом, который называли химической фрезеровкой: с металлических поверхностей химикатами вытравили где полмиллиметра толщины, где четверть миллиметра. Эта кропотливая работа давала очень небольшую разницу для любого конкретного участка, зато в объеме всего корабля экономия получалась заметной.

Сооружение, похожее на оригами из фольги, должно было отправиться в первый полет вместе с «Аполлоном-8». МакДивитту и Швейкарту предстояло забраться внутрь, отделиться от «Аполлона» и сделать несколько витков по орбите, пока Скотт будет в одиночку пилотировать командный модуль. Если бы по какой-нибудь причине LM не смог воссоединиться с «Аполлоном», на Землю вернулся бы один Скотт: в отличие от командного модуля, имеющего прочный теплозащитный экран, лунный модуль при попытке входа в атмосферу сгорел бы, как бумага. Непосвященным наблюдателям за пределами НАСА все это упражнение могло показаться очередной прогулкой вокруг Земли, однако астронавты отлично знали, какое сложное маневрирование для него потребуется, и Скотт стал называть предстоящий полет «миссией для экспертов».

Затем настала очередь Бормана — ему как командиру вновь досталось левое кресло, что очень его радовало. В среднем располагался приветливый Майк Коллинз, а правое предназначалось для Билла Андерса, энергичного новичка из третьего набора. Борман не очень-то знал Андерса, однако за новеньким уже закрепились репутация «вундеркинда лунного модуля»: он поставил перед собой цель изучить странный аппарат лучше конструкторов, его создавших. Если команда МакДивитта благополучно исполнит все намеченное, Борману ничто не мешало бы лететь к Луне. Однако, к его великому разочарованию, программа «Аполлона-9» почти полностью повторяла программу «Аполлона-8».

Экипажу предписывались все те же рутинные процедуры при сходном количестве орбитальных витков; отличие было лишь в том, что «Аполлону-9» предстояло закончить полет подъемом на высоту 6400 км и отработать вход в атмосферу с большой высоты — такой же, какой ожидал астронавтов при возвращении с Луны. Дело было нешуточным. «Джемини» летали по околоземной орбите на скорости 7800 м/с и затем возвращались в атмосферу, «ударив по тормозам» и замедлив движение так, что оно уже не могло поддерживать корабль на орбите. «Аполлон» же, возвращаясь с Луны, ворвется в атмосферу на скорости почти 11 200 м/с, метая в узкую «замочную скважину» в небе шириной всего в пару градусов. Если спуск будет слишком крутым — корабль сгорит в атмосфере, слишком пологим — корабль отскочит от нее, как камешек от поверхности озера, и унесется в космос навсегда.

Борман не понимал, почему бы экипажу МакДивитта в конце полета не отработать заодно и спуск с большой высоты. Неужели три «эксперта» не хотят эффектного финала для своего космического путешествия? Первый полет лунного модуля — историческое событие, второй будет простым дублированием. Однако после пожара осторожный народ из службы планирования полетов не так уж рвался рисковать. Покорение Луны теперь было расписано как медленный, постепенный процесс: попасть в окрестности Луны прежде десятого, одиннадцатого, двенадцатого «Аполлона» (а то и более поздних) можно было даже не мечтать.

Для Ловелла, однако, перспективы «Аполлона» были куда заманчивее. В полете «Аполлона-9» под командованием Бормана ему отводилась небольшая роль дублера Коллинза на случай, если того вычеркнут из списка. Вероятность этого была невелика: Коллинз славился отличным здоровьем и не был замечен в пьянстве или склонности гонять автомобиль на бешеных скоростях, как некоторые другие астронавты. Если его определили в полет, шансы выбить у него были невелики.

Это значило, что Ловелл выйдет на старт в более поздний и ощутимо более завидный полет — на «Аполлоне-12», в центральном кресле между Нилом Армстронгом слева и Баззом Олдрином справа. Пока еще было неизвестно, предстоит ли «Аполлону-12» посадка на Луну, но если да — то Ловеллу по роли предстояло ожидать на лунной орбите, пока Армстронг и Олдрин спустятся в лунный модуль и покроют свои ботинки лунной пылью. В любом случае «Аполлон-12» мог легко стать полноценным путешествием к Луне и уж точно более увлекательным приключением, чем рутинное обращение на привязи по околоземной

орбите, отведенное Борману. По всему выходило, что более продолжительное знакомство с «Джемини» было более выгодным.

* * *

Какой бы отличной ни была работа фирмы Grumman по проектированию и изготовлению лунного модуля, никакого полета ждать не приходилось, если ракета-носитель «Сатурн-5», создаваемая множеством других подрядчиков, не сумеет оторваться от Земли — а заставить ее взлететь было делом непростым.

Путешествие от флоридской стартовой площадки к лунным равнинам означало по сути, что нужно использовать очень большую ракету, способную заставить очень большой полезный груз развить очень, очень высокую скорость — с такой скоростью не передвигался еще никто из людей. Для этого требовалась ракета, каких прежде не делали, и НАСА не упускало случая напомнить потрясенному миру размеры новоизобретенного монстра. «Сатурн-5» имел высоту более 110 м — как 36-этажный дом, почти на 20 м выше статуи Свободы и длиннее поля для американского футбола вместе с очковыми зонами.

Вес монстра впечатлял не меньше. «Сатурн-5» с полными баками горючего весил почти 3000 т, на треть больше эскадренного миноносца; только обычный эсминец, пленник гравитации, плавал на брюхе по поверхности океана, а «Сатурн-5» умел летать.

Каждый из пяти двигателей первой ступени гигантской ракеты потреблял в секунду 3 т керосина и жидкого кислорода, сжигая больше 500 т за те 162 с, которые ступень должна была прожить в полете. На высоте 66 км первая ступень отделялась и очередь переходила ко второй — здесь пять двигателей меньшей мощности сжигали почти 1,3 млн л горючего всего за 386 с. После этого наступал черед третьей ступени с одним-единственным двигателем, которая вытаскивала астронавтов на околоземную орбиту. Позже его предполагалось запустить еще раз — для рывка к Луне.

Эта необыкновенная машина была еще и необыкновенно опасна. Когда запускалась первая ступень и ракета только начинала подниматься со стартовой площадки, двигатели работали на уровне 160 млн лошадиных сил — столько энергии вырабатывали бы все реки и ручьи США, направленные на одну-единственную гидротурбину. Рев «Сатурна-5», взлетающего со стартовой площадки, из всех рукотворных звуков мог бы перекрыть только ядерный взрыв. А на случай, если бы ракета отказалась повиноваться командам и взорвалась на старте, физики имели наготове надежные оценки: взрыв породил бы облако пламени 430 м в диаметре, которое горело бы 33,9 с с выделением температуры более 1370° С.

Первый пуск этой монструозной машины — полетное задание называлось «Аполлон-4» — состоялся утром 9 ноября 1967 г. Зрелище было потрясающим. Зрители собрались на побережье Флориды такой толпой, какая обычно собиралась ради пилотируемых стартов, и получили свое.

— Да здесь все здание трясется! Здание трясется! — кричал Уолтер Кронкайт из временной студии, находившейся в 5 км от стартовой площадки. Кронкайт всегда реагировал на ракеты так, как ребенок реагирует на дизельные локомотивы, и не очень-то этого стеснялся. Внутри импровизированной студии съемочное окно, выходящее на стартовую площадку — специально сделанное широким, чтобы репортеры лучше видели описываемое, — начало дребезжать в раме, и съемочная группа кинулась его удерживать. Кронкайт, явно в восторге от происходящего, бросился на помощь.

— Рев оглушительный! — объявил он, когда грозный звук стал слышен зрителям. — Большое стеклянное окно дрожит, мы держим его руками! Смотрите, что ракета делает! У нас тут кусок крыши обваливается!

В пультовой, то есть в Центре управления запуском на мысе Кеннеди, было не спокойнее. Осыпавшаяся с потолка штукатурка падала на пульта, где обычно не допускалось ни единой пылинки. Рев двигателей, который достигал 135 или 140 дБ, превышая болевой порог, порождал тектонические вибрации, регистрируемые сейсмометрами даже в Нью-Йорке. Его можно было ясно слышать и в хорошо укрепленном здании. Операторы за пыльными пультами радостно вопили, и сам Вернер фон Браун,

наблюдавший за пуском в бинокль через самое прочное окно, позволил себе момент ликования.

— Давай, детка, давай! — кричал этот конструктор-немец, от которого ни единая живая душа раньше не слышала слово «детка».

Меньше чем через 12 минут третья ступень «Сатурна» вместе с беспилотным кораблем «Аполлон» вышли на околоземную орбиту и оттуда продемонстрировали все, что от них требовалось. «Аполлон» слал в Хьюстон сигналы о нормальной работе всех систем, так что руководство понимало: астронавты, будь они на борту, чувствовали бы себя отлично. После неполных трех часов — или двух витков — полета третья ступень включилась еще раз, выталкивая «Аполлон» с безопасной 185-километровой орбиты на головокругительную высоту в 17 200 км. После этого командный модуль отделился и выполнил безупречный высокоскоростной акробатический вход в атмосферу, приводнившись менее чем в 16 км от заданного места в районе Гавайских островов.

— Самая лучшая именинная свечка за всю мою жизнь! — восторженно заявил репортерам, выходя из зала управления, помощник фон Брауна Артур Рудольф, которому в тот день исполнилось 60 лет.

Однако этот идеальный полет остался последним счастливым подарком, полученным НАСА от новой гигантской ракеты.

Всего через два месяца состоялся запуск «Аполлона-5». На этот раз меньшая по размерам двухступенчатая ракета «Сатурн-1Б» вывела на орбиту лунный модуль (уважительно названный LM-1), который призван был продемонстрировать НАСА работу этого маленького посадочного аппарата. Можно счесть за предзнаменование тот факт, что использовалась верхняя ступень «Сатурна-1Б», которая предназначалась для космического полета Гриссома, Уайта и Чаффи: в вечер гибели экипажа она находилась под кораблем. При пожаре ракета не пострадала, и в условиях, когда Конгресс собирался растерзать НАСА за любой намек на лишнюю трату материала, космическое агентство не собиралось отправлять в утиль исправную вещь только потому, что она оказалась «несчастливой».

При этом весь полет казался сплошной неудачей. «Сатурн-1Б», выполнив свою нехитрую задачу, вывел LM на орбиту, однако посадочный модуль показал себя не с лучшей стороны. Его бортовой компьютер неправильно воспринимал посылаемые с Земли команды, из-за чего двигатель посадочной ступени отключился раньше времени[19]. А когда отделилась взлетная ступень, компьютер тоже дал сбой и не зафиксировал тот факт, что корабль лишился половины своей массы[20], так что взлетная ступень во время движения по орбите кувыркалась, тщетно пытаясь восстановить равновесие в ошибочной уверенности, будто она вдвое тяжелее, чем на самом деле.

Газеты милосердно объявили полет несомненным успехом хотя бы потому, что лунный модуль наконец-то побывал в космосе. Однако во время полета на Луну он практически не имел права на ошибку, и если бы посадочный аппарат работал так же, как LM-1, он бы гарантированно угробил экипаж.

Последний из непилотируемых полетов — по крайней мере, последний на тот случай, если НАСА еще лелеяло надежду, что «Аполлон-7» наконец вернет американских астронавтов в космос, — был назначен тремя месяцами позже, на 4 апреля 1968 г., когда «Сатурну-5» предстояло полететь второй раз. Агентство надеялось, что в миссии «Аполлон-6» ракета-гигант вновь возвратит НАСА былой лоск.

Тот запуск ракеты «Сатурн» был таким же впечатляющим, как и первый. Однако через две минуты полета нестабильное давление горючего внутри первой ступени заставило ее колебаться в направлении вверх-вниз, как пружинная игрушка «пого», настолько быстро и сильно, что приходилось опасаться за прочность конструкции всей ракеты. Случись лететь на ней астронавтам — они получили бы травмы, возможно тяжелые; сильной тряской повредило две панели в форме лепестков в верхнем отсеке, предназначенном для лунного модуля, если бы таковой был на борту.

Когда отработала первая ступень и запустилась вторая, она тоже работала нестабильно. Из-за этого полностью отказали два из пяти двигателей[21] и — согласно тревожной телеметрической информации, поступающей с корабля, — внутри этой ступени погнулась несущая 30-сантиметровая двутавровая банка, что, в свою очередь, могло привести к полному отрыву двигателей и стать причиной ситуации, которую разработчики назвали бы «катастрофическим отказом», а все остальные — взрывом. Впрочем, вторая ступень каким-то образом продолжала работать, так что третья ступень вместе с кораблем «Аполлон» на верхушке кое-как вышла на орбиту, однако участь полета оказалась предрешена.

— Это была катастрофа, — заявил Крафт на выходе из ЦУП, бросая вызов любому в НАСА, кто попытается приукрасить итог полета. — Я подчеркиваю: катастрофа.

Прошло уже 17 месяцев с тех пор, как последний американский астронавт побывал в космосе. Лишь 20 месяцев оставалось до того момента, когда кто-то из астронавтов должен ступить на Луну. Казалось, американская космическая программа начала двигаться в обратном направлении.

* * *

Если и было что-то хорошее в полете «Аполлона-6», то это его краткость. Полет начался через одну секунду после семи утра по времени Восточного побережья и закончился менее чем через два часа приводнением командного модуля в средней части Тихого океана. И хотя для Крафта, для НАСА и в целом для программы «Аполлон» день стал ужасным, отчетам прессы о неутешительном полете не суждено было задержаться в читательской памяти.

Через десять часов после приводнения «Сатурна-5», в 18:05 по времени Центрального пояса, преподобный Мартин Лютер Кинг вышел на балкон гостиничного номера 306 в мотеле «Лоррейн» в Мемфисе — в городе, где тогда проходила забастовка мусорщиков. Кинг приехал в город произнести речь в пользу рабочих. На балконе вместе с ним стоял Бен Бранч — глава группы и джазовый саксофонист, который в тот вечер собирался выступить на собрании членов профсоюза.

— Бен, не забудь сыграть «Господи, возьми меня за руку» на сегодняшней встрече, — сказал Кинг. — Сыграй по-настоящему хорошо.

В этот миг пуля из винтовки «ремингтон» 760-й модели, выпущенная из соседней гостиницы с расстояния в 45 м, пронзила Кингу щеку, челюсть, шею и яремную вену. Его увезли в Госпиталь Св. Иосифа, однако выжить при таких ранах ему было не суждено. Через час с небольшим объявили о его смерти.

Еще до убийства Кинга стало очевидно, что 1968 г. будет кровавым. В конце января, во время праздника Тет Нгуен Дан — вьетнамского Нового года — более чем 70-тысячное войско из северовьетнамских бойцов и отрядов Вьетконга, пройдя через демилитаризованную зону, ударило по 13 крупным целям в Южном Вьетнаме и по сотне мелких городов и поселений. В результате погибло около 165 000 бойцов с обеих сторон и более 14 000 гражданских лиц. Термин «новогоднее наступление» немедленно вошел в оборот как метафора безнадежности американского вмешательства во вьетнамские дела и политического бессилия администрации Линдона Джонсона, когда-то столь многообещающей.

Для самого Джонсона, видимо, это не было секретом. Вечером 31 марта он выступил с телевизионным обращением к народу якобы для разговора о ходе войны. Однако он явно задумывал большее и к концу речи приберег политическую бомбу: «Я не планирую и не приму от моей партии выдвижения на очередной президентский срок».

Если Джонсон полагал, что такой жертвенный отказ от политической жизни успокоит бушующую стихию 1968 г., то он ошибался. Вслед за убийством Мартина Лютера Кинга в десяти крупнейших городах — включая Балтимор, Чикаго и Вашингтон — вспыхнули бунты, результатом которых стали десятки смертей, тысячи арестов и порча имущества на сумму в десятки миллионов долларов. Борьба за наследование президентского места после Джонсона приобрела уродливые формы, вплоть до разрыва между различными крыльями его партии. В

июне сенатор Роберт Кеннеди, вступивший в президентскую гонку всего три месяца назад, был убит в Лос-Анджелесе через считанные минуты после того, как выиграл предварительные выборы в Калифорнии. Перед делегатами съезда, голоса которых он завоевал в тот вечер, теперь маячил лишь его призрак, и страна вновь хоронила одного из Кеннеди — с траурными процессиями, барабанщиками и катафалком. А насилие продолжалось: в августе, во время съезда Демократической партии в Чикаго, 23 000 полицейских с дубинками обрушились на 10 000 антивоенных демонстрантов — позже эти беспорядки получают имя «полицейский бунт».

Все это время инженеры, планировщики и астронавты НАСА спокойно и упорно занимались своим делом. В помещениях без окон, на охраняемых базах они почти забыли о пылающем вокруг мире. Если они и замечали взрывы насилия, то лишь как глухие отголоски из-за стен и смутные тени за толстой маскировочной сеткой.

Глава 7

Лето 1968 г.

Кому пришла в голову гениальная идея, совершенно изменившая ситуацию, так и осталось неизвестным. Это неудивительно. Понятно, что среди 400 000 мужчин и женщин, трудившихся во всех бюро, лабораториях, производственных цехах и университетах ради того, чтобы объединенными усилиями отправить американцев на Луну до 1970 г., вряд ли был лишь один-единственный человек, осознавший масштабность проблем внутри космической программы и внезапно обнаруживший блестящее, хоть и безрассудное, решение. Все знали о дерганом «Сатурне-5», о проблемном лунном модуле и об «Аполлоне», который еще не взлетал с человеком на борту, знали и о близящихся сроках и нетерпении публики. Неудивительно, что сразу несколько человек с незаурядными способностями в космическом агентстве могли прийти к одной и той же спасительной идее, прекрасной в своей безрассудности. Оставалось лишь передвинуть всю гору фишек через игральный стол, поставить все на черное, запустить рулетку и положиться на удачу.

Лавину стронул голос Джорджа Лоу в августе 1968 г. — за три месяца до того, как Уолли Ширра должен был поднять «Аполлон-7» на околоземную орбиту. В июне на мыс Кеннеди прибыл первый законченный лунный модуль[22], все еще недоработанный: со множеством дефектов, по-прежнему слишком тяжелый и самым буквальным образом неспособный стоять на слабых ногах. Конечно, модуль проектировали с таким расчетом, чтобы он держал свой вес в условиях лунной гравитации, вшестеро меньшей, чем земная, однако его беспомощность все же казалась отличной метафорой для такого хрупкого и несовершенного аппарата. При всех стараниях техников LM явно не успевал к ноябрьскому или декабрьскому проверочному полету с Джимом МакДивиттом и экипажем «Аполлона-8».

Сказанное Джорджем Лоу осталось у него в памяти в одной формулировке, у Криса Крафта — в другой, у Боба Гилрута — в третьей. В тот день все трое собрались вместе, и руководитель программы «Аполлон» попросил обоих коллег выслушать идею, которую он уже некоторое время обдумывал. Суть сказанного Лоу сводилась к следующему: «График вам известен? Давайте его ломаем. Мы полетим к Луне через 16 недель. И давайте поручим это дело “Аполлону-8”».

* * *

Весть о том, что Майкл Коллинз назначен на «Аполлон-9», Фрэнк Борман принял с радостью. Кое-кто из астронавтов не уступал Коллинзу в упорстве при подготовке, однако превзойти его не мог никто. За Коллинзом числился пока только один полет на «Джемини-10», и в предшествующий ему год, уйдя в дело с головой, он тренировался как одержимый. В самом полете Коллинз показал себя безупречно: он выходил в космос и помогал стыковать корабль с ракетой «Аджена», которая теперь наконец летала как положено.

С приближением сроков «Аполлона-9» Коллинз вновь ушел в работу, так что никто не сомневался, что в этой миссии, как и в прежней, он покажет себя с наилучшей стороны. Однако у Коллинза была проблема, о которой он и сам не знал до того дня, когда при игре в

гандбол вдруг почувствовал странную тяжесть в ногах. Это чувство не очень поддавалось описанию, просто куда-то исчезли обычные скорость и гибкость. Майкл пробовал не обращать внимания: в конце концов, ему 37 лет — неудивительно, что прыгучести поубавилось. Такое самоутешение помогло ему на некоторое время, однако потом левое колено начало терять устойчивость, нога ниже колена стала неметь, попадающая на икру ноги холодная вода вызывала боль, а горячая — даже кипятки — совершенно не чувствовалась. А затем симптомы начали распространяться на верхнюю часть ноги и бедро.

Примерно в то время, когда Джордж Лоу делился своей мыслью с Бобом Гилрутом и Крисом Крафтом, Коллинз наконец пошел к штатному врачу НАСА. Как и всякий пилот, Майкл не очень-то думал о том, какие неприятные варианты заболеваний может увидеть врач: рассеянный склероз, мышечная дистрофия или латеральный амиотрофический склероз, убивший Лу Герига[23] примерно в таком же возрасте. Думал он только о том, насколько велик риск, что его отстранят от полетов, — ничего хуже, чем лишиться возможности летать, Коллинз и представить себе не мог.

Через час после прибытия в больницу, когда все рентгеновские снимки уже были сделаны и отданы на анализ медикам, у Коллинза с врачом наблюдалась предельно противоположная реакция на то, что показали снимки. У врача словно гора с плеч свалилась: проблемы с ногой имели причиной костный вырост между пятым и шестым шейными позвонками, и исправить это можно было относительно простой операцией. Коллинз же не находил себе места от отчаяния — получалось, что он сначала должен лечь на операцию, затем восстановить после нее шею, а до этого будет пехотой и более никем.

Задача сообщить об этом Коллинзу официально выпала Дикку Слейтону. Он попросил Коллинза сделать операцию как можно скорее, чтобы быстро вернуться в график подготовки, — как будто Коллинз сам этого не знал.

Слейтон же и сообщил Борману, что один из членов его экипажа вычеркнут из списка. Затем Слейтон вызвал к себе Ловелла.

— Джим, — начал Слейтон, когда Ловелл вошел к нему в кабинет, — у Майка костный вырост, нужна операция. Я перевожу тебя на «девятый», и если с Майком все нормально, то он займет твое место на «двенадцатом».

Ловелл прекрасно знал, что в такой ситуации по протоколу полагается ответить: «О'кей, Дик». Поэтому он ответил: «О'кей, Дик». И даже добавил: «Буду рад».

Никакой радости он, конечно, не испытывал. Ловелл не хуже Бормана знал, что «Аполлон-9» всего лишь повторяет программу «Аполлона-8», только с крутым спуском с высокой орбиты в финале, в то время как «Аполлон-12» давал хороший шанс слетать на Луну. Теперь, уже имея на счету 14 дней кружения вокруг Земли на «Джемини-7», он получит еще 10 дней на «Аполлоне-9» — и похоже, что так и не покинет окрестностей планеты.

В новом задании ему не нравилось кое-что еще, и если обсудить это с Диком Слейтоном, то главный астронавт — опытный военный летчик — сумел бы его понять. До этого момента экипаж «Аполлона-9» состоял исключительно из офицеров Военно-воздушных сил: и Борман, и Коллинз, и новичок Билл Андерс носили «крылышки» ВВС. Слейтон тоже служил в ВВС. Ловелл же был из флотских.

Когда «Джемини-6» и «Джемини-7» исполняли совместное фанданго, увенчавшееся выставлением трогательной надписи «армейцы — слабаки» в иллюминаторе «Джемини-6», Борман был в меньшинстве — один против троих. Теперь в меньшинстве предстояло быть Ловеллу. На работу астронавтов это не очень бы повлияло, но полная сплоченность экипажа могла оказаться не совсем полной. Виги могут обедать с тори, а игроки «Ред Сокс» выпивать с «Янкисз», но любой предпочтет компанию своих.

Впрочем, Ловелл понимал, что новое задание имеет и свои плюсы. Лететь раньше всегда лучше, чем лететь позже, и, пока программа «Аполлон» забирается далеко во второй десяток номеров («Аполлон-13», «Аполлон-14», «Аполлон-15»), слетать на Луну Ловелл еще успеет. И он определенно не имел возражений против того, чтобы снова оказаться в одном

корабле с Борманом, даже если для этого придется вернуться в кресло подчиненного после того, как Ловелл слетал на «Джемини-12» командиром экипажа. Что до Андерса — то новичок Ловеллу нравился.

В итоге Ловелл решил воспользоваться случаем и получить от «Аполлона-9» максимальную отдачу, как и в полете на «Джемини-7». Обычное дело: получаешь летное задание в морской авиации или в НАСА — и за работу.

* * *

Билл Андерс, которому летом 1968 г. было почти 35 лет, самым буквальным образом родился в армии. Его отец, лейтенант ВМС, служил в Гонконге и во время рождения сына жил в общежитии для семейных офицеров. Как и Ловелл, Андерс окончил Военно-морскую академию, однако потом ушел в ВВС заслужить «крылышки» — Ловелл, с его верностью Аннаполису, такого решения не понимал.

Как и Борман, Андерс попал в НАСА через посредство Чака Йегера. И как Борман, Билл расстался с Йегером не в лучших отношениях. В 1959 г. молодой летчик-истребитель подал рапорт о переводе на авиабазу Эдвардс для обучения на летчика-испытателя, но Йегер ему отказал.

— Мы сейчас принимаем только тех, у кого есть инженерное образование, — отрезал он и указал Андерсу на выход.

Билл, не терпящий отказов, немедленно поступил в Технологический институт ВВС на авиабазе Райт-Паттерсон в Огайо. После трех лет упорного и успешного учения, с дипломом в руках, он вернулся на базу Эдвардс и вновь явился к Йегеру.

— Требования изменились, — заявил тот. — Инженерный диплом не ценится теперь так высоко, как налет.

Налетать нужное количество часов — это, разумеется, совсем не то, чего мог достичь Андерс за три года сидения в аудиториях.

Впрочем, Йегер согласился рассмотреть кандидатуру слишком образованного пилота, и Андерс затаил надежду в конце концов быть зачисленным. Пока же он вернулся в Нью-Мексико, где работал в Центре специальных вооружений ВВС США. Вскоре после этого, весной 1963 г., сидя за рулем своего «фольксвагена» по дороге через пустыню недалеко от Альбукерке, Андерс услышал по радио, что НАСА объявило третий набор астронавтов, на этот раз с измененными требованиями. От кандидатов с инженерным образованием уже не требовался опыт испытательных полетов. Билл затормозил на обочине и целых 15 минут ждал, пока повторят новость, — хотел убедиться, что не ослышался. И выяснилось, что все он услышал верно.

При первой же возможности Андерс заполнил необходимые анкеты и подал рапорт. Вскоре его пригласили на суровые отборочные испытания. К этому времени врачи, по сравнению с двумя первыми наборами, отточили опыт и изуверские навыки; к обычным испытаниям на выносливость и умственные способности добавились поведенческие игры и сложные психологические тесты.

Например, появился аппарат вроде пинбола, на котором кандидаты в астронавты должны были решать задачки на сообразительность и пространственное мышление. Само по себе это было непросто, да еще и приходилось заниматься десятком задач одновременно, так что нужно было почти непрерывно переключать рычаги или тумблеры и нажимать кнопки в ответ на мигание лампочек. Одни задачи были попроще, другие требовали полного внимания кандидата. Андерс быстро сориентировался: если тебя оценивают не только на точность, но и на скорость, то терять существенное время на сложные задачи невыгодно. Их надо решать наугад, а потом с пулеметной скоростью выполнять более легкие задания. Стратегия себя оправдала: тест он закончил лучше всех, обойдя ближайшего соперника на 150%.

Примерно такую же тактику он применял и на письменных тестах, полагаясь на подход, который в колледже называли «теорией мычания»: Андерс с сокурсниками тогда выяснили, что преподаватели тоже скучают, как и все остальные, а проверять пространные ответы — занятие довольно унылое. Поэтому сейчас на большую часть вопросов Андерс ответил

подробно и четко, а на несколько пунктов, требовавших времени и не обещавших много баллов, дал расплывчатую, но убедительную бессмыслицу, которую писать легко, а читать утомительно. Он подозревал, что приемная комиссия оценит их приемлемым баллом «удовлетворительно», зато остальные ответы удостоятся желанного «отлично». По мнению Андерса, он этим не нарушал никаких правил — наоборот, искусно их применял на практике, а это было главное.

Примененная им стратегия, видимо, сработала, поскольку 17 октября 1963 г., в день 30-летия Билла, ему позвонил Дик Слейтон и поздравил с приемом в отряд астронавтов. Андерс, несколько месяцев мечтавший о таком звонке, ответил ровно так, как много раз проговаривал в уме, — благодарно и уважительно.

Всего через два дня случился еще один звонок, о котором Андерс мечтал в предыдущие месяцы. На этот раз звонил Йегер с новостью, которую старый полковник считал для Билла крайне неприятной:

— Сожалею, Андерс. Вы прекрасный кандидат, но для школы летчиков-испытателей не годитесь.

Андерс, при всей дерзости своих 30 лет, отлично знал, какой ответ в такой ситуации лучше давать, а какой нет. И выбрал неполитичный ход.

— Ну что ж, полковник, — сказал он. — Спасибо за звонок, но я уже получил более заманчивое предложение.

Йегер спросил, что за предложение, Андерс ответил. Полковник, не терпящий дерзости, не стал терять время и немедленно пустил в ход все свое влияние: звонил, нажимал на нужные рычаги и всячески пытался добиться того, чтобы Андерса исключили из программы подготовки астронавтов. Успеха он не добился, однако слухи о кампании Йегера достигли Андерса и изрядно его напугали. Входило ли это в планы Йегера — неизвестно, но молодому пилоту пошло на пользу.

Премудрости астронавтов Андерс постигал с удовольствием, к тому же времени на это было достаточно: 13 астронавтов в третьем наборе помимо него плюс девять из второго и четверо, которые уже летали, из первого — в ближайшее время полеты ему не грозили.

Каждому новому астронавту надлежало выбрать несколько специальностей, и Андерс сосредоточился на лунной геологии и защите от радиации. Однако по большей части он решил стать экспертом по лунному модулю. Отчасти им руководило честолюбие, но к этому примешивалось и восхищение причудливым маленьким аппаратом. В некотором отношении LM походил на него самого: модуль не нарушал ни единого принципа летной конструкции, но искусно применял их на практике — творчески, дерзко, изобретательно. Самой заветной мечтой для Андерса был полет на LM, даже если его придется сначала испытать на околоземной орбите.

К этому времени молодой астронавт уже усвоил главное: если ты изучил лунный модуль, то упустить шанс высадки на Луну можно только одним способом — серьезно напортачить. И после дерзкой выходки с Йегером, едва не стоившей ему карьеры, Андерс не собирался совершать такую же ошибку.

* * *

Ухватиться за безумный шанс, достойный Безумного Шляпника, и предложить лунный полет на столь раннем этапе программы — на это у Джорджа Лоу были многочисленные причины. О некоторых он мог говорить, о других предпочитал молчать. Неумолимое приближение сроков и проблемы с лунным модулем ни для кого не были тайной. Ворчание Конгресса, пекущегося о бюджете, — тоже.

Была еще одна, впрочем мало кому известная, проблема, связанная с Советским Союзом. Гибель экипажа «Аполлона-1» сказалась на космических делах обеих стран. Вечером в день пожара советский посол Анатолий Добрынин, питавший любовь ко всему, связанному с космосом, независимо от эмблемы, нарисованной на борту, будь то серп и молот или звездно-полосатый флаг, присутствовал на приеме в Белом доме, где праздновали подписание документа, известного как Договор о космосе, хотя его полное название было

«Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела». Первыми его подписали США, Великобритания и СССР, к договору могла присоединиться и любая другая страна, согласная выполнять его условия. Главные положения договора обязывали стороны не предпринимать действий по милитаризации космоса, а также оказывать необходимую помощь космическим пилотам, приземлившимся на их территории, и немедленно возвращать на родину вместе с космическим кораблем.

Прием в Белом доме был обязательным мероприятием — впрочем, Добрынин посетил бы его в любом случае, хотя бы для того, чтобы встретиться с приглашенными американскими астронавтами. К концу приема стало известно о трагедии на мысе Кеннеди; Советы с их «острым слухом» и широкой разведывательной сетью узнали о новости раньше, чем о ней было публично объявлено. Добрынин на следующий день написал Линдону Джонсону и выразил искреннее сожаление.

Однако соболезнования по поводу гибели экипажа «Аполлона-1» вовсе не означали, что Москва откажется воспользоваться шансом. Приостановка американской космической программы открыла Советам дорогу, пусть и на ограниченное время, и к лету 1968 г. они прошли большую ее часть. Разведывательная сеть, на этот раз американская, доносила, что советские космические инженеры активно испытывают пилотируемый корабль «Зонд», планируя запустить следующие два корабля — «Зонд-5» и «Зонд-6» — к Луне с целью облететь ее и вернуться на Землю. Не планировались ни высадка на Луну, ни даже выход на окололунную орбиту — и все же полет стал бы первым путешествием к Луне и обратно, а это значило бы, что обратную сторону Луны могут первыми увидеть русские глаза. И пусть (по крайней мере, в случае «Зонда-5») это будут глаза мыши, букашки или хомяка: если животные выживут, то к Луне полетят и космонавты — и даже, вполне возможно, еще до конца года.

Лоу от такой мысли скрежетал зубами, мысли кипели, и в результате родилась гениальная идея. Решение поделиться рискованным планом в первую очередь с Гилрутом и Крафтом было тщательно продуманным. Оба находились в НАСА на нужном руководящем уровне: не очень высоко, так что должность предполагала творческий подход к проблемам и планированию полетов, но и не очень низко, так что оба входили в состав руководящей элиты, участвующей в принятии окончательных решений. Это значило, что при докладе о новом плане руководителю НАСА Джеймсу Уэббу мнение Гилрута и Крафта будет весить не меньше, чем мнение Лоу.

Как только Лоу убедил себя, что его идея не слишком сумасбродна, он позвонил Крафту и вызвал его к себе. Затем, ничего не говоря о деле, попросил Крафта пройти с ним в кабинет Гилрута.

Там Лоу изложил суть дела. Он хотел, чтобы состоялся полет к Луне или ее облет. Он хотел отправить туда «Аполлон-8». При этом Лоу добавил условие: полет к Луне может быть одобрен только в случае, если орбитальный полет «Аполлона-7» вокруг Земли будет «очень хорошим, если не безупречным». Закончил он финальным требованием: если пойти на этот проект, то полет к Луне должен состояться до конца года, то есть примерно в течение четырех месяцев. Тянуть дальше не было времени.

После речи Лоу повисло молчание — примерно этого он и ожидал. Крафт, которого два остальных собеседника знали как абсолютно спокойного человека, на этот раз был, наконец, выбит из колеи.

Лоу, желая не очень напугать коллег, сознательно употребил термин «облет Луны» вместо более обтекаемой фразы «полет к Луне». Облет, сходный с тем, который, очевидно, задуман русскими, подразумевал, что экипаж будет двигаться по так называемой траектории свободного возвращения. Это означало, что даже если на обратном пути полностью откажет служебная двигательная система SPS, то лунная гравитация заставит их пройти над обратной стороной Луны и отправит обратно к Земле. А вот полноценный орбитальный полет вокруг

Луны потребовал бы безупречной работы SPS, и даже не один раз, а дважды: в первый раз — для того чтобы доставить корабль на лунную орбиту, а второй — чтобы с нее уйти.

Гилрут был вполне уверен, что Лоу не стал бы предлагать такой сумасбродный план, но для надежности решил уточнить.

— Что за полет? — наконец спросил он. — Просто туда и обратно? Облет Луны?

— Да, именно это я и предлагаю, — тут же заверил его Лоу.

Когда Крафт наконец обрел голос, он не мог сказать ничего определенного даже о столь простом полете к Луне.

— Мне надо обдумать. Не могу сейчас ответить. Мы готовили все в соответствии с планом, а эта идея рушит все планы. — Крафт покачал головой. — Надо вернуться к началу и заново все пересмотреть[24].

Именно такого ответа Лоу и ожидал. При этом он не очень сомневался, что Крафт, посмотрев на ситуацию, обнаружит, что некоторые компоненты для нового варианта полета уже готовы к использованию. Командный и служебный модули «Аполлона» более или менее готовы — что было немалым достижением. Как и LM, корабль состоял из двух частей. Командный модуль CM представлял собой коническую конструкцию высотой около 3,5 м, вмещающую в себя кабину для экипажа. Служебный модуль SM был цилиндрической конструкцией длиной 7,3 м, которая присоединялась к задней части командного модуля, как автоприцеп к кабине грузовика. Служебный модуль вмещал в себя энергетическую систему и систему жизнеобеспечения, а также все компоненты SPS. Колоколообразное сопло двигателя выступало еще на 3,6 м позади служебного модуля.

Упорная работа, проделанная после пожара, позволила НАСА сертифицировать командно-служебный модуль CSM для полета. Однако это было только «железо». Еще не было закончено то, что компьютерные специалисты называли программным обеспечением — программная начинка электронного мозга как в космическом корабле, так и на Земле.

Более того, «Сатурн-5» потерял доверие многих участников программы и должен был как-то доказать свою пригодность к полету. А операторы — то есть люди, которые должны вести полет в реальности, — пока и не начинали интенсивную отработку путешествия к Луне, до которого, как они полагали, оставалось еще не меньше года.

Кроме того, стоял вопрос о тренировках экипажа, причем такого, какой был бы способен подготовиться за столь короткое время. Эта немаловажная деталь не ускользнула от Гилрута.

— В этом разговоре должен участвовать Дик, — сказал он, поднимая телефонную трубку и набирая добавочный номер Слейтона.

Главный астронавт прибыл и уселся вместе со всеми. Лоу обрисовал ему план, который он только что огласил Гилруту и Крафту. Слейтон, не меняясь в лице, с минуту о чем-то размышлял. Как астронавт — пусть и никогда не летавший — он предпочитал дерзкий риск методичному планированию; как должностное лицо, ответственное за безопасность астронавтов — и уже летавших, и только собирающихся лететь, — он был призван проявлять осторожность.

— Полагаю, я смогу подготовить экипаж, — сказал он. — Это не проблема. Однако сама по себе идея... — Он помедлил. — Мне нужно пару дней, тщательно все обдумать.

Лоу кивнул, и затем они с Гилрутом отправили Крафта и Слейтона прорабатывать детали. Когда они встали, готовясь уходить, Гилрут жестом их остановил.

— Никому не говорите об этом, — предупредил он. — Никому, за исключением тех, кому абсолютно необходимо. И ни в коем случае ничего не разглашайте прессе.

Крафт и Слейтон обещали молчать. Выйдя из кабинета, Крафт взглянул на Слейтона.

— Делай свое дело, — бросил он. — Я займусь своим.

* * *

Слейтону предстояло не так уж много работы, да и советоваться было не с кем, кроме как с самим собой. Любое решение почти полностью зависело от его полной осведомленности о навыках и способностях экипажей, назначенных на программу

«Аполлон». Астронавтам он, конечно, ничего не скажет — все они, естественно, будут за облет Луны. Решать, есть ли у него готовый к полету экипаж из троих астронавтов, придется в одиночку.

Экипажами, наиболее подготовленными к полету, в то время были две команды, которым предстояло стартовать раньше прочих: «Аполлона-8» с Джимом МакДивиттом, Дейвом Скоттом и Расти Швайкартом и «Аполлона-9» с Фрэнком Борманом, Джимом Ловеллом и Биллом Андерсом. Команда МакДивитта была более тренированной, однако в некоторых отношениях этот факт работал против нее. В отличие от группы Бормана, которая пока тренировалась почти исключительно на командном модуле, экипаж МакДивитта уже начал отрабатывать процедуры в своем LM, хотя аппарат еще не был готов к полету. Переводить этот экипаж на полет, в котором лунного модуля не было, значило бы, что изрядная часть тренировок была пустой тратой времени.

Состав обеих экипажей тоже заслуживал внимания. Слейтон одинаково ценил МакДивитта и Бормана как пилотов, однако Борман, несомненно, успел многих в НАСА впечатлить своими усилиями по расследованию катастрофы «Аполлона-1» и ее последствий. Более того, в экипаже МакДивитта никто раньше друг с другом не летал, а Борман и Ловелл 14 дней провели на орбите, выполняя полет, на который никто другой не соглашался, — и при этом все прошло отлично: родилось уникальное партнерство пилотов. Насколько было жаль бессмысленно терять опыт экипажа МакДивитта в тренировках на LM, настолько же было бы обидно оставить неиспользованным совместный опыт, который Борман и Ловелл могли привнести в первый полет к Луне.

Слейтону предстояло обдумывать дело несколько дней; его «комиссия» из одного человека должна была тщательно все рассмотреть, прежде чем объявить решение. Однако если бы от него требовалось дать ответ сразу же, то он его уже знал.

Крафту никакие размышления в одиночестве не грозили. Ему нужна была настоящая комиссия — небольшая, из доверенных лиц, которая могла бы работать за плотно закрытыми дверями.

Как только Крафт вернулся к себе в кабинет, он вызвал нескольких коллег, и среди них двух ключевых помощников: Билла Тиндалла, эксперта по орбитальной механике, который будет заниматься физикой любого лунного полета, и Джона Ходжа[25], главу подразделения по планированию полетов, который будет составлять полетный сценарий. Команда собралась, и Крафт рассказал о предложении Лоу. Его порадовало, что никто не вытаращил глаза и не закричал «нет» — все встретили новость с удовольствием.

Группа Крафта начала обсуждать детали, особенно вопрос графика, потому что от них требовалось не только сделать нечто, чего никто не делал прежде, но и уложиться в сжатые сроки. По мере обсуждения они все больше понимали, что, несмотря на серьезность препятствий, ни одно из них не кажется непреодолимым. Крафт, удовлетворенный совещанием, отослал команду обсуждать дело дальше, напомнив им: «Только между собой». И велел вернуться завтра с ответом, полученным после детального обдумывания и нормального сна.

На следующий день, когда помощники вернулись к нему в кабинет, их ответ оказался не тем, которого Крафт ждал.

— Мы считаем, что идея отличная, — сказал Тиндалл. — Неизвестно, сможем мы сделать это или нет, но стоит попытаться.

Крафт кивнул, но Тиндалл продолжал:

— Мы хотим совершить одну вещь, которую ты не упомянул и которая тебя, возможно, беспокоит. Мы не просто хотим полета к Луне. Мы хотим выйти на орбиту вокруг Луны.

Крафт растерялся. Глядя на инженеров, он сделал самое важное, что входило в сферу его ответственности, — задал главный вопрос:

— Почему вы хотите увеличить риск?

Ответ был наготове. Полет к Луне требовал изрядных ресурсов и подготовки, и лететь туда лишь для того, чтобы обогнуть Луну, поглядеть на ее обратную сторону и вернуться

домой, — это ведь пустая трата сил. Да, выход на орбиту вокруг Луны означает, что SPS должен сработать безупречно, но от двигателя это потребуются в любом последующем полете к Луне, и его хорошенько испытают на «Аполлоне-7». Если вы не доверяете машине ее работу, то зачем ее вообще создавали?

Крафт и руководство НАСА были не очень-то уверены в надежности SPS — отчасти потому, что слишком упорно думали о статистической сводке, которую НАСА в последнее время часто оглашало перед прессой. В командном и служебном модуле 5,6 млн деталей, говорило агентство, а это значит, что, даже если все они будут работать на 99,9% безупречно, целых 5600 деталей могут отказаться. Это шокирующее число в основном было призвано поразить публику сложностью работы, которую выполняло космическое агентство, однако инженеры НАСА знали, что эта статистика бессмысленна, поскольку никто никогда не пошлет человека в космос на космическом корабле с надежностью в 99,9%. От приличной конструкции требовалось три или четыре девятки справа от десятичной запятой[26]. Не менее важная причина иметь в CSM миллионы компонентов состояла в том, что многие из них были запасными или резервными или даже резервными к резервным. Они не вступали в работу, если только не откажут те компоненты, которые они подстраховывают.

Инженеры НАСА были уверены в двигателе. Его топливом был не жидкий кислород, смешиваемый со взрывоопасным веществом вроде керосина или жидкого водорода, для которого требовалась бы система зажигания. Вместо этого SPS использовал самовоспламеняющуюся топливную пару — в данном случае азрозин-50 и четырехокись азота, которые нужно всего лишь свести вместе внутри камеры сгорания и они тут же вспыхнут и дадут тягу. А для того, чтобы без проблем доставить оба компонента топлива в нужное место, в главном двигателе не будут использоваться турбонасосы, склонные к отказу. В SPS компоненты топлива подавались давлением газа наддува — гелия.

Если двигатель достаточно надежен для выхода на орбиту (а инженеры Крафта полагали, что да), то была еще одна причина не ограничиваться облетом. Американские беспилотные зонды — посадочные аппараты для жесткой и мягкой посадки и спутники Луны — давно уже испытывали на себе непредсказуемость лунного притяжения. Гравитационное поле Луны было неравномерным и имело участки с притяжением больше обычной величины в одну шестую земной гравитации, которые могли сбить корабль с курса. Такие неравномерности объяснялись концентрациями массы — «масконами» — остатками метеоритов из тяжелых металлов, которые давным-давно врезались в Луну и ушли под ее поверхность. Масконы не представляли никакой опасности в течение миллиардов лет, однако при появлении над ними аппарата с Земли простирали свои невидимые гравитационные руки и непредсказуемым образом встряхивали его.

— Каждый раз, когда мы рассчитываем траектории с помощью имеющихся гравитационных моделей Луны, мы промахиваемся на три километра, — сказал Тиндалл Крафту. — Однако если поместить на орбиту командный модуль, то мы сможем подобрать эмпирический набор формул, который поможет правильно предсказывать орбиту.

Десять витков казалось вполне приличным количеством для корабля, обращающегося вокруг Луны. Это позволяло собрать хороший набор данных о масконах, не говоря уже о тщательной фоторазведке поверхности, которую можно будет использовать для планирования посадки на Луну.

Тиндалл знал, что для его начальника этот аргумент будет иметь особый вес. Орбитальный полет повышал риск для «Аполлона-8», зато снижал его для всех последующих лунных «Аполлонов». Простая арифметика, а Крафт арифметику любил.

После некоторого обсуждения Крафт отпустил Тиндалла и его команду добывать нужные цифры и делать дальнейшие расчеты, которые подтвердили бы, что они смогут выполнить свою часть планирования. На это требовалась пара дней, которые, как полагал Крафт, были нужны и ему, и остальным.

В конце недели он вызвал к себе того единственного человека, в чьем мнении нуждался больше всего: Джина Кранца. Кранц стал настолько весомой фигурой в общей деятельности

ЦУП, что ему не хватало времени сидеть за пультом во время каждого полета. Вместо этого он теперь работал на каждом втором полете, исполняя роль руководителя на полетах с нечетными номерами; это значило, что не он будет главным при полете «Аполлона-8». Крафт этому только радовался: Кранц ему нужен был для того, чтобы помочь спланировать полет и вообще определить, возможен ли он.

Когда Кранц появился, Крафт перешел сразу к делу.

— Мы готовим предложение перенести полет к Луне на декабрь, — просто сказал он. Кранц не ответил, и Крафт продолжил: — Возвращайся к себе, а завтра утром скажешь мне, кто должен планировать полет и есть ли причины, из-за которых этого делать не следует.

Однако Кранц не стал дожидаться следующего утра, так что он прямо с телефона Крафта позвонил Бобу Эрнулли, своему главному компьютерщику. Эрнулл поспешил в кабинет Крафта, где узнал, что затевают его начальники. На вопрос Крафта о том, справятся ли программисты с нужными расчетами, Эрнулл ответил лаконично:

— Крис, если ты отдашь мне все компьютеры в здании 12 и здании 30 на все выходные, я дам тебе ответ в понедельник.

Компьютеры и требуемый срок Эрнулли обеспечили, и в понедельник он уже отчитывался перед начальниками. Да, сказал он, дело выполнимо. Если остальные подготовительные работы благополучно завершатся к запуску, то его компьютеры сумеют вывести «Аполлон-8» на лунную орбиту, а главное, потом вернут корабль на Землю.

* * *

Шаг за шагом, система за системой — рычаги американской лунной машины приводились в действие, шестеренки мало-помалу начинали вращаться. Оставалась финальная проблема, самая крупная и самая громкая, самая значимая из всех: «Сатурн-5». Не будет ракеты — не будет и полета к Луне.

Как только Эрнулл дал подтверждение, Гилрут немедленно встретился с Лоу и Крафтом и сказал им:

— Прежде чем взяться за дело, нужно взять в оборот Вернера.

Он снял телефонную трубку и позвонил в офис Вернера в Центре космических полетов имени Маршалла в Хантсвилле, штат Алабама, — там спроектировали «Сатурн-5» и делали для него некоторые части.

Гилруту ответила секретарь главного конструктора.

— Он на совещании. Передать ему, чтобы перезвонил?

— Нет, — ответил Гилрут. — Пусть подойдет к телефону прямо сейчас.

Удивленная секретарь ушла звать фон Брауна. Когда он поднял трубку и сказал «алло», Гилрут сообщил ему, что они с Лоу и Крафтом хотят приехать поговорить.

— Пожалуй, я смогу встретиться с вами завтра, — предложил фон Браун.

— Нет, надо увидаться немедленно.

— То есть?

— Мы прилетим прямо сейчас и поговорим, — ответил Гилрут и положил трубку, прежде чем фон Браун успел возразить.

Крафт, глядя на Гилрута, не мог сдержать улыбку. Он знал, что в его работе была некая ковбойская составляющая, и старался никогда не допускать, чтобы возбуждение от работы повлияло на решения. Однако сегодня Крафт ничего не мог поделать. Он позвонил, чтобы сделали бутербродов, забрал их с собой, а затем он, Гилрут и Лоу запрыгнули в самолет «Гольфстрим», на котором летали из Хьюстона в Хантсвилл или на Канаверал. Крафт ненавидел «Гольфстрим». Космическое агентство запускает ракеты к Луне, и при этом его бюджет не позволяет приобрести реактивный самолет для руководства, так что каждый раз, когда надо куда-то слетать, приходится терпеть оглушающе громкие пропеллеры «Гольфстрима». Даже сейчас, в возрасте всего 44 лет, Крафт чувствовал, что от самолета у него портится слух. Впрочем, сегодня он был согласен потерпеть.

Добравшись до Хантсвилла, все трое прошли напрямик в кабинет фон Брауна, но даже не присели — наоборот, подняли фон Брауна с места, увели его в конференц-зал и закрыли

дверь, чтобы поговорить в полной изоляции. Фон Брауну рассказали о новых планах на «Аполлон-8» и спросили, возможно ли подготовить ракету к сроку. Ответ был ясен по лицу фон Брауна. К «Сатурну-5» он относился почти с отеческой любовью; подобно тому как надежды отца могут неразрывно переплетаться с достижениями сына, чаяния фон Брауна были неотделимы от его машины. Идея о полете к Луне еще в текущем году оказалась непреодолимо заманчивой. Его первый «Сатурн-5» слетал безупречно, второй во многом сорвал задание. На третьем таких ошибок не будет.

— Да, — ответил посетителям главный конструктор. — Да, мы подготовим ракету к сроку.

Затем настал черед главного препятствия — вернее, трех препятствий, и ни одно из них не имело отношения к технике. Все разговоры о полете к Луне не имели смысла, если планы на «Аполлон-8» не одобрит администратор НАСА Джеймс Уэбб, его заместитель по пилотируемым полетам Джордж Миллер и президент Линдон Джонсон. Уэбб и Миллер находились на международной конференции в Вене, и, когда Лоу позвонил в Европу и наконец поставил их в известность, что инженеры в Хьюстоне все это время обсуждали возможность перекроить планы полетов, оба босса пришли в ярость. Лоу не собирался раскрывать начальству план до того, как будет убежден в выполнимости лунного полета: так было проще убедить их, что идея тщательно просчитана и продумана. Однако звонок в Европу вызвал обратную реакцию: впечатление было такое, будто агентство подняло бунт за спиной начальства.

— Этого делать нельзя! — рявкнул Миллер. — С ума посходили!

Уэбб бушевал еще больше:

— Ты пытаешься изменить весь курс программы, пока меня нет в Америке? — не веря своим ушам, спросил он. Уэбб был не тот человек, чтобы отвергать амбициозные проекты и уж тем более воспринимать их как мятеж, но то, что сделал Лоу со своими присными, очень на это походило. Тем не менее он услышал аргументы в пользу плана и согласился не ставить крест на проекте до возвращения домой. Он вернется 22 августа и сразу по приезде встретится со всеми заговорщиками, планировавшими лунный полет.

Урочный день настал, Уэбб с Миллером приехали в Хьюстон, желая, но никак не ожидая, что их убедят в пользу дела. На состоявшемся совещании повторилась та же сцена, которая раз за разом повторялась в Хьюстоне в течение предыдущих недель: один или двое слушателей, скептически настроенные, молча и внимательно слушали излагаемое, а затем мало-помалу поддавались обаянию целеустремленности, открывающимся перспективам, дерзости плана. И точно так же, как слушатели на предыдущих совещаниях, они в итоге согласились, что настало время — и есть причины — серьезно рискнуть.

Убедить Миллера оказалось сложнее, чем Уэбба, однако в действительности решал голос последнего. Руководитель НАСА чувствовал себя связанным обещанием, которое дал себе в ноябре 1963 г., после убийства президента, доверившего ему руководство космической программой США: он тогда поклялся, что доставит американцев на Луну к 1970 г., даже если для этого придется крупно рисковать.

Уэбб согласился донести план до Джонсона вместе со своими рекомендациями к одобрению его президентом. Он не сомневался, что Джонсон, при его общей расположенности к космической программе, быстро согласится. И Уэбб не ошибся.

* * *

Телефонный звонок, оторвавший от дел Фрэнка Бормана, Джима Ловелла и Билла Андерса на заводе North American в калифорнийском городе Дауни, был неприятной помехой. На подготовку к запуску «Аполлона-9» у экипажа оставалось меньше семи месяцев, они провели еще очень мало тренировок в своем командном модуле, а Билл Андерс не успел и близко подойти к лунному модулю.

И все же, когда техник позвал Бормана к телефону и сказал, что звонит Слейтон, не ответить на звонок было невозможно. Буркнув «продолжайте» в адрес Ловелла и Андерса, Борман поспешил к выходу. Через несколько минут он сообщил, что его срочно вызвали в

Хьюстон, неизвестно почему. Только на следующий день, вернувшись в Дауни, Борман передал экипажу то, что сказал ему Слейтон.

— Летим раньше, в декабре, — произнес он, начав с менее значительной новости. Ловелл и Андерс слегка удивились. — На орбиту вокруг Луны.

Удивление переросло в потрясение, однако оба астронавта лучились радостью.

— Чья была идея? — не веря своим ушам, спросил Ловелл.

— Дика, Крафта — да, пожалуй, всеобщая, — ответил Борман. — Они хотят полет, и чтобы он состоялся до конца года. У нас 16 недель на тренировки.

— Мало, но успеем, — заметил Ловелл, и Борман согласно кивнул.

— Да ведь LM не готов, — вмешался Андерс.

Этого-то Борман и боялся.

— Никакого лунного модуля, — ответил он. — Только командно-служебный.

Андерс мгновенно помрачнел, затем собрался с духом, выдавил улыбку и кивнул. И все же разочарование было слишком явным. Луна — это прекрасно и даже чудесно, но лишиться лунного модуля для него было все равно что лишиться ноги или руки. Либо ты специалист по командному модулю, либо по лунному. Андерс изучал LM и был на этом пути впереди любого, а теперь его место займет другой и будет следующие 16 недель тренироваться в управлении посадочным аппаратом, пока Андерс переключится на менее сложный и менее интересный командный модуль.

И все же он не отрицал, что быть членом экипажа во время первого полета к Луне — миссия историческая. Частью нового задания для Андерса, как объяснил Борман, станет фотографическое и визуальное наблюдение возможных участков для посадки на Луну — для этого и пригодятся познания Андерса в геологии. Это будет критически важной частью полета, поскольку никто пока не мог точно определить свойства гладких равнин — так называемых морей — на поверхности Луны, которые планировалось использовать в будущих полетах. Были ли это действительно ровные места, пригодные для посадки, или же каменистые поля, которые могут затруднить посадку лунного модуля на финальной стадии спуска. А кроме того, если Андерс летит прямо сейчас, так рано в графике лунной программы, то в будущем, возможно, ему выпадет шанс слетать туда еще раз, уже в кресле командира. В итоге Андерс все же решил, что Борман принес хорошую новость, хотя и не идеальную.

Андерсу еще предстояло сообщить удивительную новость семье. Борман упомянул, что в Хьюстоне уже сказал Сьюзен и сыновьям о перемене планов, и семья немедленно — и даже без особого волнения — их одобрила. Андерс решил, что его близкие отреагируют примерно так же.

Валери Хорд вышла за него замуж в 1955 г., и теперь у них было пятеро детей — четверо мальчиков и девочка — возрастом от четырех до 11 лет. Валери изначально знала Билла лишь как моряка — она заметила его в свои 16 лет, когда 19-летний Билл учился в Военно-морской академии. Они познакомились совершенно невероятным образом: Билл приехал на каникулы из Аннаполиса домой в Сан-Диего и пригласил на свидание местную девушку. Девушка согласилась, но только с условием, что позовет свою подругу по имени Валери. Андерс не стал возражать и в скором времени несколько об этом не жалел: к Валери он проникся большей симпатией, чем к приглашенной им девушке, и Валери отвечала ему тем же. Как и многие влюбленные пары в военных академиях, Билл и Валери поженились сразу после его выпуска.

Став женой летчика даже раньше, чем по возрасту получила право голосовать, Валери с тех пор научилась невозмутимо принимать новые назначения мужа, и полет к Луне не стал исключением. Дети тоже отнеслись к новости спокойно: они выросли в квартале астронавтов, ходили в школу с детьми других пилотов, и даже самые младшие из них мало что знали за пределами своего круга.

— Знаете, что приводит детей в восторг? — спрашивал Андерс у друзей, когда те впадали в излишнее восхищение от того, чем он занимается. — Когда у других детей папа — пожарный!

Один лишь Ловелл получил бурную реакцию семьи в ответ на новость о том, что летит на Луну. Они с Мэрилин планировали свозить своих двух сыновей и двух дочерей, которым сейчас было 15, 13, 19 и два года, на рождественские каникулы в Акапулько, и Мэрилин уже начала покупать одежду и пляжные принадлежности для поездки. Однако НАСА распорядилось праздничным календарем Ловелла по-своему.

— Мы вроде собирались в Акапулько? — спросил он у Мэрилин, вернувшись домой из Калифорнии.

— Да, — настороженно ответила Мэрилин.

— Я тут подумываю наведаться в другое место.

— Это куда же?

— На Луну, — ответил Ловелл.

Мэрилин против желания улыбнулась.

Глава 8

Лето–осень 1968 г.

Раз уж НАСА решило, что полет к Луне должен состояться до конца года, то команде «Аполлона-8» — астронавтам, операторам и планировщикам полета — медлить было некогда. До дня старта оставалось всего 16 недель, и стрелки часов, отсчитывающих время, двигались очень быстро. Вернер фон Браун, не уступая другим, беспрестанно напоминал всем о срочности работы и даже нашел красноречивый способ это выразить, даром что английский язык был ему не родной:

— Луна в небе — индикатор, показывающий дедлайн.

И, в отличие от часов обратного отсчета на мысе Кеннеди, индикатор невозможно было отключить.

Для фон Брауна эти 16 недель обещали быть напряженными с самого начала: «Сатурн-5», несмотря на самую короткую роль во всем предприятии — меньше чем через три часа после старта от 100-метровой ракеты останется всего лишь 10-метровый командно-служебный модуль, — уж точно был самым проблемным компонентом для подготовки, доставки и предстартовой отладки. И на этот раз «Сатурн» обязан был слетать как положено. Если он вновь начнет дергаться, как игрушка «пого», астронавты могут погибнуть от тряски. А в случае полного отказа дело закончится чудовищным и неизбежно смертельным взрывом.

Сразу после катастрофического полета «Аполлона-6» фон Браун собрал всю хантсвиллскую команду для устранения неполадок, почти уничтоживших ракету и корабль. Чтобы уж точно не пропустить ни одной светлой головы и собрать всех в одном месте, он также вызвал — лично или по телефону — еще почти тысячу инженеров от каждого подрядчика, субподрядчика и от фирм третьего уровня кооперации: всех, у кого могли найтись полезные идеи насчет того, как лучше исправить многочисленные дефекты огромной ракеты.

Проблема «пого» — наиболее критичная из всех — оказалась следствием простого факта, свойственного всем ракетам: при полете сжигается топливо, и, когда оно исчезает, баки остаются пустыми. Чем ниже уровень керосина, жидкого водорода и жидкого кислорода в баках, тем меньше масса ракеты, способная принять на себя вибрацию, что в конце концов и приводит к колебаниям[27].

Выход был в том, чтобы вновь заполнять освобождаемое пространство, но чем? Двигатели «Сатурна-5» работали только на одной скорости — на полной, и непрерывное ускорение взлетающей ракеты можно было получить только за счет того, что ракета становится все легче по мере сжигания топлива: тогда стабильная тяга будет двигать постоянно уменьшающуюся массу. Именно так ракета переходит от первоначального покоя к

скорости почти 40 000 км/ч, которая требуется для полета к Луне. Трудность состояла в том, что добавить что-то в пустые баки и заполнить пустоту — значит добавить и вес.

Эту задачу конструкторы благополучно решили с помощью гелия — инертного и очень легкого газа: при давлении в одну атмосферу он имеет *отрицательный* вес. В «Сатурне-5», правда, такого не достичь, поскольку гелий нагнетается под давлением и будет более плотным, однако даже в этом случае он почти ничего не весит. Оставалось лишь устойчиво подавать гелий в верхнюю часть баков по мере сгорания топлива: газ станет амортизировать колебания, как хорошо накачанная шина сглаживает неровности на дороге[28].

Отказ двух двигателей на второй ступени — более сложный вопрос. «Поги» здесь тоже сыграло роль: во время полета «Аполлона-6» колебания были настолько сильными, что от этого даже погнулась двуглавая балка. Но помимо этого существовала и простая небрежность, которая могла стать смертельной: во время сборки перепутали концы проводов, идущих к двум двигателям. В результате каждый из двух двигателей запитывался от «чужой» системы управления, и, когда тому или иному двигателю требовалось больше или меньше мощности, системы срабатывали неадекватно[29]. Эту глупейшую ошибку быстро нашли при разборе полета «Аполлона-6», и фон Браун заверили, что ничего подобного больше не повторится.

Эти и другие исправления и улучшения придали фон Брауну уверенность в том, что следующий полет «Сатурна-5» можно делать пилотируемым. А значит, экипаж «Аполлона-8» можно было отправить к Луне.

— Если посадить на ракету человека, то уже не важно, куда именно лететь, — говорил он через несколько дней после того, как Гилрут с Лоу и Крафтом приезжали к нему в Хантсвилл.

Но НАСА еще не было вполне убеждено. Прежде чем агентство даст фон Брауну добро на пилотируемый полет, главный конструктор должен был убедить Дитера Грау.

Как и фон Браун, Грау в числе других немецких инженеров-ракетчиков прибыл в США после войны. Он успел поработать на фон Брауна в Германии, а теперь оказался под его началом в Алабаме. Однако Грау также исполнял в Хантсвилле обязанности главного по контролю за качеством и надежностью, и в этой должности временами становился начальником для своего босса. Сейчас наступил именно такой момент: сколько бы фон Браун ни доказывал, что ракета готова к полету, без согласия Грау никто никуда полететь не мог.

— Что еще надо сделать? — спросил его фон Браун в сентябре, после того как исполнил все, что можно было сделать с ракетой.

— Мне нужна возможность провести еще одну полную проверку, — ответил Грау.

Фон Браун согласился, и в течение ближайших недель комиссия по качеству и надежности проверяла чертежи и проектную историю всех по отдельности элементов «Сатурна-5», которому предстояло нести «Аполлон-8», а также записи телеметрических систем с «Аполлона-4» и «Аполлона-6» и отчеты подрядчиков об испытаниях, проведенных после тех полетов. Как и опасался Грау, выявилось несколько проблем — скорее всего, некритичных, но неприемлемых. Грау дал ракете свое одобрение только после того, как все компоненты всех систем были отлажены и сертифицированы.

И даже это одобрение было лишь условным. Ракету уже доставили на мыс Кеннеди, так что Хантсвилл «выпустил ее из рук»[30], однако в Алабаме все же оставалось большое количество дублирующего оборудования. Грау распорядился о серии тестовых запусков двигателей «Сатурна-5», которая должна была продолжаться всю осень. Финальные испытания были назначены на декабрь, причем последнее из них — на 18-е число, за три дня до запуска «Аполлона-8».

* * *

Следующим препятствием для команды разработчиков «Аполлона-8» было создание необходимого программного обеспечения. Джин Кранц мог отдать в распоряжение Бобу Эрнулле все компьютеры в здании 12 и здании 30 на выходные, но отмашка Эрнулла после каких-то двух дней работы вряд ли могла считаться окончательным решением. По сути она

была просто сигналом к тому, чтобы собрать множество людей и засадить их за работу. И участвовать в этом опять предстояло Биллу Тиндаллу.

Тиндалл, игравший главную роль в дебатах команды Криса Крафта о том, отправлять ли «Аполлон-8» на лунную орбиту, был известен Джину Кранцу и вышестоящим деятелям НАСА как «архитектор» — такова была дань уважения к его статусу специалиста, проектировавшего все компьютерные программы «Аполлона». Среди подчиненных он был знаменит резкими, сердитыми техническими записками, которые становились беспощадными, когда «архитектор» принимался без обиняков излагать то, что он думает по поводу одного или другого фрагмента программы, созданного кем-то из его команды.

Когда август сменился сентябрем и календарь неумолимо отсчитывал 16-недельный срок, Тиндалл стал проводить все больше времени в массачусетском Кембридже, в принадлежащей МИТ Лаборатории Дрейпера, где писали и тестировали программное обеспечение для полета. Вскоре уже 400 инженеров, номинально работающих на институт, фактически работали на Тиндалла. Память корабля была разделена на 38 отдельных банков, каждый из которых мог хранить «целый» килобайт информации — то есть тысячу единиц данных. Нужно было вместить мощные вычислительные алгоритмы в этот очень скромный объем.

Средоточием основной части работы команды была компьютерная программа «Колосс» — система, которая после нескольких лет соперничества с другими программами была выбрана для навигации во время полета на Луну и обратно. Однако «Колосс» не был еще полностью готов, и, хотя темпы по доведению его до готовности к полету и так были бешеные, теперь предстояло лететь во весь опор.

Больше всего инженеров беспокоила ситуация внезапного отказа программы — такое случалось часто, и казалось, что полностью устранить сбои не удастся. При крахе программы главным было то, насколько быстро и беспрепятственно можно перезапустить систему. Во время трехдневного перелета к Луне временное отключение компьютера можно было спокойно перетерпеть, но если сбой случится в критические минуты или секунды, например перед запуском двигателя для вывода корабля на лунную орбиту, то остановка программы будет катастрофой.

Поэтому работа в МИТ сосредоточилась на том, чтобы обеспечить быстрый и автоматический рестарт системы после сбоя. Ядро программного комплекса должно было «понимать», какие системы запускать и в каком порядке, как проверять работоспособность каждой системы при ее запуске и как на это время приостанавливать прочие второстепенные операции на борту корабля.

Тиндалл вел команду разработчиков твердой рукой и не пренебрегал возможностью использовать против инженеров их же собственное (часто немалое) самолюбие. «Если МИТ не справляется с работой, — задумчиво произносил он невзначай, — всегда ведь можно вызвать на консультацию знатоков из ИВМ». И подстегнутые специалисты МИТ тут же начинали уверять его, что подобная помощь им не понадобится.

Осень шла, и «баги» мало-помалу вычищали из программы. Когда «Колосс» наконец признали готовым к полету, никто толком не мог сказать, насколько оправдано доверие к нему. Однако Тиндалл объявил, что доволен, — а это многого стоило.

* * *

Даже если допустить, что «Аполлон-8» оторвется от Земли, долетит до Луны и затем благополучно вернется к Земле, все равно оставалась еще проблема спасания астронавтов после приводнения. Технически это не было сложной задачей: посылаешь корабль и вылавливаешь экипаж из океана — за семь лет космических полетов американских астронавтов НАСА и ВМС отлично попрактиковались в этом деле. Тем не менее процесс всегда оборачивался грандиозной головной болью в смысле логистики.

В конце 1968 г. было несколько «астрономических окон» — промежутков времени, пригодных для старта, и все они определялись относительным взаиморасположением Земли и Луны. Луна представляет собой движущуюся «мишень», обращающуюся вокруг Земли на

скорости 3684 км/ч. Это значило, что «Аполлон-8» в момент взлета возьмет курс не точно на Луну, а на точку, в которой она окажется через три дня — так же, как охотники стреляют дробью не в стаю уток, а в точку впереди нее.

Для успешного полета «Аполлона-8» требовалось выполнение трех условий. Во-первых, Земля в своем вращении должна находиться ровно в том положении, когда «Сатурн-5» сможет взлететь, выйти на околоземную орбиту и затем стартовать к Луне под нужным углом подхода. Во-вторых, через шестеро суток после этого либо Атлантический, либо Тихий океан должен оказаться прямо под космическим кораблем, несущимся сквозь атмосферу к месту приводнения. А в-третьих, Луна должна находиться в определенной фазе роста и убывания, чтобы те части поверхности, которые экипажу необходимо осмотреть как предположительные места будущих посадок, освещались Солнцем. После долгих подсчетов НАСА решило, что наилучший момент для запуска — 21 декабря в 07:51 утра по восточноамериканскому времени: тогда корабль выйдет на лунную орбиту в канун Рождества и приводнится в Тихом океане к юго-западу от Гавайев в предрассветные часы 27 декабря.

Теперь, когда место и время приводнения «Аполлона-8» были известны, требовалось выдать сложный набор приказов спасательным судам, часть из которых могла уже получить другое назначение. Руководство флота собиралось дать морякам короткий рождественский отпуск, и решение оставить часть их в плавании ради вылавливания космического корабля зависело от адмирала Джона МакКейна-младшего, командующего американским Тихоокеанским флотом и всеми военно-морскими силами во Вьетнаме. С вьетнамской войной у МакКейна были крупные счета — его первенца, летчика военно-морской авиации Джона МакКейна III, годом раньше сбили и захватили в плен в Северном Вьетнаме. Как бы то ни было, у флота и его высшего командования имелось несчетное количество обязанностей, которые включали в себя и обеспечение государственной космической программы — если эти усилия не входили в противоречие с текущими военно-морскими операциями.

Убедить адмирала МакКейна в том, что «Аполлон-8» отвечает этому критерию, было делом Криса Крафта. В октябре Крафт вылетел на Гавайи и выступил там с речью перед целым залом руководящих чинов ВМС, адресуясь по большей части к МакКейну, который сидел с огромной дымящейся сигарой во рту, окруженный своими офицерами. Шаг за шагом космический специалист разворачивал перед военно-морскими чинами подробную картину: цели полета, его риски, а самое главное — амбициозный замысел доставить американских астронавтов на Луну и обратно раньше, чем это удастся русским.

Заканчивая речь, Крафт сказал:

— Адмирал, я понимаю, что у ВМС есть свои планы на Рождество, и я прошу вас их изменить. Я приехал попросить, чтобы флот оказал нам поддержку и вывел в море корабли перед нашим стартом — и на весь рождественский период. Нам без вас не обойтись.

МакКейну на обдумывание такой просьбы понадобилось не больше секунды.

— Черт побери, лучший доклад за всю мою жизнь, — бросил он. — Дайте этому молодому человеку все, что он захочет.

* * *

Хантсвилл, Кембридж и головной офис НАСА находились в спринтерском забеге для того, чтобы уложиться к декабрьскому сроку, но в Хьюстоне ради этого трудились еще активнее — особенно те трое, кого назначили лететь на «Аполлоне-8», и десятки специалистов, которым предстояло сменять друг друга за пультами в ЦУП. И если над инженерами MIT реял Тиндалл, гонявший их до изнурения, то в Хьюстоне главенствовали симсупы[31], а это куда хуже. Симсупы, или руководители подготовки на тренажерах, — это те люди, которым по должности положено мучить других. Их даже можно наблюдать непосредственно за работой: они сидят за отдельной системой пультов в правой части зала управления полетом. Однако добраться до них не так просто, поскольку от остального зала их отделяла стеклянная стена — что было, вероятно, только к лучшему.

Для астронавтов и для операторов основная часть подготовки состояла в проработке имитируемого полета на тренажере, раз за разом, чтобы каждый из участников знал каждый шаг в каждом возможном сценарии развития полета, причем знал глубоко, основательно, на уровне рефлекса. А затем симсупы начинали все ломать. Они могли позволить рутинной тренировке в ЦУП идти какое-то время по плану и затем без всяких предупреждений отключить три двигателя воображаемой первой ступени «Сатурна-5» в тот момент, когда ракета поднялась со стартовой площадки всего на 300 м. Или вырубить систему связи через пять минут после того, как экипаж ушел с околоземной орбиты и направился к Луне, а когда операторы пробовали переключиться на запасную систему, симсупы «ломали» и ее тоже. Или объявить неработающей систему жизнеобеспечения в корабле и потребовать от оператора за соответствующим пультом сконфигурировать систему заново, пока астронавты не погибли от замерзания или недостатка кислорода.

Астронавтам на тренажерах космического корабля в другом корпусе хьюстонского центра доставалось от симсупов не меньше. Они могли позволить экипажу долететь до обратной стороны Луны, «заставляли» главный двигатель проработать дольше расчетного времени и давали экипажу ровно три минуты на решение проблемы, прежде чем аппарат, неумолимо приближающийся к Луне, разобьется об ее поверхность. Они придавали командному модулю на полпути к Луне быстрое вращение и затем отключали управление двигателями ориентации, так что экипаж должен срочно включить запасные системы и попытаться стабилизировать корабль. Это нужно успеть сделать до того, как имитируемая скорость вращения достигнет 60 об/мин, или 1 об/с, то есть той стадии, на которой астронавты в реальной ситуации начнут испытывать сильное головокружение и потеряют сознание.

Иногда тренировки проводились только с астронавтами или только с операторами. В других случаях симсупы устраивали так называемые интегрированные тренировки, когда люди на обоих концах каналов голосовой и телеметрической связи исполняли те же роли, которые им предстояло играть во время настоящего полета. Таков был порядок тренировки астронавтов и операторов для всех предыдущих космических полетов, так они готовились и к полету на «Аполлон-8». Разница состояла в том, что на этот раз они готовились лететь к Луне — или, точнее, учились летать к Луне, ведь никто раньше этого не делал.

* * *

Над подготовкой к запуску «Аполлона-8» по-прежнему довлело ультимативное условие: миссия «Аполлон-7» должна пройти, по словам Джорджа Лоу, «очень хорошо, если не безусловно», в противном случае «Аполлон-8» и его экипаж не полетят к Луне.

«Аполлоном-7» командовал Уолли Ширра — и это был совсем не тот весельчак и шутник Уолли, каким его знали в эпоху «Джемини». Тот Уолли Ширра исчез, после пожара его заменил другой Уолли, который хмуро бродил по цеху North American Aviation с твердым намерением не допустить такой же катастрофы, какая унесла жизни троих его друзей-астронавтов. Незадолго до старта «Аполлона-7» он вместе с другими членами экипажа — Уолтом Каннингемом и Донном Айзли — участвовал в пресс-конференции в Хьюстоне и с самого начала был резок, нетерпелив и явно недоволен происходящим. Особенно неловким вышел момент, когда Уолли спросили, насколько его устраивает качество космического корабля.

— Мы практически жили рядом с «Аполлоном-7» на заводе и живем на космодроме, — ответил он. — И если кто-то снимает с него даже небольшую деталь, то мы выходим из себя и спрашиваем: «Почему вы это убрали?» И требуем немедленного ответа.

Журналисты в зале обменялись косыми взглядами, присутствующее на пресс-конференции руководство фирмы неловко заерзло. Такие разговоры всегда воспринимались как неуместные, хотя они допускались на заводе за закрытыми дверями. Но делать их достоянием прессы? Такое казалось немыслимым.

А Уолли несло дальше.

— Например, я жду ответа на вопрос, почему кто-то снял крышку люка и отвез ее в Дауни. На этот вопрос мы ответа не получили.

Представители завода вмиг побледнели. Только не люк, что угодно, кроме люка — тяжелой, как банковская дверь, крышки, которая стала причиной смерти Гриссома, Уайта и Чаффи. Если инженеры сняли крышку с корабля на мысе Кеннеди и увезли обратно в Калифорнию для доработки, то у них имелись на то веские причины. Однако само упоминание этой детали корабля заставило присутствующих поежиться.

— Извините, я в шоке, — сказал новичок Айзли, которому не положено было вступать в разговор. Однако он, видимо, считал, что если идти по стопам командира, то можно говорить что угодно.

— Еще бы, — сказал Ширра.

— Ужасно, — ответил Айзли.

11 октября, в 11:02 утра по местному времени, «Аполлон-7» стартовал с мыса Кеннеди, несомый ракетой «Сатурн-1Б» — меньшей версией «Сатурна», достаточной для первого пилотируемого полета «Аполлона». Ракета сработала безупречно, корабль на первых этапах тоже вел себя хорошо. Сказать это же об экипаже, однако, оказалось невозможно: три человека, не очень покладистые на земле, в космосе сделались просто невыносимыми. Всего через 14 часов после старта Каннингем доложил на землю, что Ширра вышел из строя из-за серьезной простуды. В тесном командном модуле, где воздух циркулировал в замкнутом объеме, где не было возможности открыть окна и где к любой поверхности, к которой прикасался один из астронавтов, неизбежно прикасались остальные, Каннингем и Айзли вскоре тоже подхватили инфекцию. Болезнь только обострила дурной нрав каждого; ситуация усугублялась еще и тем, что составители полетного плана, которым не терпелось заняться делом после двух лет без пилотируемых полетов, заполнили график таким количеством экспериментов и маневров, что астронавтам едва оставалось время расслабиться и перевести дыхание, нарушаемое кашлем и стесненным болезнью. Вскоре экипаж уже изъяснялся сплошными резкостями и между собой, и в разговорах с наземными операторами.

— Найди мне имя того идиота, который разработал этот тест, — обрушился Ширра на капкома после упражнения по навигации, которое пошло не по плану. — Я с ним лично потолкую, когда вернусь.

— И заодно выясни, кто сочинил тест с горизонтом, — встрял Айзли. — Это тоже прелесть.

Когда вышел из строя резервный испаритель, отчего у астронавтов могли начаться проблемы с водоснабжением, инженеры на Земле предложили импровизированное решение — обходной вариант, плод находчивости техников. Экипажи такое обычно принимали на ура — только не этот экипаж.

— Что, за все эти месяцы ничего другого не придумали? — рявкнул Каннингем. — Мне говорили, что резервный испаритель обслуживать нельзя.

Земля ответила, что в прошлом так и было, но теперь есть способ, и даже относительно простой, в четыре этапа.

— Ладно, кидай сюда, — ответил Каннингем. — Толку от него не больше, чем от Микки-Мауса, но я подожду, если очень надо.

В конце концов нарушение субординации вылилось в бунт на корабле. В последний день полета, 22 октября, перед спуском экипажу пришла пора облачаться в скафандры и шлемы. Этому протоколу следовали всегда, и его нужно выполнить и в данном случае: специалисты НАСА по безопасности беспокоились о том, что пролет сквозь атмосферу в виде огненного метеора может привести к повреждению корабля и внезапной разгерметизации. Однако Ширра находился выше таких вещей. Дабы заложенные уши не страдали от давления, он отказался надевать шлем и не стал настаивать на том, чтобы это сделали остальные.

Капком потребовал соблюдения правила, но Ширра оставался непреклонен. В конце концов микрофон взял Дик Слейтон и обратился напрямую к экипажу. Это было неслыханно:

чтобы избежать противоречия в командах, поступающих кораблю, с экипажем полагалось общаться только капкомму. Однако даже Слейтон не смог уговорить Ширру и экипаж надеть шлемы.

— После посадки будь готов детально пояснить, отчего вы не надели шлемы, — наконец уступив, сказал Слейтон. — Шея твоя. Надеюсь, ты ее не сломаешь.

Ширра шею не сломал, Каннингем и Айзли тоже. Им пришлось заплатить другим способом.

Еще до старта Ширра объявил, что «Аполлон-7» станет его третьим и последним полетом. Зато перед Каннингом и Айзли — астронавтами, имевшими смелость участвовать в первом полете на неиспытанном корабле, — маячило яркое лунное будущее. Однако теперь, после «Аполлона-7», все было кончено. Сразу после приземления Крафт прихлопнул их так же, как некогда Скотта Карпентера. Айзли никогда больше не должен отправиться в полет; Каннингем почти наверняка тоже, но, поскольку он дерзил меньше остальных, его приговор подразумевал возможность помилования. Впрочем, помилование так и не наступило, и вскоре Каннингем тоже оказался «вне игры».

«Аполлон» же оказался «в деле» целиком и полностью. Внутри НАСА царил почти полное согласие по поводу того, что октябрьский полет получился успешным ровно в той мере, в какой этого требовал Лоу: командный и служебный модули работали почти идеально все 11 дней полета. Особо важными стали испытания маршевого двигателя, который много раз запускался и выключался строго по команде. Если двигатель «Аполлона-7» вел себя столь похвально на орбите вокруг Земли, то не было причин сомневаться, что на «Аполлоне-8» он будет вести себя так же на орбите вокруг Луны.

Настал черед лунной миссии. Ширре, Каннингу и Айзли предстояло провести остаток своих дней на Земле, зато Борман, Ловелл и Андерс отправлялись к Луне.

* * *

В Центральном научно-исследовательском институте машиностроения под Москвой, где трудились лучшие умы советской космической программы, не очень следили за тем, что собираются или не собираются предпринимать американцы. Забот и без того хватало.

В сентябре, более или менее по плану, русские запустили «Зонд-5» в облет Луны с грузом из черепах, червей и насекомых, проведя его над обратной стороной Луны на высоте 1950 км. Корабль вернулся на Землю, но промахнулся мимо узкого коридора, необходимого для высокоскоростного входа в атмосферу. Впрочем, промахнулся не сильно: хотя спуск был негладким и корабль спустился в Индийский океан, а не в степи Казахстана, представители животного мира выжили.

В целом успешный полет сделался для русских еще приятнее, когда рядом с приводнившимся «Зондом» оказался американский военный корабль-наблюдатель «МакМоррис», «бесцельно» бродивший неподалеку. Москва сочла, что шпионское гнездо на борту корабля уж точно передаст в Вашингтон весть о том, что Советский Союз снова готовится обставить их в космосе, на этот раз с пилотируемым полетом к Луне.

Однако, прежде чем достичь этой вехи, русским нужно запустить как минимум еще один беспилотный «Зонд» и укрепить уверенность в том, что в путешествии, где выжили черепахи, черви и насекомые, выживет и космонавт. Советские космические конструкторы были уверены, что справились с задачей входа в атмосферу, и для доказательства решили, что не просто отправят животных облететь вокруг Луны и вернуться, но и устроят им приземление ровно в 16 км от места запуска. Космонавт, спустившийся на Землю в такой близости от стартовой площадки, теоретически сможет дошагать до жилья на космодроме своими ногами.

«Зонд-6» отправился в полет 10 ноября. Как и «Зонд-5», он обогнул обратную сторону Луны и направился прямо к Земле. При входе в атмосферу стало ясно, что на этот раз дело пойдет лучше, чем с предыдущим «Зондом»[32]. Маневр входа корабль отработал практически безупречно. Он пронесся через атмосферу, набрав тепла и перегрузок не

больше, чем может легко перенести человек, и направился точно к указанному месту посадки.

Парашют «Зонда» раскрылся вовремя, скорость снижения планомерно снизилась. Затем, всего в 5300 м от поверхности — после 400 000 км пути — корабль сделал то, что должен был сделать только после приземления на казахстанской территории: он отстрелил парашют. Теперь спасти корабль оказалось невозможно, и будь на борту космонавт, уберечь его не удалось бы. Рухнув на Землю, многотонный мертвый «Зонд» наполовину зарылся в грунт.

На следующий день в здании ЦНИИ машиностроения главный конструктор системы наведения «Зонда» Николай Пилюгин собрал своих инженеров и задал им головомойку.

— Наконец-то все системы по Л1 в полете вокруг Луны сработали без замечаний, — кричал Пилюгин, — а вы у самой Земли умудрились отстрелить парашют и разбили спускаемый аппарат. А ведь ходили разговоры, что запустим вот-вот на Л1 человека!

Инженеры объяснили, что причиной оказалась утечка воздуха из корабля. Утечка, возникшая из-за неисправного резинового уплотнения, сбивала с толку приборы, считывающие уровень атмосферного давления и передающие информацию системе, которая управляла парашютом и следила, чтобы его стропы перерезало строго в нужный момент. Инженеры заверили Пилюгина, что проблема устранима. Однако не было гарантии, что «Зонд» удастся запустить вовремя, обогнав наступающих на пятки американцев. И они не смогли убедить его, что какая-нибудь новая проблема не погубит следующий «Зонд».

Озадаченный и отчаявшийся, Пилюгин только покачал головой и повернулся к Константину Давыдовичу Бушуеву, своему эксперту по динамике полета.

— Константин Давыдович, — спросил он, — нам хоть скажи, почему после такого хорошего полета спускаемый аппарат разбили?[33]

Глава 9

Линдону Джонсону не обязательно было знать имена всех 142 гостей, приглашенных на торжественный ужин в парадную столовую Белого дома 9 декабря 1968 г., — ему хватало и того, что народу будет много и всех придется веселить. Толпа, собирающаяся за столом, никогда не тяготила Джонсона, общаться с публикой не составляло труда, но вот веселить людей у него не слишком получалось. Этим он отличался от Кеннеди с его подмигиваниями, огоньком в глазах и жизнерадостными пикировками. Пресс-конференции Кеннеди походили на коктейли в элитных университетах: сплошь остроумие и задиристые реплики. Для Джонсона же, по крайней мере в последнее время, они стали чем-то вроде слушаний в подкомитете Конгресса, когда за одним вопросом о войне следовал другой вопрос о войне, за ним третий, так что Джонсон все больше походил на уклончивого свидетеля, которого разбирает по косточкам целая команда прокуроров.

Однако нынешний вечер обещал быть триумфальным для Джонсона, и в кои-то веки недостатка в смехе не будет. Впрочем, на приемах в Белом доме по-другому и не случалось: если ты президент, то каждую твою шутку встречают смехом. Для Джонсона эта привилегия истекла через 42 дня: 20 января его место в Овальном кабинете займет Ричард Никсон, который с небольшим перевесом победил Хьюберта Хамфри в президентских выборах месяцем раньше.

Джонсон твердо намеревался сделать вечер удачным, и все к тому шло. Ужин давался в честь НАСА в целом и астронавтов программы «Аполлон» в частности, и в особенности был посвящен троим из них — Фрэнку Борману, Джиму Ловеллу и Биллу Андерсу. После ужина всей троице предстояло попрощаться с женами и отправиться напрямиком на мыс Кеннеди: там, в специальной гостинице для экипажей, они останутся до утра 21 декабря, когда придет время отправляться к Луне.

На ужине присутствовали еще 20 астронавтов, из которых все, кроме четверых, слетали в полет хотя бы однажды. В глазах большинства остальных, не принадлежавших к НАСА гостей эти заслуженные люди имели незримый магический ореол, свойственный исключительно космическим пилотам. На ужине помимо них присутствовали Джеймс Уэбб и

Вернер фон Браун, а также Курт Дебус — директор Космического центра на мысе Кеннеди. Все трое стали неотъемлемой частью комплекса программ, которые позволили запустить астронавтов в космос, однако сами они в космосе не были, поэтому никакого ореола не имели и никогда не могли бы иметь.

Из некосмических деятелей лишь один в зале обладал неким подобием такого сияния — Чарлз Линдберг, который некогда первым в одиночку перелетел Атлантический океан. Сейчас, в 66-летнем возрасте, Линдберг живо интересовался полетом «Аполлона-8» и планировал приехать на космодром, чтобы посмотреть на запуск. Даже астронавты относились к нему с почтительным вниманием. На таком мероприятии, где главными героями были авиатор и астронавты, остальные гости — вице-президент Хамфри, правительственные чиновники, сенаторы и члены палаты представителей — выглядели безликой массой.

Вечер планировалось начать обедом и закончить сокращенным вариантом четырехактной оперетты Жака Оффенбаха «Путешествие на Луну», написанной в 1875 г. В версии для XX в. юный принц на трехместном космическом корабле улетает на Луну в поисках лунной девушки, а король Луны строит планы столкнуть Землю с орбиты, чтобы Луна получала больше солнечного света. В итоге все разрешается благополучно, побеждает любовь и воцаряется мир, а правители обоих миров решают дружески сотрудничать во имя торжества науки. Ощутимый намек на адрес американо-советской космической гонки невозможно было не понять, хотя неизвестно, насколько внимательно вникнут в сюжет находящиеся в зале представители НАСА, у которых полно забот о реальном полете к Луне, и насколько они поймут скрытый смысл.

Главным образом по этой причине Джонсон и нацелился на то, чтобы его шутки перед представлением были как можно удачнее; спичрайтеры нашли ему подходящий материал, обещавший успех. Он начал речь и после одной-другой легкой остроты о том, как заняты астронавты и как сложно оказалось собрать их всех, Джонсон перевел внимание на Уэбба.

Прямо перед ужином, сказал он, Уэбб подошел к нему и с обычным своим серьезным видом спросил: «Господин президент, вы морская черепаха?» Астронавты при этих словах взревели, все взгляды обратились к Уолли Ширре, которому изначально и принадлежала эта шутка. Кто-то из спичрайтеров не поленился и добыл эту историю у руководителя отдела по связям с общественностью в Центре пилотируемых кораблей.

«Это внутренняя шутка, известная астронавтам, — гласило примечание на президентской копии. — Если адресат не ответит: “Да, можешь поклясться своей задницей”, то он покупает выпивку всем присутствующим».

Астронавтам, в отличие от президента, такие примечания не требовались, а если кто-то из государственных мужей шутку не поймет, то и ладно: этим только укрепится впечатление, что нынешнее мероприятие устроено в честь летного братства. Джонсон еще минуточку продолжал речи в том же духе, однако, будучи политиком до мозга костей, он точно знал, когда пора прекратить шутовство и перейти к подлинной цели встречи. Сегодняшний ужин, сказал он, посвящен не только экипажу «Аполлона-8», но и всем сотрудникам НАСА, в особенности еще 20 астронавтам, присутствующим в зале, которые со временем, возможно, и сами полетят к Луне.

«Наши ракеты могут долететь от точки А до точки Б, — сказал президент, — но только человеческий ум способен преодолевать новые космические рубежи. И пусть мой тост будет не совсем обычным: тех, кого я попрошу встать, будет меньше тех, кого я попрошу остаться на месте. Я хотел бы, чтобы вице-президент, министр обороны, члены Конгресса и их супруги присоединились к нам с миссис Джонсон и подняли бокал за смелых и целеустремленных мужчин, работающих на нашу космическую программу, и их чудесных жен».

Заскрипели стулья, государственные мужи встали и присоединились к тосту. И хотя речь достигла цели — воздать уважение и заодно слегка расслабить пилотов, снять

напряжение перед рискованным заданием и помочь справиться с неизбежными опасениями, — все же в зале витала мрачная тень.

В списке почетных гостей, удостоенных отдельных столиков и чествуемых вместе с остальными сотрудниками НАСА, в тот вечер были миссис Гас Гриссом и миссис Эд Уайт. В отличие от других женщин в зале, они пришли на ужин без мужей.

* * *

Даже если во Флориде в субботу 21 декабря 1968 г. и устраивали бурное празднование (а без него не обошлось), то астронавтов «Аполлона-8» на него не приглашали. Точно никто не знал, сколько людей прибыло на мыс Кеннеди в автомобилях, наводнивших все парковки на пляжах и стоянки в мотелях, но ориентировочно получалось около четверти миллиона. Никто не допытывался, из какого далека они сюда приехали, однако номера на машинах указывали на десятки разных штатов и даже Канаду — территории куда более отдаленные, чем примыкающие к Флориде южные штаты, население которых буднично стекалось сюда даже на рядовые запуски.

Накануне старта руководству НАСА было не до зрительских толп, расположившихся прохладным вечером на ночлег в ожидании завтрашнего запуска. Гораздо больше внимания вызывала особая группа знаменитостей и других важных персон, приглашенных в качестве официальных гостей НАСА. Высокопоставленные гости собирались к каждому запуску, однако на этот раз список был огромным, более чем на 2000 персон: все члены Конгресса, Верховного суда и правительственного кабинета, а также верхушка Голливуда и промышленных кругов. Эти особые гости — для которых предназначались лучшие отели и специальные трибуны вдоль протоки Банана-Ривер — получили выгравированные приглашения на мероприятие:

Сердечно приглашаем Вас

присутствовать при запуске космического корабля США «Аполлон-8» в полет вокруг Луны.

Запуск будет произведен со стартовой площадки 39 Космического центра имени Кеннеди со стартовым окном, начинающимся в 7 часов утра 21 декабря 1968 г.

Формулировка была намеренно торжественной и странно причудливой, особенно насчет «космического корабля “Аполлон-8”»: название напоминало одновременно и сказку, и гомеровскую «Одиссею». Никто в НАСА прежде не называл запускаемые агентством аппараты космическими кораблями, однако эпохальный тон приглашения вполне соответствовал событию.

В дни перед запуском Борман, Ловелл и Андерс практически не пересекались с толпой зрителей, важными гостями или репортерами, кишачими вокруг космодрома, и были этому только рады, особенно Борман. Шумиха вокруг полета только отвлекала, а он этого не любил. Ужин в Белом доме для Бормана был в меру приятным: пустая трата времени, но пережить можно, а Сьюзен и вовсе очень радовалась. Вскоре после него им с Валери Андерс предстояло вернуться в Хьюстон и смотреть запуск по телевизору, а Мэрилин Ловелл с четырьмя детьми отправлялась на космодром. Утро после приема в Белом доме было вполне подходящим для Сьюзен временем попрощаться с Фрэнком, учитывая все риски, на которые шел Борман, а с ним и вся семья.

После Белого дома спартанскую обстановку на мысе Кеннеди Фрэнк встретил с облегчением. Астронавтов поселили в некое подобии квартиры с тремя спальнями: общая гостиная, ванная, небольшая кухня. Кровати — с металлической рамой, военного образца, комоды и тумбочки — примерно как в мотелях или чуть лучше, диван в гостиной — суровая поделка, мягкость которой едва-едва позволяла ей зваться диваном.

Единственной уступкой удобству астронавтов был приписанный к ним повар, которого помпезно называли шеф-поваром, хотя применительно к персонажу, который выучился этому ремеслу на буксирах во флоридских портах, такой оборот звучал странно. Впрочем, еду он готовил ровно такую, какую надо: сытную, простую, питательную, и никакие помпезные титулы этому не мешали.

Десять дней, оставшиеся перед стартом, экипажу предстояло мотаться от квартиры до тренажера «Аполлона» и обратно, временами выслушивая инструктаж от баллистиков и планировщиков полета. И даже в условиях полуизоляции команде было не избежать периодических вторжений — время от времени кто-нибудь из знаменитостей обращался к НАСА за позволением встретиться с астронавтами и был достаточно настойчив, чтобы попросить об этом не раз и не два.

Через несколько дней после прибытия экипажа к астронавтам пришел Чак Дитрих, один из операторов, отвечающих за возвращение корабля. Обычно в конце полета по околоземной орбите проводилось торможение: корабль поворачивался кормой вперед и запускал двигатель, чтобы снизить скорость и вернуться домой. Однако в полете «Аполлона-8» космический корабль должен был произвести такой маневр при приближении к Луне, чтобы выйти на орбиту, затем вновь запустить двигатель для возвращения и тремя днями позже войти в атмосферу Земли с такого расстояния и на такой скорости, каких еще никто не пытался достичь. И если у Дитриха был хотя бы небольшой вопрос, достойный обсуждения, то Борман хотел бы его услышать.

В тот день оператор и астронавт обсуждали работу двигателя, необходимую для выхода на окололунную орбиту. Сидя в гостиной, Дитрих взял в руки баночку крема для бритья, оставленную кем-то из астронавтов на кофейном столике, и повернул ее дном вперед, показывая ориентацию корабля во время работы двигателя. В этот миг раздался стук в дверь, показалась виноватая физиономия сотрудника по связям с общественностью. Вместе с ним на пороге стоял Артур Годфри, рыжий комик и персонаж телерекламы, известный в последние годы не столько по комедиям, сколько по рекламе сигарет «Честерфилд», которые он с экрана предлагал «покупать сразу коробками».

Артур вошел в комнату, опираясь на трость. С 1959 г. Годфри страдал раком легких — расплата за «Честерфилд», которые он с тех пор бросил курить, и сейчас выглядел гораздо старше своих 65 лет. Теперь он пришел познакомиться с людьми, которые отправятся к Луне. Борман встал и с улыбкой пожал руку гостю, хотя сейчас его интересовал исключительно крем для бритья в руке Дитриха. Фрэнк выслушал напутственные пожелания актера, поблагодарил за уделенное время, и ритуал был окончен. Сотрудник по связям с общественностью благодарно покинул и пошел провожать знаменитость — Годфри теперь вернется домой и будет взахлеб рассказывать, с кем он познакомился. Борман, если бы ему предстояло вернуться тем вечером домой, вряд ли последовал бы его примеру.

Более важным — и более неоднозначным — оказался визит Чарльза Линдберга чуть позже. Линдберг, как и обещал, не упускал астронавтов из виду и тенью последовал за ними на мыс Кеннеди, однако зашел к ним лишь накануне старта. Борман толком не знал, как к нему относиться. Они с Ловеллом родились в 1928 г., всего через год после знаменитого перелета Линдберга, и выросли с пиететом перед этим великим авиатором. Позже, почти как все американцы того времени, они поносили его за сотрудничество с германским рейхом в конце 1930-х гг. Линдберг, вполне в нацистском духе разглагольствующий о расовом превосходстве, стал одним из лидеров движения «Америка прежде всего» и агитировал за то, чтобы США держались подальше от надвигающейся войны в Европе. В доме Борманов о Линдберге говорили исключительно с презрением.

Теперь, 30 лет спустя, некогда знаменитый авиатор стучался в дверь квартиры астронавтов, испрашивая позволения провести с ними несколько минут. Пилоты «Аполлона-8» впустили его к себе в обеденное время 20 декабря. Вся компания села за стол и проглотила простецкую еду «шеф-повара» с портового буксира, после чего предполагалось вымыть тарелки и распрощаться с посетителем.

Вместо этого вся четверка продолжала разговаривать. Или — если быть точнее — разговаривал один Линдберг: о первых годах развития авиации, о знакомых ему летчиках, о полусотне боевых заданий, на которые он летал как американский летчик на тихоокеанском театре, когда война, против которой он ратовал, все-таки разразилась и Линдберг принял в ней участие. Рассказывал о знакомстве с Робертом Годдардом — американским изобретателем ракет на жидком топливе, который в 1920-х гг. сказал Линдбергу, что полет к Луне когда-нибудь может стать реальностью, но будет стоить невероятных денег — не меньше миллиона долларов.

Астронавты слушали долго и внимательно. Время шло, и наконец они заговорили о собственном полете, до которого — судя по стрелкам на циферблате и по удлиняющимся теням — оставалось меньше 16 часов. Поначалу они говорили почти нехотя: полет к Луне, конечно, был проектом куда более амбициозным, чем перелет через Атлантику, но Линдберг свой подвиг уже совершил, а Борману, Ловеллу и Андерсу он еще только предстоял. Линдберг с вниманием выслушал их рассказ, задал несколько вопросов о космическом корабле и ракете, пока ему отвечали, взял со стола листок бумаги для записок и принялся что-то на нем писать, время от времени поглядывая на астронавтов в знак того, что продолжает слушать. Окончив писать, он обвел взглядом всех троих.

— В первую секунду вашего завтрашнего полета вы сожжете в 10 раз больше горючего, чем я сжег за весь свой перелет, — сказал он.

С этими словами старый, потрепанный жизнью пилот откланялся, дав понять, насколько неуместна такая застенчивость для троих астронавтов, которые вот-вот оставят собственный след в истории.

* * *

У Бормана с Андерсом еще оставалось время поразмыслить об уникальном шансе провести день в обществе Чарлза Линдберга, однако Ловеллу такая роскошь и не снилась. У его товарищей мысли были заняты только полетом, у Ловелла же на космодроме была вся семья.

За три дня до старта Мэрилин Ловелл с двухлетним сыном Джеффри прилетела во Флориду специальным частным рейсом, который организовала одна из аэрокосмических компаний-подрядчиков, работавших над программой «Аполлон»: такие фирмы неизменно сражались за возможность укрепить свою репутацию и добавить к ней отсвет звездной славы тем, чтобы доставить семью очередного астронавта на космодром в течение предстартовой недели. Два дня спустя остальные трое детей Ловеллов прибыли другим частным рейсом. Семью разместили в пляжном домике с видом на стартовую площадку.

В силу этого Ловелл при малейшей возможности норовил улизнуть из квартиры астронавтов и оправиться на машине в бунгало, где принимался развлекать детей и всячески с ними резвиться, а когда они утомлялись — отправлялся на прогулку с Мэрилин. О полете они не говорили: обсуждать было нечего, как и в те предыдущие времена, когда Джим испытывал новые реактивные самолеты. Поэтому о первом в истории полете к Луне между собой они не проронили ни слова — по крайней мере до последнего вечера перед стартом.

В самый короткий день 1968 г., 20 декабря, стемнело рано. Примерно в половине шестого вечера Ловелл подъехал к бунгало и погрузил в машину всю семью — Мэрилин и четверых детей. Джим с Мэрилин ехали молча, дети оживленно болтали на заднем сиденье. Машина свернула на трассу А1А, ведущую к Космическому центру. Подъехав к строго охраняемым воротам, Ловелл предъявил пропуск, хотя можно было этого не делать: охранник и без того расплылся в улыбке при виде «лунного астронавта» и его счастливой семьи.

В 5 км оттуда, на клочке земли позади сооружений Космического центра, стоял белоснежный сверкающий шпиль — «Сатурн-5». Ракету, залитую светом прожекторов, на фоне окружающего плоского пространства невозможно было не заметить. Ловелл проехал в ворота, миновал многочисленные здания и бункеры Космического центра. По мере приближения к стартовой площадке ракета высотой с 36-этажный дом, казалось, росла и росла.

Техники, спующие на стартовой площадке, приветственно помахали Ловеллам и дали им приблизиться, когда те высадились из машины на ближайшей песчаной дюне и воззрились вверх; Мэрилин держала на руках малыша Джеффри, остальные дети стояли здесь же. Протокольная группа НАСА установила на песке столик, можно было полакомиться пончиками с кофе, однако Ловеллы были слишком захвачены зрелищем ракеты и не собирались отвлекаться на еду; впрочем, привыкшие к виду «Сатурна» техники не упустили случая закусить и отвлечься от работы. Мэрилин раньше видела намного меньшие серо-стальные «Титаны», которые уже дважды уносили ее мужа в космос, однако нынешняя ракета разительно от них отличалась. Подняв голову, она разглядывала «Сатурн-5»: на таком близком расстоянии ракета многим кажется монстром, однако в голове Мэрилин царила лишь одна мысль: «Это произведение искусства».

Ракета вовсе не была монстром — она была великолепна.

На следующее утро Мэрилин предстояло увидеть с безопасного расстояния в 2,5 км, как ракета унесет отца ее детей на совсем не безопасное расстояние почти в 400 000 км. Однако сейчас ею владели только переживания за мужа и восторг перед огромной машиной.

— Рев будет ужасный, — сказал Ловелл, подступив ближе и проследив ее взгляд.

— С нами все будет хорошо, — ответила Мэрилин. — Мы видели, как взлетали «Титаны».

— Они даже и близко не похожи.

Мэрилин кивнула.

— И не волнуйся, когда ракета наклонится, — добавил Ловелл.

— Наклонится?

— Всего на градус-другой при старте, чтобы не задеть башню.

Мэрилин попробовала представить себе такую громадину наклоняющейся хотя бы на сантиметр от идеально правильной вертикали — и сразу же отбросила эту мысль. Если так надо, то так и полетит.

Несколько минут спустя, когда дети заскучали, Мэрилин отвела их обратно в машину, и семья благополучно вернулась с космодрома в пляжное бунгало. Ловелл вошел в дом вместе со всеми попрощаться напоследок. У него в руках Мэрилин заметила конверт из оберточной бумаги. Открыв его, Джим достал фотографию Луны — снятый крупным планом кадр с широкой серой равниной, фото с одного из орбитальных аппаратов НАСА.

— Это Море Спокойствия, — сказал Ловелл. Затем указал на небольшую треугольную гору на сухом берегу безводного моря. — Это одна из «начальных точек», которые мы должны обследовать. Это точка, на которую будут ориентироваться следующие экипажи при начале спуска.

Мэрилин кивнула, не очень понимая, зачем он рассказывает ей об этих тайнах полета.

— Я увижу ее одним из первых, — добавил Ловелл. — Поэтому назову Горой Мэрилин.

Глаза Мэрилин наполнились слезами. Не доверяя голосу, она молча обняла мужа и поцеловала его на прощанье.

* * *

Ловелл вернулся в квартиру астронавтов чуть позже восьми часов вечера, и с этого момента фактически начался полет «Аполлона-8» к Луне. Экипаж пока по-прежнему ходил по Земле в привычной, обыденной одежде, дыша тем же воздухом, что и остальные 3,6 млрд людей на планете. Однако стрелки часов уже отсчитывали время до старта и тикали очень настойчиво.

Запуск был назначен на 7:51 по восточноамериканскому времени. Это означало ранний ужин в 17:30 вечера. Ловелл успел поесть еще до поездки в бунгало, к его возвращению Борман и Андерс уже готовились ко сну, и Джим последовал их примеру. Согласно маниакально точному графику НАСА, им надлежало проснуться в 02:36 ночи. Далее следовали: последнее медицинское обследование в 2:51, завтрак в 3:21, и в 3:56 начиналось облачение в скафандры. В 4:42 экипаж должен был выйти к автобусу, который к 5:03

привезет астронавтов на стартовую площадку. К 5:11 экипажу предстояло подняться на лифте на верхушку башни обслуживания и забраться в корабль.

Таково было предполетное расписание, и, когда настал нужный момент, все начало развиваться в точности по плану. Побудка прошла как всегда: Дик Слейтон, войдя в темный номер астронавтов, включил свет в гостиной, а затем обошел все спальни: постучав в дверь, он открывал ее так, чтобы свет хлынул внутрь, указывал на часы и напоминал, что пора вставать и что медицинское обследование начнется через 15 минут.

Завтрак — стейк с яйцами, тост, фрукты, сок и кофе — был стандартным еще со времен «Меркурия», традиция кормить дублеров вместе с основным экипажем тоже оставалась неизменной. В то утро это означало завтрак в компании Нила Армстронга, Базза Олдрина и новичка Фреда Хейза. Взглянув в их сторону, Ловелл поймал себя на мысли, что если бы не больной позвоночник Майкла Коллинза, то он сам сейчас сидел бы среди тех трех астронавтов, которые остаются на земле. С Хейзом, который заменил его в команде дублеров после того, как он сам принял место Коллинза в основном экипаже, Ловелл познакомился совсем недавно, но уже оценил его по достоинству. Новичок успел изучить LM и стать экспертом не хуже Андерса, только, в отличие от Андерса, ему еще мог представиться шанс полетать на этом аппарате.

Репортеры, толпящиеся снаружи в предрассветном холоде, могли увидеть астронавтов только после того, как те переоденутся в скафандры и выйдут к автобусу. Впрочем, на завтраке присутствовал специально назначенный фотограф, который должен был последовать за экипажем, когда придет время облачаться в скафандры. И хотя астронавты не возражали против того, чтобы их фотографировали во время еды, съемка при надевании скафандров была совсем другим делом.

Надевать космический скафандр совсем не то, что рыцарю облачаться в боевые доспехи, и чем меньше публика об этом знает — тем лучше. Процесс этот долг и тягостен, и с каждой надеваемой деталью костюма астронавт становится все более беспомощным и потому полностью зависимым от техников. Они надевают на него ботинки, натягивают штаны, пристегивают перчатки к рукавам. В итоге получается не человек, а подобие надутый и неуклюжей карнавальной повозки, и для пущего унижения его еще заставляют пролежать несколько минут в особом кресле, как вытащенную из воды морскую черепаху, опрокинутую на спину: подышать кислородом из системы жизнеобеспечения, чтобы должным образом подготовить себя. И лишь после этого астронавта вновь поднимают на ноги и позволяют выйти к автобусу, который довезет его до старта.

Пока астронавты проходили неприятную процедуру облачения в скафандры, шестеренки огромного механизма мыса Кеннеди пришли в движение. Ракета уже была заправлена топливом и стояла на старте — почти 3000 т металла и топлива плюс еще 550 кг, которые добавятся после того, как влажный флоридский воздух сконденсируется до ледяной корки на поверхности ракеты, в баки которой залиты жидкий кислород и водород.

На пляжах мыса Кеннеди зрители вылезли из палаток и машин, сонно мигая при виде рассветного солнца и настраивая бинокли на ракету, стоящую в 5 км от них. Внутри огромного пускового зала — намного большего, чем в хьюстонском ЦУП — 350 человек уже сидели за пультами. Впрочем, отсюда управлять полетом предстояло только в это утро: как только сопла двигателей поднимутся над башней обслуживания, командование перейдет к Хьюстону и к дальнейшему полету пусковой зал не будет иметь отношения.

Рокко Петроне, руководитель пуска, видел весь зал от своего пульта у задней стены и пристально наблюдал как за состоянием ракеты, так и за состоянием сотрудников. Любой из операторов, вставший у своего пульта — то ли из-за волнения, то ли из-за того, что захотелось размяться, — немедленно слышал в наушниках голос Петроне с повелением сесть обратно. Успешный запуск напрямую зависел от дисциплины в зале.

Когда Борман, Ловелл и Андерс наконец вышли из здания, где их одевали в скафандры, они оказались среди настоящей бури вспыхивающих фотокамер и выкриков. Репортеры теснились, отделенные ограждением, чтобы не занимать дорожку от двери здания до двери

автобуса, и засыпали их вопросами. Астронавты в одной руке несли чемоданчик с переносной вентиляционной установкой, другой махали публике. Все окружающее они видели через стекло сферического гермошлема, звуки доносились до них по большей части в виде приглушенного шума, как при погружении под воду. Когда астронавты забрались в автобус и за ними закрылась дверь, звуки перестали долетать вовсе.

По пути к стартовой площадке почти не разговаривали, как и во время подъема на лифте. Побережье Флориды мало-помалу уходило вниз, а перед глазами тянулась заледеневшая, веющая холодным паром вертикальная стена ракеты. Через слой льда проступало изображение американского флага на корпусе и заглавные буквы «USA» и «United States», написанные на первой и второй ступени сверху вниз — так, что перед поднимающимися на лифте астронавтами буквы ползли в обратном порядке.

На самом верху башни обслуживания астронавты по специальной огороженной галерее прошли к «белой комнате», которая окружала корабль. Люк капсулы — по виду очень похожий на тот, который стал причиной гибели Гриссома, Уайта и Чаффи, хотя и работающий иначе, — был открыт и ждал астронавтов. Борман, которому предстояло лететь в левом кресле, забрался внутрь: первым войти в корабль, последним его покинуть — как и положено командиру. Андерс, которому принадлежало правое место, забрался следом. Ловелл, чье место было в центре под самым люком, шел последним и на галерее ненадолго остался в одиночестве.

Он посмотрел вниз и впервые заметил сотни тысяч людей и автомобилей — по большей части с включенными в предрассветном сумраке фарами, — собравшихся, чтобы посмотреть на запуск. Он отметил также, что никого из зрителей не подпустили к ракете ближе 2,5 км: граница запретной зоны четко вырисовывалась вокруг массивной и мощной ракеты, к которой было приковано столько взглядов. И экипаж «Аполлона-8» находился на самой ее вершине.

— Может, они знают что-то такое, чего мы не знаем, — пробормотал себе под нос Ловелл, скорее в шутку.

Уже у самого люка, заглянув внутрь, он увидел Бормана, хмуро глядящего на приборную панель. Напротив каждого из кресел висело по рождественскому украшению.

— Что это? — проворчал Борман не столько для других, сколько для себя, хотя вопрос раздался и в наушниках Ловелла.

— Гюнтер, — объяснил Ловелл, хотя Борман и без того знал ответ.

Гюнтер Вендт был из тех немецких инженеров, которые после войны прибыли с Вернером фон Брауном, теперь он отвечал за «белую комнату» и руководил делами на старте. Вендт был последним, кого видел каждый из астронавтов перед закрытием люка, и он любил развлекать экипаж шутками и сувенирами. Многим из пилотов это нравилось, особенно Уолли Ширре. Однако Фрэнк Борман — не Уолли Ширра, тем более в таком ответственном полете, поэтому он снял висящее перед ним украшение, глянул через плечо и улыбнулся Вендту — как можно более естественно.

— Спасибо, Гюнтер, — сказал он, вручая тому непредусмотренный груз. Ловелл и Андерс последовали его примеру.

После этого у люка показался еще один член обслуживающей команды. По очереди он наступил на плечо каждого из астронавтов, получив необходимую опору, чтобы как можно туже затянуть ремни, притягивающие их к креслам. Эту операцию нужно было сделать именно так — ведь астронавтов в креслах будет бешено трясти после включения двигателей, затем бросит вперед при отсечке и отделении первой ступени, затем вдавит обратно при запуске второй ступени, а напоследок вновь бросит вперед-назад при отделении второй ступени и включении третьей. После этого люк — усовершенствованный безопасный люк, который можно открыть за считанные секунды, так что астронавтам уже никогда не придется погибнуть в пламени, — герметично закрыли. Вновь откроют его только тогда, когда Борман с экипажем слетает к Луне и вернется на Землю.

После этого больше часа длилась финальная предстартовая проверка, проводимая астронавтами и наземными службами; неполадок при этом не обнаружилось. Чем более гладко она проходит — тем меньше вероятности задержки во время обратного отсчета и тем скорее начнется полет.

— Центр управления запуском «Аполлон-Сатурн», — произнес в эфир Джек Кинг, когда приблизилось время старта. Кинг был «голосом НАСА» — комментатором, который вел репортажи во время обратного отсчета и ради которого замолкали даже ведущие теленовостей, особенно когда он оглашал в эфире неформальные подробности, услышанные им в переговорах между экипажем и операторами.

Астронавты забрались в кабину еще перед рассветом, но прошло время, и успело настать утро.

— Семь минут тридцать секунд, идет отсчет, мы все еще нацелены на запланированное время старта, — сказал Кинг. — Джим Ловелл несколько минут назад доложил, что видит синее небо и из этого заключает, что солнце взошло.

Часы отсчитывали время, миновала шестиминутная отметка, затем пятиминутная и четырехминутная. За три минуты до старта начался наддув баков, и мощный вибрирующий, булькающий гул заполнил корабль — звук намного более низкий, чем слышанный Борманом и Ловеллом в миниатюрном «Джемине» на ракете «Титан» три Рождества назад. Сейчас Борман переглянулся с Ловеллом, который показал, что тоже узнал звук. Затем Ловелл повернулся к Андерсу, у которого таких воспоминаний не было, и ободряюще ему кивнул.

Истекли последние три минуты, и, когда наконец настал момент старта, он был столь же неистовым, как и в двух предыдущих пусках «Сатурна-5».

— Подъем! — объявил Джек Кинг, когда пять главных двигателей извергли вихрь пламени.

— Здание под нами дрожит! — воскликнул Уолтер Кронкайт, вновь впадая в экстаз от проявления технической мощи. — Платформу с камерой трясет! Зато какой вид! Если все пойдет благополучно — то человек уже летит к Луне!

Общим словом «человек» были обозначены сразу три человека, и для них старт ощущался совсем не так, как виделся зрителям. Они находились на борту монстра — внутри того самого монстра, который сотрясал здание с Кронкайтом.

— Подъем, и часы пошли, — выкрикнул Борман погромче, чтобы перекрыть рев. Часы на приборной панели, на период обратного отсчета замершие в ожидании, теперь принялись отсчитывать полетное время.

— Вас понял. Часы, — откликнулся Коллинз, один из трех астронавтов, которых выделили работать в этом полете капкоммами.

— Программа крена и тангажа, — объявил Борман. Его голос дрожал от мощи 3500 т тяги, поднимающих конструкцию в 3000 т. По мере подъема «Сатурн-5» начал разворачиваться носом в направлении для выхода на орбиту.

Гул в кабине и близко не походил на то, что способны были воспроизвести тренажеры. Как минимум десять секунд (которые Андерсу показались минутой) члены экипажа не могли переговариваться друг с другом, а это значило по сути, что в случае аварии каждый остается сам за себя. Перегрузки здесь были легче, чем на «Титане», — всего 4 g в сравнении с семью или восьмью, перенесенными Борманом и Ловеллом при старте «Джемине». Однако Андерсу, совершающему лишь первый полет, даже 4 g «Сатурна-5» показались вдвое тяжелее.

Грубую мощь «Сатурна-5» Андерс почувствовал на себе не только в виде перегрузок. Двигатели в нижней части ракеты были смонтированы в кардановых подвесах — это позволяло им отклоняться в стороны, чтобы ракета шла в нужном направлении. Однако эти небольшие движения в нижней части более чем 100-метровой ракеты преобразовывались наверху в мощные удары. Андерс чувствовал себя букашкой на конце кнута.

Через две с половиной минуты, когда «Сатурн» с экипажем находился в 66 км над Землей и двигался на скорости 2700 м/с, отработала и отделилась первая ступень, отчего

астронавтов бросило на ремни. Секунду спустя, при зажигании двигателей второй ступени, их жестоко вдавило обратно в кресла.

Для Андерса этот рывок не прошел даром. За несколько секунд до этого он пытался поднять руку к приборной панели — рука шла так, будто к ней привязали десятикилограммовый груз. Он сумел протянуть руку вперед за мгновение до того, как запустилась вторая ступень, отчего рука впечаталась аккуратно в стекло шлема. Металлическое кольцо на запястье оставило на непробиваемом стекле ощутимую царапину. Андерс обругал самого себя — единственный новичок среди экипажа теперь будет иметь на шлеме видимое свидетельство собственной неопытности.

Заметил ли Борман промашку Андерса — неизвестно; если да, то он воспользовался прерогативой командира не обращать внимания на мелкие оплошности.

— Первая ступень шла плавно, вторая идет еще плавнее, — доложил он Земле.

— Вас понял, плавно и плавнее, — ответил Коллинз. — Мы не видим проблем.

На 8-минутной отметке полет внезапно стал не таким плавным: «Сатурн-5», уже без первой ступени, вошел в режим продольных вибраций, которые едва не привели к развалу «Аполлона-6» на части.

— Появилось небольшое «пого», — доложил Борман тревожную новость Земле.

— Вас понял, небольшое «пого», — эхом откликнулся Коллинз. Оба недоумевали, почему не срабатывают добавленные фон Брауном гасители колебаний[34]. Однако через несколько секунд гелий в баках начал действовать, его «магия» принялась улаживать дело.

— «Пого» стихает, — доложил Борман.

— Вас понял, — ответил Коллинз.

И после этого «Сатурн-5», имя которого было связано с одним безупречным и одним чудовищным полетом, без малейших неточностей исполнил все то, ради чего его строил Вернер фон Браун. Вторая ступень отделилась по всем правилам, третья ступень ненадолго запустилась и тут же отключилась, дав «Аполлону-8» нужный толчок к временной опорной околоземной орбите. Для долгого полета вокруг Земли такая орбита была бы слишком низкой, однако для экипажа, который не собирался здесь надолго зависать, она была впору. Подготовка к следующей стадии и проверка систем должна была занять меньше двух витков вокруг Земли, а затем вновь запущенная третья ступень наконец-то выведет корабль по направлению к Луне.

— «Аполлону-8», Хьюстон. По нашим данным у вас апогей 1-0-3, перигей 99, — доложил Коллинз высшую и низшую точку орбиты в морских милях[35].

— 103, 99, — четко повторил Ловелл.

Откинувшись в кресле, он обратился к экипажу:

— Ну что, какое-то время можно дышать и слышать.

Вокруг него висели в воздухе частицы пыли, перед глазами плыл оставленный кем-то из техников болт.

— Неслабо нас трясло, да? — заметил Борман, тоже откидываясь на спинку кресла.

— Как в старом товарном поезде, — поддержал его Андерс.

— Это и есть старый товарный поезд, — откликнулся Ловелл, отстегивая перчатки и снимая шлем. — Располагайтесь поудобнее, лететь нам еще долго.

В этом Ловелл был прав. В момент старта Луна отстояла от Земли на 376 115 км. От высшей точки нынешней орбиты «Аполлона-8» до назначенного места оставалось 375 924 км.

Глава 10

Декабрь 1968 г.

Инструкции не обязывали Джина Кранца присутствовать в хьюстонском ЦУП при старте «Аполлона-8». В официальном графике дежурств, где расписывались роли для всех операторов за пультами на каждую из трех восьмичасовых смен шестидневного полета, имя Кранца нигде не упоминалось. Его график, составленный по принципу «нечетные номера

мои, четные нет», требовал не управлять полетом «Аполлона-8», а планировать следующие экспедиции «Аполлонов» — 9, 11, 13, 15 и так далее, пока лунные корабли будут летать. Применительно к «Аполлону-8» главное кресло в ЦУП — место руководителя полета — принадлежало по очереди Клиффу Чарлзуорту, Милту Уиндлеру и Глинну Ланни, и они, зная свое дело, совершенно не нуждались в контроле Кранца.

Однако расписание дежурств и желание Кранца не одно и то же, и нигде, кроме как в ЦУП, Кранц сейчас находиться не мог. Он любил этот огромный высокий зал и все его детали, любил этот огромный экран с картами и данными, занимавший всю переднюю стену, как в кинотеатре. Любил настолько, что не представлял, как сюда можно прийти не в полной готовности — особенно в дни полета.

Кранц гордился тем, что всегда спит глубоким сном, чаще без сновидений. Ночью он обычно походил на живое подобие огромных ракетных двигателей на его кораблях: если уж выключался, то выключался полностью. А когда включался, тоже аналогично двигателям, то не было никаких сомнений, что включился. Впрочем, для этого порой требовалась кое-какая помощь.

По его собственным прикидкам, Кранц был обладателем четырех десятков музыкальных альбомов Джона Филипа Сузы. Число могло быть не совсем точным, поскольку Марта и дети постоянно дарили ему новые альбомы на день рождения и другие праздники. Почти каждое утро Кранц просыпался и ставил что-нибудь из Сузы — «Звезды и полосы навсегда», или «Всегда верен», или «Руки, протянутые через море», — просто чтобы начать новый день.

На работу он ехал тоже под марши Сузы, доносящиеся из портативного магнитофона на соседнем сиденье, и рассчитывал дорогу так, чтобы все светофоры на пути через спальный район Лиг-сити до самого Космического центра встречали его зеленым. В конце пути, прибыв на место, он не всегда мог поручиться, что все светофоры горели зеленым — по правде говоря, он мог и не вспомнить, видел ли их вообще, настолько был увлечен музыкой и мыслями о предстоящем дне.

Выбравшись из машины на стоянке у ЦУП, Кранц приветствовал Муди — охранника стоянки с золотым зубом и военными манерами, знавшего поименно всех операторов и инженеров в здании. Муди на это лучезарно улыбался и четко произносил ответное приветствие. А затем, наконец, Кранц попадал в зал управления полетом.

В бытность Кранца в ВВС он летал на реактивных истребителях F-86 «Сейбр» патрулировать территорию вокруг демилитаризованной зоны в Корее. Такие задания он любил, за исключением одной детали: «Сейбр» был рассчитан на одного, так что Кранцу почти не приходилось летать даже в паре, не говоря уже о целой компании товарищей по оружию, какая помещалась в «летающий штаб» В-17. Боевых друзей ему не хватало, и работа в ЦУП в некотором смысле заменяла такое братство.

Оказавшись в зале в любую минуту любого полета, Кранц мог точно сказать по одной только обстановке, давно ли началась смена и на какой стадии находится полет: он определял это по тому, насколько полны корзины для мусора, насколько подсохшими выглядели сэндвичи, насколько свежие на вид пицца или кофе.

Когда дела шли хорошо, большинство операторов работало на своих местах. Если возникала проблема, у соответствующего пульта образовывалась толпа. Одна толпа — одна неполадка. Много толп — серьезные неприятности.

В утро, когда стартовал «Аполлон-8», даже новичок понял бы, что все идет гладко. Кранц прибыл задолго до старта и уселся в задних рядах, откуда мог незаметно наблюдать за происходящим и при необходимости вмешаться. Пока часы обратного отсчета шли к нулю, в зале царил обычное оживление; пока «Сатурн-5» с ревом летел до околоземной орбиты — обычное напряжение. Когда ракета вышла на орбиту, у операторов оставалось около трех часов до следующей крупной вехи, маневра старта к Луне, который все называли TLI[36]. По сути это был запуск двигателя, отправляющий астронавтов в путь к Луне.

Маневр TLI был непростой процедурой, для него требовалось запустить двигатель 18-метровой третьей ступени «Сатурна-5», которая все еще была соединена с кораблем. Запуск двигателя должен разогнать «Аполлон-8» до нужной скорости, способной вывести его на траекторию по направлению к Луне. Третья ступень после этого отделялась и уходила на «мусорную» орбиту вокруг Солнца. И хотя на стадии уравнений и тренажеров все выглядело довольно просто, в реальном пилотируемом полете такое еще не делали ни разу. Но даже если кто-то в зале и волновался из-за нового маневра, то виду не показывал.

За пультом капкома сидел с расслабленным видом Майк Коллинз. Выбрать его для этой смены в самом начале полета было удачным решением, поскольку с экипажем он был знаком ближе, чем кто-либо еще из астронавтов. За пультом, контролирующим операцию торможения, сидел Чак Дитрих, за динамикой полета — позывной FIDO — наблюдал Джерри Бостик: оба были в прекрасных отношениях с экипажем, и их выбор на роль операторов для маневра TLI стал отличным решением.

Больше всего радовали глаз сменные руководители полета Чарлзуорт, Уиндлер и Ланни, которые исполняли одну и ту же должность, но подходили к работе под разным углом. Чарлзуорт, физик по образованию, участвовавший в ракетной программе «Першинг» Армии США, любил летающую технику, на глубинном интуитивном уровне понимал ее принципы и не склонен был потакать ее капризам. Уиндлер напоминал Кранцу его самого: разбирался в системах, оборудовании и людях за пультами с основательностью боевого генерала и при этом чувствовал лирику всего дела так, как больше никто из работающих в зале.

Ланни в этом списке стоял особняком. Кранц работал с ним дольше всего, с тех самых пор, когда оба были зелеными новичками в команде Крафта. Ланни не обладал такой же, как у Кранца, твердостью нрава и быстротой реакции, однако из всех руководителей полета он относился к делу с наибольшей вдумчивостью и тщательностью. Любые неполадки в системах он распознавал с ювелирной точностью и очень серьезно относился к тому, что руководители полетов называли «ловлей блох», — записывал в сменный журнал любые мелкие замечания к работе любой системы, которые в данный момент не имели значения, но для другого руководителя на том же этапе следующего полета могли оказаться очень важными.

Кранц оглядел слаженную команду людей в зале, заполненном негромким гулом голосов, и перенес внимание на экран со знакомой плоской картой Земли, на которую была наложена траектория космического корабля. Совсем скоро — через небольшое время после TLI — карте предстояло смениться. Впервые в истории вместо обычной картины движения корабля по окружности на ее месте должен появиться лунный маршрут, где Земля будет слева, Луна — справа, а корабль станет постепенно продвигаться от одного края экрана к другому. А затем, меньше чем через три дня, карта снова должна смениться, на этот раз картой Луны с витками вокруг нее.

Кранц чувствовал, что назревает перемена — нечто большее, чем один космический полет или одна победа в холодной войне с Советами. Он жаждал вернуться к изнуряющей работе за пультом — на все будущие полеты. Однако сегодня он был рад, что обязанностей у него меньше обычного. Перемены, которые привнесет этот полет в мир, стоили того, чтобы понаблюдать за процессом.

* * *

Обращаясь на высоте 183–191 км, Фрэнк Борман, Джим Ловелл и Билл Андерс такими эпохальными идеями не озабочивались. Думали они — по крайней мере, в тот момент — о том, как бы их не стошнило. Борман и Ловелл были в космосе никак не новичками: Борман провел в полете две недели, Ловеллу и вовсе принадлежал мировой рекорд в 18 суток. Однако все это время они провели в закрытом корабле «Джемини», где обитаемый объем в 2,6 м³ не позволял даже встать с кресла. Да, разумеется, находились они в невесомости, но знали об этом по большей части из наблюдения за летающими вокруг предметами, а не оттого, что могли летать сами.

Капсула «Аполлона» иная. Мало того что она имеет довольно просторный объем 6,2 м³: эти кубические метры рационально сконфигурированы и дают максимальную свободу движений даже для трех человек, занимающих этот объем. Между креслами и приборной панелью оставлено пространство, в котором можно с удобством перелететь друг через друга, легко добираясь от переборки до переборки и от одного иллюминатора до другого.

Нижний отсек оборудования, расположенный под креслами, давал еще больше пространства. Как и предполагало название, отсек частично использовался для складирования, но там же располагался и навигационный пульт с секстантом, так что отсек становился самостоятельным рабочим местом — отдельно от приборной панели. Он даже давал некоторое укрытие в тех случаях, когда астронавту требовалось вздремнуть или воспользоваться пакетом для сбора отходов (они, к сожалению, со времен «Джемини» не изменились к лучшему).

Когда корабль вышел на орбиту, Ловелл первым из экипажа отстегнул ремни и выплыл из кресла. Он двинулся по направлению к отсеку оборудования с намерением положить туда шлем и тут же почувствовал, что голова «поплыла», а желудок перевернулся. Схватившись за твердый выступ стенки корпуса, Ловелл постарался застыть неподвижно.

— Осторожнее, когда встаете из кресла, — предупредил он Бормана и Андерса. Андерс взглянул недоуменно, зато Борман, уже обсуждавший с Ловеллом возможность космической «морской болезни» в условиях такого большого корабля, понял его с полуслова.

— Смотри прямо вперед, не двигайся пока, — сказал Борман Андерсу. Затем отстегнул ремни, подплыл к Ловеллу и ощутил тот же прилив дурноты. Перед глазами мелькнул бифштекс с яйцом, съеденный на завтрак еще в квартире астронавтов, и Борман приложил все усилия к тому, чтобы еда осталась там, где ей положено. Андерс, почувствовав некоторую тревогу, выждал несколько секунд, прежде чем расстегнуть ремни.

Несмотря на дурноту, за время двух коротких витков по околоземной орбите астронавтам предстояло много сделать, чтобы подготовить корабль к ТЛІ. Обязанности Бормана как командира корабля подразумевали знакомство со всеми бортовыми системами, умение в случае надобности управлять кораблем в одиночку — и бремя командования тоже. За ним оставалось последнее слово по каждому вопросу, с которым можно было столкнуться в следующие шесть дней.

Ловелла тренировали как навигатора — и в ситуации, когда «Аполлону-8» предстояло путешествие более дальнее, чем любому другому кораблю в истории освоения космоса, ответственность на Джиме лежала немалая. Несмотря на то что все координаты, необходимые для полета, были записаны на магнитную пленку, механическому мозгу требовался и человеческий мозг, способный проконтролировать решение машины перед тем, как будет запущен главный двигатель или любой из 16 малых двигателей маневрирования.

И у компьютера, и у Ловелла в память было занесено расположение 35 звезд. Эти навигационные координаты были настолько же точны, насколько и примитивны, — как во все предыдущие века, когда ими пользовались моряки. Это знание могло потребоваться Ловеллу при подготовке к любому из маневров, а таких ситуаций ожидалось множество. Он также отвечал за другие компьютерные команды, особенно за инструкции, используемые для запуска главного двигателя в особо важные моменты полета. Из всего экипажа именно Ловеллу больше всего пристало бы именовать нижний отсек оборудования родным домом.

Роль Андерса была более импровизационной. Эксперт, с которым мало кто в мире мог бы потягаться знаниями о принципах работы лунного модуля, в нынешнем полете не имел ни малейшей возможности эти знания применить.

Вместо этого он выполнял роль бортового фотографа: с помощью первоклассных камер ему предстояло делать снимки, которые дадут больше информации, чем зернистые черно-белые фотографии, полученные ранее с автоматических лунных зондов НАСА. Они не могли идти ни в какое сравнение с изображениями, сохраненными на галоидных кристаллах и желатиновой эмульсии фотопленки и затем вручную доставленными на Землю в лабораторию для проявки. Андерса отправили в полет с небольшим арсеналом камер и

кассет с пленкой; лишенный своего LM, он твердо решил не оставить неотснятым ни единого квадратного сантиметра лунной поверхности, который попадется ему на глаза.

Пока не придет время этим заниматься, он мог также наблюдать за системами жизнеобеспечения в командном модуле. Это была простая и понятная работа — следить за уровнем кислорода, температурой, расходом воды и прочего, но ошибка в таком деле стоила бы дорого. Сам термин «системы жизнеобеспечения» ясно указывал, что произойдет в случае отказа таких систем.

Сейчас, когда Андерс расстегивал ремни, он взглянул на приборы и мгновенно заметил беспорядок. Индикатор давления гликолевой системы, предназначенной для охлаждения аппаратуры, показывал слишком низкое значение.

— Вот это да! — сказал он, обращаясь по большей части к самому себе. — Низковато. Что-то не то.

Борман высунул голову из отсека оборудования.

— Что не так?

— Давление гликоля на выходе слишком низкое, — ответил Андерс.

— Отказал гликолевый насос?

— Похоже на то.

— Посмотрим, — сказал Борман, прокручивая в голове чертежи корабля. — Мы на основной?

Если бы Андерс ответил «да» — это означало бы серьезную проблему. Перед стартом Андерс должен был нужным образом сконфигурировать приборную панель, а это подразумевало переключение на основную гликолевую систему. Если основная система была включена и уже стала причиной проблемы, то экипаж мог переключиться на запасную. Однако если технические проблемы появляются у корабля в первый же час 148-часового полета, то это тревожный симптом.

— Мы... А, нет, на запасной, — не договорив первую фразу, поправился Андерс, еще раз взглянувший на приборную панель. Он переключил тумблер в нужное положение. — Все нормально.

Борман подплыл поближе, взглянул на индикатор и при виде давления, поднимающегося до нормальной отметки, улыбнулся.

— Похоже, набирает, — заметил он и нырнул обратно.

Оба знали, что ошибка безобидна, и все же Андерс злился на себя. В родном LM он такой оплошности не допустил бы.

Обрушиваться на новичка в первый же час космического полета Борман считал ненужным, но к Ловеллу он смог отнестись столь же благожелательно. Никто из троих к тому времени еще не снял желтый спасательный жилет, надетый перед стартом на случай, если выведение придется прервать и астронавты угодят в океан. В огромных неуклюжих скафандрах лишний слой одежды не так уж заметен, однако сейчас, когда Ловелл проплывал мимо изножья Борманова кресла, чтобы проверить навигационную панель, петля активации спасательного жилета зацепилась за выступающую стойку. Последовал громкий щелчок и шипение.

— Вот черт! — воскликнул Ловелл, видя, как жилет на груди надувается воздухом.

— Что это было? — спросил Борман, закрытый чем-то от Ловелла.

— Спасательный жилет.

Борман рассмеялся.

— Не шутишь? Надувается?

Затем, не собираясь пропустить такое зрелище, Борман выплыл туда, где торчал в воздухе Ловелл. Смех сразу оборвался.

Как ни комично выглядел Ловелл, Борман мгновенно понял, что ситуация не так уж смешна. В нормальных условиях — иными словами, на Земле — спустить воздух и спрятать жилет не составило бы ни малейшей трудности. Однако жилет был надут углекислым газом, хранившимся под давлением в небольшом баллоне, и выпускать весь этот CO₂ в небольшое

закрытое пространство с ограниченным запасом воздуха для дыхания явно было не лучшим выходом. Очистители воздуха на борту были — квадратные контейнеры, каждый размером с большую жестянку для печенья, и внутри них кристаллический гидроксид лития, который должен поглощать углекислый газ, чтобы его уровень не достиг опасных величин. Однако, как и сигаретные фильтры, контейнеры со временем перенасытятся углекислым газом и их нужно будет менять на новые. Загрязнять первый фильтр в первый же день полета — плохое начало.

Видя, как хмурится командир, Андерс вызвался помочь.

— Сними жилет и дай мне, — предложил он Ловеллу. — Попробую с ним разделаться, пока ты проверишь панель.

Ловелл благодарно кивнул и принялся стягивать с себя жилет.

— Еще и не снимается, — буркнул он.

Борман, заметив замешательство обоих подчиненных, поспешил сменить выражение лица на более дружелюбное.

— Да, — начал он. — Мы... мы можем выдержать сколько-то углекислого газа.

Он знал, что это правда, но отчаянно желал, чтобы делать это не пришлось. В следующие шесть дней все трое передвигались в тесном пространстве командного модуля гораздо более осторожно.

В итоге Ловеллу и выпало изобретать решение, и в скором времени он придумал отменный ход. Жестом попросив Андерса вернуть ему жилет, он подплыл к тому, что служило на корабле ближайшим аналогом туалета, — к мочесборнику в нижнем отсеке оборудования. Как и аналогичная система на борту «Джемини», мочесборник был не более чем трубкой, одной стороной присоединенной к воронке, а другой — к небольшому резервуару на стене: моча от астронавта стекала в трубку и дальше в резервуар. Если повернуть ручку — ненужная жидкость выплескивалась в космос.

Ловелл убрал воронку со свободного конца трубки, открыл клапан спасательного жилета и прижал его к срезу трубки, так что углекислый газ невидимо для глаза вытек за борт. Когда все было закончено, Ловелл сложил жилет и убрал его в зону хранения. Первая серьезная проблема полета была решена.

* * *

TLI, который ожидал космонавтов в точности через 2 часа 50 минут и 31 секунду после начала полета[37] — ближе к концу второго околоземного витка, — требовал исключительной точности. Поэтому его исполнение доверили не бортовому компьютеру и не экипажу: включением двигателя для старта к Луне должны были напрямую управлять огромные, занимающие целый зал ЦУП компьютеры.

Двигатель третьей ступени «Сатурна» тягой в 102 т планировалось запустить ровно на 308-й секунде, чтобы разогнать «Аполлон-8» со стабильной орбитальной скорости 28 000 км/ч до любимой репортерами «круглой» скорости в 40 000 км/ч, которую они называли «скоростью освобождения», или второй космической скоростью. По сути, они были не правы по обоим пунктам.

Круглое число 40 000 км/ч на самом деле следовало понимать как 38 950 км/ч, а до так называемой «скорости освобождения» доходить было нельзя: такова необходимая предосторожность. По законам физики удаление от Земли напоминает восхождение в гору, когда скорость подъема борется с силой тяжести. Если разогнаться до 40 000 км/ч, то эту гонку можно выиграть, но если затем корабль по ошибке промахнется мимо Луны, то улетит в космос и будет там блуждать вечно.

Если же «давить на газ» чуть слабее и недобрать примерно 1000 км/ч, то эта битва с гравитацией в итоге будет проиграна. И даже если траектория пройдет слишком далеко и корабль промахнется мимо Луны, то можно просто пролететь по дуге и направиться обратно к дому подобно мячику, закинутому высоко в небо и падающему обратно на Землю. Это означало также, что если промахнуться самую малость, то скорость будет достаточно низкой, чтобы подчиниться лунному притяжению, пролететь за обратной стороной Луны и

направиться обратно к Земле. В первом случае разворот делается по дуге в открытом космосе, во втором — вокруг «разделителя полос» в виде Луны. В обоих случаях корабль остается на трассе, которую планировщики называют траекторией свободного возвращения, и в любом случае направляется домой.

Пока не пришло время включения, Ловелл решил устроить себе несколько минут отдыха: он перемещался от иллюминатора к иллюминатору, после долгого перерыва вновь знакомясь с тем, как выглядит Земля, медленно вращающаяся внизу под кораблем. Это зрелище представляло ему во время всех 206 витков его первого космического полета, но теперь времени на созерцание было гораздо меньше. Имея в распоряжении пять иллюминаторов «Аполлона» против двух на «Джемини», Ловелл хотел как можно больше насладиться такой возможностью.

— Самый лучший полет в моей жизни, — сказал он, подмигивая Борману: то было дружеским напоминанием о тяжелом испытании на «Джемини-7». Он вновь выглянул в иллюминатор, поймал взглядом яркую вспышку — ночная сторона Земли уступала место дневной — и объявил: — А вот и Солнце.

— Где? — спросил Андерс, который за короткое время, отведенное экипажу на пребывание в окрестностях Земли, жадно старался увидеть как можно больше рассветов и закатов.

— Сам посмотри, — ответил Ловелл, жестом подзывая его к иллюминатору. — Подобралось к нам незаметно.

Борман и сам не раз бросил взгляды в иллюминаторы, но все же не очень жаловал мысль о том, чтобы экипаж проводил драгоценное время в созерцании красивых видов. Но раз его товарищи по полету не могли оторваться от иллюминаторов, он решил заодно дать им работу. Учитывая, насколько важной частью задания было составление лунной карты, от чистоты состоящего из нескольких отдельных стекол иллюминатора зависело очень многое, а сохранить ее было не просто. Испарения от резиновых уплотнений рам и микроскопические частицы мусора, стронутые с места во время старта или всплывшие во время невесомости, могли скопиться между слоями стекла. А любая влага, еще со старта приставшая к окнам снаружи, в космическом вакууме должна была быстро превратиться в лед.

— Давайте доложим Хьюстону степень загрязнения окон, — скомандовал Борман. И раньше, чем Ловелл и Андерс успели ответить, он последовал собственному приказу: — Иллюминатор номер один чистый, имеет налет. Наверное, начинается намерзание инея. Номер два — тоже пятна налета.

Ловелл у третьего иллюминатора, заметив полоску, попытался стереть ее большим пальцем, но безрезультатно. Он нахмурился.

— Загрязнение, — объявил он. — Похоже, на внешней стороне.

Андерс доложил о хорошей видимости из центрального иллюминатора, но добавил:

— Немного пыли снаружи и внутри.

Слово «пыль» было скорее оптимистичным: по нему выходило, будто проблема может улетучиться сама собой, хотя и Андерс, и остальные знали, что этого не случится.

— У вас все в порядке, «Аполлон-8», — откликнулся Майк Коллинз. — У нас ничего для вас нет. Просто ждем.

Напоминание об ожидании медленно затихло в эфире: чтобы не мешать экипажу, Коллинз умолк. Он молча вслушивался в переговоры по внутренней связи в ЦУП: другие операторы подтверждали, что компьютеры, система наведения, давление в баках третьей ступени — все было в штатном состоянии. Наконец за 23 минуты до маневра Чарлзуорт, сидевший в кресле руководителя полета на протяжении первой смены, дал отмашку Коллинзу: пора сообщить астронавтам, что их корабль готов покинуть родной дом. Коллинз кивнул.

— Так, «Аполлон-8», — сказал он. — Разрешаем маневр TLI. Прием.

— Принято, — ответил Борман бесстрастно. — Поняли, есть разрешение на TLI. Прием.

Коллинз откинулся в кресле. То, что должно было стать самым захватывающим моментом его жизни, оставило его с острым ощущением неудовлетворенности.

Три представителя человечества, думал он, готовы вырваться из мощной гравитационной хватки Земли и через три дня отдаться гравитации другого небесного тела. Никому из живых существ такого еще не удавалось. Оркестр бы сюда, думал он, и фейерверки. Хотя что-то, чем отметить событие. А вместо этого лишь скучный обрывок фразы: разрешаем TLI.

Однако использование стандартной формулировки было намеренным: она нивелировала само чувство важности события, которое могло отвлечь от дела, когда надо сосредоточиться. Где-то в том же зале управления Джерри Бостик, сидящий за пультом баллистики полета, позволил себе проблеск запретного восторга.

— Улетают, — пробормотал он, ни к кому не обращаясь. — Наши ребята уходят с орбиты.

Внутри космического корабля Борман и его экипаж исполняли то, что предписывал план полета, — то есть вернулись в кресла и затянули ремни. Здесь некому было встать им на плечи, но и ремни могли только помешать сползанию с кресла. Как только двигатель запустится, ускорение даст нужный уровень гравитации, чтобы удерживать астронавтов на месте.

— Ну что, джентльмены, — обратился Борман к Ловеллу и Андерсу, — давайте готовиться.

Астронавты проверили приборы: ориентация корабля, давление топлива, все остальное — нигде никаких отклонений. Затем, по выработанной привычке, еще раз проверили приборы. Все казалось в норме.

За пять минут до TLI раздался голос Коллинза:

— «Аполлон-8», Хьюстон. С нашей стороны никаких замечаний. У вас все в порядке.

— Вас понял, — ответил Борман.

Пока истекали эти последние пять минут, наземная команда и космический экипаж затаили дыхание и старались ничем не нарушать тишину. Андерс в тысячный раз прогонял в уме контрольную карточку TLI — и системы, за которые он сам отвечал, и те, что были в зоне ответственности остальных. Отдельным пунктом стояла система мониторинга входа EMS — визуальные показатели скорости, траектории и пространственного положения корабля, видимые на приборной панели со стороны Бормана.

— Ты на мониторинге входа, автомат? — спросил Андерс Бормана. Вопрос прозвучал почти оскорбительно.

Борман утвердительно кивнул.

— «Аполлон-8», Хьюстон. Подходим к 20 секундам до зажигания, — произнес Коллинз, не отрывая взгляда от часов, и затем выкрикнул: — Метка! Все в норме.

— О'кей, — откликнулся Андерс.

— Вас понял, — сказал Борман.

Ловелл в очередной раз ободряюще улыбнулся Андерсу и повернулся к Борману. Тот не отреагировал: глаза командира были прикованы к часам на приборной панели и индикатору зажигания рядом с ними.

— Девять, восемь, семь... — провозгласил Борман, затем пару секунд отсчитал в уме и вновь заговорил: — Четыре, три, две...

Где-то за спиной экипаж ощутил гул. В 18 метрах позади корабля жидкий кислород и жидкий водород хлынули каждый из своего бака и смешались в камере сгорания. Сработала система зажигания, двигатель третьей ступени дал выхлоп — бесшумный в космическом вакууме и отдавшийся в корабле лишь низким вибрирующим гулом.

— Индикатор, — объявил Борман. — Зажигание[38].

— Вас понял, зажигание, — подтвердил Коллинз.

Ожидаемый отголосок гравитации подтолкнул экипаж со спины. Приборы по всему командному и служебному модулю, настроенные, подобно сейсмографам, отслеживать

изменения скорости и ориентации корабля, дернулись в ответ на внезапное ускорение, преобразовали результат в цифровые сигналы и показали их на приборной панели. Куда более точные сенсоры — мозг и вестибулярный аппарат самих астронавтов — тоже отреагировали.

— Так, уходит по рысканью, — доложил Борман; ему не нравился легкий поворот в сторону, который он чувствовал нутром и наблюдал по индикаторам.

— Все нормально, цифровой автопилот в норме, — произнес Андерс.

Ловелл прикидывал в уме все оси, по которым могло отклонить корабль.

— Какое у тебя положение по... — начал он.

Борман знал, о чем будет вопрос, и не стал дослушивать:

— Норма, сорок пять...

— Хорошо, — сказал Ловелл.

— А давление в баках? — спросил Андерс.

— Давление в баках как надо, — ответил Борман.

— О'кей, — сказал Андерс.

В течение 5 минут и 19 секунд молчание чередовалось с необходимыми служебными репликами. Двигатель работал, и корабль начал медленно взбираться на гравитационную гору от Земли к Луне. Коллинз временами произносил ободряющие реплики:

— «Аполлон-8», Хьюстон. У вас все нормально, строго как надо.

— «Аполлон-8», Хьюстон, — повторил он через минуту. — У вас все нормально, строго по осевой линии.

— Вас понял, — ответил на этот раз Борман.

Теперь пришла очередь Ловелла не отводить глаз от часов на приборной панели. Он дал отмашку на трех минутах до выключения двигателя, на двух и на одной.

— Осталось 30 секунд, — объявил он.

Затем еще:

— Все отлично. Десять секунд.

Потом дальше:

— Пять, четыре...

Он замолчал.

Наконец, тремя секундами позже, двигатель замер так же внезапно, как и запускался. Кабину теперь наполняли лишь шум вентилятора, дыхание трех человек и потрескивание в наушниках. И при этом они удалялись от Земли на невиданной раньше скорости 38 950 км/ч.

— О'кей, выключение точно по плану, — сказал Борман обыденно, будто объявлял о том, что забрал газеты из почтового ящика.

— Вас понял, отключение двигателя, — повторил Коллинз.

Еще один примечательный миг, и вновь все было прикрыто бесстрастными терминами: слова о том, что двигатель ступени отработал, заменяли собой все человеческие эмоции, которые испытывают люди и которые в силу тренированной привычки и дисциплины нельзя было проявлять.

В Центре управления полетом Джин Кранц, пользуясь тем, что он сегодня всего лишь зритель, дал себе волю. Стоя у задней стены зала, Кранц смотрел, как огромная карта на стене меняется: теперь она показывала долгий предстоящий путь. Трое астронавтов оторвались от планеты. Первый полет к Луне благополучно начался.

Глава 11

21 декабря 1968 г.

Валери Андерс решила наблюдать за запуском «Аполлона-8» самым удобным для себя способом — то есть не прибегать ни к каким специальным способам. Не сидеть в Космическом центре на трибуне для особо важных гостей, в толпе знаменитостей и родственников астронавтов. Не вдыхать запах ракетного топлива, не чувствовать, как содрогается земля под ногами, не прикрывать глаза от яркого сияния в попытке разглядеть

поднимающийся в небо «Сатурн». Вместо этого она решила расположиться в семейном гнездышке: устроиться на деревянном ящике для игрушек и взять на колени младшего ребенка, а остальных детей рассадить у своих ног, напротив телевизора. Если и будет недоставать торжественности — ее заменит спокойный семейный уют.

Смотреть дома по телевизору запуск ракеты им предстояло, разумеется, не впервые, но сегодняшний старт Валери с детьми впервые должны были увидеть в цвете. Цветной телевизор — новый предмет роскоши, уже появившийся у многих соседей, — Андерсы покупать не спешили. Однако сейчас Биллу предстоял первый в жизни космический полет, да еще на Рождество, которое американцы традиционно празднуют в кругу семьи, так что Билл решил, что его семья достойна особого подарка — тем более такого, какой позволит детям лучше разглядеть начало его космического путешествия.

За несколько часов до старта в дом Андерсов начали стекаться астронавты с семьями. Шли они и в дом Борманов, а позже — когда Мэрилин с детьми вернется домой с космодрома — они придут и к Ловеллам. Доди Хэмблин, репортер из журнала *Life*, которой доверяли жены астронавтов — а значит, доверяло и НАСА, — проводила сегодняшний день в пригороде Хьюстона, где ей предстояла обычная репортерская работа: наведываться в дома астронавтов, молча наблюдать за происходящим и почти безмолвно ждать удобного момента для вопроса, ответ на который будет не похож на шаблонные фразы, получаемые от жен астронавтов другими репортерами. Недаром НАСА когда-то заключило с ее журналом контракт и регулярно его возобновляло: Доди Хэмблин была не последней тому причиной.

Однако этим утром на первом плане было телевидение. Пусть наблюдать за взлетом «Сатурна» на телевизионном экране не то же самое, что видеть старт собственными глазами, однако зрелище все же выходило внушительным. Чувствовалась огромная масса ракеты, и даже через дребезжание динамиков обычного телевизора доносился ее взрывоподобный рев. Пока Валери наблюдала — в подробностях и цвете, — как включаются пять главных двигателей и ракета уходит вверх, и слушала, как Уолтер Кронкайт выкрикивает фразы о сотрясающейся студии и о людях на пути к Луне, у нее не шла из головы лишь одна мысль: «Спасибо, доктор фон Браун».

При всей необычности мысль была уместной. Вернер фон Браун создал ракету, и Валери уже видела, что ракета летит как надо. Валери продолжала смотреть, как «Сатурн» отбрасывает первую ступень и на глазах превращается в точку на экране, как живое изображение ракеты сменяется телевизионной графикой, которая показывает стадии работы, уже не фиксируемые телекамерами. Вот репортеры объявили, что ее муж сейчас на околоземной орбите. А через неполных три часа она узнала, что он покинул орбиту и направился к Луне.

Валери знала, что весь полет для нее будет цепью ключевых моментов и что ей нужно держать эмоции под контролем — и свои, и детей. Особенно в условиях, когда почти все время в течение шести дней им придется провести в доме.

Накануне она планировала выбраться в магазин, расположенный в Космическом центре, и застись продуктами на неделю, которую ей предстояло провести в осаде. Несколько журналистов уже заняли удобную позицию у входа, а к старту толпа репортеров и фотографов должна была окружить весь дом, а семья — утратить возможность высунуться наружу. Оставалось либо выйти пораньше, либо не выходить совсем. В городских супермаркетах ее, конечно, сразу же заметят, а на территории Космического центра, где к астронавтам и их женам все привыкли, на нее не обратят внимания.

Пытаясь улизнуть от журналистов, уже засевших у дома, Валери попробовала выйти через детскую игровую комнату: дверь, выводящая на задний двор, была скрыта деревянным забором, который ограждал территорию. На руках она держала младшего сына, четырехлетнего Эрика, который имел обыкновение засовывать в рот большой палец от усталости или избытка впечатлений — а в этот день было верно и то и другое. Открыв свободной рукой калитку, Валери тут же наткнулась на фотографа, и тот немедленно щелкнул

камерой: вышел снимок застигнутой врасплох матери и испуганного малыша, только что вынувшего изо рта большой палец.

Назавтра в газете будет красоваться фото с подписью: «Палец вверх — за папу!»

Валери, потерпевшая поражение даже в такой осторожной попытке, вернулась в дом: затворничество началось раньше намеченного срока. Однако вскоре она осознала, что никакие покупки не понадобятся: к вечеру холодильник уже ломился от запеканок, бутербродов, картофельного салата и закусок, а на кухонных столах не было свободного места из-за пирогов, пирожных и печенья — все принесли гости, уже прошедшие через такой же опыт и знающие, что в дом астронавта, отправившегося в полет, нельзя приходить с пустыми руками.

Возможность уединения, пусть и почти призрачная в таких условиях, была связана с традицией НАСА по отношению к семьям астронавтов: в спальне или другом месте, удаленном от посторонних глаз, устанавливался небольшой репродуктор. От самого взлета до окончательного приводнения он постоянно транслировал семье переговоры экипажа с операторами. Поначалу звук приходил с запозданием в долю секунды, а затем, когда корабль долетит до Луны, задержка должна была удлиниться до секунды с четвертью — время, за которое радиосигнал, несущийся со скоростью 300 000 км/с, покрывал расстояние от Земли до Луны в 375 000 км. Впрочем, НАСА принудительно задерживало передачу еще на несколько секунд, чтобы в критическом случае трансляцию можно было отключить и не дать семье услышать то, что ей слышать не следовало. Никто из сотрудников ЦУП, слышавших вопли из горящего «Аполлона-1», не решился бы транслировать этот ужас женам и детям гибнущих астронавтов.

Билл не скрывал от Валери степень риска, на который идет, и шансы на возвращение. «33% вероятности — успешный полет; еще 33% — благополучно вернемся, но к Луне не слетаем; остальные 33% — не вернемся», — объяснил он. Эти цифры Билл Андерс получал тем же способом, каким Крис Крафт получал предсказание 50/50, — чуял нутром. И хотя никто из двоих толком не мог сказать, как получились такие цифры, оба были уверены в правильности расчетов.

Предусматривая разные варианты развития событий, Билл оставил детям две магнитофонные записи. Одну полагалось послушать на Рождество, а вторую — только если станет ясно, что семья больше никогда не соберется на Рождество в полном составе.

О второй записи Валери старалась не думать. Жена пилота, она давно уже изобрела собственную «блокировку»: размышлять только о том, что в твоей власти, и не задумываться об ужасных вещах, на которые не можешь повлиять. Многие ее подруги тоже были женами пилотов, и некоторые из мужей воевали во Вьетнаме — в совсем иных и куда более кровавых битвах холодной войны, чем полет на Луну. Если уж они умеют отгораживаться от страха, думала Валери, то и она сможет. И еще научит этому детей.

Она знала: раз нельзя ручаться детям, что их отец благополучно вернется, то она не будет давать такого обещания. Зато Валери может поручиться, что остается с ними — сейчас и всегда.

— Я с вами, — повторяла она после старта каждый вечер, укладывая детей в постель. — И никуда не денусь.

И Валери собиралась повторять эти слова каждый день, пока не вернется Билл.

* * *

Сыновьям Сьюзен Борман не требовались такие утешения, как детям Валери Андерс, а если и требовались, то мальчишки не подавали виду. 17-летний Фред и 15-летний Эд уже переросли отца с его ростом 170 см. Они были уже достаточно высокими для членства в футбольной команде старшеклассников и обладали пригодным для этого характером. Кроме того, мальчишки были уже достаточно взрослыми, чтобы понимать, что одни эмоции мужчине позволено выказывать на публике, а другие — нет, и считали, что умеют отличать одно от другого.

Внутреннее спокойствие сыновья унаследовали от отца; от матери они унаследовали иное спокойствие — внешнее, которое можно напустить на себя, даже если нет внутреннего. Бывали дни, когда Сьюзен особенно нуждалась в такой способности, и день запуска «Аполлона-8» был одним из них. Друзья и родственники начали стекаться в дом еще до рассвета, Сьюзен занимала гостей, следила за сыновьями и ограждала их от назойливых журналистов. Во время старта в доме не было никаких репортеров, но, когда «Аполлон-8» благополучно вышел в космос, Сьюзен пошла на встречу с журналистами — однако на своих условиях: она появилась на лужайке с родителями Фрэнка и с собакой, но без Фреда и Эда. После того как фотографы запечатлели семейную картину, Сьюзен произнесла короткую фразу: «Меня знают как человека, который всегда найдет что сказать, но сегодня у меня нет слов».

Однако все-таки нашла нужные слова и на предсказуемые вопросы ответила со смесью уверенности и гордости. «Величие события очень трудно осознать, я пока не до конца понимаю происшедшее. Все так не похоже на “Джемини-7”». В конце она сказала: «Я слишком эмоционально выжата и не могу говорить».

Затем, извинившись перед репортерами, Сьюзен скрылась в доме. Ей предстояла трудная неделя, и по прежнему опыту она знала, сколько внимания в состоянии уделить репортерам в конкретный день. Сегодня, в день старта, Сьюзен больше нечего было им предложить.

* * *

К тому времени как астронавты «Аполлона-8» сняли с себя тяжелые скафандры и облачились в белые комбинезоны, в которых проведут весь полет, они уже улетели дальше от Земли, чем кто-либо еще. Пит Конрад и Дик Гордон больше двух лет оставались рекордсменами, поднявшими свой корабль «Джемини-11» на беспрецедентные для того времени 1370 км. Человечеству пришлось долго ждать этого рекорда, однако сейчас Борман, Ловелл и Андерс, несясь к Луне на скорости, близкой ко второй космической, проходили такое расстояние за 125 секунд. Через 40 минут после ТЛ1 они уже перекрыли рекорд «Джемини-11» почти девятикратно и отделились от Земли на 12 000 км.

Ловелл, который вместе с Конрадом был летчиком-испытателем на военно-морской авиабазе Патаксент-Ривер в Мэриленде, с радостью воспользовался случаем подразнить давнего друга.

— Передайте Конраду, он больше не рекордсмен, — с улыбкой сказал Ловелл оператору.

Захватывающее расстояние предполагало, что вид Земли будет таким же впечатляющим, однако экипажу пока было не до того, чтобы поворачивать корабль ради взгляда на родную планету. Такая возможность открывалась им чуть позже, ведь если корабль движется в космосе в некотором направлении, то в соответствии с законами физики он продолжит двигаться тем же курсом независимо от того, куда направлен его нос. Но пока более насущной проблемой было то, что третья ступень «Сатурна-5» по-прежнему висела позади служебного модуля. Последняя ступень ракеты отработала как положено, но теперь стала не более чем космическим мусором, от которого следовало избавиться.

Третья ступень крепилась к кораблю кольцом пироболтов. Маневр отделения предполагал, что экипаж подорвет пироболты, а затем даст импульс двигателями, тем самым увеличив скорость корабля на метр в секунду или около того. Тогда появится промежуток между кораблем и третьей ступенью. И этот промежуток должен быть достаточно большим: при взрыве болтов из поврежденных магистралей третьей ступени начнут вытекать остатки топлива, и тогда поведение ступени делается непредсказуемым — а это самое последнее, чего вы могли бы пожелать 10-тонной конструкции, которая летит следом. Борман предпочитал избегать таких случайностей.

В предстоящем непростом маневре у каждого члена экипажа имелась своя роль. Андерс с контрольной карточкой в руках должен зачитывать команды по операции отделения, Ловелл — вводить их в компьютер и выполнять процедуру подрыва пироболтов, а Борман после

отделения корабля — работать двигателями. Ловеллу давно уже не терпелось использовать компьютер в полете: недаром он провел столько часов, практикуясь управлять этим мощным электронным мозгом на Земле, и теперь наконец пришло время испытать его в деле.

Компьютер был относительно компактным; он управлялся клавиатурой с десятью цифрами и еще девятью кнопками, а на экране мог показывать 21 знак: три пары служебных символов и три пятизначных числа. Используемый язык компьютера в некотором роде похож на разговорный английский и состоял по большей части из глаголов и имен существительных, представленных числами. Во время многомесячных тренировок Ловелл должен был научиться бегло говорить на компьютерном языке. Глагол обозначал некое действие, которое нужно совершить, а существительное — объект, с которым совершалось действие. Вводишь глагол 82, который значил «вывести на экран орбитальный параметр» — компьютер переваривает команду и ждет следующей. Какой именно орбитальный параметр? Наклонение? Скорость? Их ведь немного. Если после глагола 82 ввести имя 43 — широта, долгота и высота, команда обретет полноту и компьютер откликнется. К счастью, сложный маневр отделения отчасти облегчался тем, что часть процедуры уже ввели заранее: все существительные хранились в компьютерной памяти. Ловеллу оставалось лишь ввести глаголы.

Борман окинул взглядом приборы — готов ли корабль к маневру? Все было готово.

— Можно, — кивнул он экипажу.

— Хорошо, глагол 62, ввод, — зачитал Андерс.

— Глагол 62, ввод, — подтвердил Ловелл, нажимая нужные кнопки.

— Глагол 49, ввод, — продолжил Андерс.

— Глагол 49, ввод, — повторил Ловелл.

Андерс оглядел приборы и утвердительно кивнул.

— Хорошо, — сказал он, — исполнить.

— Понял, — ответил Ловелл и нажал кнопку на панели дисплея, которая так и называлась: «Исполнить».

Толчок, последовавший за подрывом болтов, застал всех троих врасплох. Он оказался несильным, особенно в сравнении со стартом, походившим на землетрясение, однако ощущался гораздо сильнее, чем небольшой удар, который всем был знаком по симуляторам.

Борман сбросил оцепенение, схватил ручку, напоминающую пистолетную, которая управляла двигателями корабля, и начал понемногу уводить корабль вперед. Создав промежуток — достаточно широкий, судя по приборам, — он собирался развернуть корабль назад по тангажу, чтобы экипаж мог посмотреть через иллюминаторы и убедиться, что расстояние стало безопасным. Однако иллюминаторы были невелики, а третья ступень могла находиться где угодно, так что поймать ее в иллюминаторе оказалось не так просто.

Борман запустил двигатели, сделал половину сальто и посмотрел в свой иллюминатор. Ничего. Отклонил корабль носом влево, затем вправо. После этого вверх, затем вниз. По-прежнему ничего.

— Да куда же подевалась эта S-IVB? — бросил он. — Кто-нибудь видит?

Ловелл и Андерс, прилипнув каждый к своему иллюминатору, не ответили. Борман продолжал менять положение корабля.

Через несколько мгновений Ловелл воскликнул:

— Вот она!

— Нашел? — спросил Борман.

— Прямо в центре! В центре моего иллюминатора!

Третья ступень виднелась во всей красе — ярко-белая, сверкающая на Солнце. На глаз она находилась примерно на том расстоянии позади корабля, которое показывал компьютер: несколько десятков метров. Однако этого было недостаточно. Борман видел, что топливо хлещет. Ступень могла в любой момент перейти в неуправляемое кувыркание и стать очень опасной, грозя столкновением. Допустить такое нельзя, и Борман начал прикидывать, понадобится ли маневр уклонения.

Однако внезапно все мысли о коварной третьей ступени вылетели у него из головы при виде зрелища куда более величественного. Он увидел Землю.

Американские астронавты и советские космонавты видели ее из космоса много раз, но в виде широкой дуги, не вписывающейся полностью в иллюминатор, потому что она оказалась слишком близко. А сейчас планета перед глазами Бормана, Ловелла и Андерса плыла в космосе во всей красе. Земля больше не была почвой под ногами или линией горизонта перед кораблем, она выглядела как почти круглый диск света, подвешенный перед их глазами, словно рождественское елочное украшение, искусно сделанное из завитков белого и голубого стекла. Невероятно красивое — и невероятно хрупкое.

Вслух Борман сказал:

— Какой вид!

Про себя Борман подумал: «Должно быть, такой ее и видит Бог».

Затем собрался с мыслями и доложил оператору:

— Видим Землю, почти полный диск.

— Отличное зрелище, — откликнулся Коллинз. — Сфотографируйте.

Борман сделал знак Андерсу, но подсказок не требовалось: штатный фотограф уже готовил камеры. Ловелл посмотрел в иллюминатор и описал вид, который собирался запечатлеть Андерс:

— Красивый вид на Флориду. Видно мыс Канаверал — как точку. Одновременно видна Африка. Западная Африка красивая. — Затем, подчеркивая величие описанного и масштаб зрелища, он добавил: — Вижу еще Гибралтар *в тот же самый момент*, когда смотрю на Флориду.

Более того, он видел еще Кубу, Центральную Америку и большую часть Южной Америки.

— И до конца вниз до Аргентины и Чили, — добавил он.

Борман позволил себе не сразу отвести взгляд от этой картины, но затем отвлекся от созерцания красот и вернулся к делу. Какие бы расчеты ни строило НАСА по поводу того, как должна вести себя третья ступень на данном этапе, они явно не соответствовали реальности. Ожидалось, что из ступени вытечет лишь немного топлива, а затем она совершит так называемый сброс остатков: быстро и аккуратно опустошит содержимое баков, чтобы не происходило неконтролируемого истечения. Однако наблюдаемый Борманом процесс не был ни быстрым, ни аккуратным.

— Впечатляющее зрелище, — сказал командир. — Фонтанирует во все стороны, как гигантская дождевальная установка.

— Сделайте фотографии, — вновь распорядился Коллинз.

Борману такое указание не очень-то понравилось: съемка третьей ступени была никак не важнее, чем необходимость отделаться от нее; в его представлении именно такие посторонние занятия могли привести к катастрофе. Однако Земля требовала фотографий, и в данный момент Борман не был готов оспорить указание.

Ловелл услышал запрос Коллинза, и, поскольку третья ступень болталась перед его иллюминатором, он взял камеру из рук Андерса.

— Можешь поднять нос чуть выше? — попросил он Бормана.

Командир повиновался.

— А еще чуть выше?

Борман дал легкий импульс двигателями еще раз.

Андерс приблизился к иллюминатору Ловелла и взгляделся в пространство за стеклом.

— Пока не полностью, — сказал он. — Сделай чуть выше.

— Да не собираюсь я летать вокруг этой чертовой штуковины! — сорвался Борман. Он пыхнул двигателями еще немного, Ловелл наконец получил желаемый ракурс и защелкал камерой.

Андерс, взглянув на Бормана, понял, что терпение командира на пределе, и повернулся к Ловеллу.

— Может, снимков уже достаточно? — спросил он.

Ловелл опустил камеру и передал ее Андерсу.

Борман посмотрел на непослушную третью ступень еще раз, затем перевел взгляд на ручку управления двигателями.

— Хьюстон, «Аполлон-8», — произнес он. — Предлагаю маневр расхождения, если не возражаете.

Земля встретила его фразу молчанием. Борман почти воочию видел, как операторы раздумывают над его словами и советуются друг с другом насчет того, давать ли добро на такую рутинную процедуру, как незапланированное включение двигателей. Борман дал им на размышление 20 секунд.

— Хьюстон, я «Аполлон-8», — повторил он.

Его слова вновь повисли в тишине. На этот раз Фрэнк дал операторам лишь шесть секунд.

— Вас понял, — непрекаемо заявил он. — Считаю необходимым дать импульс и убраться подальше от этой штуки.

Никакого бунта в духе Уолли Ширры на корабле, которым командует Борман, не будет. Но не будет и нерешительности. Фрэнк запустил двигатели, и «Аполлон-8» быстро ушел от третьей ступени, которой теперь оставалось лишь соскользнуть на «мусорную» орбиту вокруг Солнца[39].

* * *

Если бы мировая аудитория, следящая за полетом в первые сутки, внимательно слушала переговоры, хоть несколько человек да заметили быстораживающие реплики между кораблем и Землей. Впрочем, наверняка никто ничего не заметил: слишком на многое приходилось отвлекаться за то время, пока корабль перекрыл собственный рекорд высоты в 12 000 км, повысив его почти в 16 раз — до 186 000 км — к моменту, когда Земля закончила один оборот вокруг оси. Еще более волнующим было обещание нескольких прямых телевизионных трансляций из космоса. Первая телетрансляция была запланирована через 31 час после начала полета, или около трех часов пополудни по восточному времени 22 декабря: в это время земляне могли бы увидеть обитаемую ими планету с той непредставимой высоты, с какой ее видят астронавты.

Однако дело осложняли те самые обеспокоенные реплики. Для несведущего слушателя они звучали загадочно.

Например, Андерс говорил:

— Хьюстон, мы перемотали пленку. Можете сделать сброс, когда вам удобно.

И Коллинз через некоторое время отвечал:

— «Аполлон-8», Хьюстон. Мы попытаемся сбросить вашу пленку прямо сейчас.

Позднее можно было слышать от одного из астронавтов, что некоторые интересные детали на пленках могут понравиться НАСА, а затем он просил НАСА сообщить экипажу свое мнение о пленках после того, как в агентстве их прослушают.

На самом деле предметом таких переговоров операторов и экипажа служила аппаратура хранения данных, сокращенно DSE, и именно к ней относилось обиходное выражение «сбросить пленку». В кабине «Аполлона-8» была установлена звукозаписывающая система, которая работала более-менее непрерывно от старта до приводнения. Сбрасываемые пленки фиксировали все, что астронавты говорили друг другу внутри корабля, в том числе и без связи с ЦУП, когда Земля не могла слышать, что обсуждается на борту. Эти записи не только становились важным историческим документом, но и могли дать необходимую информацию в случае происшествия на борту для комиссии по расследованию, которая должна была бы выяснить причину проблемы.

А главное — эта система давала экипажу возможность записать частное сообщение для ЦУП и затем передать его на высокой скорости так, что никто в мире не смог бы его услышать. Однако ЦУП пришлось бы найти свободное время для прослушивания чертовой записи, а в описываемый момент там не спешили этого делать. Это было проблемой, потому

что экипаж пытался сообщить на Землю, что Борман заболел — и состояние его куда серьезнее, чем легкие приступы морской болезни у Ловелла и Андерса в начале полета.

В первые 12 часов Борман находился попеременно в двух состояниях: рвота и попытка сдержать рвоту, чаще всего неудачная. К тому же его периодически мучила диарея, что при желудочных расстройствах не редкость. И одно и другое было изрядным испытанием в условиях космического корабля, где нет канализации. И хотя командир пока занимался работой и по его интонациям ничего не было заметно, было понятно, что долго он не продержится. Если Борман не сможет есть и усваивать пищу, он ослабнет, а со временем и вовсе утратит способность действовать. Звуки и запахи, наполняющие тесную кабину, уже стали невыносимы для всех троих астронавтов. Хуже того, если болезнь Бормана была вызвана вирусом, то Ловелл и Андерс почти наверняка должны были ее подхватить.

Поначалу Борман запретил экипажу хоть словом обмолвиться Земле о происходящем.

— Я не собираюсь ничего докладывать, — сказал он, когда Хьюстона не было на связи. — Молчите и вы, парни.

Однако через полдня Борман и сам стал беспокоиться. В самолетах его никогда не тошнило — разве что с похмелья (а такого не избежал ни один военный летчик). Во время полета «Джемини-7» его желудок держался железно в течение всех 14 дней. А на этот раз пищеварительная система взбунтовалась по всем направлениям.

Ловелл и Андерс знали, что Борман, если придется, будет держаться до последнего, это то их и беспокоило. Однако в итоге им удалось добиться его согласия на операцию со сбрасываемыми записями, через которые о проблеме удастся сообщить летному врачу — доктору Чарлзу Берри. По крайней мере, они на это надеялись. Однако после отсылки записи прошло несколько часов, прежде чем в Хьюстоне наконец поняли намеки, посылаемые экипажем.

За пультом руководителя полета в тот момент сидел Глинн Ланни, поблизости находился Клифф Чарлзуорт, хотя смена была не его. Оба заподозрили, что повторяющиеся намеки экипажа могут указывать на медицинскую проблему. Ланни попросил Чарлзуорта вызвать доктора Берри и вместе с ним прийти в резервный зал управления этажом ниже: там все трое приватным образом прослушают записи и, если нужно, свяжутся с экипажем. Берри в свою очередь позвонил Коллинзу, который недавно сменился с дежурства у пульта капкома и передал микрофон астронавту-новичку Кену Маттингли.

Все четверо ушли в резервный зал, закрыли дверь и прослушали сообщения, не скрывая нарастающей тревоги. В лучшем случае морская болезнь. В не очень хорошем случае — вирус. В худшем случае, как немедленно заподозрил Берри, — лучевая болезнь. Все совпадало: внезапное начало, рвота, диарея. Более того, в этом полете невозможно было миновать источник радиационного облучения — пояса Ван Аллена, окружающего Землю на высоте от 1000 до 60 000 км.

«Джемини-11» едва задевал нижний край поясов. Экипаж «Аполлона-8» пропахал их насквозь, получив полную дозу мощных лучей, преградой которым служил лишь относительно тонкий корпус корабля, и больше ничего. Даже при той высокой скорости, на какой летел корабль, экипажу требовалось два часа, чтобы выйти за верхний предел радиационного пояса[40].

Берри беспокоили риски, которые несли пояса Ван Аллена, с самого начала программы «Аполлон», но поскольку не было другого способа улететь с планеты Земля иначе как сквозь эти тысячи километров радиации, то в итоге оставалось создать как можно более стойкий корабль и надеяться, что экипаж не пострадает. А теперь у Бормана наблюдались как раз те самые симптомы и ровно в ожидаемое время.

Берри заявил о возможности радиационного поражения Чарлзуорту, Ланни и Коллинзу, однако убедить их не смог. Ловелл и Андерс ведь здоровы, не так ли?

Пока что, ответил Берри.

Даже если пояс простирается более чем на 60 000 км в высоту, напомнили ему, то доза радиации на всем этом промежутке будет довольно низкая, лишь немногим больше, чем получает человек при рентгене грудной клетки.

Да, ответил Берри, при двухчасовом рентгене грудной клетки.

И все же Берри — ученый, и он вынужден был согласиться, что если остальные двое астронавтов не демонстрируют тех же симптомов, что и Борман, то вряд ли у Бормана лучевая болезнь.

Самым вероятным объяснением, с точки зрения Берри, оставался вирус, а если так — то ситуация серьезная. Правила полета предписывали только один выход.

— Считаю, что нам надо рассмотреть вопрос о прекращении полета, — сказал он.

Ланни, Чарлзуорт и Коллинз воззрились на него, не веря собственным ушам. Однако, согласно тем же правилам, им оставалось лишь одно — выйти на радиосвязь и передать астронавтам мнение врача. По-прежнему не выходя из резервного зала, они вызвали по радио экипаж и сразу перешли к делу.

— Доктор Берри считает, что у тебя вирус, и опасается, что Билл и Джим подхватят его тоже, — сообщил Коллинз Борману. — Он рекомендует рассмотреть вопрос о прекращении полета.

— Что?! — воскликнул Борман и повернулся к Ловеллу и Андерсу, в равной степени изумленным и разгневанным таким предложением. Глядя на свой экипаж, он понизил голос почти до шепота и произнес в микрофон: — Это предложение — чистейшее дерьмо!

Ловелл и Андерс кивнули в знак согласия.

К радости Хьюстона, Борман пришел в равновесие.

— Слушайте, тут в космическом корабле трое взрослых астронавтов, мы не собираемся просто так развернуться и лететь домой. Со мной все хорошо. — Это, пожалуй, было очень далеко от истины, но Борман тут же поправился: — По крайней мере, мне уже лучше.

И это было правдой. Полдня, которые потребовались, чтобы он признал проблему, и еще полдня, через которые НАСА отреагировало на сброшенную пленку, — этого времени оказалось достаточно, чтобы желудок успокоился. Теперь Борман точно знал, что дело не в радиации, и подозревал, что не в вирусе. Оставалась причина самая неприличная: крайний случай морской болезни. Он был первым американским астронавтом, кто в ней признался, однако полагал, что в просторном «Аполлоне» не останется последним. Как бы то ни было, говорить об этом Борман больше не собирался.

* * *

Единственный телевизор в кабинете в Центральном научно-исследовательском институте машиностроения под Москвой показывал плохо. Имелись и другие каналы, намного более чистые, но они все контролировались государством. Передачи Евровидения — а именно они сегодня были интересны собравшимся в кабинете — можно было смотреть только после подключения к телевизору особого кабеля. Инженерам, работающим в ЦНИИмаш, такое оказалось вполне под силу, но это не значило, что изображение будет безупречным.

И все же для советского космического руководства это оставался единственный способ следить за действиями трех астронавтов на борту американского корабля, который теперь, всего через 31 час после взлета, находился на полпути к Луне и собирался выйти в телевизионный эфир на Земле. Никому за пределами кабинета официально не сообщали имена собравшихся, однако среди них явно были Дмитрий Устинов — член ЦК, которого готовили на пост министра обороны, Виктор Литвинов — талантливый авиаконструктор, руководивший авиакосмической промышленностью страны, и Борис Черток — пожалуй, крупнейший в стране ракетный конструктор после недавно умершего главного конструктора Сергея Королева[41].

Накануне эти трое вместе с многочисленным начальством смотрели запуск американцев на гигантском экране в соседнем здании ЦНИИмаш, и уже сам вид ярко-белого «Сатурна-5» привел их в уныние. Сконструированная в СССР ракета-носитель Н1 —

сверхтяжелая, созданная как ответ «Сатурну», но защитного цвета — еще не имела на своем счету ни одного беспилотного полета, а тем более пилотируемого, и при этом американцы доверили жизни троих астронавтов этому проклятому «Сатурну».

В определенный момент во время старта русские затаили дыхание: при зажигании двигателей второй ступени появилось огромное белое облако, как если бы «Сатурн» взорвался. Если кто-то в зале и испытал разочарование, когда выяснилось, что взрыва не было, то никто не подал виду: таково кредо ракетчиков, не позволяющих себе подобных недостойных эмоций. Через несколько секунд стало ясно, что американский корабль устремился к околоземной орбите, откуда ему лежал путь к Луне: американцы сделали еще один шаг к тому, чтобы устранить русских из десятилетней космической гонки. О чем бы в тот момент ни размышляли те, кто только что видел старт ракеты, из зала они расходились с тяжелым чувством.

Телевизионная трансляция с космического корабля — довольные и самоуверенные американцы, позирующие перед соотечественниками и утирающие нос русским, — будет восприниматься еще хуже. Поэтому никаких больше массовых просмотров передач на большом экране в НИИ-88 не будет. Устинов и несколько высокопоставленных чинов вольны смотреть что угодно в запертом кабинете с секретным кабелем, но для всех остальных телеэкран останется темным.

При начале трансляции русские не могли не отметить небрежность всего действия. Да, трое астронавтов летели к Луне, но создавалось впечатление, что к полету они относятся несерьезно и не очень-то владеют нужными навыками. Астронавт по фамилии Андерс держал в руках камеру и, по всей видимости, не знал, как с ней обращаться. Он попытался показать вид на Землю из иллюминатора, но экспозиция была неверной и изображение напоминало бесцветный блин.

— Не получается, — сказал голос из ЦУП в Хьюстоне, с явным упреком в адрес астронавта и его навыков.

— А сейчас? — спросил Андерс.

— Все равно не получается. Выходит просто яркое пятно. Непонятно, что перед глазами.

Камера описала полукруг и нацелилась внутрь корабля, изображение стало заметно лучше. Командир экипажа, по фамилии Борман, появился в кадре, но вверх ногами.

— У тебя там все вниз головой, — вновь сказал голос из Хьюстона.

— Ну, у всех свои недостатки, — ответил Андерс и перевернул камеру — верх и низ встали на места.

Командир начал говорить.

— Очень хотелось бы показать вам Землю. Она очень красивого голубого цвета: преимущественно голубой фон с огромными коврами белых облаков.

Камера вновь сдвинулась, в кадре показался третий астронавт, Ловелл, который что-то делал с пластиковым пакетом в районе зоны хранения под сиденьями.

— Джим, что ты там делаешь? — спросил командир и сам же ответил: — Джим готовит десерт. Делает шоколадный пудинг в пакете. Видите, фрагменты проплывают мимо.

Ловелл улыбнулся и посмотрел в камеру; стала видна щетина, отросшая за полтора дня полета. Командир, заметив это, сказал:

— Пусть все видят, что ты нас перегнал в гонке по отращиванию бороды. У Джима уже борода видна.

Андерс показался в кадре; передавая камеру Борману, он подхватил что-то рукой.

— Видите, у Билла тут зубная щетка, — прокомментировал Борман. — Он зубы чистит регулярно.

После этого Андерс принялся играть с зубной щеткой, отпуская ее плавать по воздуху и подхватывая вновь.

— Это чтобы показать, как предметы летают в невесомости, — пояснил Борман. — Можно подумать, что он играет за «Астрос»[42]. Судя по тому, как Андерс их ловит.

Русские, вероятно, решили, что «Астрос» — это какая-нибудь спортивная команда.

Астронавты еще минут пять продолжали так же беззаботно общаться, затем настало время прекращать сеанс связи.

— Мы прерываемся, — объявил Борман. — Будем ждать следующих встреч в скором времени.

— Вас понял, — откликнулся голос из Хьюстона.

— Всем до свидания от экипажа «Аполлона-8», — сказал напоследок командир.

Передача из космоса завершилась и для тех, кто смотрел ее в свободном мире, и для тех, кто сумел настроиться на сигнал в других местах. На следующий день в здании ЦНИИмаш состоится куда более многочисленное собрание — после такой передачи оно стало неизбежным[43]. Председательствовать будет Устинов, и он задаст вопрос, который никого не удивит:

— Чем мы ответим американцам? Разберитесь и доложите мероприятия.

Ни у кого из присутствующих не было хорошего ответа.

Глава 12

22 декабря 1968 г.

В тот день, когда огорченные московские специалисты смотрели трансляцию с «Аполлона-8», также и граждане других стран социалистического блока обращали взгляд в сторону американского полета. Если маленькое шоу из космоса и не показывали на территории СССР и Восточной Европы, то официальный отказ имел лишь относительный успех: многие в тех краях знали, что при умелом подключении к мощной антенне можно принять запрещенный сигнал прямо из эфира. Тех, кто был способен пиратски перехватить сигнал, было не так много, однако их хватало на то, чтобы новости о полете быстро распространялись среди публики.

На Западе — и почти на всей остальной территории планеты, где принимали трансляцию, — не было нужды перехватывать сигнал, и передачу из космоса видели многие. Руководители телеканалов давно уже знали, что даже при любых препятствиях — таких как отсутствие телевизоров или даже электричества в некоторых частях планеты или наличие официальных запретов, как в СССР и тем более в коммунистическом Китае, — крупное или важное событие все равно увидят по телевидению сотни тысяч человек. И хотя первая трансляция с «Аполлона-8», разумеется, не побила никаких рекордов, телеканалы все же заключили, что количество посмотревших ее зрителей в мире превысило сотню миллионов человек, возможно вдвое или втрое.

Пятиминутную передачу смотрели в Великобритании, где газета *Sunday Times* отвлеклась от освещения постоянных экономических проблем страны и признала: «Трудно писать о фунте стерлингов, когда полет “Аполлона” так захватил нас всех». Смотрели во Франции, где газета *Le Journal du Dimanche* назвала полет «самым фантастическим сюжетом в истории человечества». Смотрели ее и в Гонконге, где можно было легко поймать трансляции британской Би-би-си, при том что Китай полет игнорировал. «Уроженец Гонконга летит к Луне» — гласили заголовки многочисленных газет, редакторы которых гордились тем, что Андерс появился на свет в этой географической точке, и совершенно забывали при этом, что младенец был рожден на американской военной базе, то есть с юридической точки зрения на территории США.

За несколько часов до трансляции папа римский Павел VI в еженедельном обращении к верующим в Ватикане тоже не упустил из виду полет «Аполлона-8», сказав: «Мы сопровождаем своими молитвами смелых астронавтов, летящих в космосе на головокружительной скорости, и желаем им счастливого пути в рискованном межпланетном путешествии».

В США передача прошла по трем основным телесетям, и они намеревались показывать у себя каждую минуту остальных пяти трансляций из космоса, организованных НАСА. Да и с чего бы им отказываться? Слабый сигнал, передающий изображение трех обычных людей с

обычными именами Фрэнк, Джим и Билл, совершающих необычный полет, — это совсем не то же, что полноцветное, показываемое крупным планом кровопролитие, целый год не сходящее с телевизионных экранов. Космические трансляции были благом, и вызванный ими душевный подъем казался частью неприметного веяния, набирающего силу и влекущего за собой другие счастливые сюжеты.

Разумеется, всего лишь совпадением было то, что как раз в день этой космической трансляции 82 выживших моряка с корабля «Пуэбло», которых с января держали в плену в Северной Корее, наконец были освобождены.

— Чудесно! — воскликнул в космическом корабле Фрэнк Борман, которому Джерри Карр сообщил счастливую новость.

И разумеется, всего лишь совпадением было то, что в то же самое воскресенье Джули Никсон, хорошенькая 20-летняя дочь будущего президента, вышла замуж за Дэвида Эйзенхауэра, 20-летнего внука бывшего президента Дуайта Эйзенхауэра. Событие отдавало королевской пышностью, и пусть королевские реалии были чужды сознанию американских граждан, в этот несчастливый год некоторый аристократизм был уместной переменной настроения.

Смягчение обстановки затронуло, по-видимому, и самого Никсона, недавно выигравшего президентские выборы и не отличавшегося ни теплотой, ни сентиментальностью. «Мне принадлежит честь произнести второй тост нынешнего вечера, — сказал он, когда наступил его черед говорить на свадебном приеме. — Это послужит подготовкой к многочисленным тостам, которые мне придется произносить в будущем. Однако ни один не даст мне такого удовольствия, как этот. Сегодня, помимо прочего, очень важный и счастливый день. Сегодня я видел астронавтов “Аполлона” на полпути к Луне и освобожденный экипаж “Пуэбло”».

В день, несущий Никсону возможность показаться перед публикой в более мягком свете, хорошие вести были ему на руку, он выглядел великодушным, и его слова звучали искренне. В свете всех благоприятных событий народ наконец-то получил некоторую передышку. Однако будет ли везение и дальше сопутствовать троице астронавтам в крошечном корабле, летящем сквозь бездну? Об этом можно было узнать лишь через несколько дней.

* * *

На взгляд сотрудников НАСА по связям с общественностью, шары и моча упоминались в переговорах между «Аполлоном-8» и ЦУП слишком уж часто. Имиджмейкеры агентства и телевизионные эксперты и прежде опасались такого развития ситуации и даже обсуждали проблему между собой. Все соглашались, что нужно что-то делать, однако никто не понимал, что именно, поэтому шары и моча мелькали в переговорах по-прежнему.

Шары, по крайней мере в нынешнем полете, упоминались реже, чем в прошлых, — и, когда имеешь дело с военными летчиками вроде астронавтов, такое уже можно считать победой. Переговоры между экипажем и центром всегда были делом непростым, потому-то буквы А, С и Т в позывных и командах наведения превращались для ясности в «альфа», «чарли» и «танго». Превращать W в «виски» не было такой уж нужды, поскольку дабл-ю не походило звучанием ни на что другое и букву не с чем было перепутать, однако «виски» звучало весело и по-мужски, поэтому название оставили.

Тот же принцип сработал и по отношению к шарам. Числительные не имели созвучий с другими словами и воспринимались на слух без проблем, так что один, два и три так и остались под своими именами. Зато ноль, у которого было еще меньше поводов быть перепутанным с чем-то еще, оказался неодолимым соблазном, и летчики называли нули «шарами»[44].

Уолли Ширра увлекался этим больше других и не знал удержу. Все 11 дней полета «Аполлона-7» Уолли с особым удовольствием ронял реплики вроде «в первую очередь отчитаемся по шарам», «угол между звездами составлял четыре шара», «два шара двадцать два, плюс четыре шара шесть, плюс четыре шара один».

Капком неизбежно поддавался соблазну — не мог же он сказать «ноль», когда Уолли оперировал шарами, так что голос с Земли отвечал командиру экипажа: «О'кей, все шары минус двадцать шесть восемьдесят семь».

Наконец какая-то журналистка на пресс-конференции НАСА во время полета «Аполлона-7» подняла руку и произнесла: «Я не поняла насчет шаров». Мужчины-репортеры дружно хохотали до слез.

Применительно к «Аполлону-8» поговаривали, что «шары» перейдут обратно в джентльменский «ноль». Инициатива шла явно не от отдела по связям с общественностью — там никто бы не осмелился, — и подозревали, что указание отдал сам Борман, человек совсем другого сорта, нежели Уолли Ширра. В конце концов, во время трансляций у телеэкранов будут дети, и к тому же каждый раз, когда кто-то, имеющий хотя бы отдаленное отношение к полету начинает хихикать, он отвлекается от дела. И все же привычка оставалась привычкой, а летчики — летчиками, поэтому на протяжении полета шары все-таки иногда проскакивали в речи.

Разговоры о моче были проблемой более сложной. Здесь дело касалось не только языка, да и не упоминать ее было невозможно. Ньютоновских законов движения — в частности, о движущихся объектах, имеющих тенденцию оставаться в движении, и о том, что у каждого действия есть равное противодействие, — могло быть достаточно для того, чтобы запустить корабль по направлению к Луне и затем поддерживать его в движении даже после того, как отработает третья ступень. А для сохранения нужного курса требовалось больше усилий.

Гигантский главный двигатель — SPS, «служебная двигательная система» — давал мощную тягу в 9300 кг, а каждый из 16 небольших двигателей реактивного управления — по 45 кг. Однако физика не делает различий между нужной вам силой и ненужной, поэтому даже мелкая морось мочи или другой сточной жидкости, выбрасываемой с борта космического корабля, могла дать небольшой импульс.

Пока корабли летали кругами по земной орбите, эта проблема мало кого заботила, но во время прямого, как стрела, полета к Луне даже самый незначительный толчок, сбивающий с курса в начале траектории, мог привести к огромной погрешности в конце. Даже сейчас, через неполные 48 часов после начала полета, специалисты по наведению заметили у «Аполлона» легкий уход. В итоге они регулярно обсуждали с астронавтами время и способ сбрасывания мочи.

Крис Крафт в некотором смысле был даже рад, что дело приняло такой оборот. Потенциальные коррекции курса на этапе перелета были встроенным элементом полетного плана, и по мере необходимости короткие включения SPS и длительные включения двигателей реактивного управления должны были обеспечивать нужный курс, так что экипаж, пролетевший 375 000 км, попадет в нужную точку, позволяющую кораблю выйти на лунную орбиту всего в 122 км над поверхностью Луны. Предпочтение обычно отдавалось маневровым двигателям — включать их было проще, чем главный двигатель, а любое отклонение траектории, которое можно поправить этими двигателями, по умолчанию считалось относительно мелкой проблемой.

Однако Крафт предпочитал — а на самом деле очень желал, — чтобы был задействован главный двигатель, и отклонение траектории давало для этого прекрасную возможность. По мнению Крафта, было бы крайним безрассудством допустить, чтобы корабль долетел до Луны, ни разу не испробовав в деле главный двигатель, который потом понадобится для выхода на окололунную орбиту и последующего ухода с нее. Если с двигателем не все в порядке, то лучше узнать об этом заранее и иметь в запасе день-другой для исправления ситуации, нежели вынудить астронавтов узнать о неполадке только в момент включения SPS над обратной стороной Луны, когда с Хьюстоном не будет связи. Послушав переговоры о траектории со своего места в задней части пускового зала, Крафт направился к тому, что здесь называли «траншея», — к переднему ряду пультов, где сидели специалисты по баллистике и наведению, — с намерением объявить о своих мыслях.

— Нам нужно, чтобы SPS работал, и я очень хочу посмотреть на его включение еще до того, как мы уйдем за Луну, — заявил он.

Некоторые из специалистов покачали головами. Крафт видел схему полета и считывал телеметрические данные не хуже их; корабль отклонился от курса очень незначительно, вполне в пределах действия маневровых двигателей, огромная пушка в задней части корабля для этого не требовалась. Неудачное включение главного двигателя только осложнит дело.

— Если его включить при нештатной ориентации корабля, мы можем заметно уйти с траектории, — набравшись смелости, заявил один из операторов.

— Мне все равно, — ответил Крафт. — Запускайте эту штуку, а на траекторию я вам его верну собственноручно. Мне нужно, чтобы двигатель запустили до того, как мы долетим до места.

После этого Крафт повернулся и отошел от «траншеи», так что инженерам оставалось лишь одно — делать то, что сказал Крафт. Как и было приказано, они проверили данные для маневра и выяснили, что вмешательство будет до абсурдного мелким. Необходимая коррекция курса требовала от SPS импульса, длящегося всего две секунды с небольшим, — маневровые двигатели легко с таким справились бы.

Тем не менее Хьюстон сообщил о маневре на корабль, и астронавты приготовились к выполнению. Андерс со своего правого кресла зачитывал по полетному плану действия по включению главного двигателя, Ловелл в отсеке оборудования вводил их в компьютер — из многомесячных наземных тренировок он знал последовательность команд и предвидел их раньше, чем Андерс произносил, но сейчас Ловелл строго повиновался процедуре «команда — ответ», в соответствии с которой происходил любой запуск двигателя. Борман на левом кресле вел обратный отсчет. Затем двигатель запустился, корабль толкнуло вперед, а через 2,4 секунды маневр завершился[45].

— Как большая пружина, — заметил Борман, удивленный внезапным креном, но лишь пожал плечами.

Реакция Крафта была совершенно иной. В ту секунду, когда двигатель запустили, Крафт увидел отклонение в данных. Именно такой проблемы он боялся, а потому и желал пробного запуска главного двигателя. В телеметрических данных о линиях подачи топлива он увидел скачок расхода самовоспламеняющихся компонентов по пути к камере сгорания. Аномалия не выглядела особо большой, если только не знать точно, как должны выглядеть данные, а Крафт это знал.

Он вызвал Джорджа Джеффса — директора программы «Аполлон» в компании North American Aviation, который во время полета находился в ЦУП, и вдвоем они подошли к «траншее». Специалисты за пультами тоже видели отклонение. Проблема была настолько тонкой, что они также могли бы ее не заметить, однако вся работа этих людей заключалась в том, чтобы все замечать и ничего не пропускать.

Крафт, Джеффс и инженеры за пультами обсудили возможные причины и следствия этого тревожного сигнала, включая вероятность того, что все окажется «инструментальной проблемой» — ошибочным считыванием данных, а не реальной неполадкой корабля. Однако это было маловероятно, и вскоре Джеффс уже выявил подлинную проблему. Отказ от сложных насосов, которые обычно закачивали топливо в камеру сгорания, и замена их более простой вытеснительной подачей под давлением сжатого гелия была одним из многих новшеств, делавших SPS таким надежным. Однако Джеффс вспомнил, что во время наземных испытаний системы не весь гелий нужным образом удалялся из топливопроводов, из-за этого при запуске двигателя топливо начинало бурлить, и это бурление отражалось в телеметрических данных.

Теперь гелия уже не было, его выдуло вместе с продуктами сгорания во время запуска двигателя, поэтому пути подачи топлива должны были остаться совершенно чистыми. Крафт удовлетворенно кивнул, бросил строгий взгляд на операторов «траншеи» и вернулся за свой пульт наблюдателя. Следить за всем, что происходило в зале, — именно этим он будет заниматься и дальше, пока трое астронавтов не вернутся благополучно домой.

* * *

Никто не надеялся, что командный модуль «Аполлона-8» будет располагать к приятному времяпрепровождению во время полета, когда трое взрослых мужчин окажутся заперты в нем шесть полных дней. И все же никто не ожидал, что в нем станет так грязно и это произойдет так быстро. Морская болезнь Бормана неприятно осложнила атмосферу с самого начала, но дальше было только хуже.

Выбросы мочи нужно было делать по необходимости, однако беспокойство о траектории изменило само понятие необходимости. Жидкость больше не сбрасывали наружу сразу же, как только она выходила из тела астронавта, вместо этого ее хранили в запечатанных пластиковых пакетах. Впрочем, запечатывались пакеты не настолько хорошо, чтобы полностью исключить хотя бы просачивание запаха, если не протекание мочи. А в ситуации, когда наполненные пакеты хранились здесь же, риск их задеть и порвать существенно увеличивался.

Еще одной проблемой была духота. Температура внешней оболочки корабля в разных местах варьировала от -130°C до $+90^{\circ}\text{C}$ в зависимости от того, под раскаленным Солнцем или в обжигающей холодом тени находится данный участок корпуса. Для сохранения относительно равномерной температуры корабль в течение всего полета находился в режиме так называемого пассивного температурного контроля — проще говоря, после включения пары маневровых двигателей корабль начинал медленно вращаться, как курица на гриле, со скоростью один оборот в минуту, и вращение продолжалось до тех пор, пока не останавливалось обратным импульсом.

Однако такая система температурного контроля не работала для внутренней части корабля, и все время полета температура в кабине держалась на уровне от $+26^{\circ}\text{C}$ до -27°C , в основном за счет Солнца, периодически бьющего в иллюминаторы. Нагревательные системы в корабле наличествовали, как и вентилятор для перемешивания внутренней атмосферы, но для ее охлаждения не было ничего.

Вдобавок к жаре имелись проблемы с личными вещами астронавтов. Обувь, которую им дали в полет, начала обтрепываться почти сразу же, как ее надели, так что Борман и остальные опасались, как бы болтающаяся нитка не застряла в чем-нибудь или не зацепила какой-нибудь тумблер. Поэтому экипаж предпочел обходиться без обуви и летать в одних носках. Кроме того, существовала проблема наушников. В прочных скафандрах, в которые астронавты упакованы при старте, на голову надевался плотный бело-черный подшлемник, в который встроена гарнитура — наушники и микрофон. Подшлемник служил средством против возможной опасности: простая гарнитура, особенно в момент старта, может слететь, но астронавту нельзя открывать гермошлем, чтобы поправить ее. Подшлемники эту проблему снимали. Их немедленно с любовью окрестили «шляпами Снупи» в честь популярного пса из серии комиксов Peanuts.

Основную же часть полета экипаж должен был использовать гарнитуры, аналогичные гарнитурам операторов, по крайней мере так предполагалось, однако пользоваться ими оказалось невозможно: они то и дело сбоили, звук то пропадал, то появлялся, треск в наушниках мешал распознавать слова, даже когда они прорывались сквозь плохую связь. Через недолгое время астронавты отказались от этих гарнитур и вновь достали «шляпы Снупи» из отсека для оборудования — их они и носили в течение всего полета, даже во время телевизионных трансляций. Красоты и достоинства им это не прибавляло, зато хорошо работало.

Полноценный отдых тоже был проблемой для астронавтов — впрочем, Борман и Ловелл, к счастью, обнаружили, что засыпают довольно легко, по крайней мере гораздо легче, чем в «Джемине», где не было места вытянуться и где один из астронавтов всегда должен был оставаться начеку и не спать, потому что требовалось постоянно мониторить системы и вести переговоры с наземной службой. В «Аполлоне» многие операции были автоматизированы, поэтому Хьюстон позволил астронавтам уходить на покой одновременно,

если они того хотели, а в нижнем отсеке оборудования имелись спальные мешки, которые можно было натянуть, как гамаки.

Однако Борману идея одновременного сна не нравилась, она казалась ему халатностью — все равно что спать за рулем несущейся машины, даже если рядом нет ничего, во что можно врезаться, и не надо следить за педалями газа и тормоза. Поэтому на вторую ночь полета командир заставил себя бодрствовать, пока Ловелл и Андерс спали. Примерно на сороковом часу полета (в Хьюстоне было 23 часа) Джерри Карр, сидящий за пультом капкома, попытался составить Борману компанию.

Карр рассказал о вызволении экипажа «Пуэбло», добавил подробностей о тех 30 минутах, за которые команда пересекла мост с говорящим названием «мост Невозвращения», который вел из Северной Кореи в Южную: один человек каждые 20 секунд или около того.

— Начали переходить примерно за полчаса до полудня, к полудню перешли, — доложил Карр, стараясь говорить потише, чтобы не разбудить Ловелла и Андерса. — Кстати о шарах, ты слышал про Балтимор и Миннесоту?

— Результат — нет, — ответил Борман таким же тихим голосом.

— Финальный счет был 24 у «Жеребят», 14 у «Викингов». Это дает им победу в Западной конференции, так что похоже, что 29-го за кубок Национальной футбольной лиги будет играть Кливленд против Балтимора.

Борман знал, что, если Балтимор победит в этой игре, он выйдет в третью ежегодную игру Суперкубка против чемпионов Американской футбольной лиги — возможно, против намного менее опытных «Нью-Йорк Джетс».

— Остается только погода, — сказал Карр. — Холодно, хорошая видимость, снова похоже на зиму.

— Хорошее время для Рождества, — лениво отметил Борман. — Хорошая погода для Рождества.

— Фрэнк, мы сегодня выпили немного яичного коктейля у Чарли Дьюка, — поделился Карр. Дьюк был молодым астронавтом, еще ни разу не летавшим, однако его считали подходящим кандидатом для высадки на Луне ближе к концу лунной программы. — Заходила и Вал Андерс. Отлично выглядит. Передай Биллу, у нее там все хорошо.

— Хорошо, — эхом откликнулся Борман.

Повисла короткая пауза. Борман вспомнил о том, что в Хьюстоне уже поздний час, и спросил:

— Джерри, как тебе посменная работа?

— Отлично, Фрэнк.

Борман помолчал, глядя в иллюминатор. Родная планета, гораздо более далекая, чем во время первой трансляции, висела прямо перед глазами.

— Джерри, ты не представляешь, Земля выглядит такой маленькой.

— Понял, — откликнулся Карр. — Еще и меньше будет становиться, наверное.

Борман улыбнулся.

— Да, — тихо сказал он. — Мы с ней отлично ладим.

* * *

Милт Уиндлер не очень-то стремился рассказывать о том, что он делает фланелевые флаги для всех работающих в ЦУП. Не то чтобы он делал их собственноручно — в конце концов, он был руководителем полета и шитье флагов не числилось среди его умений. Флаги шила его матушка. В рождественскую неделю она гостила в Хьюстоне, к шитью была привычна и мечтала хоть как-то приложить руку к историческому полету, в котором ее сын играл такую заметную роль. Флаги планировалось делать красно-синими, с крупной белой цифрой «1» в центре. Милт настоял, чтобы флаги достались каждому из сотрудников ЦУП, а для этого их требовалось много, так что жены других операторов тоже согласились поучаствовать.

Впрочем, вопрос о том, для какой минуты предназначены флаги — то есть когда именно предполагается ими размахивать, — пока оставался нерешенным. В ЦУП по давней

традиции в конце полета всем полагалось по сигаре; их выдавали в начале той смены, во время которой совершалось приводнение, однако зажигать их полагалось не сразу: время для этого регулировалось строгими правилами.

Закуривать сигару в момент, когда корабль коснется воды, было преждевременно: спасение тоже могло оказаться неудачным — так случилось, например, когда капсулу «Меркурия» Гаса Гриссома залило водой и она пошла ко дну, а болтающийся в Атлантическом океане Гриссом чуть было за ней не последовал. Даже когда астронавтов уже везут вертолетом на судно, радоваться рано: вертолеты тоже иногда падают. А вот когда экипаж, выбравшись из вертолета, твердо станет ногами на палубу — тогда Хьюстону можно праздновать. Если не верить тому, что корабль ВМС благополучно доставит астронавтов домой, то чему вообще можно верить? Так что именно в этот момент в ЦУП зажигались спички и раскуривались сигары.

Уиндлер считал, что флагам не обязательно так долго ждать. Для него критической точкой полета, которую невозможно было не отметить, был тот миг, когда астронавты совершат запланированные десять витков вокруг Луны, запустят двигатель SPS для отлета к Земле (маневр TEI[46]) и поспешат домой. В эту минуту русские будут, в сущности, побеждены, а Уиндлера — как и многих в НАСА — очень грела мысль победить русских.

Когда Уиндлеру впервые пришла мысль насчет флагов, он думал закупить нужное количество простеньких копий звездно-полосатого полотнища, уместающихся в ладони, — такие во множестве продавались в любом магазине дешевых мелочей. Однако после некоторого размышления они стали казаться ему слишком уж стандартными, и вот тогда-то он решил, что флаги должны быть сшиты вручную. Верхушка советского правительства наверняка увидит фотографии, сделанные в Центре управления полетом (НАСА распространит их как можно шире), и ярко-белая цифра «1» на флагах будет четко видна — особенно руководителям страны, которую так явно низведут до номера 2.

И поэтому в тот самый вечер, когда Джерри Карр в поздний час разговаривал с Фрэнком Борманом, Уиндлер, который был свободен от дежурства и вполне мог поспать, сидел дома, помогая жене и матери кроить фланель и вдевать нитку в иголку. Дурацкий способ проводить вечер, если днем ты командовал целым залом специалистов, обеспечивающих полет корабля к Луне, но Уиндлер считал такое занятие достойным.

* * *

На восьмом часу третьего полетного дня «Аполлону-8» предстояло пересечь границу. Экипаж не мог ее заметить или почувствовать — корабль будет все так же бесшумно лететь в космосе, до Луны останется еще полдня, — однако граница все-таки существовала. Ровно через 55 часов, 39 минут и 55 секунд после начала полета астронавты перестанут принадлежать Земле и перейдут во власть Луны.

Час за часом корабль проигрывал битву с притяжением Земли. Рекордная скорость 38 950 км/ч, с которой астронавты изначально устремились к Луне, поражала воображение, однако «спидометр» почти сразу же начал сбрасывать скорость. К отметке 323 000 км на пути от Земли, или к 14:30 по восточноамериканскому времени, в понедельник 23 декабря, примерно к назначенной минуте следующего репортажа с борта корабля, «Аполлон-8» полз со скоростью всего-навсего 995 м/с, то есть на уровне 11% от изначальной скорости.

Однако затем, через час или около того, при прохождении отметки в 326 500 км, соотношение сил между планетой и ее спутником должно было смениться. В этот момент усиливающееся притяжение Луны наконец преодолет более мощную, но слабеющую тягу земной гравитации, то есть восхождение в гору сменится нырянием с горы и скорость корабля вновь начнет расти. После этого по законам физики «Аполлон-8» неминуемо должен был как минимум обогнуть обратную сторону Луны. Возможно, экипаж сумеет выйти на орбиту; возможно, двигатель откажет и лунная гравитация отбросит корабль обратно к Земле; возможно, двигатель проработает дольше, чем нужно, и корабль разобьется о лунную поверхность. Однако в любом случае Борману и его экипажу предстояло стать первыми в истории представителями человечества, которые увидят обратную сторону Луны.

К утру третьего дня полета увеличивающаяся удаленность от Земли давала о себе знать разными способами. Например, изменилась роль Солнца: поскольку положение корабля относительно центра Солнечной системы постоянно смещалось, то через иллюминаторы «Аполлона-8» проникало все больше солнечного света. Поток лучей мешал работе навигационной оптики, которой заведовал Ловелл.

Штатный процесс прокладки курса предполагал приблизительное наблюдение звезд небольшим навигационным телескопом, а затем точную триангуляцию по ним с помощью секстанта. Однако самая яркая звезда — Солнце — мешала телескопу, и Ловеллу оставалось работать лишь с секстантом. Дело не невозможное, но утомительное, почти как мерить километры метровой линейкой.

Борман сообщил о проблеме Коллинзу, который к тому времени вернулся за пульт капкома, и Коллинз спросил точный угол секстанта в данный момент. Ловелл, слышавший разговор от своей навигационной панели, доложил Борману:

— Под звездой № 33.

— Под звездой № 33, — повторил Борман Коллинзу.

— Вас понял, — ответил тот[47].

Хотя Коллинз не подал виду, ответ Бормана его насторожил. Звезда № 33 — это Антарес, отличный объект для точных наблюдений. Если с наблюдениями возникли сложности, значит, экипажу будет все труднее ориентироваться перед выходом на окололунную орбиту. Это была одна из деталей, о которых придется позаботиться планировщикам полета ради следующих экипажей, которым предстоит совершать посадку на Луне.

Коллинз, просматривая собственные навигационные данные, попытался представить, как растущее количество солнечного света будет влиять на визуальные наблюдения Ловелла. В процессе он заметил любопытный фрагмент — предсказуемый, но забавный.

— Интересный факт, — объявил он. — Твой голос доходит до нас за одну и шесть десятых секунды[48].

Время на прохождение радиосигнала до Земли все больше давало о себе знать.

— Я слегка охрип, в этом и причина, — в шутку ответил Борман.

У Коллинза был еще один вопрос, который нужно было обсудить с экипажем, прежде чем вернуть астронавтов к обычным обязанностям по обслуживанию корабля и подготовке к телерепортажу. Ему не очень-то хотелось затрагивать эту тему, но приказа Клиффа Чарлзуорта, сидевшего сейчас за пультом руководителя полета, он послушаться не мог.

— Когда найдете время, дайте нам подробный отчет о текущем состоянии экипажа, — сказал он.

— О чем именно? — спросил Борман не очень-то обнадеживающим тоном.

— Ну, например, появлялись ли за последние 24 часа у других членов экипажа симптомы, как у Фрэнка.

Упоминание Бормана в третьем лице было специальным ходом: так Коллинз давал понять, что спрашивает о здоровье всего экипажа, а не только командира с его прежним недомоганием — ведь Борману не понравится, если его будут считать менее пригодным к работе, чем Андерса и Ловелла. Летный врач поручил Коллинзу напомнить астронавтам, что у них на борту есть лекарства — марезин от тошноты и секонал для улучшения сна — и что их нужно принимать в случае необходимости.

— Нам еще... нужно знать... — продолжил с запинкой Коллинз, — ну, мы вам говорили принимать марезин при желании. Нам надо знать, принимал ли экипаж какие-нибудь лекарства.

— О'кей, никто больше никаких лекарств не пил, — отчеканил Борман еще жестче. — Марезин никто не принимал, никого не тошнит. Все утром позавтракали с большим удовольствием. Что вам еще нужно?

Легче не становилось.

— Мы хотели вам сказать, что надо пить больше воды, — продолжал Коллинз. — Нам кажется, у вас может быть снижено потребление воды.

— У нас все нормально, — ответил Борман в надежде свернуть обсуждение. Тут к нему подплыл Андерс и пробормотал нечто, что на Земле не расслышали. Борман закатил глаза.

— Даю поправку, — заявил он Хьюстону. — Уильям принял таблетку марезина. Он мне об этом не говорил, взял тайком.

— Это Билл Андерс, — на всякий случай уточнил Коллинз, который и без того понимал, о каком астронавте речь, но предпочитал произнести имя вслух, поскольку не знал, транслируют ли телеканалы этот разговор на весь мир. Впрочем, слушал мир или нет, медицинское интервью все равно было на этом окончено.

* * *

Спустя несколько часов настало время второй трансляции с «Аполлона-8». Понедельник в 14:53 — для телевидения обычно мертвое время, однако сейчас, 23 декабря, школы уже не работали и многие фирмы начали закрываться на рождественские каникулы.

Первая трансляция пришлась на более удачное время — после обеда в воскресенье, однако она не только совпала с матчем NFL, но и столкнулась с жесткой конкуренцией в хьюстонском пригороде Эль-Лаго, где жили семьи многих астронавтов. Ежегодно во время рождественской недели здесь проезжала пожарная машина с Санта-Клаусом в кузове. Когда ей составляли расписание, никому не могло прийти в голову, что проезд машины придется именно на то время, когда три местных жителя будут вести репортаж из космического корабля на полпути между Землей и Луной.

— Одна маленькая домашняя деталь, — сказал Карр Борману в ночь перед вторым репортажем. — В районе Эль-Лаго вас отеснил Санта-Клаус, почти все дети были на улице.

Сегодня и дети, и родители сидели перед экранами, и с самого начала трансляции стало ясно, что передача будет лучше прежней. Продолжительность полета росла, а с ней росло и качество изображения, отправляемого экипажем на Землю. Планета в иллюминаторе была по-прежнему черно-белой и зернистой, но нужный поляризационный фильтр значительно увеличивал резкость, так же как и помогало удерживание камеры в неподвижном состоянии. Изображение Земли на этот раз почти удалось сфокусировать.

Перед трансляцией Борман запустил маневровые двигатели и остановил вращение корабля — чтобы Андерс, которому вновь предстояло управляться с камерой, мог нацелить ее строго на Землю. Затем Борман взглянул в иллюминатор. Увиденное его поразило.

— Мы сейчас смотрим на Землю, там эффектная лента облаков, длинная и тонкая, — сказал он. — Очень эффектная, опоясывает всю Землю, ну или почти половину.

— Понял. Повтори то же, когда будешь вести трансляцию, — отозвался Коллинз. — И если можно, дай самое детальное описание, на какое только способны поэты вроде вас.

Публика, правда, сегодня не ожидала поэзии. Однако если зрители усиленно всматривались и правильно прищуривались, то могли разглядеть на улучшенном изображении облака и очертания материков, описываемых астронавтами.

При начале передачи роль комментатора взял на себя Ловелл.

— То, что вы видите, — произнес он, — это Западное полушарие, наверху Северный полюс.

Он сделал паузу, чтобы зритель усвоил эту информацию, и продолжил:

— Чуть ниже в центре — Южная Америка, до самой нижней оконечности, где мыс Горн.

Вновь пауза.

— Я могу видеть Нижнюю Калифорнию и юго-западную часть США.

Способны ли были зрители увидеть описываемое Ловеллом, было безразлично. Важна была сама возможность попытки — возможность взглянуть на планету с расстояния в 325 000 км и, подобно астронавтам, различить то, что доступно глазу.

В точности следуя рекомендациям Хьюстона, Ловелл дальше заговорил о цвете: описал, где коричневый цвет пустыни сменяется синевой океана и белизной облаков. Затем, сам

немало воодушевленный такой картиной, он перешел к поэтичности, которой требовала ситуация.

— Я постоянно пытаюсь вообразить: будь я путешественником с другой планеты, что подумал бы, увидев Землю с такой высоты? Принял бы ее за обитаемую планету или нет?

— То есть ты хочешь сказать, что снизу никто не машет приветственно? — пошутил Коллинз, который сам же и просил лирики, а теперь подтрунивал.

Однако Ловелл попытался удержать восторженный тон.

— Мне просто было любопытно, где я решил бы совершить посадку — на синей части Земли или на коричневой, — задумчиво продолжил он.

— Ты все-таки надейся, что мы приземлимся на синюю, — заметил Андерс.

— Мы тоже на это надеемся, — ответил Коллинз.

Ловелл улыбнулся и перешел к прежнему бесхитроственному рассказу без всяких размышлений вслух. Про себя он, впрочем, решил, что в тот момент был счастлив как никогда. И мысль о том, чтобы после нынешнего полета вновь сюда вернуться — только уже с лунным модулем и с возможностью посадки на спутнике Земли, который завтра предстояло облететь по орбите, — тоже казалась привлекательной как никогда.

Трансляция длилась около 27 минут и завершилась неожиданно: телесигнал внезапно пропал незадолго до планового времени завершения передачи. Однако еще предстояли следующие видеорепортажи из космоса, причем два из них — в течение тех 20 часов, которые экипаж проведет на лунной орбите. А пока астронавты упаковали камеру, восстановили вращение корабля и перешли к обычной работе, уже не на глазах сотен миллионов людей.

Вскоре Коллинз вновь вышел на связь[49].

— Кстати, — сказал он. — Добро пожаловать в лунную сферу.

— Лунную аферу? — переспросил Борман, не расслышавший слов из-за помех связи.

— В сферу Луны, — поправил его Коллинз. — Вы уже в пределах влияния Луны.

Земная гравитация, в которой до сих пор жило человечество, бесшумно и незаметно передала «Аполлон-8» в сферу притяжения Луны. Начался долгий спуск к Луне.

Глава 13

24 декабря 1968 г.

Окажись футбольная команда «Хьюстон Ойлерз» получше — у Сьюзен Борман было бы меньше забот в те дни, пока ее муж готовился обогнуть обратную сторону Луны. Но поскольку «Ойлерз» ничем особенным не блистали, сыновьям Сьюзен на рождественской неделе заняться было нечем.

Фред и Эд Борманы работали на «Ойлерз» в свободное время — частью из-за своего знаменитого отца, частью из-за унаследованного от него строгого чувства профессиональной дисциплины, очевидного любому, кто их знал. Борманы-младшие, 17 и 15 лет от роду, вначале работали для футбольной команды подавальщиками мячей, но очень скоро их сделали соадминистраторами по снаряжению — примерно этим же занимался их отец в футбольной команде Вест-Пойнта.

Во время сезона 1968 г. «Ойлерз» выиграли семь матчей и еще семь проиграли, отчего оказались на четыре матча позади команды «Нью-Йорк Джетс», занявшей первое место. Сыграй «Ойлерз» лучше, 22 декабря (в день старта «Аполлона-8») им предстояла бы игра на выбывание, и тогда младшие Борманы не путались бы дома под ногами, а главное — им было бы чем отвлечься от отцовского полета к Луне и от мыслей о том, удастся ли ему благополучно вернуться. Однако, поскольку в том году «Ойлерз» не вышли в плей-офф, Фред с Эдом всю неделю были дома — а это означало лишнее беспокойство для Сьюзен, у которой гостиная наполнилась визитерами, а муж на немыслимой скорости все больше удалялся от Земли. Поэтому лучшее, что она могла изобрести ради сыновей, — сделать рождественскую неделю для них как можно более обыденной.

Поскольку в обычные школьные дни Сьюзен вставала пораньше и готовила мальчикам свиные отбивные с яичницей, то и в рождественские каникулы аппетитный запах временами будил нескольких астронавтов с женами, накануне уснувших в гостиной за просмотром ночных теленовостей о полете к Луне. Для гостей запах отбивных был сигналом того, что пора домой — там они примут душ и приготовят собственный завтрак, а позже вновь вернуться в дом Борманов.

Фреду и Эду завтрак давал короткую возможность побыть одним и украдкой оценить состояние матери — как она? Судя по всему, приходилось ей несладко. Сьюзен, как и всегда, радушно принимала гостей и бодро улыбалась репортерам: если ее не знать, то по фотографии в газете ничего не заподозришь. Однако Фред и Эд лучше других знали выражение ее лица, и сейчас по всем признакам — от твердо сжатых губ до испуганных глаз — они понимали, что матерью владеет тщательно сдерживаемый страх.

Фред, как старший сын, решил следить за тем, чтобы они с Эдом вели себя прилично. Он называл это «давай не будем идиотами». Однако в ситуации, когда каждая секунда каждого дня полнилась разговорами о Луне, куда большей проблемой была скука. Братья выросли в атмосфере полетов и космических исследований, другой жизни они не знали, и мало что могло вызвать их восторженный интерес. Старт «Аполлона-8» они смотрели вместе со взрослыми, а когда пришло время отлета с околоземной орбиты в сторону Луны — вышли из комнаты. Отцовский голос доносился к ним из репродуктора и из телевизора, во время обеих прямых трансляций они заходили в гостиную, смотрели на телеэкран, где показывали отца — он отрастил бороду, но при светлых волосах она была не так заметна, как темная поросль Джима Ловелла и Билла Андерса, — и уходили прочь.

При любой возможности они выбирались из дома и шли в гости к друзьям, где не теснились толпы и не кишели репортеры, а иногда там даже не было телевизора. «Мы уходим», — перед отбытием кричал Фред матери, держась подальше от гостиной, где им нужно было бы попрощаться с десятком людей, с которыми не пришлось здороваться утром.

— Не через главную дверь! — несся в ответ крик Сьюзен: ненужное напоминание о том, что двор перед домом заполнен репортерами и фотографами.

Задний двор был безопаснее, его окружал высокий забор с калиткой на крепком замке — это значило, что у мальчиков, в отличие от Валери Андерс, не было причин опасаться притаившегося в засаде фотографа. При подозрении, что за калиткой кто-то есть, они даже не пытались ее открыть, а перемахивали через забор подальше от глаз и окольными путями пробирались к нужному дому.

В доме у друзей кто-то из взрослых неминуемо осведомлялся о полете. Ответ на это обычно был коротким:

— Мы не очень-то о нем думаем.

Если же кто-то принимался говорить об опасности, которой подвергается их отец, — а таких людей находилось много, — Эд неизменно напоминал им, о ком идет речь.

— Отец — военный летчик, — говорил он. — Подполковник. Идет холодная война.

Эд Борман, пока всего лишь школьник, в этих случаях очень походил на отца, и слышавшим его взрослым оставалось лишь покачать головой в ответ.

Отец, ушедший на войну, такое бы одобрил.

* * *

Тех, кто надеялся отметить момент выхода «Аполлона-8» на окололунную орбиту, почти неминуемо ждало бы разочарование. Корабль должен был пройти позади Луны в 03:50 по хьюстонскому времени, то есть на первые послеполуночные часы сочельника. В это время должна была прерваться связь между кораблем и ЦУП, постоянно поддерживаемая с той минуты, когда астронавты забрались в корабль три дня назад. Экраны в Хьюстоне выглядели бы так, будто «Аполлон-8» вместе с экипажем попросту исчез в космосе. Поток данных сводился к нулям — к сплошным шарам, и в наушниках будет слышен лишь шум.

Молчание в эфире должно было продлиться около 35 минут. Через 10 минут после потери связи астронавтам предстояло запустить двигатель SPS для выхода на окололунную

орбиту — это называлось LOI[50]. Они произведут включение — и корабль либо станет, либо не станет спутником Луны. Пока астронавты не войдут обратно в бурю радиоволн, посылаемых с их родной планеты, никто на этой планете не будет знать, живы они или нет.

Включение двигателя с тем или иным исходом требовало высокой точности исполнения. К моменту потери сигнала скорость корабля относительно Луны, составлявшая примерно 1200 м/с на границе сферы действия, из-за притяжения Луны должна была увеличиться почти до 2400 м/с. Кораблю надлежало лететь двигателем вперед, чтобы при включении, довольно долгом — на четыре минуты и две секунды, — двигатель, работающий на торможение, сократил скорость до неполных 1700 м/с. Этого было достаточно, чтобы лунная гравитация захватила корабль и оставила его на орбите.

Круглые числа НАСА предлагало прессе, сами же астронавты и операторы предпочитали работать с более точными числами, до двух знаков после запятой. Даже минимальное округление могло привести к нежелательным последствиям: такова особенность полета на расстояние 375 000 км с выходом на орбиту, находящуюся на высоте 111 км над поверхностью Луны, — это расстояние казалось еще более опасным, если выразить его как 60 морских миль, в предпочитаемых НАСА единицах измерения. Впрочем, в любых единицах измерения высота составляла всего 0,0296% от расстояния — это было все равно что стоять на одном конце футбольного поля и стрелять в яблоко, находящееся на другом конце поля, причем целиться так, чтобы не попасть в яблоко, а лишь зацепить кожуру по касательной.

Джерри Гриффин, сидевший в «траншее» за пультом наведения и навигации, любил шутить над требуемой точностью чисел: «Астронавты в нас, должно быть, нимало не сомневаются, коли верят, что наши расчеты выведут их на орбиту в 60 милях над поверхностью, а не в 60 милях ниже ее». Однако даже сам шутник понимал, что юмор черный.

Для самих астронавтов заключительный этап приближения к Луне обещал стать упражнением на полет вслепую. Они ни разу не видели Луны с самого первого дня, когда еще летели носом вперед, но даже и тогда в зависимости от навигационных измерений, которые надо было сделать, нос корабля постоянно отклонялся то выше, то ниже лунной плоскости, а это значило, что астронавтам в иллюминаторы были видны только звезды. А с тех пор, когда для второй телепередачи корабль повернули носом к Земле, его положение уже не меняли вплоть до подготовки к включению двигателя и выходу на орбиту.

— Ради интереса сообщаем, — произнес Ловелл 24 декабря в 02:50 по хьюстонскому времени, за час до потери сигнала, — что Луны мы еще не видели.

— Вас понял, — откликнулся Джерри Карр, сидевший за пультом капкома. — Что вы еще видите?

— Ничего, — ответил Андерс, выглядывая в иллюминаторы, по большей части постоянно запотевшие. — Тут все как в подводной лодке.

— Понял, — ответил Карр.

Он и без лишних вопросов знал, что Андерс подразумевает иллюминаторы и что астронавты ими недовольны. Инженеры не предвидели такого сильного запотевания, но за последние два дня, изучив проблему, заключили, что она может решиться сама собой. Когда корабль выйдет на лунную орбиту, отражаемый от лунной поверхности солнечный свет нагреет корпус корабля примерно на 28° — по крайней мере так обещали планировщики полета. Если они правы, то увеличившаяся температура изменит плотность газа между панелями иллюминаторов и заодно растопит иней на стеклах, так что видимость улучшится.

Пока приближалось время исчезновения сигнала и включения двигателя для выхода на орбиту, экипаж корабля и наземные службы занимались текущими делами, проверяли настройки связи, состояние записывающих устройств в кабине, детали траектории и прочее. По большей части то была обычная рутина — средство чем-то себя занять в последние минуты приближения к Луне.

Наконец, через 68 часов и 4 минуты после начала полета капком дал экипажу официальное разрешение на самое рискованное действие за весь полет — маневр, от которого зависел исход всей миссии.

— «Аполлон-8», Хьюстон, — сказал Карр. — На 68:04, разрешаем LOI.

— О'кей, «Аполлон-8» готов, — ответил Борман.

Карр неловко выдерживал паузу. Как обнаружил до него Коллинз, холодный жаргон капкома попросту не вязался с масштабом того, что он только что разрешил экипажу.

— «Аполлон-8», Хьюстон, — наконец добавил он. — Вы летите на лучшей птице, какую мы только могли найти.

— Повторите, — потребовал Борман.

— Вы летите на лучшей птице, какую мы только могли найти. Прием.

— Спасибо, — ответил Борман, а через несколько секунд искренне добавил от себя: — Вас понял, птица отличная.

Словно дождавшись этой фразы, огромная карта на широком экране в ЦУП сменилась: после траектории перелета, которая отображалась там почти три дня, она переключилась на карту Луны. Поверх нее была нанесена траектория, по которой корабль должен лететь, если включение пройдет успешно.

— «Аполлон-8, Хьюстон. У нас лунная карта включилась, мы готовы работать, — сообщил Карр Борману.

— Вас понял, — ответил тот.

После этого почти все разговоры замолкли на 45 минут, когда Карр вновь вызвал корабль на связь.

— «Аполлон-8», Хьюстон. Пять минут до потери сигнала, системы в норме, прием.

— Спасибо, — ответил Борман.

Раздался треск помех, затем Карр вновь вышел в эфир.

— Фрэнк, — сказал он, — кастард в духовке, 175 градусов.

— Не понимаю, — по-испански ответил Борман.

А через миг до него дошло. Это было послание от Сьюзен, которая — если он хоть сколько-нибудь ее знал — будет держать на себе все хозяйство и приветливо принимать гостей, но к моменту потери сигнала и включения двигателя уйдет в кухню или спальню, где можно слушать трансляцию из репродуктора и где никто не услышит ее облегченного вздоха при успешном исходе, не увидит ее отчаяния в случае неудачи. Сьюзен считала, что публично демонстрировать сильные эмоции совершенно незачем.

Но при этом она не упустила случая передать Фрэнку весточку. Заранее встретившись с Карром, когда он не был на дежурстве, она попросила его огласить в эфире зашифрованную декларацию семейной солидарности — заклинание, которое связывало их с Фрэнком с самых первых дней брака: она позволит ему заниматься его рискованными летными делами, а он ей — заниматься хозяйством и детьми.

Сейчас Борман только улыбнулся — легкой улыбкой, не предназначенной для чужих глаз. Неизвестно, заметил ли ее Андерс, но, как бы то ни было, Борман вмешался в процесс и раньше, чем Карр успел бы повторить сказанное и вторгнуться в охватившие Бормана чувства, сказал в микрофон:

— Вас понял.

Вскоре после этого Карр объявил минутную готовность к потере сигнала, а затем сказал в микрофон слова, которые были на уме у всех, кто находился в зале:

— Доброго пути, парни.

— Спасибо, ребята, — ответил Андерс.

— Увидимся по другую сторону, — откликнулся Карр.

Минутой позже, ровно в рассчитанную НАСА секунду, связь прервалась.

Астронавты в корабле переглянулись то ли озадаченно, то ли восхищенно.

— Здорово, да? — спросил Борман и добавил со смехом: — Может, они сами все и отключили?

Андерс усмехнулся и добавил:

— Наверное, Крис сказал: «Что бы ни случилось — отключайте».

Крис Крафт, разумеется, ничего такого не говорил, и экипаж «Аполлона-8» отлично это знал. Для астронавтов пошел отсчет долгих минут радиомолчания. Теперь экипаж был оторван от остального человечества так, как никто другой за всю предыдущую историю.

* * *

Джин Кранц стоял у задней стены зала управления полетом, до его ушей доносилось щелканье зажигалок Zippo, начавшееся как по команде. Сигареты здесь всегда прикуривали от Zippo — большинство операторов курили, многие из них были военными или имели опыт плотной работы с военными. Это были зажигалки для военных — тяжелые, прочные, почти неубиваемые, с крышкой, которая поднималась и опускалась с приятным щелчком, за короткий миг выпуская фирменную порцию жидкого горючего, пропитавшего фитиль.

Знакомые щелчки Zippo почти невозможно было расслышать в зале, кроме как в самые тихие минуты вроде нынешних. Когда корабль на околоземной орбите проходил между зонами покрытия различных станций слежения, расположенных вокруг Земли, связь с командным центром ненадолго прерывалась. Такие перерывы были предсказуемы и привычны, им никто не удивлялся. Однако лишь один корабль оказался без связи потому, что ушел за 3475-километровую толщу Луны, и это молчание ощущалось совсем по-другому.

Крис Крафт, сидя за пультом наблюдателя неподалеку от того места, где стоял Кранц, воспользовался моментом и налил себя чашку чая. Он подошел к столу с конфоркой и кофейниками и встал рядом с Бобом Гилрутом, который был не только первым директором Центра пилотируемых космических кораблей в Хьюстоне, но одним из изначальных членов Целевой космической группы — комитета, основанного в 1958 г. президентом Эйзенхауэром и позднее приведшего к созданию НАСА[51].

— Десять лет и один месяц, — произнес Гилрут, подразумевая срок, прошедший с момента, когда он написал первую служебную записку в рамках комитета. — Десять лет и месяц. В том списке нас было 36, включая тебя, Крис.

— А теперь у нас трое облетают Луну, — ответил Крафт. — Если бы я не сидел здесь, ни за что бы не поверил.

Они одновременно взглянули на полетные часы в передней части зала. Сколько продлится молчание в эфире, никто точно не знал. Если все пройдет успешно, то связи не будет около 35 минут — немного больше, если двигатель благополучно запустится и корабль, замедлив скорость до 6000 км/ч, попадет на заданную орбиту, или чуть меньше, если двигатель не запустится и корабль продолжит движение на 9200 км/ч. Если случится что-нибудь похуже — связь будет потеряна навсегда.

* * *

Астронавты в корабле были слишком заняты делом, чтобы долго размышлять о возможных исходах. До включения двигателя оставалось меньше десяти минут, а для должной подготовки корабля требовалось еще немало сделать.

Они переговаривались между собой на техническом жаргоне, сложившемся за многие годы у летчиков и моряков. Один из экипажа называл настройки, другой откликался с подтверждением.

— Зону нечувствительности на минимум, — объявил Андерс, проверяя систему стабилизации.

— Зону нечувствительности на минимум, — повторил Борман.

— Скорости разворота низкие.

— Низкие.

— Предельный цикл в действии.

— Предельный цикл в действии.

— У тебя гиродатчики выставлены? — спросил Андерс, имея в виду измерительные компоненты гироскопов, воспринимающих развороты корабля.

— Да, — ответил Борман и через пять секунд повторил, на этот раз полностью: — Гиродатчики выставлены.

На заключительные операции перед включением двигателя отводилось четыре-пять минут из десяти оставшихся, однако экипаж столько раз отработывал процедуру на Земле, что уложился в две минуты.

— О'кей, восемь минут, — объявил Борман, взглянув на часы обратного отсчета.

Ловелл огляделся. Друзья не демонстрировали признаков напряженности, но и расслабленными их назвать было сложно.

— Ну что ж, — сказал он, — главное — спокойствие.

Он взглянул на индикатор радара. Иллюминаторы смотрели вверх, а сам корабль — назад, и астронавты еще не могли видеть Луну. Однако по приборам выходило, что она теперь точно под ними.

— Ну что вам сказать, джентльмены, — произнес Ловелл, — Луна совсем близко.

— Семь минут, — проговорил Борман.

Через минуту он объявил шесть минут, затем зачитал для Андерса несколько положений переключателей, которые тот подтвердил. Через минуту после этого Ловелл объявил пять минут.

Борман, прищурившись, посмотрел в иллюминатор и нахмурился. За стеклом была сплошная чернота.

— С этим горизонтом ничего не видно, — сказал он.

— Хочешь, выключим свет и проверим? — предложил Андерс и потянулся к выключателям внутреннего освещения.

Однако еще раньше, чем он успел их коснуться, раздался возглас Ловелла:

— Эй, вижу Луну!

— Да? — переспросил Андерс.

— Прямо под нами! — откликнулся тот, глядя в иллюминатор.

И вправду — Луна была там, она едва виднелась сквозь иллюминатор Ловелла, направленный назад. Корабль ушел уже достаточно далеко с видимой стороны Луны, так что теперь за носом «Аполлона» тянулась древняя серая поверхность. Размеры ее были огромны — избитая метеоритами голая пустошь простиралась вправо и влево и терялась за горизонтом.

Джим Ловелл — первый в истории человек, увидевший обратную сторону Луны, — зачарованно смотрел на исковерканный ландшафт, на миг лишившись дара речи.

— Она под нами? — жадно спросил Андерс, прижимаясь к своему иллюминатору.

— Да, и она... — начал было Ловелл.

— О боже! — воскликнул Андерс.

— Что стряслось? — спросил Борман.

Однако ничего не стряслось — просто Андерс теперь тоже увидел Луну:

— Ты только посмотри! Вижу два... — он взмахнул руками, изображая слово «кратер», которое от волнения вылетело у него из головы. — Только посмотри! — повторил он.

— Да, — сказал Ловелл.

— Видишь? — спросил Андерс. — Фан... фантастика.

Положение Солнца относительно корпуса, постоянно менявшееся по мере движения корабля вперед, теперь походило на земной полдень. Прямой свет уничтожил все лунные тени, так что трудно было отличить вогнутый кратер от выпуклой возвышенности.

— Не вижу разницы между дырами и буграми, — сказал Андерс, по-прежнему тщетно пытающийся вспомнить географические термины.

— Ладно, ладно, хватит вам, — упрекнул обоих Борман, занимавшийся кораблем в то время, пока остальные глазели на Луну. — Еще успеете насмотреться, времени хватит.

— Двадцать часов, да? — спросил Андерс, отлично зная, что при десяти орбитальных витках на каждый требуется чуть меньше двух часов, а это значит, что смотреть на Луну

экипаж будет примерно 20 часов. И все равно он с готовностью напомнил себе о таком счастье.

Андерс и Ловелл откинулись обратно на кресла, и все трое застегнули ремни, но не стали их затягивать. Как и в случае с импульсом TLI раньше, тяга при выходе на лунную орбиту должна была быть относительно небольшой, поэтому ремни использовались не для обеспечения безопасности экипажа при включении двигателя, а для того, чтобы астронавтов не поднимало над креслами и не уносило прочь.

— Одна минута, — сказал Борман и затем добавил: — Ладно тебе, Джим, давай смотреть внимательнее.

Ловеллу по должности как раз этим и полагалось заниматься, поскольку именно он с клавиатуры на приборной панели должен был вводить в компьютер финальные команды для четырехминутного включения двигателя. Он проверил по компьютеру показатели высоты и скорости, а затем ввел команды, тысячу раз отработанные во время тренировок.

— К включению двигателя готов, — отработовал Андерс. — Приступай, когда будешь готов.

— О'кей, — ответил Ловелл, заканчивая вводить последние символы.

За десять секунд до нужного времени он еще раз сверился с выходом компьютера. Тот в ответ выдал комбинацию «99:20» — это был «код последнего шанса», которым компьютер проверял, вправду ли человек за приборной панелью намерен делать то, что собрался.

Когда обратный отсчет дошел до нуля, Ловелл нажал клавишу, обозначенную как «Исполнить».

Где-то за спинами астронавтов сопло двигателя начало издавать беззвучный рев, придавая торможение кораблю с силой в 10 000 с лишним килограммов тяги. Борман, Ловелл и Андерс ничего не слышали, лишь чувствовали слабое давление в спину.

— Одна секунда, две секунды, — отсчитывал Борман первые секунды 242-секундного включения. — Как все...

Андерс, уже зная вопрос, ответил раньше, чем Борман успел договорить.

— Все в норме. Давление нормальное.

— Пятнадцать секунд, — произнес Борман.

— Давление растет, как положено, — заверил командира Андерс.

— Хорошо.

— Все отлично.

Двигатель продолжал работать, корабль замедлял движение. Хотя астронавты знали, что продолжительность маневра была многократно проверена и перепроверена планировщиками траектории, они также понимали основное правило космических полетов: когда летишь быстро, нельзя замедляться больше необходимого — по крайней мере вблизи такого массивного тела, как Луна. Слишком большая потеря скорости приведет к тому, что корабль сорвется с любой запланированной орбиты и перейдет в свободное падение.

— Боже, четыре минуты? — пробормотал Борман, когда время подходило к двухминутной отметке.

— Самые длинные четыре минуты в моей жизни, — примерно через минуту сказал Ловелл.

Двигатель работал по-прежнему, и его действие на астронавтов увеличивалось: росло давление на спину, превращаясь в некое подобие тяготения. Ускорение было меньше 1 g, но людям, прошедшим три дня в невесомости, она казалась более ощутимой.

— Такое ощущение, что около 3 g, — сказал Андерс.

Ловелл, не отрывая глаз от циферблата, объявил, что осталась всего одна минута, затем 48 секунд, затем 28.

— Ждем, — наконец сказал он.

— О'кей, — ответил Борман.

— Пять, четыре, три, два, один, — отсчитывал Андерс.

И затем, строго по графику, SPS — «служебная двигательная система», которая и служила, и двигала, а теперь и замедляла космический аппарат — умолкла.

— Отключение! — объявил Борман.

— О'кей, — удовлетворенно кивнул Ловелл[52].

В этот миг «Аполлон-8» стал спутником Луны. Космический корабль огибал ее по эллиптической орбите, высшая точка которой, по показаниям бортовых приборов, находилась на высоте 313 км, а низшая — всего 111 км: в точности те самые параметры, что были запланированы Хьюстоном. А трое астронавтов, огибающих Луну по орбите, были единственными людьми на Земле и над Землей, которые знали, что все получилось как надо.

* * *

В ЦУП по-прежнему царил молчание: бездействующие люди за пультами постукивали карандашами по столу, покачивали ногами, гасили сигареты и прикуривали новые. Многие из операторов постоянно посматривали на часы полетного времени в передней части зала: на пульты не поступала с корабля никакая информация, и часы были единственным источником хоть каких-то данных. Поэтому с часов не сводили глаз, сперва отсчитывая время до самой ранней отметки — момента, когда они услышат голоса астронавтов в том случае, если двигатель не запустился, — а затем до более поздней, более радостной, которая была бы свидетельством того, что корабль замедлился и находится на окололунной орбите.

Когда время для первой отметки истекло, некоторые операторы переглянулись. Улыбнуться, правда, пока никто не осмелился: тишина, предвещающая хорошие вести, могла никогда не кончиться, а это означало бы вести очень дурные.

Еще некоторое время в наушниках слышались только помехи, экраны не транслировали никаких данных.

Через 34 минуты и 2 секунды после того, как корабль ушел за Луну, Карр начал вызывать его.

— «Аполлон-8», я Хьюстон. Прием, — произнес он, зная, что ответа ожидать пока рано, хотя надеяться уже можно.

— «Аполлон-8», Хьюстон. Прием, — повторил он через 33 секунды.

— «Аполлон-8», Хьюстон. Прием, — повторил он еще через 15 секунд.

Он повторил ту же фразу еще через 18 секунд, и следом через 13 секунд, и еще через 23 секунды.

И наконец, спустя еще 8 секунд — через 35 минут и 52 секунды после потери сигнала — безжизненное потрескивание в наушниках операторов сменилось живым звуком.

— Продолжайте, Хьюстон, я «Аполлон-8», — произнес безошибочно узнаваемый голос Ловелла. — Маневр выполнен. Наша орбита 313,2 на 112,0.

— «Аполлон-8», Хьюстон. Рад слышать ваш голос! — ответил Карр.

На деле капком мало что мог услышать, поскольку все вокруг него вскочили как один с ликующими возгласами и кинулись обниматься. Бурные эмоции перехлестывали пределы того, что обычно позволялось этикетом ЦУП, но это никого не заботило: о приличиях никто уже не думал. Пол Хейни, комментатор НАСА, описывающий происходящее для ранних утренних передач, сделал очевидное официальным:

— Получилось! Все прошло удачно! «Аполлон-8» теперь на окололунной орбите! — прокричал он среди всеобщего гвалта. — Весь зал ликует!

В доме Борманов, где — как и подозревал Фрэнк — Сьюзен в одиночку пережидала на кухне долгое «лунное молчание», было гораздо тише. Но даже здесь невозможно было не слышать радостные возгласы, доносящиеся из гостиной.

* * *

Америка мало-помалу просыпалась под новость о том, что трое ее граждан находятся на лунной орбите. Маневр совершался в предрассветный час — это означало, что большинство людей страны, запустившей корабль к Луне, в момент произнесения Ловеллом долгожданных слов попросту спали. Хьюстон, разумеется, был исключением: в 03:50 утра в доброй половине домов горел свет. И определенно, были исключениями районы НАСА,

такие как Тимбер-Коув и Эль-Лаго, где спали только дети. Однако до остальной части страны счастливая весть о выходе «Аполлона-8» на окололунную орбиту дошла через несколько часов после самого маневра, ко времени утреннего кофе.

В большей части остального мира, где уже наступил день, реакция была совсем другой. Репортажи о полете заняли львиную долю времени на британском канале Би-би-си, репортеры которого комментировали включение двигателя для выхода на лунную орбиту в прямом эфире. Весть о том, что маневр закончился благополучно, пришла туда в более удобный час — в 09:50 по Гринвичу. В лондонских пабах были включены телевизоры, толпящиеся люди не отрывали взгляда от экранов. А если и были такие, кто заказывал пинту пива рано утром, то у них ведь был повод для празднования. Во время этих передач самый известный астроном страны, сэр Бернард Ловелл из обсерватории Джодрелл-Бэнк (не родственник астронавту, чье имя теперь стало таким прославленным), назвал полет «одним из важнейших событий в истории человечества».

Телеканалы по всей Западной Европе, следуя примеру Би-би-си, прерывали утренние и дневные передачи новостями о полете к Луне. В Нидерландах, по известным лишь голландцам причинам, новость была особо популярной, и даже те радиостанции, что обычно транслировали только музыку, прерывали график вещания ради регулярных новостей о полете. Государственный телеканал Ирана стабильно давал прямые репортажи, как и главная радиостанция Тегерана. В Ливии, отмечавшей в тот день 17-летие со дня образования государства, многолюдные толпы праздновали одновременно и независимость страны, и поразительное достижение «Аполлона-8». Даже Советский Союз честно транслировал новости об успешном орбитальном маневре. Первое объявление вышло в эфир через час и 15 минут после того, как «Аполлон-8» вернулся на видимую сторону Луны, но по стандартам советской государственной прессы это можно было считать практически прямой трансляцией.

* * *

Если экипаж «Аполлона-8» надеялся в спокойную минуту поразмыслить над своим выдающимся достижением, то им приходилось заниматься этим в моменты затишья при пролете над обратной стороной Луны. На каждом из десяти витков по орбите астронавты оставались на радиосвязи с Землей около полутора часов, и на это время приходилось слишком много дел, слишком много разговоров с операторами. Хуже того, на первом витке над видимой стороной Луны была запланирована телевизионная передача, а это значило, что за внутренними делами корабля будут наблюдать сотни миллионов людей. Американцы, не сумевшие в ранний час посмотреть передачу, могли увидеть репортаж повторно — он транслировался почти безостановочно целый день.

В первые несколько минут без связи после маневра на орбиту астронавты на короткое время позволили себе роскошь — просто сидеть и смотреть. План полета предписывал кораблю перевернуться и большую часть из 20 часов лететь по лунной орбите вверх ногами: астронавты должны были заняться картой Луны, а направленные вверх иллюминаторы этому никак не помогали.

— О'кей, даю крен вправо, — предупредил остальных Борман, когда настало время маневра.

Он взялся за ручку — ту самую, которую в давние времена на заводе в Дауни безмозглый инженер пытался установить задом наперед, — затем качнул запястьем и выпустил порцию топлива через двигатели правого борта. Корабль немедленно начал поворачиваться.

Ловелл удивился, насколько чувствительным может оказаться даже небольшой импульс.

— Полегче с этими двигателями, — предупредил он.

После того как корабль повернулся на 180°, Борман произвел быстрый контрманевр и вращение остановилось. В иллюминаторах — которые постепенно нагревались и очищались, как и предсказывали операторы, — весь обзор заполнила Луна. Астронавты, прикинув к стеклам, некоторое время молчали.

Почти 4,5 млрд лет назад проходящая протопланета столкнулась с начинающей свою жизнь Землей, сбива ей ось на 23° , сделав возможной будущую смену времен года. От столкновения возникло громадное облако обломков, на некоторое время окружившее нашу планету кольцом. Через несколько эпох кольцо собралось воедино, став спутником Земли. Это новое небесное тело вскоре гравитация связала с Землей — одна сторона Луны всегда была обращена к материнской планете, а вторая — прочь от нее, к космосу. Менее чем через миллиард лет после формирования Луны появились первые земные одноклеточные организмы. Пройдет еще 2,5 млрд лет, прежде чем появятся многоклеточные организмы, некоторые с зачатками светочувствительных органов зрения, и в темные ночи эти органы зрения, возможно, уловят фотоны, летящие от ярко освещенной Луны. Еще позже появятся организмы с более подходящими глазами — и в одном случае это будут млекопитающие с крупным мозгом, противопоставленным большим пальцем и неиссякаемой любознательностью по отношению к ночному небу. И за все это время никакие земные глаза не видели ту сторону Луны, на которую сейчас смотрели три пары глаз из космического корабля «Аполлон-8».

Астронавты были здесь по делу; даже если они и испытывали изумление — а без этого вряд ли обошлось, — то не очень-то его высказывали. Однако их тон и долгие паузы между репликами говорили сами за себя. Слова, впрочем, касались в основном работы, ради которой экипаж здесь оказался: заниматься наукой, а не просто глазеть по сторонам.

— Надо же, — тихо сказал Ловелл, усиленно мигая от яркого света: Солнце стояло прямо над головой, лучи отражались от лунной поверхности. — Теней в кратерах совсем нет.

Он оглядел в разных направлениях поверхность Луны, сравнивая огромный пыльный мир перед глазами с двухмерными картами и фотографиями, которые он столько месяцев изучал. И почти сразу понял, где находится.

— Сейчас пролетаем над Брандом, — объявил он, узнав кратер в 65 км шириной, который неофициально называли именем астронавта Вэнса Бранда. Тот был членом экипажа поддержки «Аполлона-8» и успел заслужить некоторое признание.

Затем перед глазами возник более крупный, более впечатляющий 160-километровый кратер — очень заметный объект, оставшийся от одного из самых жестоких столкновений, следы которых хранила обратная сторона Луны.

— Это Циолковский? — спросил Ловелл, не обращая ни к кому конкретно и отлично зная, что это он и есть. Изучать карты Луны и не узнать кратер Циолковский — это все равно что изучать карты США и не узнать Флориду. Однако Ловелл все же предпочел спросить не столько из-за неуверенности, сколько из-за банального удивления тем фактом, что наконец видит кратер собственными глазами.

Вместе с Борманом они продолжали разглядывать поверхность, медленно движущуюся внизу, и указывать на другие кратеры: Скалигер, Шеррингтон, Пастер, Дельпорт, Нехо, Ричардсон. То, что астронавты раньше знали как отметки картографов на плоской бумаге, теперь становилось твердым рельефом из грунта, камней и старых потоков лавы — целой историей Луны, написанной на истерзанной поверхности.

Тем временем Андерс начал метаться по кабине, собирая объективы, камеры и кассеты с пленкой.

— Нашел кассету D, — сообщил он после нырка в отсек оборудования, где захватил немного пленки. — И вот еще объектив, — добавил он, одной рукой подхватывая 70-миллиметровую камеру и объектив и демонстрируя их Борману и Ловеллу. Он взял держатели, которые нужно было установить над иллюминаторами для закрепления камер, а потом вновь появился в поле зрения, держа всю эту кучу в руках.

Борман не спускал с него озабоченного взгляда. Трое астронавтов в такой тесноте напоминали ему толпу обезьян в крошечной камерке. Случайным движением можно было задеть какой-нибудь переключатель или разомкнуть электрическую сеть, и никто бы не заметил.

— Эй, ты там помедленнее. Без спешки, ладно? — сказал он.

Андерс как мог старался соответствовать и в ожидании восстановления связи собирал свои принадлежности чуть более спокойно. Он знал, что запланированные 20 часов на лунной орбите промелькнут быстро, и хоть он не был профессиональным фотографом, но доверенное ему дело намеревался исполнить наилучшим образом.

* * *

Когда связь с Землей наконец восстановилась и операторы от бурных, хоть и коротких восторгов вернулись к своим обязанностям, оставшиеся до прямой телепередачи минуты капком и экипаж провели за сверкой орбитальных координат и статуса двигателя SPS. Ему предстояло новое короткое включение во время третьего прохождения за Луной: орбиту корабля нужно было изменить с асимметричной эллиптической — наиболее удобной при первом торможении — на ровную округлую. Затем Андерс достал телекамеру и укрепил ее рядом с иллюминатором, готовясь к прямой трансляции для той части землян, у которых сейчас был день, а не ночь.

В этот раз объектив камеры будет направлен не на смутное пятно планеты, которая в прошлый раз находилась на расстоянии 326 000 км и все время уменьшалась в размере. Сейчас в объективе будет поверхность Луны, видимая с высоты всего 111 км. К этому времени солнечные лучи ложились на поверхность под более острым углом, и вдобавок Андерс установил фильтр, усиливающий эффект: теперь кратеры, борозды, уступы и обрывы отбрасывали резкие тени и были различимы даже на телеэкранах, находящихся на расстоянии в 375 000 км.

Телевизионный сигнал в первую очередь попадал на большой экран в ЦУП, похожий на экран в кинотеатре. Глядя на изображение из застекленных кабинок для прессы в задней части зала, телепродюсеры не могли не заметить неожиданной четкости изображения. В тот миг космический корабль проходил над Морем Изобилия в восточной части Луны — 840-километровой равниной, сформированной широким потоком лавы от удара метеорита 4 млрд лет назад.

Почти одновременно телепродюсеры дали знак ТВ-каналам переключиться на трансляцию: теперь изображение попадало в телестудии, а оттуда передавалось по всему миру. Джерри Карр знал, что это было сигналом и для него — начиналось шоу.

— «Аполлон-8», Хьюстон, — произнес он с тщательной артикуляцией, рассчитанной не столько на астронавтов, сколько на телевизионную аудиторию. — Как там выглядит старушка Луна с 60 миль? Прием.

— О'кей, Хьюстон, — отозвался Ловелл. — Луна в основном серая, бесцветная. Выглядит как гипсовая штукатурка или сероватый песок на берегу. Море Изобилия не так выделяется, как с Земли.

— Принято, понял, — ответил Карр.

Затем Ловелл увидел два кратера, которые для него успели стать знакомыми по лунным картам и планам.

— А сейчас на подходе два старых друга Мессье и Пикеринг, я их много разглядывал на Земле.

— Понял, — ответил Карр.

— Вижу лучи, расходящиеся от Пикеринга, — доложил Ловелл, подразумевая полосы от удара, оставленные на поверхности давным-давно в результате столкновения. — Не очень выделяются, если отсюда смотреть.

— Понял, — повторил Карр, на этот раз несколько рассеянно. Он вслушивался в параллельный канал переговоров внутри ЦУП, где операторы обсуждали запасной испаритель воды для системы охлаждения, который работал плохо. Систему курировал Андерс.

— Капком, скажи им отключить вторичный испаритель, — велел Милт Уиндлер, сменный руководитель полета. Карр взглянул на кадры телетрансляции: Андерс был занят фотосъемкой. Отключение испарителя было не самым срочным делом, но по правилам полета его полагалось сделать сразу же.

— Билл, — окликнул Андерса Карр как можно более непринужденным тоном. — Если можешь оторваться от иллюминатора, выключи вторичный испаритель.

— Понял, иду, — отозвался Андерс. Он отплыл от иллюминатора, выполнил команду и подплыл обратно.

Ловелл в это время продолжал комментировать ландшафт, проплывающий за стеклом. После Мессье и Пикеринга появились Пиренейские горы, названные в честь заснеженного и намного более прекрасного хребта на границе между Испанией и Францией. Затем, когда корабль миновал берег Моря Спокойствия, Ловелл увидел очередной ориентир. Эта географическая точка была значимой для НАСА как возможный знак на подходе к месту будущей посадки на Луну, однако Ловеллу она была важна по причине более личной.

— Видна вторая исходная точка, — сказал он. — Треугольная гора.

Прозаическое имя «Треугольная гора», которым НАСА называло потенциальный ориентир для посадки, Ловелл в мыслях упорно заменял названием «гора Мэрилин». Он обещал жене назвать гору ее именем, и теперь решил так и обозначать гору на всем протяжении полета. Название было неформальным и могло привести к путанице среди картографов НАСА, но чем чаще гора Мэрилин будет упоминаться в разговорах экипажа с операторами, тем больше вероятность, что оно останется в употреблении.

Телевизионная передача продолжилась еще несколько минут, в течение которых астронавты, а вместе с ними и телезрители миновали кратеры Колумб и Гутенберг, затем Болото Сна шириной в 160 км, с кратерами Лайелл, Криль и Франц. Ловелл вглядывался в затененную часть лунной поверхности, лежащую далеко впереди; прищурившись, он пытался определить, возможно ли будет без солнечного освещения разглядеть поверхность в слабом свете, отраженном от Земли и затем от Луны.

— Ничего не вижу в земном свете сейчас, — доложил он.

Он произнес эти слова небрежно, привычно, однако зрителям они ничего не говорили. Термин «земной свет» не имел никакого значения до этого самого дня, когда представители человечества вышли в пространство, где земной свет существовал и был важен. Этот удивительный миг стоил того, чтобы дать телевизионной аудитории время его оценить, однако лунная передача внезапно оборвалась без предупреждения[53].

Этот момент прерывания связи, как и предыдущий, был тоже запланирован НАСА, однако и на этот раз никто в агентстве не подумал подготовить его как следует. Впрочем, предстояла еще одна трансляция во время девятого витка, и к тому времени, возможно, удастся придумать что-нибудь получше.

Борман после окончания передачи был рад вернуться к работе. То, как прошло недавнее включение маршевого двигателя для первого маневра, его совершенно устраивало, но он был нужен вновь для скругления орбиты и, что более важно, для маневра старта к Земле во время отсутствия связи после десятого витка. НАСА обещало держать его в курсе в части телеметрических данных о процедуре выхода на окололунную орбиту, стараясь отследить в них возможные скрытые аномалии вроде гелиевого скачка при коррекции на этапе перелета.

Борман взглянул на Ловелла и Андерса, по-прежнему любовавшихся видами.

— Пока эти ребята разглядывают Луну, мне надо убедиться, что с SPS все в норме, — сказал он капкому. — Передай мне тот отчет, когда будет возможность.

— Обязательно, Фрэнк, — ответил Карр.

— Нам нужно добро на каждый виток, иначе мы произведем ТЕ1 по вашему указанию.

— Принял, — откликнулся Карр. — Я понимаю.

Андерс, по-прежнему висевший с камерами у иллюминатора, обернулся. Он тоже понимал, о чем говорит Борман. Перед началом каждого оборота, то есть витка, Борман будет ждать официальной отмашки Земли о том, что корабль в норме. Если он не получит такой отмашки, Борман сделает вывод, что с кораблем не все благополучно, и тогда в нужный момент во время полета над обратной стороны Луны он произведет запуск двигателя и направится к родной планете. Фраза «по вашему указанию» была чисто дипломатической добавкой, поскольку никакой командир экипажа не станет совершать такой критичный для

полета маневр без согласия ЦУП, если только обстоятельства к тому не вынудят. Однако Борман заодно хотел показать, что его запрос разрешения остаться не является бесцельной прихотью и что он воспользуется прерогативой командира в любой момент, когда сочтет нужным.

Андерс, раздумывая над услышанным диалогом, только порадовался, что успел так быстро установить держатели для камер. Как он теперь осознал, его расчет на обещанные 20 часов съемки мог оказаться завышенным.

* * *

Через 1 час и 48 минут после того, как «Аполлон-8» вышел на связь, он опять погрузился в очередной сеанс лунного молчания. На втором витке предстоял дальнейший осмотр ландшафта, в частности некоторых мест помимо Моря Спокойствия, которые НАСА рассматривало как варианты для будущей посадки. Среди них были район Хэдли — Апеннины, Океан Бурь, высокогорье Фра-Мауро и горы Таурис — Литтров; впрочем, пока что различные точки местности попросту обозначались как P1, P2 и так далее[54]. Однако в будущем им предстояло получить новые, более заметные имена, такие как База Спокойствия или, например, База Хэдли.

Предполагалось также найти новые кратеры и дать им названия. Как и в случае с горой Мэрилин, такие названия имели неформальный статус: официальными они могли стать лишь после того, как их начнет употреблять НАСА и они получают одобрение Международного астрономического союза — арбитра во всех вопросах, касающихся космической номенклатуры. Однако даже эта скучная академическая организация не смогла устоять перед некоторыми именами.

Часть кратеров были названы в честь астронавтов «Аполлона-1», погибших в пожаре: кратер Гриссом, кратер Уайт и кратер Чаффи, а также в память Чарли Бассетта, Эллиота Си и Теда Фримана — все эти астронавты погибли в авиакатастрофах еще до полета в космос. Появился кратер в честь Майкла Коллинза, который не смог участвовать в нынешнем полете из-за проблем с позвоночником. Появились кратеры имени Боба Гилрута, Криса Крафта и Джеймса Уэбба — аристократии НАСА. Назвали кратер даже в честь печально известного Джо Ши, руководителя программы «Аполлон» на момент пожара: сейчас его имя обходили стороной, однако делу покорения Луны он верно служил многие годы.

И разумеется, появились кратеры в честь Бормана, Ловелла и Андерса: тесно сгруппированные между собой ориентиры в Южном полушарии Луны, на обратной стороне. Какой кратер назвать чьим именем, зависело от размера кратера и полетного статуса астронавта, поэтому Борману достался самый крупный из трех, Ловеллу — следующий по величине, Андерсу — самый мелкий.

Наконец, некоторые кратеры получали имена буквально «на лету».

— О'кей, подходим к кратеру Коллинз, — объявил Андерс на одном из витков. Он включил телекамеру, чтобы ЦУП проследил за тем, что видит астронавт.

— Вас понял, — ответил Карр. Затем капком заметил небольшое образование рядом с Коллинзом. — Что за кратер сейчас уходит?

Андерс, глянув вниз, увидел объект, указанный Карром.

— Какой-то кратер от легкого удара. Назовем в честь Джона Аарона, — объявил он, подразумевая 25-летнего вундеркинда в ЦУП, отвечавшего за систему жизнеобеспечения корабля и удивлявшего всех остротой ума.

Аарон, сидя за пультом, поднял голову и улыбнулся. Словно почувствовав это, Андерс продолжил:

— Если продолжит следить за нашими системами, конечно.

— А он как раз прекратил, — доложил Карр, подмигнув Аарону, и тот спешно вернулся к работе.

* * *

Во время третьего захода за Луну экипажу «Аполлона-8» предстояло провести 11-секундное включение двигателя SPS для скругления орбиты. Преобразование орбиты из

эллипса в окружность не было данью аккуратности. Одной из главных задач полета было исследование гравитации Луны и искажающих ее масконов, находящихся под поверхностью. С нынешней яйцеобразной орбиты корабля было почти невозможно сделать это хорошо. Более того, этот не критичный запуск SPS служил еще одним испытанием способности двигателя совершить куда более важное включение после десятого витка.

Теперь, когда астронавты уже были уверены в надежности SPS, новое включение они подготовили и произвели почти обыденно и после возвращения на связь доложили, что орбита корабля теперь идеально выровнена, 111 км по всей окружности. Третий облет видимой стороны Луны был вполне рутинным — насколько рутинным он может быть для экипажа, только недавно вышедшего на орбиту вокруг ранее незнакомой планеты.

К следующему уходу со связи астронавты были явно вымотаны. Полет ориентировался на хьюстонское время, чтобы не сбивать астронавтам биологические часы, однако любые настройки времени оказывались бесполезны, если нарушен режим сна, — а нормального сна астронавты не получали. Все трое бодрствовали все время финального приближения к Луне и изматывающего маневра LOI. Сейчас, когда предстояло еще семь витков и до маневра TEI оставалось меньше 15 часов, вероятность отдохнуть и поспать до того, как начнется обратный путь, была невелика.

Андерс, пожалуй, был занят больше остальных. Из списка нужных объектов сфотографировано всего около четверти; к концу четвертого прохождения за Луной ему потребовалось, чтобы Борман повернул корабль в позицию, когда нужные объекты попадут в фокус.

— О'кей, цель 23, кадр 122, — сообщил Андерс, указывая Борману, куда должен быть нацелен корабль.

Борман взялся за ручку управления двигателями и слегка поднял нос корабля. Он зевнул — довольно громко, так что звук записался на пленку, — а когда корабль перешел в нужное положение, Фрэнк чуть помедлил, наслаждаясь одновременно тишиной в наушниках и новым видом в иллюминаторе. Корабль теперь был в таком положении, что астронавты впервые увидели Луну до самого горизонта, за которым лежала огромная масса черного неба. Никто из астронавтов раньше не задумывался о том, что это значит, а ведь если они огибают Луну и выходят на видимую ее сторону, то не просто получают прямую линию связи с Землей, но и видят Землю. А это позволит им увидеть родную планету поднимающейся над мрачными лунными равнинами.

— О боже, — вдруг сказал Борман. — Вы только посмотрите, какое зрелище! Земля восходит. Ого, какая красота!

Остальные двое выглянули в иллюминаторы. Как и сказал Борман, бело-голубой шар — родная планета для всего, что они знали: для всего живого и неживого, для всех событий и явлений на всем протяжении земной истории — висел над изрытым кратерами лунным ландшафтом. Отдельно Землю и отдельно Луну астронавты уже наблюдали, и теперь они впервые увидели их вместе: уродливый безжизненный мир внизу и красивую, хрупкую планету прямо по курсу.

Первым стряхнул с себя мечтательность Андерс, пытающийся вытащить из камеры черно-белую кассету и вставить что-то более подходящее для наблюдаемой картины.

— Дай мне ту цветную кассету, быстро, — сказал он Ловеллу.

— А ведь здорово как! — отозвался Ловелл, по-прежнему не отрывая взгляда от захватывающего зрелища за стеклом.

— Быстро! Скорее! — рявкнул Андерс.

Ловелл отстранился от иллюминатора и нырнул в отсек оборудования, находящийся под сиденьями.

— Она здесь? — спросил он.

— Просто дай мне любую цветную, — распорядился Андерс. — Скорее!

— Да, я такую и ищу, — откликнулся Ловелл и зачитал надпись с найденной коробки: — С368?

— Любую, быстро! — бросил Андерс.

Ловелл вернулся к иллюминатору и вручил Андерсу пленку, однако к тому времени Земля уже пропала из виду.

— Ну что ж, прозевали, — с явным разочарованием сказал Андерс.

— Эй, она тут у меня! — воскликнул Борман, перебравшийся к другому иллюминатору.

Андерс, оттолкнувшись от переборки, устремился туда, где находился Борман, нацелил камеру и немедленно принялся снимать.

— Сделай несколько снимков, — велел Борман.

— Сделай несколько снимков, — эхом повторил Ловелл.

Андерс повиновался, хотя из всех кадров значимым оказался только один. Лишь один кадр, скрытый сейчас в недрах камеры Андерса, в будущем смог приблизить человечество к пониманию того, что миры — как и стекло — могут разрушаться и что конкретный мир, запечатленный на фотографии, требует заботы более бережной, чем то обращение, которое человечество демонстрировало по отношению к нему прежде. Этот кадр, который позже назовут «Восход Земли», и хранился сейчас в камере у Андерса.

Однако в Рождественский сочельник 1968 г. никто об этом еще не знал.

Глава 14

Рождественский сочельник 1968 г.

Телеканалам предстояло собрать миллиардную аудиторию. Никто не думал, что такое возможно, по крайней мере возможно сейчас, в 1968 г., когда миллиард зрителей — это почти треть населения всей планеты, оставившая свои дела и прикидывающая к телевизорам ради одной передачи.

И все же цифры, получаемые телеканалами, говорили о другом. Первую трансляцию с «Аполлона-8», вышедшего на лунную орбиту, которая состоялась в неудобное время, смотрели не только в Северной Америке и Западной Европе. Ее смотрела вся Европа по обе стороны границы между западным и восточным лагерем — даже включая мрачный серый бункер, каким был тогда Восточный Берлин. Страны социалистического блока либо раздвигали «железный занавес» ради получения телесигнала, либо отказывались принимать меры против людей, которые пиратским способом настраивались на нужную частоту. Первую трансляцию смотрели также в Центральной и Южной Америке, в Японии и Южной Корее, а также почти по всей зоне военных действий, которую представляла собой Юго-Восточная Азия. Трансляцию смотрели в Индии, Африке и Австралии. Смотрели на американских военных судах и на военных базах по всему миру. Смотрели почти везде, где наличествовали телевидение, электричество и люди, желающие настроить свои телевизоры на первую в истории трансляцию из другого мира.

— Ваш телерепортаж имел большой успех, — объявил экипажу Майк Коллинз утром накануне Рождества. — Его смотрели большинство стран на соседней с вами планете, Земле.

Это количество зрителей должна была с гарантией перекрыть предстоящая вечерняя трансляция — передача, которая будет идти во время сочельника в Западном полушарии: люди соберутся семьями и пригласят друзей, к моменту репортажа они (по крайней мере в часовых поясах Америки) посидят за праздничным ужином, споют рождественские песни и устроятся на диванах перед телевизором в ожидании слов, которые произнесут для них трое астронавтов с окологлунной орбиты. Астронавты ко времени включения будут совершать девятый виток вокруг Луны, а после десятого им предстояло вновь запустить двигатель и вернуться на Землю. Если двигатель сработает, передача запомнится как лирическое празднование в честь отлично выполненного задания. Если нет — трансляция станет элегией.

Имиджмейкеры НАСА, возможно, не в полной мере предвидели огромную численность аудитории, которая в тот день соберется перед экранами, однако они подозревали, что количество зрителей будет рекордным. И еще до запуска корабля решили, что обращение с орбиты должно звучать солидно.

— У вас будет самая многочисленная публика за всю историю, — заявил Джулиан Шир, главный по связям с общественностью в Хьюстоне, в разговоре с Борманом за несколько недель до полета. — Никакая вечерняя рождественская телепередача никогда не собирала больше публики, чем ожидается в вашем случае. И у вас будет пять-шесть минут.

— Ну что ж, Джулиан, отлично, — ответил Борман. — И что мы делаем?

— Делайте что угодно подходящее, — только и сказал Шир.

Борман, поразмыслив над советом, так ни к чему и не пришел. Тогда он обсудил его с Ловеллом и Андерсом, однако те тоже ничего не придумали. Поэтому Борман обратился к своему другу по имени Сай Бурджин, который работал на Информационное агентство США, и попросил совета. Однако Бурджин, которому по работе надлежало подавать американскую жизнь и историю в самом привлекательном для остального мира свете, тоже ничем не смог помочь. Он передал вопрос Джо Лейтину, бывшему репортеру телеграфного агентства, который позже служил у Кеннеди специалистом по связям с общественностью, а сейчас работал на президента Джонсона.

Лейтин согласился поразмыслить над вопросом. Он попробовал несколько подходов, ни к чему не пришел, а затем спросил совета у своей жены Кристины. Та тоже не знала, что должны говорить в такой ситуации астронавты. Ночью Джо уселся в кухне за пишущую машинку и напечатал подходящие на первый взгляд слова, однако, перечитав фразу, Лейтин скомкал бумагу и начал все снова. Часы шли за часами, скомканные листы бумаги, вытащенные из машинки, покрывали пол. Наконец в четыре часа утра на кухню пришла его жена и сказала, что у нее есть идея. Выслушав жену, Лейтин улыбнулся. Идея была отличной.

Лейтин поделился ею с Борманом, Ловеллом и Андерсом, и те согласились. НАСА тоже. Слова, предложенные женой Джо Лейтина, были напечатаны на листе огнеупорной бумаги (после «Аполлона-1» другую бумагу иметь на борту не позволялось), и страницу положили под заднюю обложку полетного плана. Там она оставалась почти до конца полета — до сочельника.

* * *

В Хьюстоне время шло своим чередом; предрождественский день тянулся слишком медленно для тех, кто обеспечивал полет, а уж тем более для любящих семей всех троих астронавтов. Операторы, свободные от дежурства, изнывали дома без дела и в конце концов один за другим (многие — за несколько часов до смены) приехали в Космический центр, хотя их раннее появление в тот день не планировалось и не ожидалось.

С самого начала космической программы ЦУП во время полетов работал трехсменными циклами. Однако НАСА уже планировало ввести четыре смены вместо трех: восемь рабочих часов на 16 часов отдыха — такой график слишком изматывал сидящих за пультами людей, чья напряженная работа делала возможными космические полеты к Луне. Впрочем, сегодня никакая усталость не имела значения. Крис Крафт, Джин Кранц, Боб Гилрут, Джордж Миллер и другие высшие чины агентства ушли из рабочего зала лишь ненадолго — съездить домой принять душ, переодеться и, если совсем нет сил, немного поспать.

К середине и концу дня подтянулись и другие операторы. Оглядевшись в поисках свободного кресла, они подтаскивали его к тому пульту, за которым обычно работали, и усаживались за плечом дежурного. Кому стула не досталось — те попросту стояли у стены или бродили по залу.

Милт Уиндлер принес с собой сверток, в котором были красно-синие флаги с белой цифрой 1. В нужный момент, если все пройдет гладко, он раздаст флаги всем присутствующим.

Ближе к вечеру, когда Майк Коллинз уже сменился с дежурства, Борман специально спросил нового капкома, Кена Маттингли, одного из немногих астронавтов, еще не обзаведшихся семьей.

— Эй, Кен, — окликнул его Борман, — как ты умудрился попасть в такую смену? Вечно они на сочельник назначают холостяков!

— Я бы все равно сегодня куда больше не пошел, только сюда, — ответил Маттингли.

В домах Бормана, Ловелла и Андерса жены занимались тем же, чем всю предыдущую неделю: присматривали за детьми, принимали гостей и отвечали на бесконечные вопросы репортеров. Сьюзен Борман, которой едва удалось поспать, чувствовала себя изможденной и опасалась, что по ее виду это заметно. Она заранее записалась на сегодня в парикмахерскую: во-первых, если все равно нужно куда-то девать время, то почему бы не потратить его на то, чтобы выглядеть ухоженной перед фотографами и телеоператорами, а во-вторых, именно такое обыденно-деловое поведение и было частью имиджа, который НАСА стремилось показывать публике.

Валери Андерс сидела дома с детьми и выходила каждый раз, когда ее слова требовались для прессы; в остальное время она старалась не показываться никому на глаза. Жена астронавта-новобранца, она демонстрировала на удивление крепкие для новичка нервы; причиной тому была привычка держать в узде собственное настроение, создавая для этого нужную среду.

Подобно Сьюзен Борман и Мэрилин Ловелл, Валери заранее знала всю важность запуска двигателя для LOI и не ложилась спать в ту ночь. Решающие минуты она провела так, как спланировала заранее: рядом с репродуктором, в затемненной гостиной, где единственными источниками света были рождественские огни на елке и горящий камин. Среди немногочисленных близких, присутствующих здесь, была ее старая школьная подруга, а также Джен Армстронг — жена астронавта Нила Армстронга — и Дейв Скотт, летавший с Армстронгом на «Джемини-8»; ему с двумя другими астронавтами через два месяца предстоял полет на «Аполлоне-9». Пока экипаж совершал маневр, Скотт, склонившийся к репродуктору, объяснял Валери непонятные для нее фразы.

Узнав об успешном окончании маневра, Валери вышла к репортерам и в общении с ними продемонстрировала лоск, больше подходящий сенатору, а не молодой жене героя.

— Значение исторических событий не поддается немедленному осмыслению, — сказала она. — Потенциальное влияние события и его величие невозможно оценить сразу же. И хотя история создается сегодня, нам всем нужно осознать, что за будущей посадкой на Луну стоят годы усилий многих людей.

Репортеры кинулись записывать ее слова, а Валери, исполнив долг, вернулась в комнаты — посмотреть, не успели ли ее пятеро детей разнести весь дом за короткие мгновения ее отлучки.

Мэрилин Ловелл — самая опытная из трех жен и в сущности самая опытная жена астронавта в мире, если судить по количеству времени, проведенного ее мужем на орбите, — знала, что ей необходимо поспать, и даже успела прикорнуть сразу после окончания маневра LOI и завершения первого телерепортажа. Она знала также, что ей по возможности нужно выскользнуть ненадолго из дома.

Рождественская неделя для нее и ее семьи всегда была связана с церковью, и в Хьюстоне Ловеллам удалось найти уютный епископальный приход, которым руководил известный в округе священник, отец Дональд Рейш: он теперь хорошо знал всю семью. Прийти на рождественскую службу было немыслимо: для этого ведь требовалось приготовить детей и проникнуть с ними сквозь толпу репортеров, которая мгновенно окружила бы всю семью, если бы Ловеллы появились на лужайке перед домом.

Поэтому Мэрилин позвонила отцу Рейшу и спросила, нельзя ли ей прийти пораньше и побыть в храме без свидетелей. Священник согласился, и ближе к вечеру Мэрилин вышла из дома в одиночку, постаралась сократить вопросы прессы до минимума, быстро села в машину и доехала до храма.

Войдя в храм, она увидела, что там почти пусто: на месте были только отец Рейш и органист. Зажженные свечи, органная мелодия. Отец Рейш, поприветствовав Мэрилин, довел ее до алтаря, и Мэрилин помолилась. Она радовалась возможности побыть в одиночестве и была благодарна за все усилия, предпринятые ради нее.

— Вы все это сделали для меня? — спросила она отца Рейша.

— Вы ведь пропустите сегодняшнюю мессу. Значит, да, — скромно ответил священник.

Мэрилин улыбнулась, поблагодарила отца Рейша и поспешила обратно к машине. Уже темнело, и, чтобы избежать толп, ей предстояло ехать обратно в Тимбер-Коув по слабо освещенным улочкам. Впрочем, за годы жизни здесь она успела отлично изучить маршрут. На подъезде к дому деревья над дорогой вдруг словно расступились: прямо перед глазами в небе висела Луна. Мэрилин остановила машину и посмотрела вверх.

«Там, наверху, Джеймс», — подумала она.

Не отпуская эту мысль, она немного посидела в бездействии, а затем завела машину и поехала к ярко освещенному, заполненному людьми дому. До ночной телетрансляции оставалось еще несколько часов, к тому времени в доме еще прибавится и огня, и людей.

* * *

Из трех человек, кружащих вокруг Луны на маленьком корабле «Аполлон», Борман единственный не скрывал крайней усталости. Ловелл казался совершенно неутомимым, однако для него пребывание в космосе всегда было ни с чем не сравнимым счастьем. Кроме того, он терпеть не мог сидеть без дела и обожал работу, а при сложностях навигации транслунарного маршрута ему всегда находилось дело. Даже когда полетным планом предписывался отдых, Ловелл радостно устремлялся в отсек оборудования, чтобы заняться наблюдениями или малыми коррекциями траектории.

Андерс же не мог усидеть на месте. Он был всего лишь пятью годами младше Бормана и Ловелла, однако при взгляде на то, как Андерс переносится от одного иллюминатора к другому, отыскивает нужные объекты и делает снимки, Борман неизменно вспоминал своих сыновей, какими они были в начальной школе.

На деле, конечно же, Андерс и Ловелл тоже были выжаты — Борман не мог не заметить их покрасневших глаз и периодических зевков, которые они старались скрыть. Кроме того, Ловелл, не без основания гордившийся своим безошибочным обращением с компьютерной клавиатурой — «как пианист на концерте», часто повторял он, — не мог утаить ошибок. Компьютер обычно не производил звуков, однако, если Ловелл вводил неверную команду, система выдавала предупреждающий сигнал. До Бормана они стали доноситься слишком уж часто — явный знак того, что усталость делает свое дело.

Несмотря на то что правила полета на этот раз позволяли всем трем астронавтам спать одновременно, Борман настоял, чтобы один из экипажа всегда оставался начеку.

— Я посплю часок, — заявил он Ловеллу и Андерсу. — Одному из вас тоже надо бы.

Ловелл в отсеке оборудования неопределенно кивнул. Андерс поднял руку: «Одну минуточку!»

Борман не собирался отдавать официальный приказ — по крайней мере пока, но мог подать личный пример. Он подплыл к отсеку оборудования, развернул спальный мешок и вернулся удостовериться, что корабль в полном порядке. Решив, что все в норме, он переместился обратно в отсек оборудования.

Почти сразу же Андерс и Ловелл услышали его мерное дыхание. Весь следующий час двое астронавтов работали над фотосъемкой вместе. Ловелл, официальная должность которого называлась «пилот командного модуля» и которому опыт и ранг позволяли в любой момент принять на себя руководство кораблем, произвел несколько разворотов, ориентируя его под нужными Биллу углами. Андерс по необходимости перемещался между иллюминаторами, стараясь соблюдать правильные настройки для каждого кадра.

К концу часа оба астронавта столкнулись с особо сложным объектом.

— Он на десять градусов левее? — прошептал Ловелл.

— Да, прямо сейчас. Крена хватит? — спросил Андерс.

— Сделаю как тебе надо.

— Ведешь сейчас?

— Да, веду прямо сейчас.

Произносимые шепотом реплики продолжались, корабль менял положение. В какой-то момент Ловелл переусердствовал, пришлось запустить обратную пару двигателей и остановить корабль.

— А-а-а! — воскликнул он.

— Что случилось? — спросил Андерс.

— Нет, все хорошо, — уверил его Ловелл.

— Не разбуди Фрэнка.

Однако было поздно, Борман уже проснулся: движения корабля и непрекращающийся шепот оказались слишком большой помехой. Он выплыл из спального мешка, потер глаза и огляделся.

— Прости, Фрэнк, не собирался тебя потревожить, — сказал Ловелл.

Борман отмахнулся. Час сна пошел ему на пользу: полноценного отдыха он, конечно, не получил, но самочувствие ощутимо улучшилось. Однако при взгляде на двоих товарищей он заметил, что этот час не прошел для них даром, усталость на лицах проступила еще сильнее. Он был не прочь дать им больше времени, до самого конца седьмого витка, и тогда они, хочешь не хочешь, ушли бы в зону отдыха, забрались в спальные мешки и, как это называлось в Вест-Пойнте, перешли бы в «местное горизонтальное положение».

Но время, которое Борман дал им на отдых, они потратили на отработку контрольных карточек и на другие обязанности, продиктованные капкомом. Затем, в конце витка, Коллинз вышел на связь и задал еще одну серию работ: зарядить аккумулятор, взболтать компоненты в криогенных баках, проверить телеметрию — и все это вдобавок к непрекращающейся работе по отслеживанию объектов на поверхности Луны.

Это было уж слишком. Борман раздраженно включил микрофон.

— Хьюстон, я «Аполлон-8», — вызвал он.

— Прием, говори, Фрэнк.

— Хочу отменить наблюдения за контрольными точками на следующем витке, — объявил он.

— Понял, ты хочешь отменить контрольные точки один, два и три на следующем витке, — произнес Коллинз.

— Верно. Мы все очень устали.

— О'кей, Фрэнк.

После этого, чтобы точно не осталось сомнений, Борман вновь включил микрофон.

— Мы отменяем все, — объявил он. — Я останусь на посту, буду держать корабль вертикально и сделаю несколько автоматических снимков. Но Биллу и Джеймсу надо поспать.

— Принято, — ответил Коллинз. — Вас понял.

— Невероятно, как эти ребята шлют указания, — пробормотал Борман. — Совершенно невозможно выполнить.

— Я хочу попробовать, — осторожно предложил Андерс, указывая на камеры и полетный план.

— Нет, ты попробуешь, и мы сделаем еще одну ошибку, — отрезал Борман. — Отправляйся спать.

Андерс помедлил, и Борман почти рывкнул:

— Немедленно! Спать! Я не шучу.

— Может... может, вон ту штуку? — спросил Андерс, неопределенно указывая в иллюминаторе какой-то объект, который он раньше собирался снимать.

Борман закатил глаза.

— Вопрос закрыт. Идите спать оба, парни.

Андерс, по-прежнему не выпуская из рук камеры, не очень-то спешил повиноваться.

— К черту остальное! — резко бросил Борман. — Видел бы ты свои глаза. Ступай спать.

Андерс, наконец сдавшись, скрылся в отсеке оборудования.

— Немного поспите — и почувствуете себя намного лучше, — чуть мягче произнес Борман.

Ловеллу, в отличие от Андерса, никакие уговоры не потребовались. Он уже летал под командованием Бормана и не всегда с готовностью ему подчинялся, однако на этот раз он и сам жаждал исполнить указание командира. Второго напоминания ему не потребовалось: он отплыл в свой угол и почти мгновенно уснул.

Борман устроился в своем крайнем левом кресле.

— Ловелл уже храпит, — тихонько сообщил он оператору.

— Да, — ответил Коллинз. — Нам здесь слышно.

* * *

Приближалось время рождественской телетрансляции; Борман, Ловелл и Андерс летели над обратной стороной Луны. Закончился седьмой виток, во время которого Ловелл и Андерс по большей части спали, затем восьмой. Теперь до восстановления связи с Землей и начала передачи оставалось меньше 15 минут, а экипаж по-прежнему не очень четко представлял себе, чем занять эфирное время.

Джулиан Шир изначально пообещал, что передача продлится шесть или семь минут, однако в полетном расписании на это отводилось не менее 20. На последние несколько минут был определен план, однако у астронавтов из-за сплошной занятости не очень-то хватало времени подумать, чем они будут развлекать такую огромную аудиторию.

— Надо придумать что-то подходящее, — сказал Борман, пока Андерс доставал камеру и настраивал ракурсы. На случай, если остальные двое запомнили, он добавил: — Слушателей будет больше, чем у любой известной личности в истории.

И поскольку у Ловелла с Борманом не нашлось полезных идей насчет того, чем занять такую массу людей, Борман предложил:

— Давайте каждый расскажет о чем-нибудь одном, что поразило нас больше всего из увиденного, и опишет это.

В ответ последовала тишина.

— О'кей? — спросил Борман.

Остальные двое пожали плечами, и вопрос был решен.

Когда экипажу оставалось пройти последние километры над невидимой стороной Луны, в нью-йоркской студии вышел в прямой эфир Уолтер Кронкайт. В отличие от астронавтов, которые не знали, чем занять эфирное время, Кронкайт с его многолетним опытом работы на камеру легко заполнял время разговорами, дожидаясь возобновления связи с космическим кораблем.

— «Аполлон-8» совершает девятый, предпоследний виток вокруг Луны, — начал он. — Астронавты по приказанию командира Фрэнка Бормана отменили оставшиеся пункты полетного плана, кроме финальной телевизионной передачи, которая начнется уже совсем скоро. Астронавты устали, и им нужен отдых перед важным маневром, который выведет их на обратный путь к Земле завтра рано утром.

Хьюстонский ЦУП объявил, что принял сигнал с корабля. Однако первые две минуты он был неустойчивым, и лишь потом к базовой телеметрии добавились голоса и изображение.

Это было даже к лучшему, поскольку экипаж корабля явно оказался не готов к выходу в эфир. Борман, сидя в своем кресле, возился с ручкой ориентации корабля и старался сделать так, чтобы лунная поверхность попала в кадр. Андерс пытался нацелить в сторону Земли антенну с высоким коэффициентом усиления и настраивал системы связи на своей части приборной панели.

— Надо поднять нос повыше, Фрэнк, — сказал он. — Либо нос вверх, либо повернись вправо.

— Сделаю и то и другое, — ответил Борман.

Разворачивая корабль одной рукой, другой он взялся за телекамеру, надеясь поймать нужный ракурс. Через секунду в видеоискателе появилось четкое изображение лунной поверхности.

— Вот она! — объявил он.

— О'кей! — ответил Андерс.

— Надо же! — воскликнул Борман.

— Хорошо видно? — спросил Ловелл.

— Да!

— Значит, держи камеру как есть, — предупредил Ловелл. — Держи камеру.

В наземной студии Кронкайт продолжал вещание:

— Мы все с нетерпением ждем второй демонстрации видов Луны с высоты в 110 км, когда космический корабль движется над лунной поверхностью на скорости в 16 сотен метров в секунду. — Опытный ведущий хорошо знал, что имена и цифры отлично добавляют веса любым словам, произносимым на публику для заполнения эфирного времени. — Голос, который будет говорить с экипажем «Аполлона-8», принадлежит астронавту Кену Маттингли, он выступает в роли так называемого «капкома».

Наконец появились звук и изображение, экраны в ЦУП, в нью-йоркской студии и в миллиарде домов по всему миру вновь заполнила Луна.

— Хьюстон, как там в телевизоре? — спросил Андерс.

— Ясно и четко, — ответил Маттингли.

— Выглядит нормально?

— Отлично.

Борман, удовлетворенный ответом, начал:

— Это «Аполлон-8», прямая трансляция с Луны. — Его голос, проходящий сквозь почти 400 000 км пустоты, казался более высоким и гнусавым, чем на самом деле. Однако он был сильным и устойчивым, как и несущая его волна. — Билл Андерс, Джим Ловелл и я провели предрождественский день за экспериментами, фотосъемкой и включениями двигателей нашего корабля для разворотов. Сейчас мы последуем тому же, чем занимались весь день, и покажем вам стадии лунного заката.

В эфире затрещали помехи, однако изображение осталось четким, и Борман продолжил запланированный экипажем рассказ:

— Луну мы все воспринимаем по-разному. Для меня она символ большой пустыни, неприветливого образа жизни, пустого пространства. Она выглядит как нескончаемые долины пемзы, и здесь уж точно не захотелось бы жить или работать. Джим, а ты о чем больше всего задумывался?

— У меня мысли очень схожие, — ответил Ловелл. — Огромность и пустынность здесь поразительны, и из-за этого осознаешь то, что есть на Земле. Земля отсюда кажется большим оазисом в огромной космической пустоте.

— Билл, а ты что думаешь? — спросил Борман.

— Я думаю, что меня больше всего впечатлили лунные восходы и закаты, — сказал Андерс, верный своей роли фотографа. — Они особенно подчеркивают суровость ландшафта, а длинные тени выделяют рельеф, который трудно увидеть на очень яркой поверхности, над которой мы сейчас пролетаем.

Пилоты, которых попросили быть поэтами, очень старались соответствовать такому заданию и вполне сносно с ним справились. Однако именно Андерс — профессионал при исполнении — высказался наиболее естественно для своей миссии, и Борман с Ловеллом это знали. Поэтому до конца трансляции они следовали негласному решению играть в открытую и попросту описывать то, что видят.

— Сейчас мы приближаемся к Морю Смита, небольшой области плоского типа, покрытой темным ровным материалом, — сказал Андерс.

— То, что вы видите за Морем Смита, — это кратеры Кестнер и Гильберт, — прокомментировал Ловелл.

Андерс добавил:

— Горизонт здесь очень-очень четкий. Небо совершенно черное, а Земля, то есть Луна, простите, — мгновенно поправился Андерс, — очень светлая.

Луна внизу, Земля в небе — чтобы к такому привыкнуть, требовалось время.

Зрители вновь увидели Болото Сна, моря Спокойствия, Изобилия и Кризисов. А затем корабль наконец приблизился к тому, что довольно зловеще называлось лунным терминатором — ровной, четкой линией на лишенной воздуха Луне, где дневной свет мгновенно сменялся ночью без всяких промежуточных оттенков солнечного света в атмосфере, делающих земные восходы и закаты такими долгими и постепенными. Особенность терминатора, впрочем, заключалась в том, что он мог быть двояким: либо таяние света, либо его наступление — все зависело от того, стоишь ли ты в тени, глядя на солнце, или стоишь на солнце и смотришь в тень. У Бормана на этот счет было четкое предпочтение.

— Сейчас вы видите длинные тени лунного восхода, — сказал он, — и для всех людей на Земле у экипажа «Аполлона-8» есть послание, которым мы хотим с вами поделиться.

Андерс достал полетный план и открыл последнюю страницу. Пусть трое астронавтов и не обладали поэтическими талантами — но теперь у них наконец были стихи, которые можно произнести.

— «В начале, — принялся читать Андерс, — сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет».

Андерс прочел еще немного, затем его сменил Ловелл:

— «И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды».

После Ловелла дело завершил Борман. Он прочел древние слова о том, как собралась вода и явилась суша и как Бог назвал сушу землей, а собрание вод — морями, и закончил все словами: «И увидел Бог, что это хорошо». Затем командир экипажа, добравшегося в такие дали и столько увидевшего, обратился примерно к миллиарду людей — представителям неутомимого биологического вида, склонного к путешествиям и поискам, ради которого экипаж и пустился в свой полет.

— И от имени экипажа «Аполлона-8» мы завершаем передачу пожеланием спокойной ночи, удачи и веселого Рождества. Благослови Бог всех вас на старой доброй Земле.

Затем радиосигнал с корабля прервался, и трое астронавтов, совершающих витки вокруг Луны, вновь остались одни, оторванные от остального человечества. Теперь, когда трансляция завершилась, землянам — мужчинам, женщинам, детям — оставалось лишь делать выводы из всего увиденного и услышанного.

* * *

По завершении передачи Фрэнк Борман по-прежнему оставался командиром летящего в космосе корабля, и этот корабль все так же кружился по одной и той же лунной орбите. Потому-то Фрэнку не терпелось после телешоу вновь вернуться к непосредственным обязанностям.

В Хьюстоне многие из операторов не спешили менять в себе настрой, оставшийся после передачи. Джин Кранц, несмотря на военную выдержку, не был чужд сентиментальности и с готовностью это признавал. После окончания трансляции с «Аполлона-8» он долго стоял у своего пульта в задней части зала, все еще под впечатлением от увиденного.

Джерри Бостик, оператор-баллистик из «траншеи», сумел описать свои чувства лишь одним способом — как волну благодарности за поразительное историческое событие, происходящее прямо на его глазах, и за то, что время его рождения, его талант и обстоятельства жизни позволили ему, одному из миллиарда людей, оказаться причастным к этому моменту. «Господи, спасибо, что я здесь и что я часть этого», — беззвучно сказал он себе.

Милт Уиндлер, который теперь сидел за пультом руководителя полета, вспомнил о свертке с радостными флагами, украшенными белой цифрой 1, и решил, что распаковывать их никогда не будет. Мирское святилище, каким был ЦУП, на некоторое время — пусть и короткое — стало святилищем духовным. Бодрая массовая сцена, даже задуманная с самыми лучшими намерениями, теперь вдруг показалась Уиндлеру совершенно неуместной.

Борман тем временем выждал нужный срок, чтобы удостовериться, что трансляция закончилась, и потом подождал еще немного. После такой сильной сцены он хотел быть уверенным, что его следующие слова услышит только ЦУП, а не весь мир.

— Мы уже ушли из эфира? — спросил он.

— Подтверждаю, «Аполлон-8», ушли, — ровным голосом произнес Кен Маттингли.

— Вам было слышно все, что мы говорили?

— Громко и четко. Спасибо за отличную передачу.

— О'кей. А теперь, Кен, давай разберемся с ТЕI, — сказал Борман. — Ты нам обещал сколько-то добрых слов, дашь?

— Да, сэр, — ответил Маттингли.

«Добрыми словами», требуемыми Борманом, назывались «предварительные рекомендательные данные», а на самом деле компьютерные команды. Они были нужны для запуска двигателя с целью возвращения к Земле наряду с другими данными — например, местоположением навигационных звезд, по которым будет ориентироваться Ловелл, или точной продолжительностью маневра. На тренировках в симуляторе все переменные для ТЕI можно было задать жестко, при реальном же запуске двигателя могли сработать любые сторонние факторы, начиная от возмущений орбиты под воздействием масконов и заканчивая уплощением траектории из-за сбросов отработанной жидкости. Особо важным оставался вопрос о том, сколько горючего SPS использовал в предыдущих включениях. Двигатель потреблял 29 кг топлива за каждую секунду работы, и разница в ожидаемой массе могла стать существенным фактором при расчетах, особенно когда нужно отправить корабль в крайне узкий коридор входа в земную атмосферу с расстояния 375 000 км.

Борман отлично представлял себе важность таких расчетов. Во время передачи фраза об экипаже, который производит «включения двигателей корабля для разворотов», прозвучала вполне беспечно, однако она всего лишь маскировала тот факт, что «развороты» требуют тщательного планирования и немалого количества топлива. «Добрые слова» Кена Маттингли должны были стать большим продвижением к минимизации сопутствующего риска.

Немалую часть девятого витка Маттингли провел, передавая экипажу необходимые данные для ориентации и прочие настройки. По большей части они напоминали разномастную смесь математических и зодиакальных терминов — странный язык древних мореплавателей, некогда ходивших под парусом, и современных покорителей небес, пускающихся в полет.

— Дельта Скорпиона вниз 071, — зачитывал Маттингли. — Ригель Сириуса 129.

Борман и Андерс записывали все от руки, как операторы на телеграфном ключе. Ловелл, сидя за компьютером, вводил координаты с клавиатуры.

— По существу, — заключил Маттингли после всей процедуры, — все системы в норме. После 138 секунд включения будете на пути к дому. Погода на месте приводнения хорошая.

Борман подтвердил получение данных, но ничем не ответил на упоминание о месте приводнения. Погода запросто могла измениться задолго до возвращения «Аполлона-8» на Землю, а вместе с ней и шансы корабля на удачную посадку. А пока что экипаж приближался к концу девятого витка и к предпоследнему 35-минутному отрезку без связи с Землей.

— Спасибо большое, — без церемоний произнес Борман. — Увидимся на следующем витке.

* * *

Урочный час для старта к Земле приближался, и Сьюзен Борман решила, что этот последний маневр для нее должен быть не таким, как выход на окололунную орбиту. Во

время важных для экипажа моментов она по-прежнему предпочитала держать прессу и большинство гостей на расстоянии, но одинокое бдение во время LOI слишком ее изнурило. На этот раз Сьюзен решила, что во время рискованного маневра нужно иметь рядом с собой хоть одного человека, и она очень хотела, чтобы этим человеком оказалась Валери Андерс. Как и Сьюзен, Валери жила в Эль-Лаго, а это значило, что обеих женщин разделяли всего несколько лужаек и короткая прогулка от дома к дому. Мэрилин жила в Тимбер-Коув: добираться до дома Борманов ей пришлось бы на машине, продираясь сквозь толпы репортеров и фотографов. Поэтому Сьюзен пригласила Валери приехать на рождественскую телепередачу и включение двигателя, и Валери приняла приглашение.

На рождественский ужин Сьюзен и ее сыновья выбрались в дом неподалеку, где жили Джо и Маргарет Элкинс — ближайшие друзья Борманов во всей округе. Сразу после ужина Борманы поспешили домой. Валери, уложив детей спать, поручила их заботам кого-то из взрослых гостей ее дома и пришла к Сьюзен. Вскоре обе женщины ускользнули от толпы благожелателей, собравшихся в гостиной, усадились на кухне и принялись ждать.

Мэрилин решила ничего не менять: как и в критические периоды полета до этого, она будет следить за новостями дома перед телевизором, в окружении семьи и друзей. В промежутке между телерепортажем и предстоящим маневром она — в длинной красной юбке, подходящей к рождественскому настроению — вывела детей на прогулку по Тимбер-Коув. В рождественскую пору окрестные дома всегда стояли украшенными, однако сейчас Мэрилин с удивлением обнаружила, что на этот раз соседи не ограничились традиционными украшениями. Тротуары на всей улице расцвели самодельными светильниками — в бумажных пакетах горели свечи в честь астронавтов «Аполлона-8». И хотя такое освещение было ненадежным — резкий ветер или опрокинутая свеча могли все нарушить, — огни пока держались.

Мэрилин не могла лично поблагодарить каждого из соседей, и на внимание к ее семье, выказываемое всю неделю, решила ответить другим способом. Вернувшись домой и уложив детей в постель, она пошла в кухню, устала большой поднос стаканами с яичным коктейлем и отнесла его на лужайку перед домом — собравшиеся здесь репортеры находились далеко от своих семей, и Мэрилин решила передать им частичку праздничного настроения. Затем она вошла в дом и села с гостями перед телевизором.

Уолтер Кронкайт ушел из эфира после трансляции с борта «Аполлона-8», но по-прежнему оставался в нью-йоркской студии. Короткий перерыв не был лишним — он позволял немного отдохнуть и заодно вникнуть в технические материалы, касающиеся включения двигателя. Затем Кронкайт, как и ведущие других телеканалов, вновь вышел в эфир с коротким репортажем о последнем витке, хотя новостей практически не было. Никаких пейзажей, никаких рассказов астронавтов для публики, даже переговоры с операторами почти целиком состояли из потока цифр и технических деталей, которые помогут настроить бортовые системы к запуску двигателя. Кронкайт прокомментировал информацию в суровой манере: или — или.

— Над обратной стороной Луны, без связи с Землей, астронавтам «Аполлона-8» предстоит запустить тот же мощный ракетный двигатель, который вывел их на окололунную орбиту. Он должен вновь сработать отлично, потому что в случае неудачи «Аполлон-8» может навсегда остаться на орбите вокруг Луны. Разумеется, никто не ожидает, что такое произойдет. Двигатель до сих пор работал прекрасно, должен сработать и в этот раз.

Это было правдой, но только относительной. Астронавты, их жены и все сотрудники НАСА прекрасно знали: совершенно надежные системы работают лишь до того момента, когда становятся совершенно ненадежными.

* * *

Незадолго до прекращения связи в конце десятого витка Кен Маттингли произнес фразу, которая стала точкой отсчета для включения двигателя.

— О'кей, «Аполлон-8», — сказал он. — Мы проверили ваши системы. Даем добро на ТЕI.

— О'кей, — ответил Борман.

Хронометры начали отсчитывать время до момента, когда — как все надеялись — в последний раз будет потеряна связь с Землей. Маттингли, как положено, называл оставшееся время.

— «Аполлон-8», Хьюстон. Три минуты до потери сигнала. Все системы в норме.

Ответа от корабля не последовало.

— «Аполлон-8», «Аполлон-8», вызывает Хьюстон, — повторил Маттингли. — Три минуты до потери сигнала. Все системы в норме. Прием.

— Вас понял, Хьюстон, спасибо. «Аполлон-8», — ответил Борман с явным нажимом на последние два слова, словно отсекая все необязательные разговоры.

Маттингли, отлично понимающий интонации командира, в последующие три минуты сохранял тишину. В этот раз, впервые за весь полет, столь важное событие прошло без четкого обратного отсчета.

Наконец, за считанные секунды перед перерывом связи, капком произнес лишь одну сугубо деловую фразу:

— «Аполлон-8», все системы в норме.

— Спасибо, — ответил Борман.

Потом в канале стало тихо.

* * *

Астронавты в корабле, воспользовавшись паузой, немного посидели в тишине. Наконец-то никаких срочных процедур, никаких оглашаемых с Земли списков необходимых дел. Финальные приготовления к маневру ТЕІ делались по возможности без слов: вслух произносилось лишь самое необходимое, в остальном царила тишина.

Когда до маневра оставалось меньше получаса, Борман вновь заговорил:

— Фантастическая получилась неделя, да?

— Будет еще лучше, — с улыбкой ответил Ловелл, думая о доме.

В следующие 20 минут астронавты занимались разнообразными рутинными делами, в том числе наведением остронаправленной антенны. Сейчас она была не нужна, но, когда они выйдут из-за Луны, она понадобится.

Андерс посмотрел в иллюминатор.

— Надо же, там темнее темного, — сказал он.

Прошло еще несколько минут. Борман взглянул на часы, отсчитывающие время до включения.

— Семь минут, — объявил он. — Подходим к шести.

Как и прежде, астронавты расположились в креслах и пристегнулись, не затягивая ремни. На этот раз корабль необходимо было разогнать на 1083 м/с, доведя скорость как минимум до 2380 м/с — немалое ускорение всего за две минуты. Экипаж вновь должна была прижать к креслам перегрузка, довольно умеренная (меньше 1 g), но после четырех дней полной невесомости и она покажется больше обычного.

Андерс назвал очередные параметры ориентации из полетного плана. В ответ Борман подправил положение корабля относительно вертикальной и горизонтальной оси.

— Готовность две минуты, — объявил Андерс.

Когда истекли последние секунды, компьютер вновь выдал «код последнего шанса» — «99:20».

Ловелл, подавшись вперед, нажал «Исполнить»[55].

* * *

Атмосфера в ЦУП вовсе не походила на ту, какую поощрял Крис Крафт. Его операторы были профессионалами и обычно соблюдали правила поведения в зале, то есть сосредоточивались на выполняемой работе и сводили лишние разговоры к минимуму. Однако во время отсутствия связи эти правила получали послабление, и, хотя при первой потере сигнала общий настрой был довольно напряженным, сейчас ситуация стала привычной.

Тишина в наушниках, пустые экраны без телеметрических данных — почему бы не перемолвиться словом с соседом?

Однако нынешний период отсутствия связи отличался от прочих. Меньше чем через 20 минут ЦУП получит известие — либо очень хорошее, либо очень дурное, в зависимости от того, как сработает SPS. Дурное известие, скорее всего, будет означать гибель трех отличных парней. Наученный опытом 23-месячной давности, Крафт уже знал, что такое потерять трех человек, и повторять такой опыт не хотел. Поэтому даже при относительном молчании в зале Крафт все же предпочел бы, чтобы тишина была полнее.

— Вы не могли бы помолчать?! — рявкнул он.

В ответ к нему повернулись головы.

Крафт не обращался ни к кому конкретному. До него долетали тихие голоса из одного конца зала, и если выбирать того, чей голос раздражал его больше других, то это оказался бы голос летного врача Чарлза Берри. Забота о здоровье астронавтов, разумеется, дело необходимое, но сейчас был явно не тот случай. Если двигатель откажет, рецепт на марезин или секонал никак не поможет, и, на взгляд Крафта, уж Берри-то сейчас мог бы держаться как можно дальше от событий.

— Замолчите! — повторил Крафт. — Не знаю, как остальные, а я тут думаю о том, как наши ребята выйдут с той стороны Луны.

Крафт хмуро оглядел зал, показывая, что упрек относится ко всем без исключения.

В Эль-Лаго и Тимбер-Коув призывать кого-то к тишине не было необходимости. Сьюзен Борман и Валери Андерс сидели вдвоем, бок о бок, на кухне Борманов. Мэрилин Ловелл — на полу гостиной, поджав ноги, — точно так же, как во время недавней телепередачи.

В нижней строке телеэкранов, настроенных на репортаж об «Аполлоне-8», и в верхней части главного экрана в ЦУП часы показывали время от старта — 3 суток 17 часов 19 минут и 12 секунд. Некоторые зрители, устроившиеся у домашних телевизоров, без дополнительных объяснений знали, что это время, когда должен включиться двигатель для возвращения к Земле. В ЦУП это было отлично известно всем до одного. Если двигатель запустится как надо, он разгонит корабль, и последний период отсутствия связи закончится раньше: радиокontakt восстановится всего через 15 минут и 10 секунд.

Включение двигателя, невидимое и неотслеживаемое, либо произошло, либо нет. Долгое ожидание вестей с корабля проходило, как и желал Крафт, в тишине. Он ничего не говорил. Молчал и Джордж Лоу. Молчал Чарлз Берри. Кен Маттингли за пультом капкома не оглашал ни время начала, ни время окончания маневра: если невозможно подтвердить, произошло ли событие, то не было смысла о нем объявлять. Чьи-то пальцы постукивали по столу, щелкали чьи-то зажигалки, полетные часы отсчитывали время.

Через неполных 12 минут после предполагаемого включения двигателя Маттингли нарушил тишину в эфире. Как и в случае выхода на лунную орбиту, ожидать отклика от экипажа пока было рано, однако надеяться — уже можно.

— «Аполлон-8», Хьюстон, — сказал Маттингли невидимому кораблю и заодно всем телезрителям.

В ответ было лишь молчание.

— «Аполлон-8», Хьюстон, — повторил он через 18 секунд.

Снова тишина — только свистящий шум космического молчания в наушниках и в динамиках телевизоров.

— «Аполлон-8», Хьюстон, — вновь попытал счастья Маттингли еще через 28 секунд.

На этот раз, по-прежнему не получив ответа, он замолчал почти на минуту, но и следующий вызов не принес результата.

После 48 секунд молчания Маттингли вновь вызвал корабль, затем повторил вызов еще через 48 секунд. Снова тишина.

15 минут и 10 секунд уже истекли. Если корабль в ближайшее время не появится, это будет означать серьезное опоздание.

А затем, все разом, ожили замершие экраны на всех пультах, операторы в ЦУП повскакивали с мест и не скрывали радости. Цифры на экранах — совершенно правильные и благополучные — шли на Землю с корабля, который еще находился за 375 000 км, но совершенно точно направлялся домой.

Через миг четко прозвучал голос Джима Ловелла:

— Хьюстон, «Аполлон-8». К вашему сведению, Санта-Клаус здесь.

— Подтверждаю, — ответил Маттингли. — Кому знать, как не вам.

Так, по крайней мере, услышали астронавты. А все находившиеся в ЦУП — нет: слова капкома утонули в ликующих криках и свисте операторов, которым уже было не до Криса Крафта с его правилами насчет тишины.

В кухне Борманов Сьюзен вскочила с места, взволнованно всплеснула руками и радостно обняла Валери. В доме Ловеллов такое же ликование окружало Мэрилин, от радостных возгласов гостей проснулись дети, которых она только что уложила спать.

В домах, в барах, на американских военных базах по всему миру тоже долго не смолкали аплодисменты. Радостное известие отмечали и 1700 человек на авианосце «Йорктаун» — главном военном корабле, ответственном за спасение астронавтов. Он уже направлялся к указанному участку в южной части Тихого океана, где через двое суток ожидалось приводнение.

Из космического корабля, где до посадки на этом маленьком пятачке среди океана оставалось еще немало забот, Фрэнк Борман задал лишь один вопрос:

— Что там дальше по списку?

Глава 15

25–27 декабря 1968 г.

С экипажами, находящимися в космосе, Дик Слейтон напрямую не говорил с октября — с той безуспешной попытки заставить Уолли Ширру надеть шлем перед входом «Аполлона-7» в атмосферу. Слейтон отлично знал, что протоколы связи не поощряли разговоров с экипажем, исходящих от кого угодно, кроме капкома, — даже от главы Отдела астронавтов, однако после маневра ТЕ1 он решил сделать еще одно исключение.

— Доброе утро, «Аполлон-8», это Дик, — сказал он, подключив гарнитуру в соседнее гнездо на пульте капкома. — Просто хочу пожелать вам очень счастливого Рождества от имени всех в ЦУП и, я уверен, во всем мире.

Любые, даже самые слабые отголоски сентиментальности в Слейтоне были категорически непривычны экипажу, и астронавты толком не знали, как на такое реагировать. Впрочем, это было и неважно, поскольку сентиментальный Слейтон был еще и словоохотливым Слейтоном.

— Лучшего рождественского подарка мы и не ожидали. Надеюсь, вы теперь хорошенько выспитесь, и пусть удастся завтрашний рождественский ужин. С нетерпением будем ждать вас на Гавайях 28-го числа.

Борман для надежности выждал, пока Слейтон уж точно закончит речь, и тогда ответил.

— О'кей, лидер, — начал он, неожиданно называя Слейтона словом, которое раньше никогда не использовал. Однако командир экипажа тоже не был глух к сантиментам. — Там и встретимся. Передайте спасибо всем, кто на Земле. Понятно, что без их помощи мы бы ничего не сделали.

— Тут мы заодно, — ответил Слейтон.

— Даже мистер Крафт иногда делает что-то полезное, — добавил Андерс.

Слейтон обернулся через плечо посмотреть, насколько добродушно Крафт снесет такую дерзость от экипажа, но Крафта в зале не было: узнав, что корабль благополучно направился к Земле, он уехал домой поспать и переодеться.

— Он устал ждать, пока вы с ним поговорите, и ушел домой, — ответил Слейтон.

Как и надеялся Слейтон, астронавтам удалось поспать: вначале Борману и Ловеллу, а затем, когда они проснулись, — Андерсу. Рождественский ужин у них тоже был — позже обычного, в самое Рождество.

Как и все съестное, эти припасы тоже были упакованы и уложены в ящик, хранящийся в отсеке оборудования, только рождественские упаковки были тяжелее обычных, и к каждой из них зеленой огнеупорной ленточкой была привязана открытка с надписью «Счастливого Рождества». Под оберткой экипаж обнаружил пластиковые пакеты с индейкой, подливкой, клюквенным соусом и гарниром. Для каждого из астронавтов к ужину прилагалась миниатюрная бутылка бренди Coronet VSQ.

При виде рождественской еды вся троица просияла: после четырех дней на полетном пайке такой ужин казался роскошью. А двое из экипажа — Ловелл и Андерс — обрадовались и бутылке бренди. В отличие от Бормана.

— Ради всего святого, не пейте, — предупредил он. — Если в следующие два дня хоть что-то пойдет не так, все свалит на пьянство экипажа.

Ловелл и Андерс и сами не очень-то рвались открывать бренди: несмотря на то что оба обладали крепкой головой и обычно могли пить не пьянея, сейчас усталость брала свое. К тому же они знали, что Борман прав: расслабляться нельзя, особенно сейчас, когда корабль уже на пути домой.

Вскоре после ужина Ловелл обратился к операторам:

— Мы были несправедливы к тем, кто готовил нам еду. Санта-Клаус принес каждому по упаковке с ужином, было очень вкусно: индейка с подливкой, смородиновый соус, виноградный пунш, роскошно.

Слова «виноградный пунш» он для ясности выделил голосом.

Милт Уиндлер, сидящий за пультом руководителя полета, рассмеялся и взглянул на свободный уголок стола, где его ждал стаканчик кофе и завернутый в вощеную бумагу бутерброд с колбасой. В кои-то веки астронавты в космосе питались роскошнее, чем операторы в зале.

* * *

Жены тех, кто летел сейчас в «Аполлоне-8», провели день более традиционно. Валери Андерс, собрав всех пятерых детей, свозила их на католическую службу, которая проходила в часовне на авиабазе Эллингтон. Сьюзен Борман с сыновьями и родителями мужа съездила в епископальную церковь Св. Кристофера, где преподобный Джеймс Бакнер отдельно помянул в молитве самого знаменитого человека из своей паствы, который не мог присутствовать на службе:

— О предвечный Господь, в чьей власти все планеты, звезды и галактики и все пределы пространства и времени, от бесконечности от бесконечности! Молим тебя, сохрани и защити астронавтов нашей страны.

Рождественское утро Мэрилин Ловелл началось с благотворительности. Из представителей прессы, теснивших ее на лужайке почти всю неделю, в праздничный день почти все разошлись по домам, остался лишь один фотограф. Мэрилин увидела его из окна и сжалась над ним.

— Идите домой, — посоветовала она с порога, обхватив себя руками из-за холода. — Мы никуда сейчас выходить не будем.

— Мне нельзя домой, — тоскливо ответил фотограф.

— Почему?

— Я не могу уйти без фотографии.

— Всего-навсего? — засмеялась Мэрилин.

Взглянув через плечо в гостиную, она увидела, что ее младший сын Джеффри и старшая дочь Барбара сидят под рождественской елкой среди подарков.

— Дети, идите сюда! — позвала она. Увидев, что они вскочили с пустыми руками, она показала на гору подарков и добавила: — Возьмите что-нибудь.

Барбара схватила первую попавшуюся игрушку, Джеффри взял пружинную ходулю «пого», которую пытался освоить все утро, и оба вышли наружу. Джеффри прыгал, Барбара позировала перед камерой — фотограф сделал несколько снимков. Затем он распрощался и поспешил домой, провести остаток рождественского дня без рабочих забот.

Вскоре после этого праздничная щедрость Мэрилин была вознаграждена. Без всяких предупреждений у тротуара остановился «роллс-ройс», из него вышел мужчина в униформе. Пройдя по дорожке к дому, он постучал в дверь и вручил Мэрилин коробку из дорогого магазина «Ниман — Маркус», обернутую в небесно-голубую бумагу и украшенную двумя пенопластовыми шарами — один побольше, раскрашенный как Земля, другой поменьше, раскрашенный как Луна. На карточке, прилагающейся к коробке, было написано: «Счастливого Рождества! С любовью от человека на Луне». Внутри была короткая норковая шубка.

Мэрилин Ловелл, жена лунного человека, в то же утро надела подарок на церковную службу, куда пошла вместе с детьми. Если кому-то из хьюстонцев и показалось, будто она слишком уж важничает, — пусть. В ту неделю она сделала достаточно для того, чтобы заслужить снисхождение.

* * *

К концу рождественского дня многие, включая некоторых представителей прессы, стали вести себя так, будто полет «Аполлона-8» практически завершен. Да, экипажу еще предстояла посадка в космическом корабле, но это же чистая формальность, не так ли? Телекомментаторы принялись обсуждать варианты, в каких городах мира — помимо стандартного Нью-Йорка с его стандартными парадами под потоками конфетти — состоятся торжества в честь астронавтов, совершающих мировое турне. Особенно активными были обсуждения того, когда произойдет неминуемая высадка на Луну.

Большинство были уверены, что она состоится уже в мае — именно на это время был запланирован старт «Аполлона-10». Короткая проверка LM на околоземной орбите — и экипаж прямиком отправится оставлять след летного ботинка на поверхности Моря Спокойствия. В экипаже будет Том Стаффорд, партнер Уолли Ширры по совместному полету «Джемини-6» и «Джемини-7», и он, вероятнее всего, станет первым человеком на Луне. Джон Янг, которого Гас Гриссом предпочел Борману для полета на «Джемини-3», и Джин Сернан полетят с ним. Репортеры уже принялись готовить публичную биографию Стаффорда.

Самонадеянное представление о том, что возвращение «Аполлона-8» мало отличается от банального свободного падения, получило нечаянную поддержку Билла Андерса в тот момент, когда корабль, отлетев от Луны примерно на 72 000 км, вновь пересек невидимую линию, где притяжение Луны уступило более сильной земной гравитации. Когда Коллинз в роли капкома упомянул своего маленького сына, спросившего, кто из астронавтов сейчас рулит кораблем, Андерс ответил: «Я думаю, в основном им сейчас управляет Исаак Ньютон».

Разумеется, законы физики сами по себе не могли доставить экипаж домой, однако даже в ЦУП царила некоторая самоуверенность. Маттингли, который вскоре после фразы Андерса рассказывал Борману о настроениях на Земле, в числе прочего сообщил о недавнем разговоре с Уиндлером.

— Все улыбаются, — сказал он. — Санта-Клаус был добр к людям в мире, и все довольно спокойно, как и должно быть в Рождество.

— Очень хорошо, — ответил Борман.

— Милт говорит, мы в состоянии расслабленной бдительности.

— Очень хорошо, — повторил Борман, прежде чем осознал сказанное. И тут же добавил более жестким тоном: — Расслабляться — это нам. А вы будьте бдительны.

— Да, так будет честнее, — ответил Маттингли.

У Бормана были все права требовать бдительности. Возвращение «Аполлона-8» на родную планету было эквивалентно затяжному парашютному прыжку с очень большой высоты и, как и в случае любого затяжного прыжка, могло закончиться плачевно. За часы,

прошедшие после ТЕ1, полет уже однажды оказался под угрозой, хотя на Земле об этом говорили очень мало.

После рождественского ужина, когда Борман ушел спать в отсек оборудования, кораблем управлял Андерс, засевший в левом кресле. Ловелл в это время работал с компьютером. Коллинз зачитывал Ловеллу новые координаты для очередного вращения вокруг продольной оси с целью равномерного прогрева корпуса: время от времени ориентацию корабля приходилось менять в зависимости от постоянно изменяющегося угла относительно Солнца. Ловелл вводил команды в компьютер, как вдруг включились маневровые двигатели. Корабль резко повело, из горизонтального положения с направленным примерно вперед носом он перевернулся в вертикальное, носом вверх.

— Стой, стой, стой! — воскликнул Ловелл.

— О'кей, стоим, стоим. Ждем, — ответил Коллинз.

Под взглядом Андерса индикатор положения корабля в пространстве, расположенный на приборной панели, сдвинулся одновременно с кораблем, и теперь странное движение корабля отражалось в странных показаниях индикатора. Борман резко проснулся.

— Что случилось? — требовательно спросил он.

Ловелл на миг замешкался, ответа у него не было. Корабль продолжал крениться. В попытке вернуть нормальную ориентацию Андерс запустил двигатели реактивного управления, однако та же программная ошибка, что дала начало проблеме, теперь не позволяла совладать с кораблем и делала все, чтобы он остался в вертикальном положении кверху носом. Зная, что в таких случаях главное — не создавать новых проблем на фоне имеющихся, Андерс убрал руку с ручки управления двигателями.

Ловелл, прокрутив в голове компьютерные команды, быстро вычислил причину. Коллинз назвал глагол 3723 и имя 501 — это должно было придать кораблю требуемое положение при вращении. Ловелл, от усталости плохо соображающий, незаметно для себя сократил команду до глагола 37 и существительного 01, что давало совсем другой расклад: глагол 37 значил «возвращаться на Землю», а существительное 01 означало «предстартовый режим». В сущности, Ловелл сказал кораблю, что тот находится на стартовой площадке во Флориде, и корабль ему поверил — гордо встал вверх носом, готовый к запуску.

— Это я ошибся, — сказал Ловелл.

Коллинз, который к тому времени угадал истинную причину проблемы, просто ответил:

— Понял.

Путаница с командами была поправимой, но отладка требовала усилий. Из-за некорректных команд «мозг» корабля уже не содержал никаких данных о текущем положении в пространстве. Чтобы восстановить ориентацию, Ловеллу нужно было сделать то, что называлось «грубым выравниванием» по трем известным звездам, затем ввести координаты в компьютер, а после этого серией уточнений окончательно сбалансировать навигационную платформу. После этого корабль снова знал бы, как он расположен в трехмерном пространстве. Весь процесс походил на работу по определению положения объектов лунного рельефа, которой Ловелл занимался весь полет, только на этот раз компьютер был настолько сбит с толку, что все приходилось восстанавливать с нуля.

Ловелл сумел уложиться в относительно короткий срок. В результате ему пришлось в голову, что такую процедуру на всякий случай любому командиру «Аполлона» стоит иметь под рукой: если на каком-либо из кораблей произойдет крупный системный отказ, то в первую очередь командиру нужно будет знать, как должным образом сориентировать корабль в пространстве.

* * *

Случайные и поправимые ошибки вроде той, что совершил Ловелл, ничто по сравнению с опасностями неминуемыми, которые поджидали корабль при входе в атмосферу. Первый критический шаг выполнялся менее чем за час до первого контакта с атмосферой, когда корабль должен был отбросить служебную половину командно-служебного модуля — ту часть, где находился двигатель и системы жизнеобеспечения длительного полета. От

корабля, начинавшего свое космическое путешествие на верхушке 110-метровой ракеты, под конец оставался лишь трехметровый конус с теплозащитным экраном на днище, с запасом энергии и кислорода лишь на несколько часов.

Этой капсуле предстояло столкнуться с атмосферой на скорости примерно 40 000 км/ч; выдержать такой удар — всего лишь часть испытания. Кораблю помимо этого нужно было попасть «в ушко иголки» — войти на высоте 120 км в коридор входа под углом не менее $5,3^\circ$ и не более $7,4^\circ$ к горизонту. Это соответствовало участку неба всего в 25 км шириной: при подлете с расстояния в 375 000 км такая мишень выглядела совсем маленькой. Если вообразить себе Землю величиной с баскетбольный мяч, а Луну — с бейсбольный, то планеты были бы расположены на расстоянии 7 м друг от друга, а входной коридор не толще листа бумаги.

Расплата за непопадание в нужную точку настала бы немедленно. При входе по слишком крутой траектории экипаж убивали перегрузки — если сам корабль до этого не разорвало бы аэродинамическими силами. При слишком пологой траектории «Аполлон-8» отскакивал рикошетом от верхнего слоя атмосферы и улетал в космос навсегда. И даже успешный вход требовал оседлать огонь и пройти до приводнения в режиме, который никогда прежде не испытывали другие экипажи. В этот раз температура на теплозащитном экране должна была превысить 2700°C — то есть вдвое больше точки плавления стали, а это куда опаснее, чем 1650°C при обычном входе с околоземной орбиты. Из-за крайнего жара корабль окружало облако ионизированного газа, не пропускающего радиосигналы, то есть и этот чреватый гибелью маневр должен был проводиться при отсутствии связи.

И этим не исчерпывались поводы для беспокойства. Даже если корабль точно попал в баллистическую «мишень», торможение в атмосфере не удалось бы пережить без сложного маневрирования при спуске. Разреженные верхние слои атмосферы начинали оказывать заметное сопротивление лишь при снижении примерно до 90 км. Дальше перегрузка, действующая на корабль и экипаж, быстро возрастала, доходя до 6,8–7,0 единиц: тяжело, но еще приемлемо. Однако после этого, если бы корабль продолжил движение по той же траектории, перегрузка возросла бы многократно и стала смертельной.

Поэтому командный модуль необходимо было направить вверх и ненадолго приподнять над атмосферой, дать немного охладиться теплозащитному экрану и снизиться перегрузкам, а затем вновь войти в атмосферу под более пологим углом. С точки зрения физики так называемое рикошетирование, или двойное погружение в атмосферу, чем-то походило на американские горки: первый спуск всегда самый крутой, а последующие холмы и впадины с каждым разом все ниже и мельче, поскольку гравитационная энергия, накапливаемая во время медленного подъема на верхушку самого первого пика, далее постепенно рассеивается.

На чертежных досках и в блокнотах, где поначалу разрабатывалось двойное погружение в атмосферу, все выглядело ясно и обоснованно, за исключением одного: у космического корабля «Аполлон» не было крыльев. Без крыльев нельзя получить подъемную силу, а без этого невозможен подъем[56]. Однако и на это нашелся ответ: командный модуль нужно было сделать с преднамеренно смещенным центром тяжести.

Вместо того чтобы оставить эту невидимую, но важную точку на оси симметрии конуса командного модуля, конструкторы поместили ее ниже осевой линии. Это создало так называемый угол естественной балансировки: корабль вместе с теплозащитным экраном вставал в потоке под углом к направлению полета с небольшим наклоном вниз с точки зрения астронавтов. Так корабль был ориентирован на начальном этапе торможения в атмосфере.

Когда наступало время подъема[57], корабль под управлением компьютера поворачивался по крену на 180° , чтобы теплозащитный экран по-прежнему был направлен вперед, но астронавты в креслах оказывались вверх ногами. При этом центр тяжести был выше средней линии, балансировочный угол менялся на противоположный, и капсула под действием подъемной силы начинала движение вверх. Перед вторым и окончательным спуском корабль поворачивался вокруг оси еще раз — в исходное положение.

Двойное погружение в атмосферу воспринималось подобно дикой скачке, и было бы чертовски хорошо для начала отработать такую траекторию раз-другой на спуске с высоты всего в несколько тысяч километров[58]. Именно такое испытание и планировалось Фрэнку Борману, Джиму Ловеллу и Биллу Андерсу, когда «Аполлон-8» еще назывался «Аполлоном-9», а его экипаж должен был полететь с лунным модулем, но вовсе не в окрестности Луны. Но никакого ЛМ корабль не дождался, он отправился вместо этого к Луне, и тренировочный спуск с астронавтами теперь превратится в полноценное возвращение с лунной дистанции.

Потому-то Фрэнку Борману было не до разговоров о парадах, мировых турне и расслабленной бдительности в Хьюстоне.

* * *

Когда космический корабль, летящий от Луны, начал финальный подход к Земле, над Тихим океаном стояла глубокая ночь. Жители островов, выйдя из дома около трех часов ночи по местному времени 27 декабря, могли бы увидеть приближающийся корабль — правда, для этого понадобился бы семикратный бинокль. В его поле зрения «Аполлон-8» показался бы едва видимой светящейся точкой примерно на четверти расстояния между Луной и яркой Венерой. Кроме того, пришлось бы запастись терпением: правильно выбранная «звездочка» за четверть часа немного бы сдвинулась, и люди поняли бы, что смотрят на космический корабль. А между тем ему оставалось лишь 60 минут до входа в атмосферу, и двигался он со скоростью около 20 000 км/ч, непрерывно ускоряясь.

На борту этой точки все выглядело иначе и совсем не так мирно. Люди в машине не чувствовали движения корабля, зато Земля, всего два дня назад напоминавшая размером монету, быстро росла и уже не помещалась в иллюминаторах — сейчас она вновь выглядела как огромная дуга горизонта, которую невозможно было охватить глазом. Глядя на Землю с лунной орбиты, Джим Ловелл поражался тому, что мог, вытянув руку, прикрыть планету одним пальцем. Сейчас, когда она вновь принимала привычный размер, никакой палец не шел в сравнение с огромной Землей.

Впрочем, до подлета к этому растущему телу у экипажа еще было много дел. При входе в атмосферу, когда появится хоть какое-то подобие притяжения, все летающие по кабине предметы станут падать на пол корабля, то есть на астронавтов. С увеличением перегрузок проблема только усугубится, и получить при семикратной перегрузке по голове фонариком или болтом, пока ты пытаешься пилотировать корабль, никому не хотелось.

Борман и Ловелл наскоро устроили уборку помещения. Андерс тем временем проверял, закрыты ли клапаны бака питьевой воды, всех охлаждающих систем и испарителей: вода, льющаяся на электронику, будет гораздо опаснее мусора, падающего на астронавтов. Ловелл следил за Андерсом, контролируя выполнение работы, и докладывал операторам.

— Кең, Билл только что закрыл впускной клапан питьевой установки, — доложил он Маттингли.

— О'кей, спасибо.

— Если увижу летающую воду, сообщу отдельно, — добавил Андерс.

Эта реплика задумывалась как ободряющая, хотя на деле значила обратное. Капли воды, не обнаруженные к этому времени, теперь могли появиться на виду только во время входа в атмосферу, а тогда будет уже слишком поздно.

У наземной службы были запланированы и другие задачи для экипажа, включая проверку того, чтобы скафандры вместе с тяжелыми шлемами надежно уложены. Отказ Уолли Ширры надеть шлем во время возвращения «Аполлона-7» на Землю пошел на пользу: в тот раз благополучное возвращение корабля убедило НАСА, что конструкция корабля надежна и что разгерметизация при входе в атмосферу маловероятна. Поэтому ЦУП позволил Борману и его экипажу совершать спуск в более легких и удобных тканевых костюмах, которые астронавты носили во время всего полета.

Андерсу также предстояло перенастроить систему жизнеобеспечения так, чтобы температура в кабине снизилась до 16–17° С. Для тонких комбинезонов это было маловато, но холод не продержится долго: даже при самой лучшей термоизоляции в кабину будет

проникать жар от внешней оболочки, разогретой до 2700° С. А к моменту приводнения вокруг корабля будет уже не холодный космос, а 30-градусная жара почти экваториальных вод в южной части Тихого океана, поэтому внутри может стать слишком жарко.

Хотя небо в зоне приводнения обещало быть ясным, метеослужба предсказывала также волны высотой до 1,2 м. Это побудило Маттингли дать еще один совет.

— Поскольку марезин начинает действовать не сразу, поступила рекомендация принять таблетку прямо сейчас, — произнес он в эфир.

Борман не поверил своим ушам: опять марезин? Он летал на самолетах в условиях болтанки, как и его товарищи, и теперь предстоял всего лишь еще один тряский спуск. Впрочем, капком обеспечил себе некоторое прикрытие: он сразу же добавил, что имеет очередной набор предварительных рекомендательных данных для экипажа. Борман решил ответить лишь на один из упомянутых Маттингли пунктов.

— О'кей, ждем. Давай мне данные, — ответил он, не отреагировав на марезин. Не упоминал о нем больше и Маттингли.

Наконец пришло время для необратимой операции — отделения служебного модуля. Как и многое другое в этом полете, оно представляло собой упражнение по контролируемому буйству, когда пироболты разрывают всякую связь между двумя частями корабля. Сразу после этого ЦУП должен был выдать команду обезглавленному теперь служебному модулю запустить направленные вперед двигатели, чтобы уйти назад от командного модуля, после чего ему предстояло влететь в атмосферу и там сгореть.

— Хьюстон, я «Аполлон-8», подтвердите готовность к взводу пиросредств, — передал в эфир Ловелл, запрашивая официального разрешения подготовить пиротехнику — что было эквивалентно выдергиванию чеки гранаты.

— «Аполлон-8», разрешаем взвод пиросредств, — ответил Маттингли.

Получив добро Земли, астронавты вернулись на свои места и затянулись в креслах как можно туже: ослабленных ремней, как при маневрах TLI и TEI, сейчас было абсолютно недостаточно. Борман, пристегнувшись, окинул взглядом Ловелла и Андерса, убеждаясь, что они сделали все правильно. Затем посмотрел на приборную панель, где находились часы. С момента ухода служебного модуля начинался период максимального риска для него и двух его коллег. Меньше чем через час либо они благополучно приводнятся, либо станут жертвами космоса.

* * *

В Хьюстоне было чуть больше восьми утра. Все три телеканала вернулись к освещению полета, и голоса телеведущих перемежались словами Пола Хейни, дежурного комментатора ЦУП. Все время полета у микрофона был либо Хейни, либо кто-то из его коллег, однако на экране обычно доминировали ведущие телеканалов. Сегодня они отступили на второй план и дали больше эфирного времени тому, кто был голосом космической программы.

— Маршрут полета, если вы не смотрите на карту, — говорил Хейни ровным бесстрастным тоном, принятым у комментаторов НАСА, — пролегает над северо-восточным Китаем, Пекином, дальше над Токио, и затем мы начинаем снижение к юго-востоку. Точка посадки находится на 165° западной долготы и примерно на 8° северной широты. Кстати, эта точка находится всего в 1000 км к северо-западу от острова Рождества, как уже наверняка отмечали.

Хейни подразумевал атолл Киритимати к югу от Гавайев, который иногда называют тем же именем, что и более известный остров Рождества, находящийся намного западнее. Это, конечно, была натяжка, но Хейни пошел на нее с учетом времени года и обстоятельств полета.

Всего за 90 с до отделения служебного модуля в эфире можно было услышать голос Маттингли, предупреждающего экипаж о том, что в главном испарителе корабля могла кончиться вода. Как и в случае проблемы с испарителем во время первой передачи с окололунной орбиты, при стандартных обстоятельствах такое происшествие требовало бы

немедленного внимания. Однако поскольку главный и запасной испарители находились в служебном модуле, им оставалось жить всего полторы минуты. Тем не менее правила полета должны были неукоснительно соблюдаться, поэтому кораблю была дана рекомендация переключиться на запасной испаритель. Андерс ответил на это озадаченным «вас понял», и Хейни оставалось лишь дать телезрителям комментарий об истинной цене такого диалога.

— Экипажу сообщили, что в главном испарителе кончилась вода, — сказал он. — Уж точно экипажу сейчас до этого нет дела.

Ловелл, сидя в центральном кресле, вводил в компьютер команды, которые должны запустить процедуру разделения. Подумав секунду, компьютер обработал запрос и выдал код «99:20», как бы спрашивая у экипажа: исполнять или нет?

— К исполнению, — воскликнул Ловелл.

— К исполнению, — согласился Борман и взялся за ручку управления ориентацией — на случай, если операция пойдет нештатно и корабль отклонится от правильного курса.

Ловелл нажал кнопку «Исполнить». Взорвались пироболты, послышался глухой звук, астронавтов встряхнуло. Командный модуль отделился; служебный модуль, теперь невидимо болтающийся где-то позади, запустил смотрящие вперед двигатели и благополучно отошел назад.

Борман, взглянув на индикаторы положения в пространстве, расслабил руку. Корабль был стабилен.

— Ничего себе толчок, — прокомментировал он. Хорошо представляя себе мощь пиротехники, он был удивлен тем, что сила взрыва чувствовалась так явственно.

ЦУП видел по телеметрии, что отделение служебного модуля прошло, Андерс и Ловелл прочувствовали его на себе столь же отчетливо, как и Борман, поэтому вслух никто ничего не сказал.

Телеведущие на Земле заволновались.

— Отделение должно произойти прямо сейчас, — сказал Кронкайт. — Ждем подтверждения от Пола Хейни.

Но Хейни молчал, и, когда прошла еще минута, Кронкайт начал беспокоиться:

— Мы по-прежнему ждем, когда нам подтвердят отделение модуля, которое должно было произойти через 13 секунд после 10:22 по восточноамериканскому времени, — сказал он. — Подтверждение нам всем доставит радость, очень хочется его получить.

То ли Хейни понял свою промашку, то ли кто-то из следящих за реакцией телеканалов посоветовал ему доставить радость Кронкайту, — и Хейни наконец произнес в эфире:

— Руководитель полета подтвердил отделение.

— Судя по всему, полет «Аполлона-8» проходит благополучно, — с явным облегчением сказал Кронкайт.

Вход в атмосферу теперь был неминуемым, до него оставалось 12 минут. Однако успех предстоящего столкновения корабля с атмосферой требовал еще одного навигационного наблюдения.

Ровно за шесть минут до начала входа Луна — снова далекая — должна была подняться над земным горизонтом, а экипаж в последний раз увидел бы ее из космоса. Если она покажется точно в назначенное время — это будет значить, что траектория «Аполлона-8» верна. Если нет, Ловеллу и Борману придется срочно выполнить сложные операции по навигации и управлению для исправления курса корабля, пока не поздно.

За две минуты до планируемого появления Луны Андерс, следуя полетному плану, объявил:

— Проверка горизонта.

Ловелл, смотревший на Бормана из соседнего кресла, ответил:

— Он этим и занимается.

Андерс, уверенный, что наблюдения за Луной идут как положено, начал зачитывать следующий пункт контрольной карточки:

— Ошибка указателя крена приближается к нулю.

Борман, не отрывая взгляда от горизонта за иллюминатором, ответил только одно:

— О'кей.

— Не забудь: «Ручную ориентацию» в положение № 3, управление угловой скоростью, — продолжил Андерс.

— Да, хорошо, повтори позже, — ответил Борман.

— Хорошо. Просто не забудь.

— Скажи позже, — повторил Борман. — О'кей?

Командир отвел глаза от горизонта и покосился на приборы. Корабль сопротивлялся правильному курсу снижения, отклоняясь вверх и в сторону от пути, по которому должен был следовать. Восход Луны по расписанию внезапно отошел на второй план.

Борман дал небольшой импульс двигателями.

— Смотри, куда его повело... Тангаж завышен, — пробормотал он, затем вновь включил двигатели и попробовал подчинить себе корабль. Обращаясь к Ловеллу, он попросил: — Смотри за отклонением по рысканью, ладно?

— Да, — ответил Ловелл. — Ты чуть левее.

Борман вернул корабль на осевую линию.

— Похоже, у нас небольшой крен, — сказал Андерс.

— Наплевать на крен, — ответил Борман. На самом деле крен тоже был важен, но сейчас он отслеживал рысканье. Мгновением позже он убрал и крен тоже, и корабль наконец стабилизировался.

Андерс проверил индикаторы.

— У нас хороший горизонт, — подтвердил он.

Борман удовлетворенно посмотрел в иллюминатор и улыбнулся.

— А вот и она, видите?

— Да! — воскликнул Андерс, взглянув вперед.

— Видишь?

— Да.

— Как и обещали.

— Что? — спросил Ловелл, следивший за приборами.

— Луна, — в унисон ответили Борман и Андерс.

Ловелл поднял голову и тоже ее увидел: этот маленький мир, как и Землю несколько дней назад, можно было закрыть пальцем.

— За шесть минут, — сказал Борман, глядя в полетный план. — Прямо по расписанию.

Хейни, которому были видны телеметрические данные, показывающие стабильное положение корабля в пространстве, теперь расписал телезрителям последующий порядок событий.

— Сто двадцать тысяч метров — высота, на которой корабль соприкоснется с краем атмосферы. Связь прервется примерно через 25 секунд после этого. Максимальная перегрузка, с которой столкнется экипаж, — 6,8. Второй пик перегрузки, примерно 4,2 g, будет отмечен через четыре-пять минут. Полное отсутствие связи этим утром мы оцениваем примерно в три минуты. Но, поскольку у нас очень мало опыта входа в атмосферу на таких скоростях, мы предупреждаем, что это исключительно оценочные данные.

Монолог был очень неформальным — перечень событий, которые произойдут в предсказуемом порядке; перегрузка, которая будет всего лишь «отмечена» экипажем. Но для Хейни сказать, что у НАСА «очень мало опыта входа при таких скоростях», было все равно что заявить, будто до «Аполлона-8» у людей было очень мало опыта полетов к Луне. На самом деле опыта не было ровно никакого.

Астронавты в корабле тоже сохраняли неофициальный тон. Ловелл, посмотрев в иллюминатор, заметил, что тонкая кожа атмосферы теперь уплотнилась — солнечный свет, пробивающийся сквозь нее, разбивался на спектр тонов от космического черного до темно-синего, затем красного, оранжевого и, наконец, ярко-желтого. Всего три Рождества назад они с Борманом провели две недели, глядя в иллюминатор на эту радужную ленту. Андерс,

чрезвычайно занятый во время краткого пребывания «Аполлона-8» на земной орбите шесть дней назад, этого зрелища, скорее всего, не видел вовсе.

— Вижу старое... — начал Ловелл, поведя рукой в сторону иллюминатора.

— Что такое? — спросил Андерс.

— Старое доброе свечение атмосферы, вот что, — ответил Борман.

Андерс взглянул на него и, не очень впечатленный, уткнулся обратно в план полета.

— Свечение атмосферы посмотрю в другой раз, — сказал он.

Ловелл не отставал:

— Ты его никогда не видел. Взгляни.

— Если не увидишь свечение, значок не дадут, — поддразнил Андерса Борман — так стюардессы в самолетах, пытаюсь уговорить беспокойных детей, обещают им подарить сувенирные «крылышки» пилота за хорошее поведение.

— Точно, — подтвердил Ловелл.

— Вижу, вижу! — засмеялся Андерс, старательно изображая, как он глаза в окно. А затем он напустил на себя вид пилота-новичка: — А что, именно сейчас мне полагается спрашивать: «Ловелл, а какая сейчас перегрузка?»

Шутки шутками, но стрелка на индикаторе перегрузок начала дергаться. Свечение атмосферы тем временем стало ярче и уже отражалось от стекол. Отражение становилось все интенсивнее и стало приобретать красный цвет — первый признак трения корабля об атмосферу.

В этот момент НАСА передало на борт напоминание включить радар-ответчик, чтобы спасательные суда могли отслеживать спускаемый аппарат во время падения. Впрочем, ЦУП оставалось лишь надеяться, что астронавты получили и выполнили команду, поскольку сразу после этих слов связь прервалась.

— И мы потеряли сигнал, — объявил Хейни.

* * *

Ловеллу не требовались никакие комментаторы — свист в наушниках сам по себе все объяснил. Экипаж вновь остался без связи. Ловелл повернулся к Андерсу.

— Билл, контрольная карточка опять у тебя? — спросил он.

— Она у тебя? — повторил Борман.

— Да, — ответил им Андерс, показывая полетный план.

— Я тебе скажу, когда начнутся перегрузки, — добавил Ловелл уже без всяких шуток.

— Легко не будет, погодите, — сказал Борман и повернулся к Ловеллу: — У тебя еще нет 0,05 g?

Эта величина — 0,05 g — была бы первым указанием на то, что вход в атмосферу начался официально.

— У меня 0,02, — ответил Ловелл.

Случайная шайба, которую пропустили при уборке, теперь обрела сколько-то веса, всплыла в пространство перед глазами и начала замедленно падать.

— А вот и шайба, — сказал Борман. — Можешь поймать?

Однако дотянуться до нее никто не успел — кусок металла куда-то унесло.

Ловелл не сводил взгляда с приборов, отслеживая показания акселерометра и бортового хронометра. Он точно знал, как будут действовать время и тяготение, когда они заодно.

— Будьте готовы — тридцать восемь, тридцать девять, сорок, сорок один... — и умолк. И тут же: — 0,05!

— 0,05, — подтвердил Борман.

— О'кей, дождались! — воскликнул Андерс.

— Держитесь! — бросил Борман.

— Нарастает, — сказал Ловелл.

— Отсчитывай перегрузку! — скомандовал Борман.

— У нас 1 g! — объявил Ловелл.

Астронавты замолчали примерно на 20 секунд, перегрузка стремительно росла. Ловелл видел, как стрелка доползла до двух, затем до трех, до четырех и дальше.

— Пять, — сказал он с усилием, пытаясь выговорить это слово, пока сила впятеро больше нормальной земной гравитации давила ему на грудь. Затем сверху положили еще один камень.

— Шесть, — процедил он сквозь зубы.

Красное свечение за бортом сменилось огненно-оранжевым, затем темно-желтым, затем ярко-желтым, затем чистым, почти слепящим белым. Астронавты щурились; Борману казалось, будто он находится внутри флуоресцирующей лампы. Белый свет, которому уже некуда было становиться ярче, держался на том же уровне; перегрузки, которые не знали никаких пределов, дошли до 6,84 g.

Затем, наконец, «поезд» пошел вверх и перегрузки стали снижаться.

— Четыре, — сказал Ловелл с некоторым облегчением от ослабления давления.

— Ничего себе, а? — сказал Андерс.

Через миг Ловелл, которому теперь дышалось еще легче, в очередной раз доложил:

— У нас меньше 2 g.

— Отлично, ребята, — сказал Борман.

Передышка не была долгой. Экипажу еще предстоял финальный спуск, когда перегрузка вновь превысит 4 g. До земной поверхности оставалось 53 300 м, и корабль находился в свободном падении. Два тормозных парашюта, диаметром почти 4 м каждый, будут введены только на высоте около 7500 м, отчего корабль замедлится до скорости 300 км/ч — меньшей, но по-прежнему смертельной. И лишь на высоте около 3000 м раскроются три главных парашюта, каждый диаметром 25,5 м, которые затормозят корабль до приемлемой скорости.

И даже тогда ее «приемлемость» будет лишь относительной. Корабль ударится о воду на скорости всего 35 км/ч — почти пустяк, если вы летите в аппарате, который считанные минуты назад двигался со скоростью в тысячу раз большей. Однако 35 км/ч — это 9,8 м/с, на этой скорости вода при ударе кажется твердой и наносит удар с такой силой, что щелкают зубы. Продуманное расположение парашютов немного смягчает проблему: они закреплены так, что корабль висит немного косо, так что командный модуль не ударяется о воду широким плоским дном, а входит в нее передней кромкой. Кроме того, сиденья астронавтов монтируются на сминаемых алюминиевых опорах, которые сжимаются от столкновения и принимают на себя часть удара.

Однако все это предназначалось для более позднего этапа, когда «Аполлон-8» подойдет ближе к земной поверхности и будет двигаться медленнее, чем сейчас.

* * *

Далеко внизу, в Тихом океане, с палубы авианосца «Йорктаун» уже начали взлетать вертолеты и подтягиваться к тому участку, где ожидалось приводнение командного модуля. После прибытия спасательных команд вертолетам оставалось лишь зависнуть в воздухе и сохранять позицию.

«Аполлон-8» еще не вышел на связь. До этого рубежа космическому кораблю оставалась еще как минимум минута, и Хейни в своих комментариях старался не взвинчивать ожидания публики.

— Судя по нашим графикам, корабль сейчас должен находиться примерно в 65–67 км над земной поверхностью, — произнес он.

В фоновом режиме до Хейни доносились слова Маттингли, повторяющего предварительные вызовы в адрес корабля: если их слышал Хейни, то слышали и телезрители. Им нужно было объяснить, что ответа сейчас ждать не нужно.

— Кен Маттингли только что вызвал корабль и честно назвал это проверкой связи, — сказал Хейни. — Ответа пока нет.

Кронкайт, который определенно не собирался умерять ожидания публики, вклинился в трансляцию и заявил более открыто:

— Если потеря связи завершится как запланировано, то она должна закончиться примерно через 10 или 11 секунд.

Десять и затем одиннадцать секунд прошли, от экипажа по-прежнему не доносилось ни слова.

— «Аполлон-8», я Хьюстон через «Хантсвилл», — сказал в эфир Маттингли, пытаясь достучаться до экипажа через корабль «Хантсвилл» поисково-спасательного комплекса.

И вновь никакого ответа.

— И Кен вызывает экипаж вторично, — прокомментировал Хейни. — Примерно три с половиной минуты с момента потери связи.

Несколько секунд спустя по ЦУП пронеслась весть, что «Хантсвилл» только что услышал «Аполлон-8» в S-диапазоне. Все ждали, конечно, большего, но такая новость хотя бы означала, что корабль цел.

Хейни поспешил огласить это на широкую публику.

— «Хантсвилл» сообщает, что там получен сигнал в S-диапазоне, — объявил он.

— Есть сиг... — сунулся было Кронкайт.

Его прервал Хейни:

— «Хантсвилл» немедленно послал обратный вызов, но контакта не было, — твердо сказал он. — «Хантсвилл» снимает объявление.

Кронкайт явственно застонал.

— Я думал, мы их поймали, — сказал он.

Связи не было уже четыре минуты. В домах Бормана, Ловелла и Андерса не раздавалось ни звука, кроме как из телевизора и из служебного репродуктора. Дети — все 11 на три семьи — не спали; старшие, понимающие происходящее, смотрели репортаж. Все три матери семейств в эти последние мгновения полета сидели в своих гостиных, окруженные детьми.

Пауза перевалила за четыре с половиной минуты, затем приблизилась к пяти.

— Прошло всего две минуты сверх того срока, когда мы должны были услышать космический корабль, — печально возгласил Кронкайт.

— Хьюстон «Аполлону-8» через «Хантсвилл», — вновь вызвал Маттингли.

До следующей попытки он выждал почти минуту.

— «Аполлон-8», «Аполлон-8», я Хьюстон, — попробовал он снова.

Последовали еще 15 секунд ожидания.

И затем, наконец, сквозь густые помехи пробился прерывающийся, но различимый голос Джима Ловелла, заполнивший все наушники в ЦУП и все гостиные на планете.

— Хьюстон, я «Аполлон-8», прием.

— И... — начал Хейни, но голос прервался, понадобился еще один вдох, — вот и Джим Ловелл!

— Ха-ха! — воскликнул Кронкайт.

— Продолжайте, «Аполлон-8», слышу вас нечетко и громко, — произнес Маттингли.

— Понял, — прокричал Борман сквозь треск и рев плазменного облака вокруг корабля, которое только-только начало рассеиваться. — Тут настоящее облако пламени! Все нормально!

— Он говорит, что все нормально! — повторил Хейни.

— Почти все позади, кроме оваций, ребята, — сказал Борман Ловеллу и Андерсу.

Высотомер на приборной панели показывал, что корабль стремительно приближается к 7300 м, а это значило, что тормозные парашюты вот-вот должны раскрыться.

— Смотрите, чтобы пятки были зафиксированы, — крикнул Андерс Борману и Ловеллу, напоминая оттренированную процедуру.

Борман выглянул в иллюминатор.

— Вот они! — сказал он, когда слетел конический нос капсулы и стали вытягиваться, раскрываясь, два красно-белых тормозных парашюта.

Астронавтов бросило назад в креслах; слабая связь вновь успела прерваться, и экипаж даже не стал вызывать Землю, чтобы подтвердить раскрытие парашютов.

Андерс не спускал глаз с высотомера, который теперь отсчитывал высоту медленнее и приближался к отметке 3000 м.

— Приближаемся к трем тысячам, — доложил он через несколько секунд. — До основных одна секунда.

Секунда прошла, и чуть ниже заданной высоты вышли основные парашюты. Астронавтов вновь тряхнуло, и спуск корабля ощутимо замедлился.

Вновь появилась связь, в наушниках раздался новый голос, совершенно незнакомый.

— Говорит «Воздушный Босс-1», — объявил кто-то, используя позывной спасательного вертолета. Фоном шел безошибочно узнаваемый звук вращающихся лопастей. — Слышим вас очень хорошо, очень хорошо. Радар вас показывает к юго-западу от корабля, около 40 км.

— Вас понял, — ответил Ловелл.

Космический корабль пролетел отметку 2500 м, затем 1800 и, наконец, 1500. После полета длиной в 750 000 км корабль теперь находился чуть выше километра над поверхностью океана.

— Космический корабль на тысяче, — доложил «Йорктауну» пилот вертолета, подразумевая 1000 футов — чуть больше 300 метров.

— Сгруппироваться! — крикнул Борман Ловеллу и Андерсу.

— Добро пожаловать домой, джентльмены, — сказал пилот за несколько секунд до срока. — Поднимем вас на борт без промедления.

— Приготовиться, — объявил Борман экипажу. — Приготовиться к посадке на Землю.

Через миг трое астронавтов почувствовали, как твердая рука Земли ударила их в спину. Космический корабль то ли вошел, то ли врезался в бурные воды Тихого океана. Опоры под креслами запланированно подломились, но удар все же был очень сильным.

Экипаж этого почти не заметил. Борман победно вскинул кулак, Ловелл и Андерс издали громкий клич, все трое переглянулись и расплылись в улыбке.

— «Йорктаун», я «Спасатель-3», — доложил пилот вертолета. — В настоящий момент космический корабль находится в воде.

Уолтер Кронкайт, в голосе которого слышалось облегчение и ликование, сделал эту новость публичной:

— Космический корабль «Аполлон-8» вернулся из полета!

* * *

Полет был завершен. Однако космический корабль в океане совсем не то же, что астронавты на борту авианосца. В ту минуту «Аполлон-8» находился примерно в 6 км от корабля, но помимо расстояния помехой служило еще и время. Приводнение состоялось в 04:51:50 утра по гавайско-алеутскому времени, или в 10:51 утра по времени Восточного пояса.

Найти «Аполлон-8» в предрассветной тьме не составляло труда — на его носу мигал белый маяк, а радиомаяк, работавший с момента входа в атмосферу, по-прежнему посылал сигналы. Однако раннее утро — время охоты тихоокеанских акул, и ни астронавтам, ни ныряльщикам привлекать к себе их грозное внимание совсем не хотелось. Поэтому астронавтам оставалось болтаться на волнах и дрейфовать в герметичном командном модуле до первых лучей солнца — как минимум полчаса. Как только небо посветлеет, спасателям понадобится еще час на то, чтобы прыгнуть в воду и присоединить к космическому кораблю плавучий «воротник», который позволит астронавтам покинуть свое суденышко, не свалившись в море. Только после этого откроют люк и извлекут экипаж, а затем астронавтов одного за другим поднимут на вертолет и доставят на «Йорктаун».

Ожидание спасателей не было приятным. Метеорологи НАСА, предсказавшие волнение в указанном районе, оказались правы, а вот прогноз насчет волн до 1,2 м высотой оказался неверным: в реальности волны доходили до 1,8 м. И хотя снижение температуры в кабине до 16–17° С перед входом было удачным решением, эта внутренняя прохлада давно уже

сменилась невыносимой жарой сначала из-за трения об атмосферу, а затем из-за высокой температуры в почти экваториальной части Тихого океана. Горячий спертый воздух вместе с болтанием на волнах не обещали желудкам астронавтов ничего хорошего.

Хуже того, из-за волн модуль вскоре перешел из позиции, называемой в НАСА «стабильная один», в позицию «стабильная два» — говоря простым языком, перевернулся вверх ногами. Теперь астронавты висели на ремнях в условиях земного притяжения, от которого успели отвыкнуть, и смотрели вниз на приборную панель. У Бормана оставалась возможность активировать три надувных поплавка, упакованные в носу спускаемого модуля рядом с уже использованными парашютами, и Борман, не теряя времени, этим воспользовался. Однако на то, чтобы с их помощью перевернуть корабль в нормальное состояние, потребовалось некоторое время. ЦУП и спасательные вертолеты заметили, что астронавты говорят мало, как обычно и ведет себя человек, который борется с подкатывающей к горлу тошнотой.

— Заберите нас отсюда, — наконец передал в эфир Андерс, почти не шутя. — Я тут не моряк на лодке.

Ловелл, представитель ВМС в компании двух летчиков ВВС, благополучно справлялся с морской болезнью. Андерс тоже. Борман же, для которого полет к Луне начался с проигранной битвы против взбунтовавшегося желудка, вновь потерпел поражение. Если «Аполлон-8» предназначался для установки в музей — а именно таковы были планы, — то музейщикам предстояло сначала потрудиться над уборкой.

В конце концов небо посветлело, вертолеты приблизились, и спасатели прыгнули в воду. Они помахали астронавтам через иллюминаторы, которые меньше 72 часов назад вмещали в себя светлую, суровую поверхность Луны; астронавты при виде улыбающихся незнакомых лиц помахали в ответ. После установки поплавка один из водолазов постучал по люку, давая команду выходить. Ловелл, сидевший в середине — на том самом месте, где сидел Эд Уайт в другом корабле почти два долгих года назад, — легко открыл эту маленькую дверцу.

Свежий воздух и теплый ветер Тихого океана хлынули в капсулу, сменяя собой душный воздух, которым астронавты дышали почти неделю.

— С прибытием домой, парни, — сказал главный из водолазов.

Астронавтам помогли выбраться из капсулы на поплавок, а затем на спасательный плот — вначале Ловеллу, затем Борману, после Андерсу. Спасательная корзина подняла их в зависший над головой шумный вертолет, команда которого салютовала каждому из астронавтов, поднимаемому на борт.

— Поздравляю, сэр, — сказал Борману пилот Дональд Джонс. — Отличный вход в атмосферу.

— Все было автоматически, — запротестовал Борман, — мы ничего не делали.

Командир первого экипажа, слетавшего к Луне, отлично понимал, что в ближайшие недели ему предстояли поздравления и аплодисменты, однако он уже решил, что принимать восхваления он будет только за действия, которые предпринял лично. Кроме того, у него была и другая забота.

— А бритву кто-нибудь захватил? — спросил он.

— Вот, сэр, — ответил вертолетчик помоложе, вручая Борману электробритву.

Борман некогда услышал много подколов из-за клочковатой светлой бороды, которая отросла за две недели полета на «Джемини-7»; за тот же полет Ловеллу удалось отрастить чуть ли не окладистую бороду. Теперь командир «Аполлона-8» включил бритву и сбрил щетину, отросшую за шесть дней, чтобы на этот раз никто над ним не посмеивался.

Когда вертолет наконец приземлился на палубу «Йорктауна», астронавтов уже ждала красная ковровая дорожка. Дверь открылась, и из вертолета показались астронавты, с улыбкой машущие руками в ответ ликующему экипажу авианосца. В Хьюстоне сотрудники ЦУП скрупулезно соблюдали правило не праздновать окончание полета до этого самого момента. Увидев, что астронавты доставлены на авианосец, операторы тоже разразились

радостными криками, принялись обниматься, пожимать друг другу руки и раскуривать сигары.

Астронавты шли между шеренгами моряков с их приветственными возгласами, в ответ махая руками и выкрикивая «спасибо». В конце ковровой дорожки их приветствовал капитан Джон Филд, командующий авианосцем, который подарил им бейсболки с надписью «Йорктаун», — астронавты сразу же их надели как в силу традиции, так и с искренней благодарностью за усилия, предпринятые ради них. Затем астронавты пожали руку Филду, и тот пригласил Бормана к микрофону, установленному специально для него.

Никаких речей Борман не готовил, однако не упустил возможности высказать благодарность экипажу авианосца.

— Мы с Джимом как-то все время летаем в декабре, да? — сказал он, и экипаж авианосца разразился понимающим смехом. — В тот раз мы успели вернуться до Рождества. На этот раз нет, и мы хотим принести извинения за то, что задержали вас здесь на каникулах.

После нескольких фраз и благодарностей астронавты спустились в медотсек, где их ждало послеполетное медицинское освидетельствование. Вскоре им предстояло принять телефонный звонок от президента Джонсона и еще один от вице-президента Хамфри, и поздравительные сообщения и телеграммы, подписанные мировыми лидерами, уже посыпались в адрес астронавтов — У Тан из ООН, королева Елизавета из Букингемского дворца, премьер-министр Гарольд Вильсон с Даунинг-стрит, 10, а также президенты Франции, Италии и многих других стран. Кремль также прислал поздравления; более того, Белый дом с помощью прямой линии Вашингтон — Москва, установленной в качестве прямого средства связи во времена военной эскалации, извещал советское руководство о ходе полета.

«Примите, г-н Президент, наши поздравления в связи с успешным завершением полета космического корабля “Аполлон-8” вокруг Луны», — писал председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Подгорный в своей официальной телеграмме Линдону Джонсону. Этот полет, отметил Подгорный, стал «новым достижением в освоении человеком космического пространства».

В подтексте телеграммы читалось, что США только что выиграли крупную битву в холодной войне, и официальный представитель соперничающего государства — пусть нехотя, но любезно — это признавал. В соревновании, где исход так часто бывал неоднозначным, «Аполлон-8» занес на счет Америки чистую победу.

Астронавты на борту авианосца, приняв душ, облачились в свежие белые полетные комбинезоны, причесались, надели кепки «Йорктауна» — и вскоре уже вновь взбирались по металлическому трапу на палубу. К тому времени спускаемый аппарат подняли на борт и отгородили для него часть палубы.

Астронавты подошли к своему кораблю и осмотрели его. По любым меркам корабль был уже нерабочим: краска на боках сошла из-за нагрева в атмосфере, теплозащитный экран наполовину сгорел. Конический нос был сброшен, чтобы можно было использовать парашюты и надувные поплавки, и теперь передняя часть капсулы выглядела незаконченной, даже дефектной.

Люк был приоткрыт, и астронавты заглянули внутрь: там царил беспорядок. Оттуда еще можно было взять сколько-то сувениров — полетные планы, фонарик, быть может, так и не открытые миниатюрные бутылки с бренди. Однако теперь командный модуль был уже нерабочим и принадлежал истории.

Джим Ловелл и Билл Андерс, глядя на свой космический корабль, испытывали острое чувство незавершенности. Будь у них шанс — они хоть завтра взяли бы новый корабль и отправились в следующий полет, только на этот раз с посадкой на Луне, вокруг которой они только что летали.

Фрэнк Борман ничего такого не чувствовал. Ему дали задание, он его выполнил и вернулся домой. Фрэнк прочувствованно похлопал командный модуль по покрытому шрамами боку, повернулся и пошел прочь, не оглядываясь.

Эпилог

9 января 1969 г.

Большинство газет назвали появление астронавтов перед обеими палатами Конгресса «совместным заседанием», хотя никто в Вашингтоне его так не называл. По парламентским правилам совместное заседание палат Конгресса на Капитолийском холме проводится только после того, как сенат и палата представителей принимают важную резолюцию — например, объявляют войну, и затем собираются вместе, чтобы выслушать обращение, обычно президентское. Астронавты же «Аполлона-8» были приглашены на совместную встречу Конгресса — официальное мероприятие, не требующее резолюции, простое собрание в зале ради того, чтобы выслушать речь особо заслуженного лица или лиц. Впрочем, если не вдаваться в семантические тонкости, сцена была та же.

В тот день Фрэнк Борман, Джим Ловелл и Билл Андерс стояли за трибуной спикера в главном зале палаты представителей, где по списку — если допустить, что все приглашенные придут — должны были присутствовать 100 сенаторов и 435 представителей. Судя по всему, никто не сказался больным. Вице-президент Хьюберт Хамфри и спикер палаты представителей Джон МакКормак сидели позади астронавтов в тех же величественных креслах, что и во время речей президента. Члены уходящего кабинета Джонсона сидели на обычных местах в передней части зала, как и члены Объединенного комитета начальников штабов и судьи Верховного суда в мантиях.

Трое астронавтов, бодрые и довольные, стояли и приветственно махали публике, и если вдруг после всей газетной шумихи их кто-то не узнал бы в лицо, то ни за что не поверил бы, что со времени их полета к Луне прошло всего лишь неполных две недели. Если же знать их в лицо, то в этом зале и в этой одежде они производили довольно странное впечатление. Люди, которые почти всегда фотографировались в космических скафандрах или полетных комбинезонах, теперь сменили рабочую одежду на строгие деловые костюмы. Эффект был тот же, как если бы знаменитый бейсболист, звезда чемпионата Америки, переоделся из спортивной формы в смокинг для официального ужина или церемонии награждения. Как ни старайся, будешь выглядеть неестественно.

Однако сейчас это было неважно: политики не сводили глаз с астронавтов. Героев космоса приветствовали стоя, сопровождая их появление бурными аплодисментами с того самого мига, как астронавты появились в задней части зала и начали продвигаться по центральному проходу между сиденьями, улыбаясь и пожимая руки, как обычно делает президент. Законодатели ловили каждое слово астронавтов, выступавших поочередно с рассказом о полете и о превосходстве Америки в космосе. Особенно вслушивались в речь Бормана. Его выступление длилось всего 12 минут, но ни одно слово не пропало даром. Все отлично поняли подтекст, когда он благодарил конгрессменов за \$24 млрд, которые они утвердили на протяжении этих лет на программу «Аполлон»: каждый знал, что многие из законодателей, в тот день собравшихся в зале, голосовали против финансирования программы.

Борман также поделился мечтой о том, как в скором времени появятся небольшие колонии ученых, живущих и работающих на Луне по примеру тех, кто работает в Антарктике.

— Я убежден: вопрос больше не состоит в том, совершим ли мы такое, — сказал он. — Вопрос в том, сколько времени и средств нам для этого понадобится. Страсть к освоению нового лежит в основе человеческого духа, и я надеюсь, мы никогда об этом не забудем.

Речь Бормана была одновременно тактически верной и воодушевляющей, вполне в духе профессиональных политических выступлений — и некоторые уже принялись оценивающе разглядывать этого 45-летнего героя космоса, как если бы он был призовым фаворитом на политических скачках: ведь он мог победить в споре за любую должность, какую бы ни пожелал. Как любой хороший политик, Борман воспользовался случаем отпустить шутку на собственный счет. Комментируя тот факт, что в Рождественский сочельник экипаж зачитал в

эфир отрывок из Библии, он взглянул на членов Верховного суда — который всего семь лет назад объявил практику школьной молитвы не соответствующей Конституции — и сказал:

— Но теперь, при виде этих джентльменов в первом ряду, я не знаю, стоило ли нам зачитывать отрывок из Библии.

Он сделал паузу в ожидании смеха в зале — и получил желаемое: публика взорвалась хохотом.

* * *

Празднование в честь космического достижения астронавтов началось в Америке почти сразу же после их возвращения на Землю и стихать не собиралось. Незадолго до выступления перед Конгрессом астронавты встретились с президентом Джонсоном в восточной комнате Белого дома и были награждены медалью НАСА «За выдающиеся заслуги». Затем кортеж доставил их по Пенсильвания-авеню на Капитолий, где их приветствовала огромная толпа людей. Семьи астронавтов, приглашавшиеся на все такие мероприятия, ехали в сопровождающих автомобилях кортежа.

Удивленная при виде людских толп, семилетняя Сьюзен Ловелл повернулась к матери:

— Можно подумать, будто папа герой, — сказала она.

— Знаешь, Сьюзен, — ответила Мэрилин, — он и вправду герой.

На следующий день всех троих героев чествовали в Нью-Йорке. Снова медали, снова высокопоставленные лица (губернатор Нельсон Рокфеллер, мэр Джон Линдси, Генеральный секретарь ООН У Тан), снова официальный ужин, на этот раз в фешенебельном отеле «Уолдорф-Астория». Был и парад с конфетти, на всем пути которого временно поменяли уличные указатели: теперь на каждом было написано «дорога “Аполлона”». Когда процессия в морозную январскую погоду продвигалась по Бродвею, на астронавтов было высыпано 200 т конфетти.

Вскоре в НАСА возобновилась с новой силой работа в рамках программы «Аполлон» — однако не раньше чем закончилась короткая и заслуженная тяжелым трудом праздничная шумиха. Репортеры журнала *Time*, которые только за последние три дня полета «Аполлона-8» отправили в Нью-Йорк телетайпом почти 30 подборок, последнюю из них полностью посвятили празднованиям. Бывший репортер *Houston Chronicle* Джеймс Шефтер, делавший репортажи о «Джемини» и поэтому знавший некоторые ходы и выходы в Хьюстоне, даже не пытался себя сдерживать, когда докладывал о том, что он видел на приеме в честь приземления экипажа, устроенном в бальном зале корпорацией *TRW Systems*.

«Они были счастливы. Их ничто не сдерживало. Они были превосходно, восхитительно пьяны, — написал он. — Они со знанием дела соблазняли секретарш в затемненных уголках, беззастенчиво целовались с кем-то в ярко освещенном холле, целыми квартами таскали выпивку с соседнего банкета для прессы. Репортеры и специалисты по связям с общественностью отвоевали часть напитков, а на остальные поставили охрану и пустились праздновать отдельно от всех».

Техники и операторы ЦУП, устроившие собственную вечеринку на государственное жалованье, сняли более скромный двухэтажный ресторан неподалеку от въезда в Космический центр. Припарковав машины на четырехрядном участке шоссе, они толпой ввалились внутрь. Те, кто не сумел занять даже такое почти незаконное парковочное место, попросту бросали машины на разделительной полосе, и хьюстонская полиция, для которой эта ночная смена ничем не отличалась от прочих, выписывала им штрафы за оставленный без присмотра транспорт.

Впрочем, один из финальных фрагментов репортажа Шефтера, отличный от прочих, рисовал сотрудников НАСА в более привычном для публики ключе. После описания разнообразных вечеринок Шефтер добавил: «А в ЦУП сидела команда операторов, которая все это пропустила. Явившись на службу в 15:30 [в день приземления], они десять с половиной часов отрабатывали пролет “Аполлона-9”. И цикл начался с начала».

Так оно и было, и после успеха «Аполлона-8» колесо закрутилось очень быстро. Уже 3 марта 1969 г. — всего через девять недель после приземления Бормана, Ловелла и Андерса —

Джим МакДивитт и его экипаж «Аполлона-9» отправились на околоземную орбиту и провели 10 дней в летных испытаниях лунного модуля: запускали его двигатели, проверяли систему наведения, испытывали все компьютерные команды. МакДивитт и Расти Швайкарт пустились в отдельный полет на этом неиспытанном аппарате и затем состыковались с командным модулем, который пилотировал Дейв Скотт. В конце концов тщедушный аппарат, доставивший конструкторам столько забот, был объявлен годным к использованию.

В мае за ним последовал «Аполлон-10» под командованием Тома Стаффорда. Руководители НАСА, бесстрашно отправившие «Аполлон-8» к Луне, но по-прежнему осторожные после всей браводы, приведшей к тому пожару, решили, что перед посадкой на Луну нужна генеральная репетиция. Стаффорд с экипажем совершили еще один орбитальный полет, но на этот раз с лунным модулем, который спустился до высоты всего 14,4 км над поверхностью Луны — гораздо ниже, чем орбита «Аполлона-8». Все жизнеописания Стаффорда, приготовленные для статей «первый человек на Луне», были отложены в долгий ящик, вместо них к публикации начали готовиться рассказы о Ниле Армстронге — они-то и пошли потом в прессу.

Изначально задание для Армстронга вовсе не было гарантировано. Из-за рефлекторной неприязни к риску НАСА всегда искало способы повысить надежность техники и усовершенствовать выучку экипажей. После возвращения «Аполлона-8» Дик Слейтон и некоторые специалисты в Отделении планирования полетов начали поговаривать о том, чтобы дать Борману, Ловеллу и Андерсу несколько недель отдыха, а потом начать их тренировать для полета на «Аполлоне-11». В конце концов, этот экипаж обладал уникальными оттренированными навыками для полета к Луне и у него оставалось бы не менее семи месяцев на подготовку к новому заданию. И хотя лунный модуль стал бы совершенно новой составляющей этого задания, никто не знал его лучше, чем Андерс.

Однако Слейтон и прочие успели передумать еще до того, как предложить этот вариант экипажу «Аполлона-8». Армстронг, Коллинз и Олдрин напряженно готовились к полету, и менять сейчас назначения значило бы проявить недоверие к людям, не говоря уже о программе тренировки.

Борман, до которого дошли слухи о возможном предложении лететь на «Аполлоне-11», вздохнул с облегчением, узнав, что они ничем не увенчались. Если другим астронавтам нужно лететь на Луну и установить там флаг — пусть летят. Для Бормана холодная война была окончена. Даже если бы ему хотелось лететь снова — он знал, что это было бы нечестно. Он уже заставил Сьюзен и двоих сыновей пройти через мытарства «Аполлона-8», и, если бы ему предстояло вновь исчезнуть больше чем на полгода ради тренировок, а затем и для еще более сложного и долгого полета, он счел бы, что злостно пренебрегает супружеской и родительской ответственностью.

Когда Ловелл узнал, что полетные назначения не изменятся, он обрадовался не меньше Бормана. Если бы экипаж перевели на «Аполлон-11», Ловеллу пришлось бы вновь занять среднее кресло, то есть вновь побывать на окололунной орбите без посадки на Луне. Его это мало привлекало, вместо возможности немедленного полета он предпочел бы записаться в общую очередь и получить шанс возглавить один из следующих полетов уже в роли командира экипажа.

Зато Андерс ни капли не радовался, узнав, что не полетит на «Аполлоне-11». Однажды он уже потерял шанс пилотировать лунный модуль, но теперь, в новом полете всего семью месяцами позже, у него такой шанс появился. И вновь его отобрали, и Андерс, в отличие от Ловелла, опасался, что возможность высадиться на Луне потеряна для него навсегда. За Ловеллом числилось три полета, Андерс же был одним из молодых членов отряда. Если ему и представится шанс слетать к Луне второй раз, то по хитроумным правилам НАСА ему наверняка выпадет среднее кресло командира командного модуля[59], а третью попытку полностью исключала конкуренция за места. Оказавшись в безвыходном положении, Андерс принял назначение на должность исполнительного секретаря Национального совета по аэронавтике и космосу, где ему предстояло работать напрямую с президентом Никсоном и

вице-президентом Спиро Эгнью и определять политику США в отношении освоения космоса. Это, конечно, были не полеты, но если ему не было суждено ступить на Луну, то он мог сделать все возможное, формируя будущее американских космических полетов.

Ловелл после «Аполлона-8» попал в обычный для НАСА цикл ротаций «три-плюс-три» и в результате был назначен дублером для «Аполлона-11» — и теперь уже на левое кресло, а не на среднее. Если бы что-то случилось с Нилом Армстронгом и он не смог отправиться в полет, Ловелл стал бы первым человеком, ступившим на Луну. После этого ему открывалась возможность командовать «Аполлоном-14». Ждать шесть полетов до верного случая отправиться в космос — дело долгое, однако НАСА отправляло в космос один «Аполлон» за другим, и Ловелл мог бы попасть на Луну всего через полтора года.

Как оказалось, он получил шанс даже раньше. Алан Шепард, с 1961 г. не летавший в космос из-за проблем с внутренним ухом, после операции вернулся в летный статус и был назначен командиром «Аполлона-13». Однако после такого долгого перерыва ему требовалось больше времени на тренировки. В результате Ловелла попросили поменяться заданиями и перевести свой экипаж на «Аполлон-13», а Шепарду с его командой отдать «Аполлон-14». Ловелл несколько не возражал: если есть возможность, то чем раньше полетишь, тем лучше. Пройдет не слишком много времени, и командер Ловелл — человек, летавший по лунной орбите на корабле, в котором все шло по плану, — узнает, каково иметь дело с кораблем, на котором все идет не так.

* * *

Борман остался верен своему решению больше не летать. Некоторое время он служил в Отделе астронавтов вторым лицом после Слейтона, однако эта должность доставляла ему слишком много беспокойства. Возможностей чего-то достичь в НАСА для него практически не оставалось, и он предпочел попытаться счастья в частном секторе — для него, кадрового военного, это было новым опытом. Неудивительно, что тут же посыпались предложения.

Росс Перо, состоятельный бизнесмен из Далласа и основатель компьютерной компании Electronic Data Systems, только что вывел ее на биржу, и цена компании увеличилась десятикратно за считанные дни. Этот деятель с огромными средствами и репутацией человека, знающего, как их преумножить, связался с Борманом почти сразу после возвращения экипажа из полета и предложил ему должность продюсера телевизионного шоу, где в прямом эфире обсуждались бы возможные решения государственных проблем. Борман не очень-то жаловал телевидение, но гражданская направленность нового шоу привлекла его внимание, и он пообещал Перо поразмыслить над предложением после того, как экипаж «Аполлона-8» вернется из мирового турне.

В отсутствие Бормана Перо решил добавить привлекательности предложению. Вскоре после возвращения Бормана из турне ему позвонил брокер и, не теряя времени на предисловия, сказал:

— Поздравляю, вы миллионер.

Борман спросил, что это значит, и брокер объяснил, что за последние недели Перо вложил на имя Бормана миллион долларов на фондовой бирже, и, подобно другим инвестициям Перо, этот вклад оказался выгоден. Однако мысль о том, что большие деньги, им не заработанные и так быстро появившиеся, могут внезапно оказаться в его владении, добавила тревоги и Борману, и тем более Сьюзен.

— Верни деньги, — сказала она. — Тебе нельзя их брать, иначе он будет считать, что завладел тобой навсегда.

Борман согласился, позвонил Перо и сказал, что рассматривает другие варианты.

Барри Голдуотер, сенатор из Аризоны и кандидат в президенты от Республиканской партии на выборах 1964 г., тоже позвонил Борману — он убеждал Фрэнка выдвинуть кандидатуру на второе место в сенате от того же штата. Имя Бормана и серьезный политический вес Голдуотера сделали бы гонку довольно легкой. Однако, как ни лестно было Борману такое предложение, показная доброжелательность и борьба за голоса, составлявшие изрядную часть жизни политического деятеля, его интересовали мало. А человека,

привыкшего к жесткой армейской вертикали и мгновенному исполнению приказов, медлительный режим работы сената грозил свести с ума.

В итоге Борман был представлен Флойду Холлу, бывшему летчику Воздушного корпуса Армии США и коммерческому пилоту на службе у TWA, который несколькими годами раньше стал главой компании Eastern Airlines. Холл, которому Борман импонировал, предложил ему работу в подразделении летных операций. Жалованье здесь было втрое ниже, чем в других рассматривавшихся Борманом местах, зато работа связана с самолетами, в которых Борман разбирался, и с отраслью, которую Борман уважал. Он принял предложение и всего через шесть лет, в 1976 г., уже стал главой компании. Под его началом компания записала на свой счет три самых прибыльных года за всю историю. В 1983 г., когда из-за отмены государственного регулирования вся отрасль распадалась на глазах, акционеры и совет директоров проголосовали за то, чтобы продать фирму более крупному авиационному конгломерату. Борман оставался главой компании еще три года и затем вышел на пенсию.

Все три астронавта «Аполлона-8», работая в негосударственном секторе, заработали существенные средства, что было бы невозможно ни на военной службе, ни в НАСА. Как и Борман, Андерс со временем стал главой компании — в его случае это была корпорация General Dynamics. Ловелл успешно работал в области телефонной связи, занимая высшие должности в нескольких компаниях в период весьма прибыльного перехода от кабельной телефонии к беспроводной. Однако, как всегда бывает с теми, кто прославился в молодости, все трое на протяжении жизни оставались более известны из-за достижений, не связанных с материальной выгодой.

* * *

Экипаж «Аполлона-8» вернулся на Землю в тот самый день, когда журнал *Time* заканчивал подготовку выпуска «Человек года», и тот, кого выбрали редакторы, — ожидалось, что это будет только что избранный и еще не вступивший в должность президент Ричард Никсон, — оказался оттеснен. Вместо него через несколько дней на обложке красовались Борман, Ловелл и Андерс. Это был тот редкий случай в истории журнала, когда титул «человек года» был представлен не одним человеком.

Со временем фотография Билла Андерса «Восход Земли» стала, как он и предполагал, знаменитым кадром, воспроизведенным сотни миллионов раз на почтовых марках, настенных плакатах, футболках, кофейных кружках и прочем. Журналы *Time* и *Life* назвали ее среди сотни фотоснимков, имеющих наибольшее историческое влияние. Снимок широко использовался для иллюстрации движения за охрану окружающей среды, которое в 1968 г. набирало вес и всего за год обрело международную мощь.

В более поздние годы экипаж «Аполлона-8» стал известен в НАСА как «экипаж первых жен». Развод в этой профессии стал обычным делом, однако все три астронавта «Аполлона-8» остались женаты на тех женщинах, с которыми повенчались в юности, и все три пары могли похвастать обилием внуков, а в случае Бормана и Ловелла еще и правнуков.

Фрэнк и Сьюзен Борман со временем переселились в Биллингс, штат Монтана, чтобы быть ближе к своему сыну Фреду, который заправляет делами на ранчо в округе Биг-Хорн, и заодно наслаждаться открытым небом, где Фрэнк, уже не работающий ни на НАСА, ни на ВВС, может летать на собственных самолетах для собственного удовольствия. Летом, в пору пожаров, ради помощи жителям Монтаны он регулярно вылетает на одном из двух своих самолетов осматривать местность в районе округа Йеллоустон ради обнаружения возможных очагов пожара. Это совсем другая битва — местная оборонительная борьба со стихией, а не против идеологического противника. Но даже в возрасте 90 лет Борман с радостью вызывается поучаствовать в таком сражении.

Он по-прежнему не питает особых сантиментов по отношению к «Аполлону-8». И все же — в основном по настоянию других — временами взирает на Луну и размышляет о том, что он к ней летал. Порой Борман пытается вызвать в себе мечтательность, которую, по словам окружающих, должен испытывать. С некоторым усилием Борман может поймать

искру того, о чем они говорят, однако размышлять об этом ему неинтересно, и вскоре он оставляет эту мысль.

Подобно Ловеллу и Андерсу, Борман не очень помнит письма и открытки, полученные им после полета к Луне; это обычное дело для большинства астронавтов программы «Аполлон». Писем было слишком уж много, особенно в случае «Аполлона-8» и «Аполлона-11» (как предсказывали специалисты НАСА по связям с общественностью) и позже в случае «Аполлона-13» (чего никто не предвидел).

Однако Борман помнит одну телеграмму от незнакомого отправителя и до сих пор не прочь о ней поговорить. Телеграмма гласила: «Спасибо, “Аполлон-8”. Вы спасли 1968 г.». Как обнаружил Борман, эти слова доставили ему больше радости, чем разглядывание Луны.

Послесловие автора

Полет «Аполлона-8» был событием по поднятию духа американского народа, и написание этой книги, для которой понадобилось вспомнить тот первый полет к Луне, стало для меня таким же опытом. Рассказать об этом я мечтал давно, и рад возможности выполнить свой замысел после многих лет и многих разговоров с разными людьми, которые сделали возможным этот исторический полет.

Моя работа стала более легкой — и куда более стоящей — благодаря трем астронавтам, совершившим тот полет: полковнику Фрэнку Борману, капитану первого ранга Джиму Ловеллу и генерал-майору Биллу Андерсу. Борман и Андерс не были со мной знакомы в начале работы, однако с готовностью давали интервью и отвечали на все мои вопросы вдумчиво и честно.

Два летних дня 2015 г., проведенные в ангаре Фрэнка Бормана в аэропорту Биллингс, Монтана, где стоят два его самолета, были незабываемы. Фрэнк очень искренний, с внезапными нотками веселья, от него исходит ощущение глубокой и незыблемой порядочности.

Джима Ловелла, в отличие от остальных астронавтов «Аполлона-8», я знал давно и близко, с 1992 г., когда мы начали совместную работу над книгой «Аполлон-13» как соавторы и сотрудники. С тех пор для меня большая честь называть другом не только Джима, но и всех членов клана Ловеллов, и я никогда не забываю о том, какой это подарок судьбы. Летом 2012 г. мы с женой и дочерьми провели выходные с Ловеллами в их доме поблизости от Чикаго. В те дни Джим свозил нас в Музей науки и промышленности в Чикаго и показал командный модуль «Аполлона-8». По пути в музей я сказал своим дочерям, которым тогда было 9 и 11 лет: «Вы еще малы и не совсем понимаете, но это будет похоже на то, как если бы Колумб показывал вам “Санта-Марию”». Как выяснилось, возраст не помешал им понять все как нужно — это впечатление живет в них до сих пор.

Я также в большом долгу перед другими ветеранами программы «Аполлон», которые не жалели времени на то, чтобы поделиться своими мыслями, и всегда отвечали на мои звонки и письма, когда я обращался к ним с вопросами — а было это, признаюсь, довольно часто. Вот имена этих людей в алфавитном порядке: Джерри Гриффин, Майкл Коллинз, Джин Кранц, Глинн Ланни и Милт Уиндлер. Я также пользовался десятками интервью, полученных много лет назад, когда мы с Джимом Ловеллом писали «Аполлон-13». Среди людей, чьи воспоминания оказались полезны, были Джон Аарон, Джерри Бостик, Гюнтер Вендт, Дик Гордон, Чак Дитрих, Пит Конрад, Крис Крафт, Сай Либергот, Джим МакДивитт и Уолли Ширра. Для книги «Аполлон-8» я также имел исключительный опыт интервьюирования Джина Смита, близко дружившего с Джерри Гриффином, — летчика-истребителя ВВС США, прошедшего 1967 дней в плену в Северном Вьетнаме в годы реализации программы «Аполлон». Материалы наших разговоров, как часто бывает, не вошли в финальную версию книги, однако моя благодарность за уделенное время и за его службу стране от этого не умаляется.

Список основных книг о космосе долог и обширен, и некоторые из самых лучших книг помогли мне в работе. Среди них: «Обратный отсчет» (Countdown) Фрэнка Бормана, «Бытие»

(Genesis) Роберта Циммермана, «Нести огонь» (Carrying the Fire) Майкла Коллинза, «Руководитель полета» (Flight) Криса Крафта, «Неудача — это не вариант» (Failure Is Not an Option) Джина Кранца, «Человек на Луне» (A Man on the Moon) Эндрю Чайкина, «Ракеты и люди» Бориса Чертока[60], а также официальный отчет НАСА о полете «Аполлона-8».

Вероятно, самый лучший источник по истории НАСА — само НАСА. В частности, Исторический отдел Космического центра имени Линдона Джонсона располагает почти бесконечным собранием документов, записей полетных переговоров, изображений и прочего. Особенно ценен его проект «Устная история», предоставляющий желающим более тысячи подробных интервью с ключевыми личностями из истории НАСА, многих из которых уже нет в живых. То, что этот проект существует, — большая польза для истории.

Все воспроизведенные в книге переговоры внутри корабля и между астронавтами и операторами почерпнуты из расшифровок, выполненных НАСА. В некоторых случаях диалоги были отредактированы или сокращены ради ясности и легкости чтения; смысл и контекст ни в коем случае не менялись. Разговоры, в подтверждение которых не сохранилось документальных записей, были реконструированы по интервью с ключевыми фигурами или по биографиям и автобиографиям.

Засекреченные разговоры, происходившие в Центральном научно-исследовательском институте машиностроения под Москвой, были впервые изложены в последнем томе четырехтомника Бориса Чертока «Ракеты и люди». Подробности встречи Криса Крафта с адмиралом Джоном МакКейном-младшим и разговор Сьюзен Борман с Крафтом о шансах «Аполлона-8» на успех почерпнуты из интервью с Крафтом и Борманом, включенного в программу American Experience телеканала PBS под названием «Гонка к Луне».

Самым доступным для меня архивом была онлайн-история (с функцией поиска) журнала *Time*, который наряду с журналом *Life* являлся главным в США источником космических новостей во времена функционирования программ «Меркурий», «Джемини» и «Аполлон». Спасибо управляющему редактору Нэнси Гиббс за возможность пользоваться оригиналами подборок, которые передавались из Хьюстона в Нью-Йорк по телеграфу и телетайпу во время полета «Аполлона-8» и дожили до наших дней на перфокартах и желтой папиросной бумаге. Мне повезло быть членом семьи *Time* в течение более чем 20 лет, и я с радостью согласился бы провести с ними еще столько же.

Благодарности также заслуживает газета *The New York Times* за сайт TimesMachine — архив всех бумажных номеров, насчитывающих 165 лет истории. Это превосходный инструмент для исследований исторических событий и, что важнее, контекста, в котором они разворачивались.

Дополнительный ценный материал я нашел в Библиотеке и музее Линдона Джонсона в Остине, штат Техас. Это учреждение отлично исполняет обе части своей миссии — и в качестве библиотеки, и в качестве музея.

По счастливой случайности первое предложение о написании этой книги попало в руки талантливого Джона Стерлинга из Henry Holt and Company. Именно Джон в 1992 г. разглядел мощь и потенциал в повествовании об «Аполлоне-13», оформил мой первый издательский контракт и придал книге ту форму, которую она имеет. Именно Джон через два десятилетия проделал тот же фокус с «Аполлоном-8». Его страсть к сюжету и тщательный метод редактирования получили объяснение в его словах: «Я читаю на горячую голову, а редактирую — на холодную». Это в точности тот баланс, который требуется любой рукописи и любому автору. Спасибо также редактору Бонни Томпсон за ювелирное искусство чтения и правки рукописи.

Как и все написанные мной книги, эта не была бы возможна без мудрого наставничества Джой Харрис из Joy Harris Literary Agency. Джой, как и Джон, некогда содействовала появлению «Аполлона-13» и с тех пор сопровождала меня во всех литературных приключениях. Со временем ее качества прекрасного агента и прекрасного друга слились воедино, мне невероятно повезло общаться с этим человеком.

Наконец, я выражаю благодарность и любовь моей жене Алехандре и моим дочерям Элисе и Паломе. Во время написания этой книги они поняли ту музыку, которую я нахожу в лунной теме, — точно так же, как они помогали мне найти поэзию во многом другом.

[1] Заварной крем, который можно запечь, традиционный английский десерт. — *Прим. ред.*

[2] Короткоствольное кремневое ружье с воронкообразным стволом. — *Прим. ред.*

[3] Организация Вернера фон Брауна была передана в состав НАСА в июле 1960 г. и стала Центром космических полетов имени Маршалла. Фон Браун был его директором. — *Прим. науч. ред.*

[4] 21 ноября 1960 г. — *Прим. науч. ред.*

[5] В марте 1962 г. — *Прим. науч. ред.*

[6] Программа не предусматривала даже отделения корабля от носителя, и срок баллистического существования системы зависел только от фактической начальной орбиты. Заряда аккумуляторов корабля должно было хватить на один виток полета. — *Прим. науч. ред.*

[7] Действительно, 29 ноября 1961 г. «Меркурий» в полете MA-5 вернулся с орбиты в автоматическом режиме. Его пилот, шимпанзе Энос, в управление не вмешивался. — *Прим. науч. ред.*

[8] Это американский рекорд — у Гагарина максимальная высота была 327 км. — *Прим. науч. ред.*

[9] Экипаж Гриссом — Борман существовал, по крайней мере на бумаге, с августа 1963 г., и Слейтон изначально планировал его на 14-суточный полет. В октябре медики лишили Алана Шепарда летного статуса, и пришлось переставить опытного Гриссома на его место командиром «Джемини-3». Очевидно, в этот-то момент он и предпочел Янга Борману, который вместо этого получил под свое командование «Джемини-7». — *Прим. науч. ред.*

[10] Lunar Excursion Module. С мая 1966 г. именовался просто Lunar Module (LM). — *Прим. науч. ред.*

[11] «Джемини-7» запитывался не от аккумуляторов, как «Джемини-6», а от топливных элементов. — *Прим. науч. ред.*

[12] Отключение ЖРД второй ступени было зафиксировано через 338,6 секунды после старта, отделение корабля прошло через 30 секунд после этого с использованием кольцевого пирозаряда и короткого включения хвостовых двигателей «Джемини-7». — *Прим. науч. ред.*

[13] По условиям сближения с «Джемини-7» второй корабль должен был стартовать в точно назначенный момент — 12 декабря в 09:54:06 по местному времени. Чтобы иметь временной резерв на случай неисправности, в циклограмму предстартовых операций специально заложили 25 минут ожидания — от 28-й до 3-й минуты перед стартом. Все это время часы обратного отсчета стояли на отметке Т-3 мин. — *Прим. науч. ред.*

[14] Через оператора наземной станции на Канарских островах, который ретранслировал на борт сообщение из Хьюстона. — *Прим. науч. ред.*

[15] Два предыдущих теста, 20 и 25 января, проводились с питанием от внешнего источника. — *Прим. науч. ред.*

[16] Оба они были руководителями полета в дополнение к своим должностям по штатному расписанию: Крафт возглавлял в Центре пилотируемых космических кораблей весь Директорат летных операций, а Кранц был заместителем начальника Отделения управления полетом. — *Прим. науч. ред.*

[17] Только на уровне хьюстонского центра. В головном офисе НАСА программой руководил генерал Сэм Филлипс. — *Прим. науч. ред.*

[18] Отсек экипажа лунного модуля действительно имел очень тонкие стенки — от 0,4 до 0,6 мм в самых тонких местах и от 1,4 до 1,6 мм на местных утолщениях вафельной структуры. Но все же они были сделаны из прочного алюминиевого сплава, способного выдержать внутреннее давление в 0,33 атм. — *Прим. науч. ред.*

[19] Ошибка была допущена при задании условий включения двигателя. — *Прим. науч. ред.*

[20] Опять же вследствие ошибки при закладке данных. — *Прим. науч. ред.*

[21] Один двигатель выключился после обрыва идущего к нему трубопровода, второй — вследствие ошибки в разводке кабельной сети. — *Прим. науч. ред.*

[22] Модуль LM-3, первый изготовленный для пилотируемого полета. — *Прим. науч. ред.*

[23] Знаменитый защитник Главной лиги бейсбола США, умер в 1941 г. в возрасте 37 лет. — *Прим. ред.*

[24] Может быть, Крафт и не спешил подписаться на декабрьскую авантюру, но из мемуаров Кранца следует, что Крафт еще в апреле 1968 г. дал подчиненным задание просчитать планы полетов к Луне и уже знал, что технических препятствий к их проведению нет.

[25] Джон Ходж до мая 1968 г. возглавлял Отделение управления полетом, но затем был назначен директором Рабочей группы по исследованию Луны, а в сентябре 1968 г. — директором Отдела по перспективным программам.

[26] Это высказывание автора можно отнести только к надежности отдельных деталей и элементов. НАСА всегда устанавливало две планки требуемой надежности пилотируемых программ, и если для возвращения экипажа живым обычно требовали вероятности именно в 99,9%, то для выполнения столь сложного задания, как посадка на Луну, можно было обойтись и 90%. — *Прим. науч. ред.*

[27] Говоря более строгим языком, колебания в системе «баки — трубопроводы — двигатели» возбуждаются за счет естественных пульсаций тяги двигателей (для «Сатурна-5» их частота была около 4,5 Гц), когда к ним оказывается опасно близка собственная частота колебаний конструкции ракеты, изменяющаяся по мере расхода топлива. — *Прим. науч. ред.*

[28] Окончательное решение заключалось в том, чтобы ввести гасители колебаний с газообразным гелием в предклапанах кислородных магистралей всех пяти двигателей F-1 первой ступени. Расчеты и моделирование показывали, что так можно снизить собственную частоту системы до 2 Гц и развести ее с частотой пульсации тяги. — *Прим. науч. ред.*

[29] Фактически команда на выключение ЖРД J-2 №2 пошла и по некоторым цепям, подведенным к двигателю №3, перекрыла подачу кислорода к нему и тем самым инициировала отключение. Аварийный двигатель второй ступени в течение 169 секунд после включения работал штатно, утечка из трубопровода стала заметна на 319-й секунде полета, а на 412-й произошел окончательный отказ. — *Прим. науч. ред.*

[30] Ракету AS-503 окончательно собрали 15 августа и вывезли на старт 9 октября 1968 г. — *Прим. науч. ред.*

[31] SIMSUP (simulation supervisor) — дословно «руководитель моделирования» — оператор тренажера. — *Прим. ред.*

[32] К моменту входа в атмосферу в этом были серьезные сомнения из-за разгерметизации спускаемого аппарата. — *Прим. науч. ред.*

[33] Описываемый разговор происходил 25 декабря 1968 г. в НИИ АП, главным конструктором которого был Н.А. Пилюгин, во время визита большой группы специалистов ЦКБЭМ с целью обсуждения дальнейших перспектив советской лунной программы, и описан в воспоминаниях Б.Е. Чертока в главе 9 тома «Лунная гонка». К.Д. Бушуев, как заместитель главного конструктора ЦКБЭМ, не был подотчетен Пилюгину, реплики которого имели риторический характер и не были частью «разбора полетов» с его подчиненными. — *Прим. науч. ред.*

[34] Гасители были добавлены на первой ступени, а в этот момент заканчивала работу вторая. Высокочастотные колебания (18, 9 и 11 Гц) наблюдались с 450-й по 520-ю секунду и, строго говоря, не представляли собой классическое «пого». — *Прим. науч. ред.*

[35] 191 км и 183 км соответственно. — *Прим. науч. ред.*

[36] Trans-Lunar Ignition (буквально «транслунное зажигание»). Хотя в названии основным было слово «зажигание», в реальности всех интересовало полное выполнение маневра — от включения двигателя SPS до его выключения в нужный момент. — *Прим. науч. ред.*

[37] Расчетное время по предстартовой информации НАСА. — *Прим. науч. ред.*

[38] Фактическое полетное время зажигания — 2:50:37. — *Прим. науч. ред.*

[39] Земля молчала не просто так: предложение Бормана нужно было обдумать. Каждый импульс в начале перелета сильно смещал точку прибытия к Луне. Первый, штатный маневр расхождения величиной 0,33 м/с без всех последующих заставил бы корабль буквально «чиркнуть» по краю Луны, пройдя над ее поверхностью на высоте полутора километров. После «добавки» от Бормана на 2,3 м/с точка переселения поднялась до 848 км над Луной. Это отклонение пришлось затем устранять двумя коррекциями. — *Прим. науч. ред.*

[40] «Аполлон-8» достиг высоты 60 000 км примерно через семь часов после старта, то есть через четыре часа после начала полета к Луне. — *Прим. науч. ред.*

[41] Д.Ф. Устинов был секретарем ЦК КПСС, ответственным за военно-промышленный комплекс, В.Я. Литвинов — заместителем министра общего машиностроения, а Б.Е. Черток — лишь заместителем главного конструктора ЦКБЭМ по системам управления. — *Прим. науч. ред.*

[42] Речь идет о «Хьюстон Астрос» — профессиональном бейсбольном клубе. — *Прим. ред.*

[43] В действительности — в ЦК КПСС. — *Прим. науч. ред.*

[44] Balls (жаргонное значение этого слова — яйца). — *Прим. науч. ред.*

[45] Коррекция была проведена ровно через 11 часов после старта с целью компенсировать отклонение, созданное самовольным маневром Бормана для увода от ступени S-IVB. — *Прим. науч. ред.*

[46] Trans-Earth injection — фактически маневр для возвращения на Землю. — *Прим. науч. ред.*

[47] Этот диалог имел место на отметке 55:06 от старта. — *Прим. науч. ред.*

[48] А эта фраза была произнесена на отметке 52:48. — *Прим. науч. ред.*

[49] На дежурство заступила следующая смена, и капкомом был уже Маттингли. — *Прим. науч. ред.*

[50] Lunar Orbit Insertion — маневр выхода на окололунную орбиту. — *Прим. науч. ред.*

[51] Группа была создана 5 ноября 1958 г., через месяц после начала работы НАСА. — *Прим. науч. ред.*

[52] Маневр был инициирован в 69:08:20 полетного времени и продолжался 246,9 с. — *Прим. науч. ред.*

[53] Если говорить о реальной передаче на втором витке вокруг Луны, то ее прервал сам Борман, объявив, что экипаж начинает готовиться к скруглению орбиты. — *Прим. науч. ред.*

[54] В полете «Аполлона-8» проверялись на пригодность лишь пять точек — кандидатов на первую посадку в экваториальной зоне Луны: две — в Море Спокойствия, одна — в Центральном Заливе и две — в Океане Бурь. — *Прим. науч. ред.*

[55] Двигатель был включен в 89:19:17 полетного времени и проработал 203,7 секунды, увеличив скорость корабля на 1073 м/с. — *Прим. науч. ред.*

[56] Командный модуль «Аполлона» мог создавать подъемную силу, хотя и намного меньшую, чем у крылатых аппаратов, просто в силу выбранной для него формы — конуса с закругленным днищем. Дальнейшее описание относится к тому, как с пользой применить эту силу. — *Прим. науч. ред.*

[57] После уверенного захвата атмосферой, то есть падения скорости ниже местной орбитальной. — *Прим. науч. ред.*

[58] Такой эксперимент был с успехом проведен на беспилотных кораблях в полетах AS-202, AS-501 («Аполлон-4») и AS-502 («Аполлон-6»). — *Прим. науч. ред.*

[59] Юджин Сернан в своих мемуарах утверждает, что Андерсу действительно предложили такое место на «Аполлоне-13» и он отказался. — *Прим. науч. ред.*

[60] Черток Б. Ракеты и люди. В 4 т. — М.: РТСофт, 2013. Автор использовал американский перевод, выпущенный под редакцией Асифа Сиддики. — *Прим. науч. ред.*